

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2019 Том 19

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издается с 2005 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Шапиро Б. Л.** Кавалерия в царствование Александра I: рецепция военного опыта XVIII столетия 272
- Любичанковский С. В.** К истории бытовой аккультурации казахов и татар в Российской империи XIX века 279
- Субботина А. М.** Книга и ее читатели в России во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Вятской губернии) 283
- Мосолкин С. В.** Вымысел и историческая правда в мемуарах Б. В. Савинкова 288
- Жибоедов В. В.** Некоторые страницы биографии Н. М. Дружинина: становление личности историка 292
- Клинова М. А.** Учебные заведения системы трудовых резервов: методы и результаты решения кадровых проблем советской индустрии в послевоенные годы 298

Всеобщая история

- Конопленко А. А.** Борьба Тевтонского ордена с рижскими архиепископами в конце XIII – первой трети XIV века и мифологизация истории основания Ордена меченосцев 304
- Чернова Л. Н.** Тюдоровский Лондон: социальный портрет (на материале завещаний) 311
- Мосолкина Т. В.** Социально-экономическое развитие г. Йорка в первой трети XVI века 320
- Многолетняя Е. Н.** Вклад чешского типографа XVI века Даниэля Адама Велеслава в распространение исторических знаний в Чехии 325
- Востриков П. В.** Роль Виргинии в антиколониальном движении: от колонии к штату (1763–1776 годы) 329
- Соколов О. В.** Военные потери Франции в эпоху войн Первой империи 337
- Макутчев А. В.** Феномен религиозных повстанческих движений в Африке: Движение Святого духа и Господня армия сопротивления 344

Международные отношения

- Макеева С. Б.** История и современное состояние региональных промышленно-производственных объектов северо-востока КНР, реализованных при помощи СССР в 1950-е годы 349
- Шенин С. Ю.** Эволюция американской политики помощи в период президентства Д. Эйзенхауэра 356
- Корнев Е. С.** Процесс евроатлантической интеграции Болгарии в 1990–2000-е годы 361
- Баранов А. В.** «Исламское пробуждение» и «Сирийская весна» 366

Региональная история и краеведение

- Калинина Д. А.** Механизм государственного контроля за деятельностью общественных организаций в начале XX века (на материалах Вятской губернии) 370
- Фортуна А. А.** Саратовское земство и военнопленные в годы Первой мировой войны 375
- Чолахян В. А.** Кустарно-ремесленная промышленность Саратовской губернии в годы НЭПа 382
- Данилов В. Н.** Мобилизация денежных средств населения в годы Великой Отечественной войны: практика Саратовской области 387
- Гоманенко О. А.** Накануне битвы за Сталинград: первая половина навигации 1942 года на Волге 396
- Гуменюк А. А.** Доходы и потребление населения Нижней Волги во второй половине 1960–середине 1980-х годов 401

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 07.00.02 – отечественная история, 07.00.03 – всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, 07.00.15 – история международных отношений и внешней политики)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Певная Татьяна Константиновна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 20.08.19.
Подписано в свет 31.08.19.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 16,27 (17,5).
Тираж 500 экз. Заказ 99-Т.
Цена свободная

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2019

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведения, международных отношений, источниковедения и историографии, рецензии и хронику.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ORCID, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 300–500 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Shapiro B. L.** Cavalry in the Alexander I's Reign: Reception of the 18th Century Military Experience 272
- Lyubichankovskiy S. V.** On the History of Domestic Acculturation of the Kazakhs and the Tatars in the Russian Empire of the 19th Century 279
- Subbotina A. M.** Book and their Readers in Russia in the Second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Century (on Materials of the Vyatka Province) 283
- Mosolkin S. V.** Fiction and Historical Truth in Boris Savinkov's Memoirs 288
- Zhiboedov V. V.** Some Pages of the Biography of N. M. Druzhinin: the Personality of the Historian 292
- Klinova M. A.** Educational Institutions of the System of Labor Reserves: Methods and Results of Solving Personnel Problems of the Soviet Industry in the Postwar Years 298

World History

- Konoplenko A. A.** The Teutonic Order's Fight against the Archbishopric of Riga at the End of the XIII – the First Third of the XIV Century and Mythologization of the History of Foundation of the Order of the Brothers of the Sword 304
- Chernova L. N.** London under the Tudors: Social Aspect (Based on the Wills) 311
- Mosolkina T. V.** Social and Economic Development of York in the First Third of the 16th Century 320
- Mnogoletnyaya E. N.** Contribution of the Czech Typographer of the 16th Century Daniel Adam Veleslavin to the Dissemination of Historical Knowledge in the Czech Republic 325
- Vostrikov P. V.** The Role of Virginia in the Anticolonial Movement: Transition from the Colony to the State (1763–1776) 329
- Sokolov O. V.** The French Military Losses During the Wars of the First Empire 337
- Makutchev A. V.** The Religious Rebel Movements' Phenomenon in Africa: the Holy Spirit Movement and the Lord's Resistance Army 344

International Relations

- Makeeva S. B.** History and Modern Condition of the Regional Industrial and Production Facilities of the North-East China Realized with the Assistance of the USSR in the 1950s 349
- Shenin S. Yu.** The American Aid Policy Evolution During D. Eisenhower's Presidency 356
- Korenev E. S.** The Process of Euro-Atlantic Integration of Bulgaria in the 1990–2000s 361
- Baranov A. V.** «Islamic Awakening» and «Syrian Spring» 366

Regional History and Local Studies

- Kalinina D. A.** The Mechanism of State Control over the Activities of Public Organizations in the Early 20th Century (on the Materials of the Vyatka Province) 370
- Fortun A. A.** Saratov Zemstvo and Prisoners of War During World War I 375
- Cholakhian V. A.** Handicraft Industry of the Saratov Province in the Years of the NEP 382
- Danilov V. N.** Mobilization of the Public Financial Resources During the Great Patriotic War: the Practice of the Saratov Region 387
- Gomanenko O. A.** On the Eve of the Battle of Stalingrad: the First Half of the 1942 Navigation on the Volga 396
- Gumenyuk A. A.** Incomes and Consumption of the Population of the Lower Volga in the Second Half of the 1960s – the Mid-1980s 401

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Denningkhauz (Luneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald Rayleigh (Chapel Hill, USA)

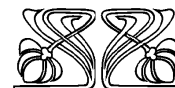
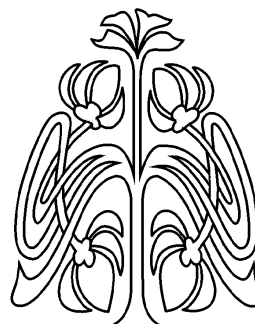
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

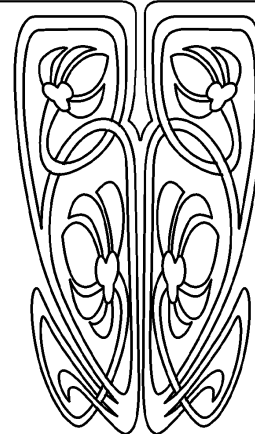
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).072

Кавалерия в царствование Александра I: рецепция военного опыта XVIII столетия

Б. Л. Шапиро

Шапиро Белла Львовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии факультета истории искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, b.shapiro@mail.ru

Развитие кавалерийского искусства в России тесно связано с историей кавалерии. В контексте военного дискурса исследуется один из самых значимых для русской военной истории периодов – эпоха царствования Александра I (1801–1825). Важнейшую роль в этом процессе сыграла рецепция военного опыта XVIII столетия. Акцент в работе сделан на состоянии вопроса в три различные фазы модернизации кавалерии, связанные хронологически с несколькими периодами: 1801–1807 гг., 1808–1814 гг. и 1815–1825 гг. Проведенный анализ позволил охарактеризовать историю кавалерии в различные периоды царствования Александра I и сделать выводы о своевременном накоплении важного военного опыта в этот период, который стал основой для успешного развития отечественной кавалерийской школы в дальнейшем.

Ключевые слова: Романовы, Павел I, Александр I, Константин Павлович, Николай Павлович, Русская императорская армия, кавалерия.

Cavalry in the Alexander I's Reign: Reception of the 18th Century Military Experience

B. L. Shapiro

Bella L. Shapiro, <https://orcid.org/0000-0001-5616-8898>, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya square, Moscow 125993, Russia, b.shapiro@mail.ru

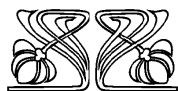
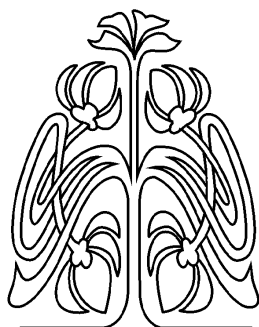
The development of cavalry art in Russia is associated with the history of cavalry. We research one of the most significant periods in Russian military history – the Alexander I's reign era (1801–1825), in the context of military discourse. A prominent role in this process played by the reception of military experience of the previous century is identified. The emphasis is on the three phases of cavalry modernization: 1801–1807, 1808–1814 and 1815–1825. The analysis made it possible to characterize the dynamics of the development of cavalry art in different periods of Alexander I's reign. We draw conclusions about the timely accumulation of important military experience in this period, which became the basis for the successful development of the Russian cavalry school in the future.

Keywords: Romanovs, Pavel I, Alexander I, Konstantin Pavlovich, Nikolai Pavlovich, Imperial Russian Army, cavalry.

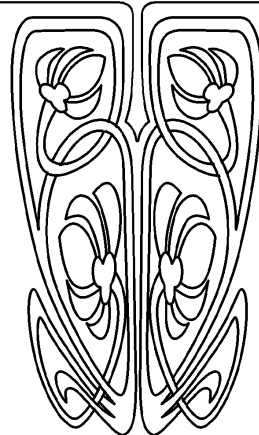
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-272-278>

Благодаря сумме принятых мер, настойчивости и постоянству требований кавалерия Российской империи в царствование Павла I за относительно небольшой временной период была приведена в наилучшее за всю ее предыдущую историю состояние. Именно тогда были определены те основы, на которых национальное кавалерийское искусство развивалось в следующие полвека. «Под Аустерлицем мы сражались так же, как маневрировали под Гатчиной», – резюмировал автор масштабного «Обозрения состава и устройства регулярной русской кавалерии...» полковник П. А. Иванов, подводя итоги развитию кавалерийского искусства к концу XVIII столетия¹. «Без Гатчины не было бы и Парижа», – вторил ему военный журналист ротмистр А. Л. Марков².

В первой половине XIX в. дело Павла I было продолжено сыновьями императора; старшие сыновья, получившие воспитание под

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

непосредственным руководством своего августейшего отца, осознавали значение его военной политики и военных реформ. Так, Александр I в первые годы после своего вступления на престол сохранил общее направление развития армии, включая и систему подготовки кадров; изменению подверглась лишь форма обмундирования.

Изучение русской кавалерии и отдельных кавалерийских школ имеет давнюю и богатую историю. Отечественная историография начинается с публикации А. В. Висковатова («Краткая история Первого кадетского корпуса», 1832). Работы начального периода носят описательный характер и зачастую приурочены к юбилеям русской военной или военно-образовательной истории (труды М. С. Лалаева, К. Н. Манзеля, Г. А. Милорадовича, К. К. Штакельберга, С. А. Панчулидзева и многих других). Среди этого массива необходимо выделить обзорно-аналитические труды П. А. Иванова («Обозрение состава и устройства регулярной русской кавалерии», 1864), М. И. Маркова («История конницы», 1886–1896) и А. К. Баиова («Курс истории русского военного искусства», 1913).

Следует также отметить обстоятельные истории отдельных кавалерийских школ, изложенные В. А. Потто («Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища», 1873), Н. Н. Буковским («XXV годовщина Николаевского кавалерийского училища», 1889), П. П. Шкотом («Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров», 1898) и Н. А. Дистерло («Офицерская кавалерийская школа», 1909).

В современной России обозначенная проблема все чаще привлекает внимание ученых. Как отдельное направление выделяется военная антропология. Начинается история военно-специального образования. Рассматриваются отдельные, узкие вопросы истории кавалерийских школ («"Дикий обычай"» Славной гвардейской школы. Цук и другие традиции Николаевского кавалерийского училища» Р. В. Смирнова, 2010; «Офицерская кавалерийская школа на Шпалерной» И. А. Пономарева, 2011; «Библиотека Офицерской кавалерийской школы: история создания и состав книжных фондов» А. М. Панченко, 2017 и др.).

Однако вопрос преемственности кавалерийской школы (как методики совершенствования кавалерийского искусства) при наличии трудов по кавалерийским школам (организациям) не был выделен, за исключением упомянутого труда П. А. Иванова (1864). Кроме того, один из ключевых периодов в истории развития русского кавалерийского искусства – царствования Александра I – не был определен как значимый. До настоящего момента он был рассмотрен лишь фрагментарно, в исследованиях А. К. Баиова («Курс истории русского военного искус-

ства. Эпоха императора Александра I», 1913) и А. И. Бегуновой («Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I», 2000). Поэтому представляется необходимым вновь обратиться к данному вопросу.

Предметом настоящего исследования избрана рецепция военного опыта предшествующего столетия великими князьями Павловичами как военачальниками, от которых непосредственно зависела судьба русской армии. На первый взгляд, предмет исследования отражает историю России, историю династии Романовых и ее военную историю. Однако он может быть рассмотрен и шире, как часть культурной истории России в рамках истории рецепции и интерпретации западноевропейской культуры.

Цель исследования – анализ динамики развития русской кавалерии в первой четверти XIX в., обусловленный рецепцией военного опыта предыдущего столетия (динамично и убедительно представленного М. И. Марковым³ и В. В. Тараториным⁴): именно осмысление накопленного опыта позволило Александру I в конечном итоге вывести кавалерию, унаследованную от отца, на новый, недостижимый прежде уровень развития. Для достижения результата потребовалось воссоздать историю русской кавалерии, ее этапные изменения и источники влияния на этот процесс.

Источниками нашего исследования послужили военно-административные документы первой четверти XIX в. и «летописи» отдельных полков и военно-учебных заведений. Методологической основой исследования явился хронологически-проблемный метод, который позволил в наибольшей мере приблизиться к воспроизведению реальной истории, показать причинно-следственные связи и закономерности ее развития, и метод периодизации, давший возможность выделить этапы развития вопроса.

Анализ ситуации в 1801–1807 гг. При вступлении на престол Александра I полевые войска состояли из 215 батальонов пехоты и 41 полка кавалерии. К началу 1807 г. состав армии возрос до 436 пехотных батальонов и 62 кавалерийских полков⁶. Наращивание численности планировалось произвести главным образом через увеличение числа офицеров (а в гусарских полках еще и унтер-офицеров)⁷. Вследствие этого ощущался недостаток в офицерском составе; он усиливался потерями в действующей армии, которые во время военных действий 1805–1807 гг. были довольно значительными.

К началу царствования Александра I офицеров сухопутных войск готовили четыре школы: 1-й и 2-й кадетские корпуса, Гродненский (Шкловский) кадетский корпус и Дворянское отделение императорского Военно-сиротского дома⁸. В кавалерию офицеров выпускали из 1-го кадетского корпуса, где часть воспитанников обучалась манежной верховой езде и конной экзер-

циии еще со времен директорства Б. К. Миниха (и по тем же правилам)⁹. С 1778 г. начато обучение кавалерийскому искусству воспитанников старших классов Шкловского кадетского корпуса; обучение проводилось по инструкции для Лейб-гвардии Конного полка¹⁰. Воспитанники Пажеского корпуса, где также обучали верховой езде и кавалерийскому строю, выпускались преимущественно в Свиту. В новых условиях¹¹ сложившаяся в XVIII столетии система не удовлетворяла основным потребностям армии.

В итоге все перечисленные школы не давали требуемого армии количества офицеров. При почти полном отсутствии специализированных кавалерийских школ штаб-, обер-офицеры и нижние чины кавалерии (в том числе и конно-артиллерийская рота) ежегодно прикомандировывались к Конной гвардии «для узнания кавалерийской службы» в полковых условиях¹².

Для восполнения потребности армии в офицерах со специальным образованием требовалось решить следующие первоочередные задачи:

- 1) расширить количество или объем подготовительных и (или) учебных офицерских школ;
- 2) ускорить подготовку офицеров в уже существующих школах;

3) поскольку недостаток офицеров более всего чувствовался в кавалерии, развивать преимущественно кавалерийские школы;

- 4) усилить подготовку в кавалерийских школах в соответствии с догмой: «кавалерия, не умеющая ездить по правилам, не может принести никакой пользы и есть только одно бремя для своего государства»¹³.

Первым переустройству подвергся Пажеский корпус: в 1802 г. он был преобразован из придворного в закрытое привилегированное учебно-воспитательное заведение, куда принимали юношей от 10 до 12 лет. Главным направлением обучения было избрано военное. По окончании курса пажи выпускались офицерами в полки старой гвардии по своему выбору¹⁴. Кавалерийскому искусству пажи обучались по традиции, сложившейся еще в XVIII столетии, в придворном манеже при Зимнем дворце, где им выделялись особые дни и определенное время¹⁵.

Необходимо отметить, что в начале царствования Александра I основой обучения кавалерии все еще был павловский устав 1796 г.: он сохранял свою силу до 1812 г. Устав представлял собой близкую копию военно-административных документов Фридриха Великого, создателя сильнейшей конницы Европы середины и второй половины XVIII столетия. Недостатком устава был слабый отдел одиночного обучения: он не содержал указаний на оптимальное усложнение элементарной программы, следствием чего на местах было крайнее разнообразие в подготовке как всадника, так и его лошади¹⁶.

Эти недостатки были отчасти ликвидированы в 1805 г. в «Опыте наставлений, касающихся

до эскерциций и маневров кавалерийского полка» практическом руководстве, до недавнего времени приписываемом эскадронным командирам Кирасирского Военного Ордена полка¹⁷, представлявшем переложение французского кавалерийского устава 1801 г. В русскоязычном издании подробно рассматривалось пешее и конное учение (одиночное, эскадронное и полковое); предлагалось описание и рисунок правильной посадки на коне, посадки с палашом и методика рубки с коня¹⁸. Многие понятия и положения «Опыта» затем вошли в официальный устав¹⁹.

В 1807 г. по Высочайшему повелению был издан «Опыт начальной тактики» – перевод с французского с добавлением самостоятельного материала по результатам осмысления национального военного опыта предыдущих лет²⁰. Некоторые положения «Опыта» были идентичны текстам уставов Фридриха Великого, так как подготовленная им прусская кавалерия все еще имела репутацию одной из самых сильных в Европе; к ее безусловным достоинствам относили блестящую выучку и неукоснительное следование уставным тонкостям, а к недостаткам – излишний педантизм и явное предпочтение учебных целей боевым.

В итоге русская кавалерия получила руководство, вполне соответствующее реалиям своего времени.

Анализ ситуации в 1808–1814 гг. Начало послевоенного периода было ознаменовано открытием Учебного кавалерийского эскадрона (1809). Первоначально целью его создания называлась подготовка унтер-офицеров и музыкантов (из кантонистов) для кавалерийских полков по назначению Константина Павловича как генерал-инспектора кавалерии (эскадрон выпускал 100 унтер-офицеров и 25 трубачей ежегодно)²¹. Воспитанники были прикомандированы к Конной гвардии²², размещались в ее казармах и занимались в ее манеже под ежедневным наблюдением командира полка Константина Павловича, лично разъяснявшего эскадронным командирам приемы обучения (до 1813 г., когда великий князь оставил командование полком)²³. Константиновская система обучения новобранцев была жесткой. Этот подход был установлен еще при Павле I (и заимствован у легендарного Зейдлица): «Без седла и без стремян... с первого же дня рысью на корде, и с усилением хода каждый раз, когда всадник начинает терять посадку»²⁴. Другой источник отмечает, что при Павле I «сначала учили ездить в манеже на корде, на уздечке, без стремян, шагом и рысью; затем рекруту давали стремяна и обучали езде на мунштуке теми же аллюрами, а затем и галопом “прямым и косым фронтом”»²⁵.

В те годы в кавалерии была установлена введенная лично Константином Павловичем посадка на лошади. Согласно ей плечо, колено и носок всадника должны быть расположены по одной

отвесной линии. Она представляла собой вариант посадки, введенной Павлом I: «Чтоб грудь была у него (рекрута) назад, голову бы держал прямо, а корпус немного вперед, руки к телу; левую руку, как возможно, низко, но чтоб не лежала на седле, правую же руку... опускал бы прямо по лядвии, локтем к себе; ноги держал бы не очень вперед, шпоры далее от лошади, а носки в прямой линии с коленом»²⁶. Всадник, овладевший этой посадкой, выглядел презентабельно, но наука была крайне сложна для неопытных²⁷.

В 1810 г., с началом подготовки к войне с Наполеоном Бонапартом, стал очевиден недостаток специализированной подготовки выпущавшихся в кавалерию. В 1811 г. было открыто кавалерийское отделение при Дворянском полку – эскадрон на 110 дворян. Им были даны «доброезжие» лошади с амуницией от гвардейских полков, конюшни и манеж 2-го кадетского корпуса. Наставниками были ведущие офицеры гвардии²⁸. К началу боевых действий 1812 г. кадетские корпуса, Пажеский корпус и Дворянский полк подготовили во все рода войск более тысячи офицеров «храброго воинства, от которого, – согласно Высочайшему рескрипту на имя князя Кутузова, – Россия ожидала славы своей, а вся Европа – своего спокойствия»²⁹.

Состав регулярной конницы был увеличен с 2 тыс. чел. гвардейской и 47 тыс. чел. армейской кавалерии в 1805 г. до 5 тыс. чел. гвардейской и 65 тыс. чел. армейской кавалерии³⁰. В конце 1812 г. во всех кавалерийских частях увеличилось число эскадронов; теперь все кавалерийские полки состояли из шести действующих и одного запасного эскадрона. С этой реформой численность конницы увеличивалась на треть³¹; в очередной раз возросла потребность в офицерском составе³².

В это время дворянская молодежь спешила вступать в войска, откинув «презренный... фрак канцеляриста и помещичий халат»³³. По словам военного историка А. А. Керсновского, «все, что было в России горячего сердцем и чистого душой, одело мундир в Великий Двенадцатый год, и большинство не собиралось с этим мундиром расставаться по окончании военной грозы»³⁴. Число желающих поступить в корпус стало так велико, что к середине 1813 г. в Дворянском эскадроне числились 236 воспитанников³⁵. Тогда же в эскадрон вошли юнкера кавалерийских полков, прикомандированные для строевого обучения согласно «Положению о кавалерийских полках»³⁶.

В 1812 г. вышел кавалерийский устав «Предварительное постановление о строевой кавалерийской службе». Его особенность – сложные конные эволюции, отразившие переход кавалерии на новый уровень мастерства.

В Заграничных походах 1813–1814 гг. русские кавалеристы могли «лично познакомиться с принципами боевой подготовки и службы

прусской, австрийской и французской конницы, посетить школы верховой езды в Берлине, Вене, Версале и Сомюре... и когда русская армия вернулась домой, то военная администрация точно определила главное направление работы в кавалерии: заложить основание систематического, планомерного и всеобщего обучения солдат и офицеров манежной верховой езде»³⁷. Идеи Павла I и Фридриха Великого начинают осознаться как ушедшие в прошлое. Русская кавалерия вступает в новую эпоху.

Анализ ситуации в 1815–1825 гг. Знаковым для развития кавалерийского искусства в России был 1816 г. (и не только в России: именно тогда был открыт военный институт верховой езды в Берлине).

Известно, что массовое знакомство русских кавалеристов с берейторским искусством и с манежной ездой произошло только при Екатерине II, когда они были зафиксированы в полковых штатах. Однако фактическое состояние дела на местах было таково, что знакомство состоялось больше понаслышке. Только с 1816 г. эти ключевые для грамотного обучения кавалерии составляющие начали вводиться в полках в обязательном порядке³⁸. Этому предшествовало издание «Прибавления к Предварительному постановлению о строевой кавалерийской службе, содержащее школу кавалерийского солдата на лошади по одиночке или искусство верховой езды для солдата» (1815), где одиночное учение называлось «главным основанием усовершенствования войска»³⁹. Подробно излагались правила обучения «науке манежа», «чтоб он знал, как управлять лошадыю и как действовать оною во всех случаях... давая лошади должные способы исполнять волю седока с точностью, ловкостью и красотой»⁴⁰. Предлагались приемы обучения езде шагом, рысью, галопом с переменной ноги, карьером, поворотам, вольтам, траверсу, прыжкам через препятствия и т. д.; переход к новым уровням сложности предполагался только после освоения предыдущих. Еще раз объяснялась правильная посадка на лошади (позитура): «Ноги от колена должны висеть прямо по отвесу так, чтобы подпруги были оными закрыты, носки кверху, пяты книзу и вывернуты немного к лошади, наблюдая никак не дотрогивать лошади шпорами; подошвы нимало не подымать и не выказывать...»⁴¹. В конце 1815 г. «Школа» была разослана в войска.

В 1816 г. вышел первый печатный «Эскадронный устав», в 1818 г. – «Воинский устав о кавалерийской строевой службе» (по сути – редакция устава 1812 г.); в следующем году – устав «О полковом конном учении» (также основанный на уставе 1812 г.); в 1820 г. вышла последняя часть устава под заголовком «О линейном конном учении». Тексты готовились при деятельном участии Константина Павловича; в значительной мере на них повлиял прусский устав, но уже не

Фридриха Великого, а Фридриха-Вильгельма III, изданный после Тильзитского мира, простой и строгий⁴².

Сначала, в 1816 г., в программу обучения было введено повиновение лошади на шагу и на рыси, в 1817–1818 гг. перешли к боковым движениям и галопу с соблюдением дистанций; к 1819 г., по утверждению П. А. Иванова, русскими всадниками были освоены правильные аллюры и посадка⁴³; наибольшие успехи были достигнуты Учебным эскадром, что доказал смотр этого же года⁴⁴. В 1816 г. началась повсеместная постройка эскадронных манежей⁴⁵, где кавалеристы с большим энтузиазмом принялись за выездку лошадей – пока без знания этой малоизвестной в России науки, но с горячим желанием освоить ее.

В 1817 г. к пятилетию победы в Отечественной войне был выстроен самый большой манеж Москвы – городской Экзерциргауз. В 1820 г. завершилось строительство манежа, предназначенного для Дворянского кавалерийского эскадрона⁴⁶. Парадоксально, но этот, один из самых обширных в Петербурге манежей, остался маловостребованным. Число дворян, желающих поступить в эскадрон, стало незначительным (ежегодно до 40 чел.). При наводнении 7 ноября 1824 г. (самом разрушительном за всю историю Петербурга) пострадали здания конюшен эскадрона: они не подлежали восстановлению, угрожая разрушением⁴⁷; погибла часть учебных лошадей. Был поставлен вопрос об упразднении эскадрона, поскольку «малое число дворян в него вступающих не вознаграждает издержек»⁴⁸. Исход вопроса был очевиден, поскольку горячим сторонником этой точки зрения был Николай Павлович⁴⁹.

Высвободившиеся за счет упразднения Дворянского эскадрона средства великий князь планировал перенаправить на реорганизацию основанной в 1823 г. Школы гвардейских подпрапорщиков для юнкеров и нижних чинов. Школа, предназначенная для «готовящихся впоследствии украсить и подкрепить собою славную российскую гвардию»⁵⁰, была создана по его замыслу и состояла под его надзором; он же разработал проект школы и инструкцию для внутреннего управления. Августейший покровитель посещал школу ежедневно и лично наблюдал за ходом строевых и классных занятий⁵¹. Преподавателями были офицеры гвардейского генштаба. Общими стараниями школа быстро развивалась⁵².

Необходимо отметить и открытие в знаковом для русской кавалерии 1816 г. военной кафедры (военного отделения) Царскосельского лицея, куда принимали дворянских юношей 10–12 лет. Выпускники отделения получали права окончивших Пажеский корпус и возможность поступить на военную службу. Преподавание верховой езды было начато здесь в том же 1816 г.⁵³; но эта

дисциплина не входила в военный курс и была обязательна для всех лицеистов без исключения, а курс длился на протяжении всего срока обучения. Ею занимались в Царскосельском придворном манеже 3 раза в неделю, посменно, на лошадях расквартированного рядом Лейб-гусарского полка и под руководством его офицеров, которые на тот момент были одними из наиболее искусственных в кавалерийском искусстве. «Мы стали ходить... в гусарский манеж, где, на лошадях запасного эскадрона учились у полковника Кнабенау, под главным руководством генерала Левашова»⁵⁴, – вспоминал И. И. Пущин. По мере взросления ученика его передавали для обучения профессиональному берейтору.

В 1816 г. была введена кавалерийская подготовка и на периферии империи – в Финляндском топографическом кадетском корпусе, открытым с 1812 г., после присоединения Финляндии к Российской империи, в местечке Гапаньеми на базе шведского Кадетского корпуса. Здесь кадеты обучались верховой езде и вольтижировке на лошадях собственного завода еще со 2-й половины XVIII в. Верховая езда была строго обязательна к изучению, так как корпус готовил не только военных топографов⁵⁵; отсюда выпускались во все роды оружия и в Свиту⁵⁶. В 1823 г. корпус был переведен в г. Фридрихсгам и переименован в Финляндский кадетский корпус.

В 1816 г. из Дворянского полка выпущены первые 12 воспитанников-казаков⁵⁷. Примерно в это же время (не ранее 1816–1817 гг.) налаживается работа с лошадьми в первом казачьем военно-учебном заведении – Омском войсковом казачьем училище (открыто в 1813 г. для подготовки офицеров Сибирского казачьего войска из казачьих детей). Первоначально обучение проходило без материальной базы; занятия по фронтовой части состояли лишь в прохождении рекрутской школы (строевой подготовки); с 1814–1816 гг. воспитанникам были доступны лишь старые казачьи сабли и деревянные ружья-макеты. Затем для воспитанников выпускного класса были введены уроки фехтования и верховой езды под наблюдением урядников, для чего предоставлялись строевые казачьи или артиллерийские лошади⁵⁸. Как и в Гапаньеми, берейтор в штате отсутствовал, как и преподаватели узких специальностей⁵⁹; вместо них преподавали отставные офицеры и казаки.

С 1819 г. обязательное обучение манежной верховой езде введено в полках Сибирского войска. «В Омске был построен каменный манеж на 3 вольта, в форпостах и редутах манежи сооружались из плетня, обмазанного глиной. Возросли требования к строевой подготовке...», – отмечает историк С. М. Андреев⁶⁰. В 1821 г. урядники Войска продолжили обучение в петербургской Берейторской школе.

Вопрос нехватки преподавателей и берейторов стоял остро. Для их подготовки в 1817 г.

учреждены сразу две кавалерийские школы – в Петербурге (под наблюдением упоминавшегося выдающегося кавалериста командира Лейб-гвардии Гусарского полка генерал-адъютанта В. В. Левашова) и в Варшаве (под наблюдением лично Константина Павловича), куда командировались офицеры из разных полков. Пробыв некоторое время при школе, офицеры возвращались к полкам, передавая полученные знания.

В 1819 г. для подготовки наставников в кавалерийские школы при Штабе Отдельного гвардейского корпуса в Петербурге была учреждена Гвардейская Берейторская школа⁶¹. Ежегодный набор составлял 30 унтер-офицеров из кавалерийских и конно-артиллерийских полков с допуском вольноопределяющихся (по другим сведениям – 70 унтер-офицеров и 30 кантонистов⁶²); впоследствии принимали исключительно 16-летних вольноопределяющихся. Школа имела сотню собственных лошадей и отличный манеж. Она стабильно выпускала – впервые в истории – в кавалерийские полки берейторов отечественной подготовки, а также давала правильно выезженных офицерских строевых лошадей, что было необычным для России, где знали только любительскую выездку⁶³.

С 1819 г. действовала кавалерийская школа для юнкеров и нижних чинов при 2-й драгунской дивизии. Помимо строевых и специально-кавалерийских дисциплин, здесь преподавались военные науки. Школа была открыта по замыслу командующего дивизией генерала-майора от кавалерии Ф. В. Ридигера; она выпускала хорошо подготовленных офицеров и отличных ездоков. Ее деятельность, как и других эскадронных школ, была недолгой; она прекратилась в 1823 г. с новым назначением командующего⁶⁴. В последнее десятилетие царствования Александра I войсковые школы были, пожалуй, единственным элементом, заимствованным из военного опыта предыдущих лет.

В 1820 г. открылась Школа для офицеров при главной квартире 1-й армии; кавалерийская подготовка здесь была обязательна и преподавалась в течение всего курса⁶⁵. Тогда же было открыто Артиллерийское училище, где кавалерийскому искусству обучалась конная артиллерия⁶⁶. В 1823 г. была открыта Школа гвардейских подпрапорщиков.

Таким образом, к концу царствования Александра I были достигнуты значительные успехи в подготовке кавалерии разных уровней. Менее чем за четверть века (по сути, за несколько лет, последовавших после Заграничных походов) было положено начало русской кавалерийской школе, известной своими достижениями. «Школа» была успешно перенесена в армию.

Однако к концу 1-й четверти XIX в. только начавшая свое оформление система закономерно имела и слабые места. На наш взгляд, ими были:

1) некомплект преподавателей – узких специалистов, учебных программ и пособий, лошадей и манежей;

2) недостаточная проработка модели «центр-периферия», что особенно касалось подготовки лошади;

3) слабое знакомство с методиками обучения, успешно применявшимися в Европе.

Достигнутые в развитии кавалерии успехи были неустойчивыми; требовалось дальнейшее совершенствование.

Примечания

- 1 См.: *Иванов П. А.* Обзор состава и устройства регулярной русской кавалерии. СПб., 1864. С. 152.
- 2 См.: *Марков А. Л.* Оклеветанный император // *Военная быль.* 1955. № 13. С. 21.
- 3 *Марков М. И.* История конницы. Ч. 3. Тверь, 1888; *Он же.* История конницы. Ч. 4, кн. 1. Тверь, 1890.
- 4 См.: *Тараторин В. В.* Конница на войне. История кавалерии с древнейших времен до эпохи Наполеоновских войн. Минск, 1999. С. 323–366.
- 5 См.: *Баиов А. К.* Курс истории русского военного искусства. Т. 7: Эпоха императора Александра I. СПб., 1913. С. 9.
- 6 См.: *Лалаев М. С.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. От основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетия благополучного царствования Государя императора Александра Николаевича, 1700–1880. Ч. I–II. СПб., 1880. С. 100.
- 7 См.: *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 17–18.
- 8 Там же. С. 73.
- 9 См.: *Шапиро Б. Л.* «Обучается в позитуру изрядно, ездит рысь и скачет»: кавалерийские рыцарские школы в эпоху Миниха // *Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории.* 2018. № 2 (18). С. 217–230.
- 10 См.: *Столетие Военного министерства. 1802–1902.* Т. 10, ч. 1. Главное управление военно-учебных заведений. СПб., 1902. С. 45–48.
- 11 *Vital-Durand G.* The Eye of the Cyclone at the Fall of the XVIIIth Century: the Ill-Fated Helvetic Republic (1798–1803) // *История: Факты и символы.* 2015. № 1 (2). С. 94–118.
- 12 См.: *Штакельберг К. К.* Полтора века конной гвардии. 1730–1880. СПб., 1881. С. 56.
- 13 Прибавление к предварительному постановлению о строевой кавалерийской службе. Школа кавалерийского солдата по одиночке или искусство верховой езды для солдата. СПб., 1815. С. 7.
- 14 См.: *Милорадович Г. А.* Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества корпуса. 1711–1875. Киев, 1876. С. 44.
- 15 Там же. С. 81, 84.
- 16 См.: *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 176.
- 17 См.: *Жучков К. Б.* Кавалерийское наставление Д. В. Голицына: неизвестный источник французского влияния

- в русской армии в начале XIX века // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 73–76.
- 18 См.: Опыт наставлений, касающихся экзерциции и маневров кавалерийского полка. Издан трудами гг. эскадронных командиров Кирасирского Военного ордена полка. СПб., 1805. С. 52, 159.
- 19 См.: *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 176–177.
- 20 Там же. С. 145–149.
- 21 См.: *Пономарев И. А.* Офицерская кавалерийская школа на Шпалерной (Аракчеевские казармы) // История Петербурга. 2011. № 3 (61). С. 10.
- 22 Воспитанники несли службу наравне с конногвардейцами.
- 23 См.: *Штакельберг К. К.* Указ. соч. С. 55.
- 24 См.: *Иванов П. А.* Указ. соч. С. 227.
- 25 *Панчулидзева С. А.* История кавалергардов. 1724–1799–1899. Т. 2. СПб., 1901. С. 179.
- 26 Там же.
- 27 См.: *Иванов П. А.* Обзорение состава... С. 227.
- 28 См.: *Гольмдорф М. Г.* Материалы для истории бывшего Дворянского полка до переименования его в Константиновское военное училище. 1807–1859. СПб., 1882. С. 7–10; *Иванов П. А.* Указ. соч. С. 182–183.
- 29 *Лалаев М. С.* Указ. соч. С. 140.
- 30 См.: *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 18–19.
- 31 Там же. С. 19–20.
- 32 См.: *Иванов П. А.* Указ. соч. С. 188.
- 33 *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 2: От взятия Парижа до покорения Средней Азии 1814–1881 гг. М., 1993. С. 14.
- 34 Там же. С. 8.
- 35 См.: *Гольмдорф М. Г.* Указ. соч. С. 26.
- 36 Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 1. С. 94.
- 37 *Бегунова А. И.* Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I. М., 2000. С. 190.
- 38 См.: *Иванов П. А.* Указ. соч. С. 82, 220.
- 39 Прибавление к предварительному постановлению... С. 1.
- 40 Там же. С. 6–7.
- 41 Там же. С. 12–14.
- 42 См.: *Иванов П. А.* Указ. соч. С. 204–205.
- 43 Там же. С. 222.
- 44 Там же. С. 222–223.
- 45 Там же. С. 222.
- 46 См.: *Гольмдорф М. Г.* Указ. соч. С. 30.
- 47 См.: Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 2: Главное управление военно-учебных заведений. СПб., 1907. С. 6–7.
- 48 Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 1. С. 94.
- 49 См.: *Потто В. А.* Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823–1873. СПб., 1873. С. 172.
- 50 *Лалаев М. С.* Указ. соч. С. 110.
- 51 См.: *Потто В. А.* Указ. соч. С. 35.
- 52 Там же. С. 42–43.
- 53 См.: *Селезнев И. Я.* Исторический очерк Императорского лицея. 1811–1861. СПб., 1861. С. 9, 11–12, 136.
- 54 *Руденская С. Д.* Царскосельский-Александровский лицей: 1811–1917. СПб., 1999. С. 342.
- 55 См.: *Лалаев М. С.* Указ. соч. С. 107.
- 56 См.: Финляндский кадетский корпус. 1812–1887. Фридрихсгам, 1889. С. 34.
- 57 См.: *Гольмдорф М. Г.* Указ. соч. С. 137.
- 58 См.: Краткий исторический очерк Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. 1813–1913. М., 1915. С. 16–18.
- 59 Там же. С. 47.
- 60 См.: *Андреев С. М.* Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие, 1880–1917. Омск, 2006. С. 216.
- 61 См.: Свод военных постановлений. Ч. 1: Образование военных учреждений. Кн. 3: Образование военно-учебных заведений с их управлениями. СПб., 1838. С. 312.
- 62 См.: Военный энциклопедический лексикон. Т. 2. СПб., 1853. С. 272.
- 63 См.: *Иванов П. А.* Указ. соч. С. 184, 219–200; Свод военных постановлений... С. 312–313.
- 64 Там же. С. 223.
- 65 См.: Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 1. С. 87, 90.
- 66 См.: *Платов А. С., Кирпичев Л. Л.* Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища. 1820–1870. СПб., 1870. С. 42, 57, 59.

Образец для цитирования:

Шapiro Б. Л. Кавалерия в царствование Александра I: рецепция военного опыта XVIII столетия // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 272–278. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-272-278>

Cite this article as:

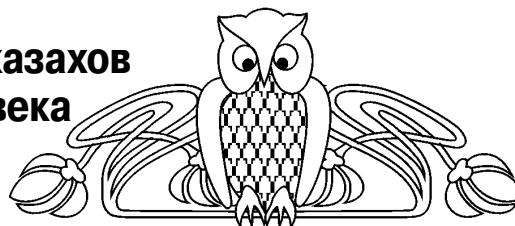
Shapiro B. L. Cavalry in the Alexander I's Reign: Reception of the 18th Century Military Experience. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 272–278 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-272-278>

УДК 94(47).07(C5):322(C5)

К истории бытовой аккультурации казахов и татар в Российской империи XIX века

С. В. Любичанковский

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, svlubich@yandex.ru

Совместное проживание в составе Российской империи вызвало к жизни процесс взаимной аккультурации татар и казахов. На основании свидетельств современников реконструированы его проявления в быту: изменение традиций, связанных с обустройством жилища, прием пищи, отношение к элементам одежды. Сделан вывод, согласно которому зафиксированные изменения являются фундаментальными и позволяют говорить на конкретном примере о постепенном формировании единого социокультурного пространства империи.

Ключевые слова: аккультурация, быт, казахи, татары, Российская империя, свидетельства современников, интеграция.

On the History of Domestic Acculturation of the Kazakhs and the Tatars in the Russian Empire of the 19th Century

S. V. Lyubichankovskiy

Sergey V. Lyubichankovskiy, <https://orcid.org/0000-0001-8349-1359>, Orenburg State Pedagogical University, 19 Sovetskaya Str., Orenburg 460014, Russia, svlubich@yandex.ru

Cohabitation of the Tatars and the Kazakhs in the Russian Empire brought to life a process of mutual acculturation. On the basis of testimonies of contemporaries, its manifestations in everyday life were reconstructed: changes in traditions related to home improvement, food intake, attitudes towards clothing items. It is concluded that the recorded changes are fundamental and allow us to speak on a concrete example of the gradual formation of a single social and cultural space of the Empire.

Keywords: acculturation, life, the Kazakhs, the Tatars, Russian Empire, testimonies of contemporaries, integration.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-279-282>

Опыт интеграции регионов в состав Российской империи – одна из тем, которые являются непреходяще актуальными для исторической науки. В различные периоды, в зависимости от методологического мейнстрима, она рассматривалась под разными углами зрения. В современной науке постепенно становится устойчивым отказ от жесткого варианта «колониального подхода» в силу его недостаточной глубины для адекватного понимания многих процессов, происходивших на «новых» территориях, переживающих ситуацию инкорпорации в состав России. Все более востребованным в научном сообществе становится изучение промежуточных, так называемых «гибридных» форм и статусов, лежащих между двумя крайностями – метрополией и колонией.

Представляется очевидным, что такой «колониальный подход», ставший терминологической нормой и старательно формируемым стереотипом восприятия при описании истории многих окраин Российской империи в ныне независимых государствах постсоветского пространства, нуждается в совершенно конкретном историческом осмыслении, которое позволит разобраться, какие именно элементы имперского управления и освоения данных территорий действительно являлись «колониальными» в узком смысле этого слова (процесс выкачивания из присоединенной территории ресурсов в пользу Центра без эквивалентного обмена или инвестирования в развитие этой территории), а какие – элементами политики аккультурации (культурное влияние в рамках единого государственного организма, ставящее целью создать из новоприсоединенных жителей лояльных имперских подданных с собственной этноидентичностью, с возможностью обратного влияния со стороны этих народов), элементами ситуационного управления или вообще следствиями внешнеполитических обстоятельств, слабо зависящих от российских властей.

Аккультурация национальных меньшинств, как и сохранение их этнической, а зачастую и конфессиональной идентичности – феномен глобального, мирового значения. Многообразие и многочисленность этнических групп предполагают индивидуализацию подхода к их изучению. Формирование правового механизма взаимодействия с ними требует со стороны государства учета экономической ориентированности, исторических, конфессиональных, социальных и культурно-бытовых особенностей каждой из них. Уже сам факт многовекового существования России как многонациональной, поликонфессиональной и поликультурной целостности может служить примером для большинства европейских государств, столкнувшихся с проблемами интеграции эмигрантских диаспор в исторически сложившуюся у них социокультурную среду. Национальная политика российских властей носила вариативный, часто ситуативный характер. Даже в рамках одного региона с разнородным этническим составом могли применяться различные стратегии выстраивания отношений. Опыт интеграции полиэтничного населения в общеимперский социум, представленный Российской империей, востребован и сегодня, поскольку Российская Федерация продолжает оставаться очень сложным полиэтничным и многоконфессиональным государством. Кроме

того, актуализации этноисторических исследований способствует общественный интерес к истории народов России, особенно в национальных республиках и регионах с компактным проживанием крупных этнических групп. В частности, он проявляется в стремлении выйти за рамки национально-территориального образования и представить историю народа в единстве с его диаспорами, возникшими в силу сложных исторических коллизий: войн, добровольных и принудительных переселений, прочих обстоятельств.

Цель настоящей статьи – рассмотрение реальной ситуации бытового взаимопроникновения культур (казахской и татарской) в условиях совместного проживания на территории Российской империи. Это аспект важен для изучения, поскольку является показательным сразу с нескольких точек зрения: во-первых, он позволяет изучить вектор и эффективность аккультурационных процессов в империи; во-вторых, аргументирует их несводимость к «русификации» и «христианизации».

В качестве исторических источников по данной проблематике выступают свидетельства современников (записки путешественников, авторские справочники того времени), в которых материал о взаимопроникновении культур можно вычленивать не только среди прямо обозначенных наблюдений, но и в виде структурно-скрытой информации.

Наиболее зримо процессы аккультурации, на наш взгляд, проявились в трудовой и хозяйственной повседневности как татар, так и казахов.

Татарские ремесленники, проживающие вблизи Оренбурга, в Сеитовском посаде, приспособившись к рынку, по казахской технологии вяли кошмы, вырабатывалась армячина (полотно) из верблюжьей шерсти. В середине XIX в. его изготавливали до 2,5–6,5 тыс. аршин в год. Предположительно изготовление данного полотна также было перенято у казахов, которые ткали на архаичном стане без челнока. Нити основы натягивали на вбитые в землю колья. Бердо с продетой основой крепилось к поясу работающего, другим концом – к вбитому колу. Пряжу через основу сновали руками, протыкали палкой¹.

Проживающие близ Оренбурга казахи раскупали «азиатскую обувь» – ичиги, которые изготавливались в мужском и женском вариантах. Первые были из чёрной кожи, вторые – из цветной, для украшения использовалась светло-зеленая кожа, выделывавшаяся в Персии². Кстати, приобщение через моду к исламским традициям также можно рассматривать как проявление аккультурации.

Известный русский этнограф и антрополог Алексей Николаевич Харузин, совершая по поручению императорского общества любителей естествознания поездку в казахскую Букеевскую степь (1887–1888 гг.), в своих научных зарисовках приводил факты, свидетельствовавшие о бытовой аккультурации казахской повседневности, происходившей под татарским влиянием. Так, например, в своих «Степных очерках» ученый оставил

такую картинку, описав Утэш-гали – богатого, влиятельного казаха: «Человек среднего роста, лицо его без румянца было однородного, слегка желтоватого цвета... Он принадлежал к богатым и цивилизованным киргизам. Он не носил киргизского (бухарского) халата, а надевал короткий татарский полукафтан черного цвета...»³.

Если абстрагироваться от политически ангажированного определения «татаризация», то последняя вполне объяснима с позиций аккультурации, которую А. Н. Харузин видел в следующем: «Цивилизирующийся киргиз сбрасывает свой киргизский халат и надевает кафтан татарского покроя, цивилизирующийся киргиз сбрасывает свою шапку («колпак» или «малахай») и надевает татарскую. Он забывает своё, стыдится обычаев своих, предками завещанных, и льнёт к татарину как к умственному и нравственному авторитету»⁴.

Став оренбургскими, татары-купцы осваивали казахскую степь, неся туда свою культуру и религиозные традиции, что способствовало распространению оседлости и земледелия⁵.

Зарисовка общения с одним из представителей «цивилизованных» киргизов у А. Н. Харузина несколько поясняет сказанное: «На огороде Утэш-гали оказался вполне профаном: на каждом шагу делал ему татарин, знаток огородничества, замечания и давал советы. Он показывал, что тут нужно подрезать, там – приподнять ветку, а здесь подрить углубление – всё это вывело, наконец, Утэш-гали из терпения.

– Фу, господи, – воскликнул он уже по-русски, обращаясь ко мне, – нет, видно нам, киргизам, целый век у татар учиться. Вот народ – и с татаринцом смерть, и без татарина смерть»⁶.

Однако и татарам приходилось обращаться к опыту казахов при организации скотоводства в тех природных зонах, которые диктовали свои условия. В Оренбургском, Орском, части Стерлитамакского, Верхнеуральском, Троицком, Челябинском уездах до начала XX в. в татарских поселениях практиковался способ содержания скота полукочевого типа. Когда наступал пастбищный сезон, то домохозяйства выходили со всем поголовьем скота на летние пастбища, которые могли находиться в 20–30 км от деревни либо станицы. За скотом наблюдали либо специально нанятые пастухи, либо скот присоединяли к стадам кочующих казахов либо башкир⁷. В отдельных случаях лошади казаков-татар и мещеряков «тебеневали» по казахскому обычаю⁸.

С. Г. Рыбаков, этнограф, фольклорист, член Русского географического общества и Оренбургской губернской ученой архивной комиссии, отмечал, что по мере того, как уменьшалась площадь свободных пастбищных земель, а также в силу других причин в татарских хозяйствах экстенсивный полукочевой выпас скота становился всё менее популярен. В пример приводились жители деревни Ахуново Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии, где в конце XIX в. в отличие от прошлых времён «кочевали» только 6 семей⁹.

Ряд дореволюционных исследователей расценивали описанную традицию содержания скота, а также особую тягу к лошадям как проявление наследия кочевого быта их предков¹⁰. Но Н. А. Халиков не соглашался с проведением столь явного курса на кочевое хозяйство далеких предков татарского народа. Гораздо большую роль он отводит казахам, ногаям, калмыкам, которые активно смешивались с местным татарским населением. Отсюда Н. А. Халиков выводил многие особенности экстенсивного – отчасти кочевого скотоводства у верхне-уральских татар¹¹. Длительное совместное проживание в сходных экологических условиях в тесном соседстве, в том числе и с тюркскими народами, предопределило многочисленные инокультурные заимствования в хозяйственной культуре татар. В степных зонах были переняты отдельные черты полукочевого скотоводства, некоторые навыки кустарного ремесла казахов и башкир.

По поводу заимствований в пищевой традиции существует мнение, согласно которому, несмотря на то, что этот элемент материальной культуры довольно консервативен, крепко сохраняет свои этносоциальные черты¹², он также подвергся изменениям в силу соседства татар с казахами. Так, по описаниям этнографов XIX в. татары, которые проживали в непосредственной близости с казахами, весьма охотно употребляли кумыс¹³.

Соседство с казахами обусловило употребление татарами в пищу конины, которая в исламе проходит под категорией не запрещенной, но и не одобренной пищи¹⁴.

Если хлеб как таковой в казахской среде не приживался, то из глубины веков шла традиция употребления в пищу мучных изделий из пресного теста в виде ромбов, квадратов. В том случае, если последние жарились на растопленном масле, то это было скорее всего лакомство – так называемые баурсаки. Об этом поведал этнограф А. П. Смирнов в 1897 г., замечая, что казахи вместо хлеба предпочитали маленькие жирные мучные лепешки, поджаренные в сале. Другой исследователь – Я. Я. Кауфман – писал о том, что весьма популярна на казахской столе каша, где наполнителем была мука либо похлебка с той же самой добавкой¹⁵.

Что же касается такого блюда, как «бешбармак», то здесь также не обошлось без взаимовлияния рассматриваемых культур. Исследователи пришли к заключению, что это блюдо было традиционным в казахской повседневности. Если изначально в казахской кухне преобладали мясные блюда, как правило, на праздничный стол подавалась порционная чаша с мелко нарезанным либо расщепленным мясом, залитое шурпою (мясным бульоном)¹⁶, то по мере того, как поголовье скота сокращалось, казахов принуждали к осёдлости, в пище стала увеличиваться доля мучных продуктов. Мясной бульон заправлялся тестом, разделанным в виде прямоугольников, квадратов. В блюдо добавлялись ди-

кий лук, чеснок. По традиции столовые приборы не использовались, то есть ели руками.

Современный казахский исследователь Р. А. Бекназаров предположил, что использование термина «бешбармак» идет от татарской национальной кухни, в которой также было мясное блюдо с названием «бешбармак»¹⁷. Это подмечено и в более ранних работах советского периода. Авторы коллективной монографии «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», изданной в 1961 г., отмечали, что бешбармак был наиболее популярен у татар, проживавших на границе кочевания казахов¹⁸.

Изменения, касавшиеся обустройства жилища казахов, происходили не только под воздействием российской (европейской) традиции. Ту же «европейскую» составляющую казахи могли почерпнуть и от татар.

Облик Сеитовского посада – наиболее раннего поселения татар в Оренбургской губернии – был запечатлен в обзорах, составленных в ходе академических экспедиций конца XVIII в. Так, например, Петр Паллас писал о Каргале следующее: «Каргалинская слобода имеет приятное положение на северном или правом берегу Сакмары. Число построенных на каменном фундаменте домов, в коих две или три светлицы, простирается до трехсот. Мечетей построено изрядно. Здешние татары произошли из казанских, их обыкновения и нравы нимало ни разнятся от оных; по большей части отправляют торги, и все люди зажиточные...»¹⁹. П. С. Паллас особо отметил привычку сеитовцев к порядку и аккуратности. Жители чрезвычайно чистоплотны, одежда их отличается изяществом и свидетельствует о хорошем вкусе. В поведении людей, особенно женщин, много достоинства. Женщины носят многочисленные и изящные украшения²⁰. Иоганн Петр Фальк в 1774 г. писал о том, что его впечатлили «трезвый образ жизни» сеитовцев, их «неравнодушие к редкой домашней утвари, коврам, серебряной и фарфоровой посуде, которой у них было немало»²¹. Но не только богатый люд представлял лицо Каргалы. Дома многих жителей были покрыты камышом и соломой.

На наш взгляд, татарский быт воспринимался казахами куда охотнее, чем русский, в силу приверженности одной вере. Ислам ведь носил регулятивный характер даже в этом бытовом сегменте. Стоит прислушаться к А. Н. Харузину, который называл посёлки, возникшие на территории Букеевской Орды – Ново-Казанку, Таловку и другие, как «рассадник культуры татарской»²².

Можно найти чрезвычайно много общего в традиции обустройства жилища у татар и казахов. Как в казахской юрте (а затем и доме), так и в татарской избе, использовались сундуки, домашний текстиль, постельные принадлежности, которые были частью декоративного убранства жилища. Татары практиковали многослойность при убранстве текстилем, она «скрывала деревянные стены дома и смягчала углы, делала убранство татарского интерьера схожим с убранством юрты»²³.

Параллели с казахской (тюркской) юртой прослеживались во всей организации внутреннего пространства дома у татар. Как в юрте, так и в доме, выделялось специальное почётное место напротив входа²⁴. И татары, и казахи до конца XIX в. придерживались традиции принимать пищу на полу, сидя со скрещенными ногами. Н. И. Воробьев отмечает, что в быту зажиточных татар – горожан – определенное время существовал обычай выезжать за город, ставя юрты и устраивая длительные пикники²⁵. Это полностью соответствовало казахской традиции проживания.

Таким образом, совместное проживание в составе Российской империи вызвало к жизни процесс взаимной аккультурации татар и казахов. Он проявился в быту (изменения традиций, связанных с обустройством жилища, приемом пищи, отношением к элементам одежды), что является показателем фундаментальности зафиксированных изменений и позволяет говорить на конкретном примере о постепенном формировании единого социокультурного пространства империи, не проводящей политику так называемой «русификации».

Примечания

- 1 См.: *Житков М.* Краткий географический очерк пограничной части Оренбургского края // Оренбургские губернские ведомости. 1851. № 16. С. 67.
- 2 См.: *Халиков Н. А.* Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань : ИЯЛИ, 1995. С. 181.
- 3 *Харузин А. Н.* Степные очерки (Киргизская Букеевская орда). Странички из записной книги. М. : Типография А. А. Левенсон, 1881. С. 15.
- 4 *Харузин А. Н.* Киргизы Букеевской орды : антрополого-этнологический очерк // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. 1889. Т. 10, вып. 1. С. 42.
- 5 См.: *Ремнев А. В.* Татары в казахской степи : соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4 (34). С. 6.
- 6 *Харузин А. Н.* Степные очерки (Киргизская Букеевская орда). С. 12.
- 7 См.: *Халиков Н. А.* Указ. соч. С. 128.
- 8 См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи. Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии. Т. XIV, ч. 2. Оренбург, 1848. С. 62.
- 9 См.: *Рыбаков С. Г.* Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта // Записки Императорской Академии

- Наук по историко-филологическому отделению. СПб. : Императорская Академия Наук, 1897. Т. 2. № 2. С. 31.
- 10 См.: *Сперанский А.* Казанские татары. Казань : Центральная типография, 1910. С. 16.
  - 11 См.: *Халиков Н. А.* Указ. соч. С. 132.
  - 12 См.: *Арутюнов С. А.* Основные пищевые модели и их заимствования // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М. : Наука, 2001. С. 10–18.
  - 13 См.: *Махмутов З. А., Файзуллина Г. Ш.* Современная национальная кухня татар Казахстана : функции, специфика и трансформация // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 55.
  - 14 См.: *Смолянский Б. Л., Григоров Ю. Г.* Религия и питание. Киев : Наукова думка, 1995. С. 82.
  - 15 *Бекназаров Р. А.* Хлеб в традиционном казахском обществе (середина XIX – начало XX вв.) : историко-этнологические исследования на материалах Западного Казахстана // Лавровский сборник : материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений 2010–2011 : этнология, история, археология, культурология. СПб. : МАЭ РАН, 2011. С. 290.
  - 16 См.: *Тевкелев А. И.* Журналы и судебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана [1731–1733] // История Казахстана в русских источниках XVI – XX вв. : в 10 т. Т. 3. Алма-Ата : Дайк Пресс, 2005. С. 107.
  - 17 *Бекназаров Р. А.* Указ. соч. С. 291.
  - 18 См.: Татары Среднего Поволжья и Приуралья / под ред. Н. Н. Воробьева, Г. М. Хисамутдинова. М. : Наука, 1961. С. 16.
  - 19 *Паллас П.* Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. М. : Книга по требованию, 2011. С. 113.
  - 20 Там же.
  - 21 Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента. Т. 6 : Записки Путешествия Академика Фалька. СПб. : Императорская Академия Наук, 1824. С. 224.
  - 22 *Харузин А. Н.* Киргизы Букеевской орды : антрополого-этнологический очерк... С. 78.
  - 23 *Сулейманова Д.* Традиционный татарский интерьер : этническое своеобразие и символы. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2008_1/09/09_08/ (дата обращения : 29.01.2019).
  - 24 См.: *Толубаев А.* Юрта в представлениях, верованиях и обрядах казахов // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М. : Наука, 2000. С. 167.
  - 25 См.: *Воробьев Н. И.* Казанские татары. Казань : Татгосиздат, 1953. С. 193.

Образец для цитирования:

Любичанковский С. В. К истории бытовой аккультурации казахов и татар в Российской империи XIX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 279–282. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-279-282>

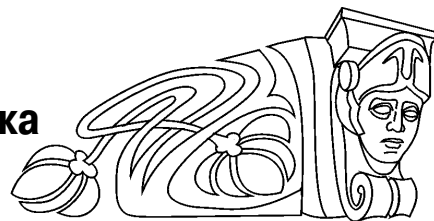
Cite this article as:

Lyubichankovskiy S. V. On the History of Domestic Acculturation of the Kazakhs and the Tatars in the Russian Empire of the 19th Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 279–282 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-279-282>

УДК 94(470.342)''18/19''

Книга и ее читатели в России во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Вятской губернии)

А. М. Субботина

Субботина Анна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории языка и литературы, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», Ижевск, annnamisu@gmail.com

В статье на материалах Вятской губернии исследуется вопрос о том, как повлияло развитие образования и библиотечного дела на изменение читательского интереса в России во второй половине XIX – начале XX в. Выводы автора опираются на изучение комплекса опубликованных и архивных источников. На основе сравнительного анализа данных земской и библиотечной статистики установлена взаимосвязь между читательским спросом и увеличением количества учащихся. Значительную часть посетителей библиотек составляли прошедшие через учебные заведения дети, подростки и молодежь, что нашло отражение в тематике запрашиваемых книг.

Ключевые слова: культурно-просветительская деятельность, книжная культура, библиотеки, земство.

Books and their Readers in Russia in the Second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Century (on Materials of the Vyatka Province)

A. M. Subbotina

Anna M. Subbotina, <https://orcid.org/0000-0002-3152-5884>, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 4 Lomonosova St., Izhevsk 426004, Russia, annnamisu@gmail.com

This article examines the question of how the development of education and librarianship influenced the changing interests of readers in Russia in the second half of XIX and the early XX century. The author relies on the study of published and archival materials of the Vyatka province. The comparative analysis of the data of the Zemstvo and library statistics gives the basis to draw a conclusion about the relationship between the readers' demand and the increase in the number of students of educational institutions. The majority of library visitors were children, teenagers and young people who studied at schools. This had an impact on what books readers had chosen in libraries.

Keywords: cultural and educational activities, book culture, libraries, Zemstvo.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-283-287>

Период второй половины XIX – начала XX в. в России – это время, когда были сделаны значительные шаги в деле развития народного образования. Количество грамотных в стране увеличилось в разы, а вместе с ним постепенно рос и интерес к книге. Созданная разветвленная сеть библиотек, книжных складов и магазинов

должна была не только удовлетворить потребности школьного обучения, но и способствовать формированию читательского вкуса и культурному просвещению населения.

Внимание исследователей к изучению читающей публики в России стало заметным во второй половине XIX – начале XX в. на фоне значительного расширения школьной и библиотечной сети. В этот период библиотеки, земства, общественные организации достаточно активно собирали статистические сведения о состоянии книжного и библиотечного дела. Н. А. Рубакин, используя данные по отдельным регионам страны, характеризует социальный портрет читателей, спрос на библиотечные услуги и читательские предпочтения, степень распространения книги в народной среде¹. Один из основателей советского книговедения М. Н. Куфаев отмечает, что именно в XIX в. книга становится орудием пропаганды и борьбы среди широких масс, а не достоянием узкой социальной группы². На превращение печатного слова в важный фактор жизни страны указывают также авторы вышедшего в 2008 г. коллективного исследования «Книга в России, 1895–1917»³. В данном издании, в работах Б. В. Банка⁴, А. И. Рейтблата⁵ и других исследователей обращается внимание на неоднородность российской читающей публики XIX – начала XX в. По мнению В. Я. Аскаровой, на практическую деятельность земств, внесших большой вклад в распространение книги, оказывала влияние либеральная концепция читателя. Она предполагала обеспечение общедоступности книги и культурное воздействие с помощью нее на население⁶. В. Н. Волкова на примере восточной части России указывает на существование разрыва в уровне книжной культуры в разных регионах страны, что было связано с отличиями в условиях развития народа⁷. Рассмотреть ситуацию, сложившуюся в Вятском крае, в сравнении с Казанской, Пермской и другими соседними губерниями, позволяют работы Э. Н. Валеева⁸, Н. Г. Валеевой⁹, Т. Д. Рубановой¹⁰ и др. К исследованию роли разных институтов, организаций и отдельных лиц в распространении книги среди населения Вятской губернии обращаются Л. В. Баёва¹¹, А. А. Вахрушев¹², Е. В. Егорова¹³, Ю. В. Першина¹⁴, В. Б. Помелов¹⁵, В. Г. Шумихин¹⁶ и др.

В большинстве имеющихся трудов отмечается, что во второй половине XIX – начале XX в. благодаря деятельности земств, общественных и

религиозных организаций, издательств, библиотек был сделан значительный шаг вперед в обеспечении доступности книги среди разных социальных групп. Поскольку книжное и библиотечное дело рассматривается обычно отдельно от других сфер, некоторые вопросы остаются за пределами внимания авторов. В настоящей статье делается акцент на том, как под влиянием развития образования и библиотечной сети изменялся круг чтения жителей Вятской губернии и России. Имеющиеся документы позволяют провести сравнительный анализ данных о книгах, хранящихся у населения и востребованных посетителями библиотек.

Исследование основано на изучении комплекса опубликованных и архивных источников. Первые представлены отчетами библиотек, материалами земских подворных описей, журналами земских собраний, периодическими изданиями. Архивные источники включают в себя земские доклады и отчеты, хранящиеся в фондах Вятской губернской земской управы (ф. 616) Государственного архива Кировской области (ГАКО), Глазовской (ф. 5) и Сарапульской (ф. 246) уездных земских управ Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР), а также отчеты учителей из фонда попечителя Казанского учебного округа (ф. 92) Национального архива Республики Татарстан (НА РТ).

Ученые отмечают, что определенные шаги в деле развития образования были предприняты в России еще в XVIII – первой половине XIX в.¹⁷ Но именно период второй половины XIX – начала XX в. стал решающим в обеспечении доступности школы для широких слоев населения. Существенно увеличилось число грамотных, а вместе с этим вырос интерес к книге. Уровень владения письменной культурой в стране был различным в зависимости от региона и категории населения. Если в Московской губернии в 1897 г. грамотные составляли 40,2 % жителей¹⁸, то в Вятской губернии только 16 %¹⁹. Такой низкий процент давало преобладающее в крае крестьянское население. Активное развитие сети земских, церковно-приходских и других школ во второй половине XIX – начале XX в. открывало возможности приобщения к образованию, прежде всего, молодому поколению. Показательными в этом отношении являются данные о грамотности призванных в армию молодых мужчин. В 1904 г. грамотные новобранцы в Вятской губернии составили 56 %, что было даже чуть выше показателя по Европейской России в целом (55,5 %)²⁰. Книжное знание рассматривалось земствами и представителями педагогической общественности не только как важная составляющая общей культуры населения, но и как средство улучшения его экономического благосостояния. Образованный крестьянин должен был более охотно осваивать современные сельскохозяйственные приемы, о которых он мог узнать в предлагаемой ему специальной литературе. Большое значение, которое придавалось распространению книжной

культуры, требовало серьезного научного подхода и стимулировало статистические исследования.

В 1880–1890-е гг. Вятское земство проводило подворную перепись и оценку земли и другого недвижимого имущества. В ходе данного исследования были собраны разнообразные статистические сведения по всем уездам края, которые были опубликованы в многотомном издании «Материалы по статистике Вятской губернии». По 5 из 11 уездов были представлены и данные о распространении книги у крестьян. Это Вятский, Елабужский, Нолинский, Орловский и Сарапульский уезды. В 5 уездах крестьяне владели 141885 экземплярами книг и периодических изданий. На одного грамотного приходилась 1 книга. Уровень грамотности составлял всего 10 % населения. Доля дворов, располагавших печатными изданиями, колебалась от 9 % в Елабужском уезде до 27 % в Нолинском уезде. Количество населенных пунктов, в которых не было ни одной книги, составляло в разных уездах от 60 до 85 %²¹. Данные показатели свидетельствуют о том, что к началу 1890-х гг. значительное число крестьянских семей не имели в своем распоряжении книг и могли познакомиться с ними только на стороне.

Более подробную информацию о тематике книг, находящихся у крестьян, содержат материалы по Орловскому уезду. Приоритет крестьяне отдавали литературе религиозного содержания. На нее приходилось 85 % всех имевшихся у крестьян уезда книг. Учебные издания составляли 4,5 %; художественная литература и развлекательное чтение – 5,1 %; календари – 1,4 %; исторические сочинения – 1 %; патриотические сочинения – 0,45 %; сельскохозяйственные – всего 0,1 % и экономические – 0,05 %, что было меньше, чем книг по праву (0,4 %); географии (0,4 %); медицине (0,2 %)²². Среди книг религиозного содержания основная доля приходилась на жития святых, Евангелие, святцы и молитвословы. Художественная литература занимала 2-е место по популярности у крестьян, хотя в количественном отношении значительно уступала духовной. В. Г. Шумихин, опираясь на результаты земского исследования, отмечает, что произведения русской классики встречались достаточно редко. Среди них были сказки В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, сочинения Л. Н. Толстого, А. Н. Островского, Н. А. Некрасова. Гораздо чаще встречались в крестьянских домах такие малознакомые современному читателю произведения, как «Бова Королевич», «Еруслан Лазаревич», «Битва русских с кабардинцами», «История о храбром рыцаре Венециане» и др. В некоторых семьях, члены которых в поисках заработка покидали дома и приобщались к городской культуре, были даже переводные романы модного в то время французского автора П. де Кока. Самым популярным периодическим изданием стал «Сельский вестник», поскольку был дешев и близок крестьянам по тематике публикаций²³.

Сравнение результатов земского исследования по Вятской губернии с данными Н. А. Рубакина свидетельствует о том, что крестьянские предпочтения были схожи в разных регионах страны. Повышенный интерес крестьян к религиозной литературе данный автор, опираясь на присланные письменные ответы респондентов, объяснял читательским вкусом старшего поколения семей. Дети и молодежь, несмотря на то, что может быть и хотели бы больше обращаться к сказкам и другой легкой литературе, вынуждены были подчиняться родительскому авторитетному мнению. Духовные книги пользовались особым уважением у крестьян и хранились в домах у образов. Приобретая такую книгу, человек, по словам одного из респондентов, «совершил цель добродетели навсегда, не только для себя, но и для ближнего своего»²⁴. Светские книги такой ценностью для крестьян не обладали. Поэтому с ними легко расставались, отдавая после прочтения родственникам и знакомым, что не способствовало их сохранности.

Сделать книгу более доступной, расширить круг народного чтения, приобщить население к лучшим образцам учебной, научной и художественной литературы должны были библиотеки, численный рост которых был связан с развитием школьного образования. Во второй половине XIX–начале XX в. существовали библиотеки разного типа. Общедоступные библиотеки появились не только в городах, но и в сельских районах. Посетители получили возможность пользоваться читальным залом или брать книги на дом. По данным 1918 г., на территории Вятской губернии действовало 11 центральных библиотек, 356 – районных, 33 – школьных, 503 – избы-читальни и 11 – при отделах внешкольного образования²⁵.

Наиболее богатыми книжными фондами обладали библиотеки в городах. Фонды расположенной в губернском городе Вятской публичной библиотеки ежегодно пополнялись за счет покупки и получения в дар от разных организаций книг, газет, журналов. В 1894 г. в Вятской публичной библиотеке насчитывалось 10469 названий печатных изданий²⁶. По данному показателю Вятская библиотека могла конкурировать с другими крупными библиотеками в регионах страны. В начале 1890-х гг. в Ставропольской библиотеке насчитывалось 4746 названий книг, в Казанской – 6500, в Астраханской – 7776, в Саратовской – 12162, в Самарской – 22470, Одесской – 37123²⁷. Собрания библиотек уездных городов были скромнее. Глазовская публичная библиотека Вятской губернии в 1912 г. располагала только 2873 книжными названиями. В тот период некоторые сельские библиотеки по богатству своих фондов могли составить конкуренцию городским, но значительно уступали им по материальным условиям. Располагались они в зданиях волостных правлений, в домах библиотекарей, церковных попечительств и не всегда имели специально выделенное помещение. В 1913 г. в 12 сельских библиотеках Глазовского

уезда количество книг превысило 1000, а в самой крупной Ухтымской – 2000. Всего в подведомственных земству 39 библиотеках Глазовского уезда насчитывалось 32517 томов книг. Из них 10 % приходилось на периодические издания; 48 % – на беллетристику; 11 % – на литературу религиозно-нравственного содержания; по 6 % – на историю и природоведение; по 5 % – на географию и сельское хозяйство; 2 % – на медицину; 1 % – на производство и ремесло²⁸. Эти данные свидетельствуют о том, что книжные собрания библиотек существенно отличались от тех, которые имелись в личном пользовании. Они были более разнообразными и преследовали ярко выраженные культурно-просветительские цели.

Для поддержания библиотечных фондов на должном уровне требовались средства. Пособия от земств, городов, благотворителей часто не хватало. Поэтому библиотеки вынуждены были вводить плату за часть своих услуг. По данным Н. А. Рубакина, в Слободской, Сарапульской и Орловской библиотеках Вятской губернии с подписчиков взималась плата от 3 до 10 руб. в год; в Воронежской – от 2 руб. 50 коп. до 15 руб.; в Якутской – от 3 до 5 руб.²⁹ Каждая библиотека имела собственный подход, на какие услуги и в каком размере устанавливать плату. По согласованию с органами земского и городского самоуправления, которые оказывали библиотекам финансовую поддержку или сами выступали организаторами их открытия, вводилось льготное обслуживание для отдельных категорий читателей (учащихся, учителей, служащих земских управ и др.).

Возможность пользоваться не только читальным залом, но и абонементным обслуживанием (подпиской) делала библиотечные услуги доступными не только для горожан, но и жителей уездов, которые могли получать книги благодаря земской почте. В 1913 г. в Малмыжском уезде Вятской губернии на 133 библиотеки разного типа приходилось 10125 подписчиков и 71754 посетителя. За год было выдано 110172 книги³⁰.

О наличии спроса на библиотечную книгу у разных категорий населения свидетельствует социальный состав читателей. В Вятской публичной библиотеке в 1866 г. было 21230 посетителей и 488 подписчиков абонементного обслуживания. В течение года был выдан 481 читательский билет. Из них наибольшее количество приходилось на чиновников (25 %) и учащихся (16 %) ³¹. Им же принадлежала основная доля читательских требований (60 и 13 % соответственно)³². Среди читателей библиотеки были также представители духовенства, дворян, военных, купцов, мещан и даже крестьян. За 1866 г. читательские билеты получили 4 крестьянина (0,1 %). Из 51003 общего числа требований крестьянам принадлежало 64 (0,1 %). Уже к 1873 г. доля учащихся гимназий, семинарий, земских школ как среди подписчиков, так и среди посетителей читального зала, превысила 60%. Некоторые из них, по решению

Вятского губернского земства, выделявшего пособие на содержание библиотеки, пользовались правом бесплатного обслуживания. Изменение состава читателей заставило библиотеку даже ввести новый тематический раздел «Книги для детского чтения». Еще одной постепенно увеличивавшей свое количество категорией посетителей были женщины. В 1873 г. на 3629 читателей читального зала приходилось 46 дам (1,2 %) ³³.

За пределами городов соотношение среди читателей библиотек в еще большей степени было в пользу учащихся. За период 1912/13 отчетного года в Глазовском уезде на 7293 подписчиков только 23 % составили взрослые читатели. Поскольку основное население уезда было крестьянским, то его доля среди читателей составила 87 %. Женщины в количественном отношении почти в 3 раза уступали мужчинам, что отражало различия в уровне грамотности и образования между ними ³⁴.

Социальный состав пользователей библиотечными услугами сказался и на читательских предпочтениях. Анализ отчетов Вятской публичной библиотеки за 1866–1917 гг. свидетельствует, что наибольшей популярностью у читателей пользовались периодические издания и художественная литература. Более подробные данные, отражающие не только тематику, но и конкретных авторов востребованных книг, содержит отчет 1866 г. Из 51003 требований на долю периодических изданий приходилось 51,3 %, русской и переводной беллетристики – 26,2 %. Среди зарубежных авторов наибольший спрос читателей вызывали романы П. де Кока и А. Дюма. Наиболее популярными русскими авторами были А. С. Пушкин, В. Г. Белинский, Д. В. Григорович, И. И. Лажечников, Н. В. Гоголь. Большая популярность романов П. де Кока и А. Дюма, по сравнению с произведениями А. С. Пушкина и других отечественных классиков, говорит о том, что читатель XIX в., как и современный, подвергался веяниям моды и стремлению к чтению легкой, развлекательной литературы.

Ее сюжеты брались авторами как из исторического прошлого, так из окружающей их, но далекой от русского читателя действительности. Читатели-крестьяне по своим предпочтениям отличались от остальных. Они выбирали богословскую, историческую, художественную литературу, книги по химии и периодические издания. Самыми популярными у читателей Вятской публичной библиотеки периодическими изданиями были «Иллюстрированная газета» (14,6 % требований), «Отечественные записки» (11,7 %), «Русский вестник» (8 %) ³⁵. В последующие годы вкусы читателей принципиально не изменились, что вызывало сожаление у библиотекарей, которые хотели бы видеть больший спрос на литературу более серьезного, научного и прикладного содержания. Они отмечали, что интерес к таким изданиям проявляли почти исключительно учащиеся и учителя. В 1894 г. из 15445 выданных Вятской

публичной библиотекой подписчикам изданий на русскую словесность приходилось 38%, переводную литературу – 18 %; книги для детского чтения – 10 %; периодическую печать – 20,5 % ³⁶.

Несмотря на достигнутые успехи, библиотеки не всегда могли обеспечить всех желающих необходимой литературой. В отчете преподавателя русского языка Уржумского реального училища Вятской губернии за 1914 г. отмечалось, что училищная библиотека не имела в «достаточном количестве подходящих для возраста учеников книг». На класс было по 2–3 экземпляра изучаемых по программе произведений («Недоросль» Д. И. Фонвизина, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и др.). Покупать же книги самим ученикам было дорого и негде, поскольку в городе, по словам педагога, нет книжного магазина, в котором можно было бы приобрести дешевые издания отечественных классиков. Для того чтобы восполнить этот недостаток, в училище была дополнительно создана классная библиотека для учеников 6-го и 7-го классов, в которую вошли книги русских писателей, учебные пособия и руководства по изучению литературы ³⁷.

Таким образом, развитие образования, а вместе с ним и библиотечной сети, способствовало тому, что отечественный читатель во второй половине XIX–начале XX в. значительно помолодел. Земские обследования крестьянских книжных собраний Вятской губернии в 1880–1890-х гг. свидетельствуют, что при покупке книг определяющими были вкусы старшего поколения, для которого наибольшую ценность представляла религиозная и духовно-нравственная литература. Библиотеки же, как показывают собранные ими данные о читателях, стали ориентироваться на учащихся, учителей и других представителей количественно существенно увеличившейся интеллигенции. Их читательские предпочтения определялись потребностями учебной программы, профессиональной деятельности, влиянием городской культуры и моды. Наибольшим спросом стали пользоваться художественная литература, включая приключенческие и бульварные романы, и периодические издания. Интерес читателей к популярной и развлекательной литературе свидетельствовал о том, что чтение уже в то время в качестве цели преследовало не только получение необходимых знаний, о чем мечтала земская и педагогическая общественность, но также удовлетворяло желание следовать модным тенденциям и проводить свободное время с удовольствием.

Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-38 «Цивилизационное пространство Урало-Поволжья: социально-демографические характеристики, политико-экономический статус, этнокультурные традиции»

Примечания

- 1 См.: Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике : Факты, цифры и наблюдения. СПб., 1895.
- 2 См.: Куфаев М. Н. Книговедение. Библиографоведение. Избранные работы. М., 2017. С. 56–57.
- 3 Книга в России, 1895–1917 / под общ. ред. И. И. Фроловой. СПб., 2008.
- 4 Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969.
- 5 Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991.
- 6 См.: Аскарлова В. Я. Динамика концепции российского читателя (конец X – начало XXI в.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.
- 7 Волкова В. Н. Книга и чтение на пересечении эпох и культур : из века XIX в век XXI : (сибирские наблюдения). Новосибирск, 2009. 358 с. ; Она же. Чтение в условиях реформируемой России : вторая половина XIX – начало XX (по материалам восточных регионов страны) // Труды Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН. 2013. № 3. С. 27–68.
- 8 См.: Валеев Э. Н. Становление и развитие книжной культуры многонационального народа Волго-Камского края : конец XVIII – начало XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2012.
- 9 См.: Валеева Н. Г. Библиотечная и издательская деятельность земств Казанской и Вятской губерний : 1865–1917 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2006.
- 10 См.: Рубанова Т. Д. Земская концепция книжно-библиотечного дела : историко-теоретическая реконструкция : по материалам земских губерний Урала : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2006. 38 с.
- 11 Байва Л. В., Мосунова Л. А. Православная книга Вятки. Киров, 2016.
- 12 См.: Вахрушев А. А. Библиотеки Вятской губернии как очаги культуры и просвещения // Библиотекосведение. 2010. № 1. С. 100–104.
- 13 См.: Егорова Е. В. Библиотечное дело Удмуртии : история становления и развития (вторая половина XIX – начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006.
- 14 См.: Перишина Ю. В. Книжное дело в Вятском крае в начале XX века // Библиосфера. 2017. № 3. С. 63–67. DOI: <http://10.20913/1815-3186-2017-3-63-67> (дата обращения: 19.05.2018).
- 15 См.: Помелов В. Б. Вклад П. В. Алабина в развитие дела просвещения и культуры в Вятской губернии // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер. : Психолого-педагогические науки. 2016. № 2 (30). С. 89–101.
- 16 См.: Шумихин В. Г. Для жизни настоящей и будущей (Книжное дело Вятского земства). Киров, 1996.
- 17 Romyantseva N., Matveenko V., Tretyakova L., Yurova Y. State Reforms in the Field of Education in Russia (Late 18th – Early 19th Centuries) // Journal of History Culture and Art Research. 2018. Vol. 7(1). P. 46–54. DOI: <http://dx.doi.org/10.7596/taksad.v7i1.1440> (дата обращения: 05.06.2018).
- 18 См.: Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 308–309.
- 19 См.: Субботина А. М. Земство Камско-Вятского региона : опыт социального сотрудничества в процессе культурной трансформации (1867–1918). Ижевск, 2017. С. 216.
- 20 См.: Рашин А. Г. Указ. соч. С. 294.
- 21 См.: Материалы по статистике Вятской губернии : в 12 т. Вятка, 1886–1900. Т. 3–7.
- 22 См.: Материалы по статистике Вятской губернии. Вятка, 1886. Т. 3 : Орловский уезд. Ч. 2 : Подворная опись. С. 29.
- 23 См.: Шумихин В. Г. Указ соч. С. 18–19.
- 24 См.: Рубакин Н. А. Указ соч. С. 152.
- 25 См.: Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 616. Оп. 2. Д. 435. Л. 4.
- 26 См.: Отчет о состоянии Вятской губернской публичной библиотеки за 1894 г. Вятка, 1895. С. 14.
- 27 См.: Рубакин Н. А. Указ соч. С. 46.
- 28 См.: Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 5. Оп. 1. Д. 41. Л. 99, 100, 105.
- 29 Рубакин Н. А. Указ. соч. С. 66
- 30 См.: Журналы Малмыжского уездного земского собрания экстренной сессии 9 и 10 февраля 1914 г. с приложениями Малмыж, 1914. С. 35.
- 31 Отчет о состоянии Вятской публичной библиотеки и музеума за 1866 год (Продолжение) // Вятские губернские ведомости. 1867. № 13. С. 103–104.
- 32 Отчет о состоянии Вятской публичной библиотеки и музеума за 1866 год (Окончание) // Вятские губернские ведомости. 1867. № 14. С. 113–114.
- 33 Отчет о состоянии Вятской губернской публичной библиотеки за 1873 г. Вятка, 1874. С. 12, 16.
- 34 ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 41. Л. 100, 105.
- 35 Отчет о состоянии Вятской публичной библиотеки и музеума за 1866 год (Окончание) // Вятские губернские ведомости. 1867. № 14. С. 113–114.
- 36 См.: Отчет о состоянии Вятской губернской публичной библиотеки за 1894 г. Вятка, 1895. С. 16–17.
- 37 См.: Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 2 (т. 18). Д. 19981. Л. 4–5.

Образец для цитирования:

Субботина А. М. Книга и ее читатели в России во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Вятской губернии) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 283–287. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-283-287>

Cite this article as:

Subbotina A. M. Books and their Readers in Russia in the Second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Century (on Materials of the Vyatka Province). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 283–287 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-283-287>

УДК 94(47).083+929

Вымысел и историческая правда в мемуарах Б. В. Савинкова

С. В. Мосолкин

Мосолкин Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и культуры, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., mosolkinsv@mail.ru

В статье анализируется творчество одного из лидеров партии эсеров Б. В. Савинкова. Исследуется влияние творческого начала на достоверность мемуаров. С позиций документальной фактографичности рассматриваются объективность мемуаров Савинкова как исторического источника, причины, побудившие Савинкова писать мемуары, значение, которое придавал им сам автор, а также влияние мемуаров на его современников. Литературные описания сравниваются с исторической действительностью.

Ключевые слова: Борис Савинков, мемуары, воспоминания, социалисты-революционеры, революционный терроризм, историческая достоверность.

Fiction and Historical Truth in Boris Savinkov's Memoirs

S. V. Mosolkin

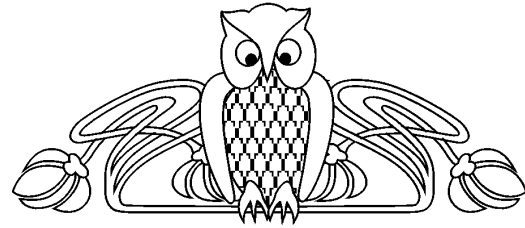
Sergei V. Mosolkin, <https://orcid.org/0000-0002-5514-9086>, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia, mosolkinsv@mail.ru

The article analyzes the literary creativity of one of the leaders of the Socialist Revolutionary Party, Boris Savinkov. The influence of creativity on the reliability of memoirs is investigated. From the standpoint of documentary facts, the objectivity of Savinkov's memoirs as a historical source is considered. The author explores the reasons that prompted Savinkov to write memoirs. The author investigates the importance attached to the memoirs. The influence of memoirs on his contemporaries is investigated. Literary descriptions are compared with historical reality.

Keywords: Boris Savinkov, memoirs, socialist revolutionaries, revolutionary terrorism, historical authenticity.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-288-291>

При изучении истории большую роль играет историческая память, она отражает значимость и актуальность информации о прошлом в настоящем и будущем. Важным элементом исторической памяти являются документы личного происхождения. Мемуары (воспоминания) как один из видов документов личного происхождения имеют ряд отличительных черт, работа с ними сложна в силу того, что они приближены к литературным произведениям. Но, с другой стороны, они отражают историческую эпоху, помогают понять, осмыслить время через участника тех или иных событий, автора мемуаров. «Всякий другой источник может значительно глубже ос-

ветить отдельные стороны того или иного исторического явления, однако как правило не будет содержать характеристики общей обстановки, в которой происходили эти события»¹.

Партия эсеров имеет богатую историю и является предметом исследований отечественных² и зарубежных³ историков, большинство из которых не обошлись без анализа воспоминаний эсеров⁴. Одни авторы использовали воспоминания для написания истории партии⁵, другие – для освещения вопросов, связанных с революционным терроризмом⁶. Современные ученые, все больше уделяющие влияние судебным процессам над эсерами, также используют мемуары членов этой партии⁷.

Мемуары писались многими членами партии социалистов-революционеров. Они принадлежат тем социалистам-революционерам, которые стояли у истоков ее зарождения и играли в ней значительную, а часто и руководящую роль. Среди них лидер и теоретик партии В. М. Чернов⁸, руководитель Боевой организации Б. В. Савинков⁹, выдающийся организатор и лидер партии Г. А. Гершуни¹⁰, член ЦК Партии Е. К. Брешко-Брешковская¹¹ и др. Каждое воспоминание является особым памятником истории с неповторимыми чертами и свойственными каждому автору индивидуальностями. Однако, несмотря на это, воспоминания эсеров имеют ряд общих черт. Все мемуары содержат описания образов отдельных членов партии, созданные из опыта личного общения авторов с ними. Они объединены единными хронологическими рамками, освещают период террористической деятельности партии, имеют общую идеологическую направленность, определенную партийными установками, раскрывают психологию и этические принципы революционера: служить народу, стойко переносить тяготы подпольной и тюремной жизни, не давать показания на суде. Необходимость в написании мемуаров определила «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская: «Чтобы строить будущее, необходимо знать прошлое»¹². Или, как точно подчеркнет Е. Е. Колосов, мемуары – это «свидетельские показания перед грядущим судом истории»¹³.

Воспоминания Б. В. Савинкова из всего этого массива мемуарного творчества вызывают особый интерес. Они до сих пор являются и, вероятно, долго будут служить основным источником для изучения истории эсеровского терроризма. Чем же это объясняется?

То, что Савинков имел писательский талант, не вызывало сомнения ни раньше при его жизни, не вызывает сомнения и сейчас. Литературное дарование Савинкова оттачивалось, начиная с молодых лет, когда он еще студентом стал увлекаться революционным движением. Хочется отметить, одно из его первых, достаточно известных сочинений того времени – это статья «Петербургское рабочее движение и практические задачи социал-демократии». Таких статей немало было написано Савинковым в то время. Эта осталась в истории потому, что на нее обратил внимание В. И. Ленин в своей работе «Что делать?». Основное внимание В. И. Ленина, конечно же, привлекали политические взгляды и идеи автора. Он соглашался с некоторыми из них, других критиковал, но в целом давал положительную оценку статье: «Замечательная по своей правдивости и живости и достойная внимания по работе своей мысли»¹⁴. Редактор Л. Мартов вспоминал, что статьи Савинкова того времени были написаны в одно время, что и статьи Ленина, «почти в тех же выражениях и с еще большими крайностями»¹⁵.

Вершиной мемуарного творчества Савинкова являются мемуары о лучшем, по мнению самого автора, периоде жизни – годах террористической борьбы партии эсеров.

Но не одним литературным талантом Савинкова определен не угасающий интерес к его творчеству. Нас будет интересовать не литературная сторона его воспоминаний, а их историчность. Все, что было написано Савинковым в художественном жанре, претендует на документальность и автобиографичность. Но как справедливо замечает историк С. А. Никитин, для того чтобы оценить мемуары, необходимо «выяснить, кто автор мемуаров, какие побудительные причины толкали автора на написание мемуаров, какую задачу преследовал он, совершая эту работу, какова его точка зрения»¹⁶.

Оценка, которую давали Б. В. Савинкову его товарищи по партии, была далеко не однозначной. «Савинков подходил к вековой вологодской памяти: он был той же грозной породы, как соборный камень»¹⁷, – говорил о нем А. Ремизов. Именно человек этой «породы» напишет воспоминания, которые читали, обсуждали в недалекие от описанных событий времена и продолжают анализировать в наше время. Его волевые качества, беззастенчивость в выборе средств, организаторские способности отмечали все, кому приходилось с ним встречаться.

Друг и соратник мемуариста В. Чернов, давая оценку взглядам и суждениям Савинкова, напишет: «Весь взвинченный, приподнятый, иногда немного ходульный, он в своих построениях рисовал самопожертвование, гибель, красивую смерть, а за ней – свободу России. В центре его психики стояла проблема – суметь умереть. А тут вдруг лавиной обрушилась новая проблема –

суметь жить»¹⁸. Практически о том же напишет в своих мемуарах философ и публицист Ф. Степун, не друг, но человек, близко знавший и общавшийся с Савинковым: «Оживал Савинков лишь тогда, когда начинал говорить о смерти. Я знаю, какую я говорю ответственную вещь, тем не менее, не могу не высказать уже давно преследующей меня мысли, что вся террористическая деятельность Савинкова и вся его кипучая комиссарская работа на фронте были в своей последней, метафизической сущности лишь постановками каких-то лично ему, Савинкову, необходимых опытов смерти. Если Савинков был чем-нибудь до конца захвачен в жизни, то лишь постоянным самопогружением в таинственную бездну смерти»¹⁹.

Осмысление «права» на идейное убийство является центральной темой всех мемуаров Савинкова. Менялась лишь их оценка в зависимости от времени, когда были они написаны. Идеолог террора Савинков все время в своем творчестве поднимал вопрос о ценности человеческой жизни и о моральных мучениях революционеров за совершенные ими убийства. Что это – моральные мучения или очищение перед историей? Как мемуарист Савинков не мог не осознавать, что по его воспоминаниям потомки будут судить о террористической деятельности партии, но как революционер не мог не пропагандировать террор. Возможно, эти противоречия и явились причинами того, что не все верили в искренность его терзаний. Народнице В. Н. Фигнер эти проблемы казались надуманными и фальшивыми. «Неизвестно, насколько искренен был Савинков; человек, пославший боевика, убить предателя на глазах у родителей, неоднократно отправлявший своих друзей-подчиненных на верную смерть – не очень похож на внутренне раздвоенного и рефлектирующего интеллигента. Его художественные произведения достаточно холодны и навеяны скорее декадентской литературой, чем внутренними переживаниями»²⁰.

Опираясь на реально историческую фактографию, мемуары не претендуют на историческую объективность и достоверность, хотя основываются на реальных событиях и фактах. Подробности подготовки покушений, «будни» террористического подполья, террористические акты и суды над их исполнителями – все это описано в мемуарах Б. Савинкова.

Мемуары Савинкова также являются ценным документом при рассмотрении вопроса о финансировании террористической деятельности эсеров. Известен факт, что «жили террористы на широкую ногу, в деньгах недостатка никогда не знали»²¹. В мемуарах неоднократно говорится о том, на какие средства готовились и осуществлялись террористические акты. «В то время Боевая организация обладала значительными денежными средствами: пожертвования после убийства Плеве исчислялись многими де-

сятками тысяч рублей²²», – пишет Савинков в воспоминаниях. «В Женеве по случаю убийства Плеве царило радостное оживление <...> В Боевую организацию поступали многочисленные денежные пожертвования²³», – читаем далее. «Денег было довольно²⁴», – вновь подчеркивает он, говоря о подготовке нового покушения; «поступило на русскую революцию пожертвование от американских миллионеров в размере миллиона франков»²⁵. О том, что химические лаборатории располагались за границей²⁶, и динамит эсеры перевозили из-за границы²⁷ также написано в мемуарах.

Сам того не подозревая, Савинков рассказывает о том, что революционный террор в России был не только выгоден, приветствовался со стороны стран Европы, но и финансировался ими. Создание и финансирование террористических организаций из-за границы – было раньше и имеет место в наше время.

К главным преимуществам мемуаров Савинкова можно отнести то, что они писались по свежей памяти.

Мемуары, «которые велись во время самого процесса борьбы или вскоре после выбытия из строя деятеля, когда впечатления у автора еще живы и не утрачено общественное настроение только что пережитого и перечувствованного»²⁸, по мнению Н. Тютчева, вызывают особый интерес. То, что воспоминания были написаны практически сразу после описанных событий, объясняет их детальность и подробность изложенных фактов. Причем эта особенность «Воспоминаний» Савинкова имела определенное воздействие на участников событий. Интересен тот факт, что даже враги, участники событий с «другой баррикады», невольно утопая в обилии фактов и событий, начинают верить всему написанному Савинковым. Начальник особого отдела департамента полиции Л. А. Ратаев, прочитав статью Савинкова в журнале «Социалист-революционер», посвященную делу Плеве, был искренне удивлен: «Его рассказ дышит такой правдивостью, разные мысли, подробности совпадают с такими мелкими деталями, которые в свое время видны были мне с «другой баррикады», что как-то невольно верится всему тому, что он говорит»²⁹. Ратаев, являясь руководителем провокаторской работы Азефа в 1902–1905 гг., был глубоко убежден в том, что Азеф служил ему добросовестно. И никто его не мог переубедить в противоположном. Все поменялось после прочтения им «Воспоминаний» Савинкова, он получает почти реальные доказательства измены. Неопровержимая историчность документа не вызывала у него сомнения. Ратаев и критикует, и сопоставляет то, что есть в воспоминаниях Савинкова с тем, что он знал в силу своего служебного положения. Этот факт восприятия «Воспоминаний» Савинкова лицами, настроенными против автора, показателен.

Вопросом достоверности «Воспоминаний» занимались и соратники Савинкова по партии. Н. Тютчев, хотя и не являлся поклонником беллетриста-Савинкова, подробно изучал подлинность мемуаров. Это нетрудно было ему сделать, так как многие факты были известны ему и он сам был знаком со многими боевиками. В образах революционеров, которыми Савинков одарил русскую литературу, Н. Тютчев не увидел живых людей. «Они ему казались ходульными, для чего-то измышленными автором»³⁰, Тютчев указывает на многие неточности в воспоминаниях Савинкова, а также на то, что автор использует беллетристские приемы в описании событий, и на основании этого приходит к выводу, согласно которому воспоминания Савинкова нельзя использовать как исторический документ. В своих заметках по этому вопросу, особенно в главе «Беллетристические погрешности воспоминаний Савинкова», давая оценку Савинкову как мемуаристу, он все же смягчает свою критику, полагая, что Савинков еще не исчерпал себя, поэтому нельзя быть категоричными в суждениях о нем.

Друг и соратник Савинкова Колесов напишет, что беда Савинкова в том, что его мемуары были слишком литературными, поясняя это так: «Хорошо когда мемуарист мыслит образно, но когда он склонен благодаря живости своего изображения, отождествлять с действительностью – его правдивость подвергается большому искусу»³¹. Но «когда человек долго и подробно «на протяжении нескольких сот страниц» рассказывает свою жизнь, то в конце – концов вольно или невольно, в той или другой форме, он вынужден сказать правду о себе»³², – отмечает он же.

Слабым местом в мемуарах Савинкова является отношение его к Азефу. Большинство исследователей подчеркивают, что первая часть была написана еще тогда, когда он считал Азефа революционером. Азевщина скомпрометировала партию эсеров. Одной из целей «Воспоминаний террориста» было реабилитировать себя, именно этим определена идеализация образов террористов в мемуарах Савинкова.

Таким образом, мемуары одного из организаторов самых громких политических террористических актов, несмотря на обоснованные упреки в субъективности, являются важным документом идейных поисков эпохи первой русской революции. Кроме того в настоящее время они рассматриваются как довольно объективный с позиции документальной фактографичности источник исторического материала.

Примечания

- ¹ Зайончковский П. А. Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях / под ред. П. А. Зайончковского: в 13 т. М., 1977. Т. 1. С. 3.
- ² См.: Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997.

- ³ См.: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997.
- ⁴ См.: Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998.
- ⁵ См.: Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998.
- ⁶ См.: Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000.
- ⁷ См.: Варфоломеев Ю. В. Знаменитые судебные процессы по делам революционных террористов в России (1901–1911). Энгельс, 2009.
- ⁸ См.: Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953.
- ⁹ См.: Савинков Б. В. Воспоминания террориста. М., 2006.
- ¹⁰ См.: Гериуни Г. А. Из недавнего прошлого. Париж, 1908.
- ¹¹ См.: Брешко-Брешковская Е. К. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920 / пер. с англ. А. А. Игоревского. М., 2006.
- ¹² Там же. С. 14.
- ¹³ Колосов Е. Е. Савинков, как мемуарист // Каторга и ссылка. 1928. № 3 (кн. 40). С. 171.
- ¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 74.
- ¹⁵ Мартов Л. История русской социал-демократии. Изд. Книга. 1918. С. 77.
- ¹⁶ Никитин С. А. Источниковедение истории СССР: в 2 т. М., 1940. Т. 2. С. 100.
- ¹⁷ Ремизов А. Иверень : загогулины моей памяти : главы из книги // Север. 1991. № 3. С. 82.
- ¹⁸ Чернов В. От «Революционной России» к «Сыну Отечества» // Летопись революции (Берлин ; Пг ; М.). 1923. С. 77.
- ¹⁹ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М., 1995. С. 369.
- ²⁰ Фигнер В. Запечатленный труд : в 3 т. М., 1933. Т. 3. С. 157.
- ²¹ Савинков Б. В. Воспоминания террориста. СПб: ООО Издательство «Питер», 2016. С. 6.
- ²² См.: Савинков Б. В. Воспоминания террориста. М., 1991. Переиздание. М., 2006. С. 85–86.
- ²³ Там же. С. 75.
- ²⁴ Там же. С. 121.
- ²⁵ Там же. С. 127.
- ²⁶ Там же. С. 128.
- ²⁷ Там же. С. 140.
- ²⁸ Тютчев Н. С. Заметки о воспоминаниях Б. В. Савинкова // Каторга и ссылка. М., 1924. № 5 (кн. 12). С. 49.
- ²⁹ Былое. 1910. № 2 (24). С. 187–210.
- ³⁰ Тютчев Н. С. Указ. соч. С. 52.
- ³¹ Колосов Е. Е. Савинков как мемуарист // Каторга и ссылка. М., 1928. № 3 (кн. 40) . С. 170.
- ³² Там же. С. 171.

Образец для цитирования:

Мосолкин С. В. Вымысел и историческая правда в мемуарах Б. В. Савинкова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 288–291. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-288-291>

Cite this article as:

Mosolkin S. V. Fiction and Historical Truth in Boris Savinkov's Memoirs. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 288–291 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-288-291>

УДК 929(52)

Некоторые страницы биографии Н. М. Дружинина: становление личности историка

В. В. Жибоедов

Жибоедов Вадим Владимирович, аспирант кафедры Отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, zhib-vadim@ya.ru

В статье исследуются малоизвестные факты биографии известного советского историка Николая Михайловича Дружинина. На основе неопубликованных архивных материалов, воспоминаний и дневников ученого открываются новые страницы в его биографии, которые охватывают период с 1886 по 1904 г. Семейные взаимоотношения, воспитание, быт, получение образования – все это формировало внутренний мир, особенности личности Н. М. Дружинина. Для исследователей научного творчества историка подобные факты необходимы для понимания становления его как ученого. Прослеживается процесс формирования интереса к истории у будущего академика, который складывался в ходе получения образования и под влиянием общественно-политических событий, происходивших в России в начале XX в.

Ключевые слова: история исторической науки, Н. М. Дружинин, советский историк, 5-я Московская гимназия, Ольга и Наталья Дилевские.

Some Pages of the Biography of N. M. Druzhinin: the Personality of the Historian

V. V. Zhiboedov

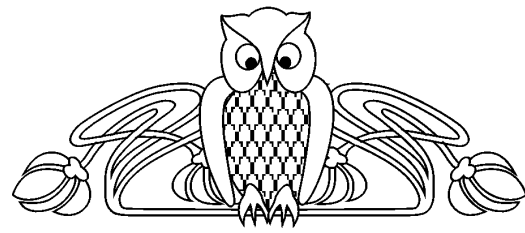
Vadim V. Zhiboedov, <https://orcid.org/0000-0003-3319-8802>, Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky, 14 Bezhitskaya St., Bryansk 241036, Russia, zhib-vadim@ya.ru

The article is devoted to the study of little-known facts of the biography of the famous Soviet historian – Nikolai Mikhailovich Druzhinin. On the basis of unpublished archival materials, memoirs and diaries of the scientist, new pages in the biography of Druzhinin, which cover the period from 1886 to 1904 are presented. Family relationships, education, lifestyle – all this formed the inner world, the features of the personality of Druzhinin. For researchers of academic activity of the historian such facts are necessary for understanding formation of Druzhinin as a scientist. The author also traces the process of formation of interest in the history of the future academician, which was formed during education and under the influence of socio-political events that took place in Russia in the early XX century.

Keywords: history of the historical science, N. M. Druzhinin, a Soviet historian, 5th Moscow gymnasium, Olga and Natalia Dylewskie.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-292-297>

Проблематика изучения научного сообщества в лице видных ее представителей, несмотря на рост интереса к ней, требует дальнейшей исследовательской работы над вопросами

определения социальной роли ученого, особенностей подготовки историка-профессионала, выделения личностных качеств ученых и научных традиций, которые влияли на особенности профессиональной коммуникации в научной среде. Межличностные отношения позволяют понять, в каких условиях развивалась личность ученого, какие факторы оказывали основополагающее влияние на нее, что в свою очередь делает возможным составить «портрет», «образ» историка.

При изучении биографии Н. М. Дружинина исследователи в основном использовали в качестве главного источника его воспоминания и дневники¹. К настоящему времени мы располагаем комплексом как опубликованных, так и неопубликованных материалов, которые позволяют пролить свет на важные детали его жизни (следует обратить внимание на ряд новых исследований, которые открывают некоторые факты биографии и научного творчества историка)². В частности, малоосвещенными являются годы учебы историка в гимназии и университете, которые оказали решающее влияние на профессиональное самоопределение Дружинина.

Родился Николай Михайлович в Курске – губернском городе центральной России 1 (13) января 1886 г. в «купеческой по положению, мещанской по происхождению семье, с собственным домом, прислугой, широкими знакомствами с представителями среднего дворянства»³. Будущий историк был единственным сыном в семье наряду с двумя сестрами.

Отец Дружинина – Михаил Николаевич (1854–1918 гг.) занимал видное положение в Курске и пользовался уважением и симпатиями в обществе. Конец 80 – начало 90-х гг. XIX в. – это период процветания дел семьи Дружининых, которая считалась обеспеченной и даже, по словам самого Николая Михайловича, богатой. Вот, что пишет будущий ученый в автобиографии: «В то время мой отец был страховым агентом, владел домом, писчебумажным магазином и публичной библиотекой»⁴. Отношение сына к своему отцу ярко представлено в дневниковых записях Дружинина: «Отца я страстно любил, уважал и боялся: его величественная фигура, красивое улыбающееся лицо, мягкое и ласковое отношение к детям, вызвали во мне чувство любовного поклонения. Мы видели его редко, и эта физическая разделенность еще усиливала в моих глазах его обаяние и значение»⁵.

В сложное для сына время отец оказал ему материальную поддержку для ускорения подачи заявления в университет. В фонде Николая Михайловича сохранилось письмо, которое ему было отправлено отцом 2 июля 1911 г., отражающее этот факт: «...Мы действительно беспокоились (не получая долго известий) о твоём здоровье. Очень рады, что ты приготовил все документы для подачи прошения в университет, для того, чтобы ускорить подачу прошения мы сегодня высылаем тебе переводом по адресу в Москву на твою прежнюю квартиру, из своих денег 25 р., и просим тебя поспешить с подачею прошения... Мама шлет тебе поцелуй и добрых пожеланий. Желаю тебе всего всего хорошего, заочно цалую тебя и остаюсь искренно любящий тебя»⁶. Подобные факты биографии смягчали воспоминания Дружинина о детстве, придавали ему уверенность в преодолении проблем и тяжелых жизненных впечатлений.

Мать Дружинина Надежда Михайловна происходила из бедной купеческой семьи Худокормовых. Она получила неплохое образование в курской женской гимназии. С матерью у Николая Михайловича отношения не сложились вплоть до появления неприятных чувств по отношению к ней. В своих заметках для книги воспоминаний Дружинин сделал следующую запись: «Доброта и ум отца, суровость и истеричность матери, ее любовь к порядку; наши столкновения с матерью»⁷. Это характеризует два противоположных характера, две формы воздействия на личность Дружинина.

Воспитывался единственный сын в семье в строгих консервативных правилах и в основном процессом этим руководили женщины – мать, две сестры Алевтина и Зинаида, горничные и т. д., так как отец свое основное время проводил на работе. Воспитательный процесс осуществлялся в жестких монархических и религиозных традициях. «В семье поддерживалась строгая дисциплина и беспрекословное подчинение установленным правилам»⁸. Это естественным образом оказывало воздействие на поведение Н. М. Дружинина, в котором формировалось молчаливое послушание старшим, уступчивость и мягкость в общении, отрицание активных физических игр, отсутствие всякого взаимодействия со своими сверстниками. Одиночество, замкнутость, воображаемые товарищи и определенная доля общения со взрослыми – все это можно отнести к отличительным чертам и особенностям раннего детства. Сам Дружинин называл свое воспитание уродливым, оберегающим его «...от простуды, ...прелестного удовольствия других детей – резвиться на сияющем снегу, вдыхая свежий морозный воздух»⁹.

Судьба сестер Н. М. Дружинина сложилась трагически, что оказывало влияние на его моральное состояние и в определенной степени затрагивало его профессиональную дея-

тельность. Алевтина Михайловна Дружинина (1874–1952 гг.) была драматической актрисой, но карьера ее как актрисы не состоялась, что, вероятно, было причиной ее душевных, а позже и физических страданий. С течением времени нереализованность в профессии очень тяжело отразилась на характере старшей сестры. Она уже больше нигде и никогда не работала и жила за счет постоянной финансовой помощи своего брата. Младшая сестра Зинаида Михайловна Дружинина (1880–1939 гг.) стала журналистом, членом РСДРП и участником революционных событий 1905–1907 гг. в Санкт-Петербурге. В 1939 г. Зинаида трагически погибла, попав под товарный поезд. Н. М. Дружинин очень переживал эту утрату и от тяжелых мыслей его спасла усиленная и напряженная работа, как преподавательская, так и научная. Именно в это время историк трудился над своей докторской диссертацией.

В Курске Николай Михайлович прожил первые 11 лет своей жизни и именно здесь он начал свой долгий путь к получению образования. Сам Дружинин разделяет свою учебу в средней школе на три этапа, которые им были определены при подготовке его воспоминаний, но так и не нашли своего отражения в книге «Воспоминания и мысли историка»¹⁰: «Первый этап: 1893–1894, 1894–1895 (школа Т. П. и О. П. Тюриных) 1895–1896 Приготовительный класс Курской гимназии... 1896 – Первое полугодие в ... Курской гимназии 1897. Переход в Моск. V гимназию (остальные два этапа связаны с обучением в Московской гимназии. – В. Ж.) Второй этап 1898–1901 Третий этап 1901–1904»¹¹.

В возрасте 7 лет Дружинин был направлен в начальную школу сестер Тюриных (Ольги и Юлии). Школа состояла из двух классов, в первом учащиеся получали начальные знания и навыки чтения, письма, счета, во втором приготовительном изучались грамматика, арифметика, литература и уделялось внимание религиозному воспитанию путем чтения молитв и библейских заповедей. Осенью 1895 г., сдав экзамен, Дружинин переходит в приготовительный класс Курской классической гимназии, а уже через год переводится в первый класс. Наибольший интерес у юного гимназиста вызывали гуманитарные предметы: русский и латинский языки. С особым трепетом будущий историк относился к чтению литературы: «...Домашнее чтение для меня становилось все более и более любимым занятием; постепенно расширялся круг моих интересов, и наряду с чтением увлекательных романов Майн Рида, Купера и Жюль Верна я стал вслух декламировать Лермонтова и Шевченко, а под влиянием сестер – знакомиться с сочинениями популярного в то время поэта Надсона»¹².

Учеба заинтересовала Дружинина, у него появились друзья, его стали привлекать самостоятельные театральные постановки. Однако к

середине 1890-х гг. финансовые дела отца стали стремительно ухудшаться, что привело к разорению и потере собственности в Курске. Этому жизненному моменту Н. М. Дружинин посвятил следующие строки своего дневника: «По мере того как мы приближались к краху (мой отец разорился, запутавшись в долгах), в доме становилось все сеее и унылее; отпадали отдельные части налаженного механизма, распускалась прислуга, продавались лошади, ... мебель закрывалась чехлами, ... и все меньше гостей наполняло комнаты дома... влияния тяжелых предчувствий сознания подбирающейся нужды населяли... комнаты... темными силами, несущими горе»¹³. Такое положение семьи Дружининых привело к необходимости переезда в Москву в 1896 г., где глава семьи получил работу бухгалтера в электротехнической конторе. Необходимо отметить, что с этого момента Дружинины будут охвачены постоянными финансовыми и жилищными проблемами, в столице им не удалось вернуть свой прежний социальный статус и материальное положение в обществе.

Переехав в Москву, Николай продолжил свое обучение в 5-й классической гимназии, которую закончил в 1904 г. Резкая смена жизненной обстановки, привычного коллектива сильно повлияли на него, на его внутренний мир. В Архиве Академии наук в фонде Николая Михайловича были найдены записи, отражавшие это состояние души: «...Впечатления отчужденности в гимназии (решение уйти из жизни)»¹⁴. Это критическое состояние было проявлением кризиса, юношеского максимализма, связанного с необходимостью социальной адаптации к изменившимся условиям жизни и с потребностью самоутверждения в новом учебном коллективе. С течением времени ему удалось преодолеть отчужденность и чувство неполноценности в познании определенных предметов.

В 5-й Московской гимназии сохранялся приоритет в изучении классических языков – латинского и древнегреческого, но наряду с древними языками большое внимание стало уделяться преподаванию русского языка и математике. Знание языков позволило будущему историку изучать древнегреческие и древнеримские исторические сочинения. «...Дважды проходили курс древней истории, в подлиннике читали Гомера, Овидия, Цезаря, Тита Ливия, рассматривали изображения памятников античного искусства. Сопоставление политических судеб Греции и Рима было предметом моих первых исторических размышлений»¹⁵, – писал в своих воспоминаниях Дружинин.

Среди довольно многочисленного преподавательского состава Николай Михайлович особо выделял своего классного наставника и любимого учителя литературы Сергея Григорьевича Смирнова, человека глубоких знаний, большого таланта и прогрессивных взглядов на

образовательный процесс. «С. Г. Смирнов всегда исходил из стремления возбуждать самостоятельность самих учащихся, пропагандируя идеи самообразования и широкого просвещения»¹⁶. Именно под его влиянием у Дружинина сформировалась любовь к чтению и театральным постановкам, которую он сохранял на протяжении всей своей жизни.

Юные гимназисты, находясь под воздействием талантливого педагога, попытались организовать самостоятельное «издательское дело». В фонде академика Дружинина обращают на себя внимание ученические тетради, которые можно назвать своеобразными классными литературными журналами группы учеников. Сам Дружинин в возрасте 14 лет выполнял роль редактора и автора небольших литературных рассказов. Даже маленький отрывок из его рассказа «Вечерние думы» подтверждает наличие таланта в изложении своих мыслей и чувств, творческого характера и художественности в передаче действительности: «...Сумерки сгущаются. Мы наскоро обедаем, одеваемся и идем ко всеобщей. Полная народом церковь, веселые огни люстр и свечей, длинная рождественская служба и обратный путь домой... Ясная морозная ночь. Звезды горят и переливаются в вышине, словно глазки бессмертных ангелов, поющих в эту ночь хвалебную песнь Творцу...»¹⁷.

Наряду с учителем литературы будущий ученый выделял еще ряд педагогов, оказавших большое влияние на его умственное и моральное развитие. К их числу относился А. В. Адольф, который был директором гимназии и преподавал латинский язык. В своих воспоминаниях Н. М. Дружинин пишет: «В VIII классе он обучал нас латинскому языку, придавая своим урокам характер лекционных комментариев... Позднее, слушая лекции профессора М. М. Покровского о Саллюстии и Н. И. Новосадского об Эскине, я сравнивал их с уроками А. В. Адольфа и приходил к выводу не в пользу моих новых университетских учителей»¹⁸. К выдающимся педагогам Дружинин относил и преподавателя истории Я. Л. Барскова. Талантливый учитель, ученик В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова был замечательным знатоком русского масонства, общественной мысли XVIII в., сочинений Новикова и Радищева. Барсков пользовался авторитетом и уважением в гимназии и «глубоко, проникновенно объяснял нам события средневековья, возбуждал своими вопросами самостоятельную мысль, рекомендуя чтение дополнительной литературы, наводил нас на обобщающие научные выводы. Мы его очень ценили»¹⁹, – вспоминал Дружинин.

Незурядной фигурой в гимназии был учитель древней истории и географии Н. Г. Тарасов (ученик В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова, одноклассник А. А. Кизеветтера, М. М. Богословского, Н. А. Рожкова), который прекрасно

применял метод наглядного обучения, поощрял самостоятельность и творчество в подготовке домашнего задания.

Школьные годы Дружинина характеризовались постоянно растущим интересом к литературе, театру, живописи. В его личных записках содержится информация о литературных предпочтениях будущего ученого в разные годы его учебы: «Чтение Гоголь с 1897–98 гг., Тургенев с 1899 г., Никитин с 1898, Григорович с 1897, Гончаров в 1900, Лев Толстой 1901–1902, Шевченко в 1894, Лермонтов – 1894, Надсон 1895, А. К. Толстой 1900–1901...»²⁰. Этот список отражает широту кругозора молодого гимназиста, разнообразие его читательского интереса и стремление к совершенству своих знаний.

«На гимназические годы падает пробуждение у Н. М. Дружинина политических интересов и стремление активно участвовать в политической жизни страны. С 16–17 лет он начинает посещать собрания общемосковской гимназической организации, где звучат революционные речи»²¹. Под влиянием предреволюционного общественного подъема у Дружинина формируется критическое отношение к действительности. Он начинает воспринимать отечественную историю «сквозь призму рождающихся политических стремлений...». В это время он изучал источники и литературу о революционном движении в России: «Записки революционера» П. А. Кропоткина, «Подпольная Россия» С. М. Степняка-Кравчинского, «Сибирь и ссылка» Д. Кеннана. Тогда же, как вспоминал будущий историк, он «впервые по литографированным лекциям Ключевского узнал подробности о восстании декабристов»²². «Критика настоящего и мысли о будущем появились... под сильным воздействием нарастающего общественного подъема 1902–1904 гг. Уже приближалась революционная гроза»²³, – вспоминал историк.

В эти годы молодежь объединялась по литературным, философским и политическим интересам. «Вообще в старших классах многих из нас живо интересовали мировоззренческие и общественные вопросы, размышления о нашей будущей деятельности и об ее связи с политическими течениями кануна 1905 года»²⁴. Молодые люди участвовали в организации различных собраний с целью обсуждения как литературно-философских вопросов, так и общественно-политических.

В «Воспоминаниях (Дружинина) о московской 5-й гимназии» есть фрагмент о собрании учащихся на квартире Дилевских. «Одно из... собраний, когда мы учились в VIII классе, было застигнуто жандармами на квартире Дилевских, но, к счастью, не привело к исключению из гимназии...». В материалах фонда Н. М. Дружинина сохранился документ (письмо В. А. Кондратьеву от 5 февраля 1966 г.), в котором он рассказывает о семье Дилевских. «С Ольгой и Натальей Ди-

левскими, а затем с другими членами семьи (матерью Ольгой Николаевной, старшей сестрой Маргаритой) я познакомился весной 1902 года на нелегальном собрании гимназической организации Москвы. Оно проходило в помещении женской гимназии Л. А. Воскресенской в Успенском переулке. В течение 1902–1904 года я часто бывал в этой революционной семье; здесь мы читали вслух нелегальную литературу, обменивались мнениями, формировали свои политические взгляды... Нас сближали общие интересы и революционные планы... Я был участником той самой "сходки" после которой Ольга Александровна была арестована...»²⁵ (этот фрагмент опубликован в Избранных трудах Н. М. Дружинина. – В. Ж.). В Архиве Академии наук в фонде Н. М. Дружинина было обнаружено дело под названием «Секретные отношения московского обер-полицейстера на имя попечителя Московского учебного округа и попечителя округа в Департамент народного образования о нелегальной сходке учащихся мужских и женских учебных заведений г. Москвы, в том числе гимназиста 5-й гимназии VII класса Дружинина Н. М. на квартире у вдовы дворянина Любови Николаевны Дилевской». Кроме этого, к делу прилагались примечания, написанные не самим Дружининым, но с его подписью. Этот документ впервые был найден сотрудницей ленинградского отделения ЦГИА СССР Валентиной Ильичиной Вельбель 10 ноября 1978 г. Исследование этого архивного документа позволяет более детально осветить данные события в биографии ученого.

В документе сообщалось, что 21 октября 1903 г. в квартире Дилевской собрались 24 представителя средних учебных заведений г. Москвы «...для обсуждения плана организации кружков и объединения таковых, в целях принятия участия в противоправительственном движении»²⁶. В примечаниях Николай Михайлович сообщает, что собрание было организовано по инициативе «Ольги и Натальи Дилевских и Николая Дружинина с целью обсудить программу обще-московской конспиративной организации учащихся. На собрание были приглашены ученики, известные друг другу своим революционным настроением... Председателем собрания был избран Н. Дружинин»²⁷. Нелегальное собрание было прервано полицией и последовавшими следственными мероприятиями.

После проведения обыска все собравшиеся были отпущены, за исключением Ольги Дилевской (она была отправлена под стражу), так как у нее были обнаружены рукописи революционного характера и документы, которые касались воспитанников средних учебных заведений. Также по этому делу был составлен список его участников, в котором перечислялись места их обучения, классы (с VI по VIII) и определялась сословная принадлежность каждого. В большин-

стве своем это были представители мещанства и дворянства.

Расследование по данному делу приобрело довольно широкий размах. Показателем этого является письмо с пометкой «секретно», направленное попечителем округа министру народного просвещения 5 ноября 1903 г.: «...Честь имею донести Вашему Высокопревосходительству, что мною предложено начальникам подлежащих учебных заведений... произвести расследование по настоящему делу и ... заключения педагогических советов доставить мне... в виду того, что собрание учащихся 21 октября было не единичное и неслучайное и что по этому делу производится административное дознание – воспретить помянутым учащимся посещение учебных заведений впредь до особого распоряжения...»²⁸. 28 февраля 1904 г. в Департамент Народного Просвещения было направлено письмо с пометкой «секретно» с результатами расследования, которое производилось посредством опроса учащихся начальством учебных заведений с обсуждением результатов в педагогических советах. Выяснилось, что часть собравшихся на «нелегальной сходке» были объединены совместным чтением и обсуждением разных литературных произведений, а также участвовали в домашних театральные постановках, которые иногда устраивались на квартире Дилевских. Исходя из этого было принято решение, что «вопроса об организации каких-либо ученических кружков на вечерах не возбуждалось, и только во время перерывов чтения пьесы, когда все бывшие на вечере вели беседы отдельными группами, в некоторых группах, ... говорили между прочим о недочетах школы, о средствах пополнения этих недочетов, о самообразовании, об оживлении сухого школьного обучения»²⁹. В итоге педагогические советы не могли прийти к более или менее обоснованному заключению относительно нелегальности цели собрания учащихся 21 октября, а равно и о степени виновности каждого из них. Большинство же присутствовавших (в том числе и Дружинин) на этом собрании, рассматривались в процессе расследования как свидетели и не понесли каких-либо строгих наказаний. В своих примечаниях Дружинин сообщает о причинах этого «...пока жандармы составляли поименный список собравшихся, участники собрания могли переходить из комнаты в комнату и по предложению Натальи Дилевской успели договориться, что готовятся к организации домашнего спектакля. Так как явных улик противоправительственной деятельности не было найдено, а попечитель учебного округа не был заинтересован раздувать начатое дело, оно было потушено легкими высканьями в отношении некоторых. Пострадала одна Ольга Дилевская: при домашнем обыске в квартире, у нее была найдена нелегальная литература, она была арестована и заключена в таганскую тюрьму»³⁰. Большинство учащихся были

уволены из гимназии сроком не более двух недель и за ними был установлен контроль со стороны руководителей учебных заведений.

Подобные факты биографии будущего учебного способствовали его политическому воспитанию, заинтересованности в своем профессиональном определении как историка, что позволяло формировать отношение к историческому прошлому, связывать его с настоящим и будущим. Как пишет в своих воспоминаниях Дружинин, «... история представлялась мне универсальной наукой, которая вмещает в себя исследование всего развития человеческого общества на всех его этапах и во всех его проявлениях. Меня особенно увлекала эта широта открывающегося познания истории человечества во всем многообразии ее конкретных форм и во всей цельности ее внутреннего закономерного единства»³¹.

Гимназические годы оказали большое влияние на личность Дружинина, так как именно в это время происходило познание жизни на очень важном ее этапе, связанном с формированием личностных качеств, определенного багажа знаний, мировоззрения и опыта взаимодействия с социальной действительностью. Именно в контексте социокультурной специфики российской действительности конца XIX–начала XX в., развития политических институтов, мировоззренческих особенностей молодого поколения рубежа столетий происходило формирование интереса к историческому прошлому и в определенной степени этот период в биографии историка можно назвать началом его самоопределения.

Примечания

- 1 См.: Литвак Б. Г., Дружинина Е. И. Николай Михайлович Дружинин // Портреты историков. Время и судьбы / под ред. Г. Н. Севостьянова., Л. Т. Мильской. М. ; Иерусалим, 2000.
- 2 См.: Жибоедов В. В. Доклад Н. М. Дружинина «Новейший этап советского декабристоведения» // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 108–111.
- 3 Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 98.
- 4 Дружинин Н. М. Автобиография (до 1951 г.) // Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С. 103.
- 5 Дневник Николая Михайловича Дружинина... С. 98.
- 6 Архив РАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 403. Л. 1–2.
- 7 Там же. Оп. 1. Д. 413. Л. 8. План карточка к книге «Воспоминания и мысли историка». Автограф.
- 8 Дружинин Н. М. Воспоминания о Курске // Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С. 117.
- 9 Дневник Николая Михайловича Дружинина... С. 99.
- 10 Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. М., 1979.

- ¹¹ Архив РАН. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 413. Л. 2–2 об. План карточка к книге «Воспоминания и мысли историка». Автограф.
- ¹² Дружинин Н. М. Воспоминания о Курске... С. 119.
- ¹³ Дневник Николая Михайловича Дружинина... С. 99.
- ¹⁴ Архив РАН. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 413. Л. 7. План карточка к книге «Воспоминания и мысли историка». Автограф.
- ¹⁵ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка... С. 4.
- ¹⁶ Дружинин Н. М. Воспоминания о Московской 5-й гимназии // Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С. 125.
- ¹⁷ Архив РАН. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 9. Л. 60–64. Гимназические журналы. Рассказы и стихи. 1900–1901. Автограф.
- ¹⁸ Дружинин Н. М. Воспоминания о Московской 5-й гимназии... С. 130–132.
- ¹⁹ Там же. С. 132.
- ²⁰ Архив РАН. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 413. Л. 21. План карточка к книге «Воспоминания и мысли историка». Автограф.
- ²¹ Литвак Б. Г., Дружинина Е. И. Указ. соч. С. 362.
- ²² Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка... С. 7–9.
- ²³ Там же. С. 7.
- ²⁴ Дружинин Н. М. Воспоминания о Московской 5-й гимназии... С. 135.
- ²⁵ Дружинин Н. М. Комментарии // Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. С. 456.
- ²⁶ Архив РАН. Ф. 1604. Оп. 2. Д. 17. Фотокопии, фото- пленка документов. Крайние даты 23 октября 1903 – 28 февраля 1904 г. Л. 1.
- ²⁷ Там же. Л. 17–18.
- ²⁸ Там же. Л. 6–7.
- ²⁹ Там же. Л. 13.
- ³⁰ Там же. Л. 18–19.
- ³¹ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка... С. 9.

Образец для цитирования:

Жибоедов В. В. Некоторые страницы биографии Н. М. Дружинина: становление личности историка // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 292–297. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-292-297>

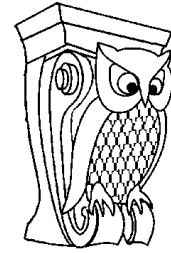
Cite this article as:

Zhiboedov V. V. Some Pages of the Biography of N. M. Druzhinin: the Personality of the Historian. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 292–297 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-292-297>

УДК 9.331.377

Учебные заведения системы трудовых резервов: методы и результаты решения кадровых проблем советской индустрии в послевоенные годы

М. А. Клинова

Клинова Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, институт (факультет), Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, klinowa.m@yandex.ru

В статье рассматривается проблема функционирования в послевоенный период учебных заведений системы трудовых резервов – школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ. Обозначены цели, методы и результаты работы данных учреждений. Отмечены деформации в функционировании системы, связанные с использованием методов принуждения в отношении мобилизуемых, а также неудовлетворительными материально-бытовыми условиями, предоставляемыми учащимся. Выделены причины и векторы реформирования системы трудовых резервов в конце 1940 – начале 1950-х гг.

Ключевые слова: система трудовых резервов, СССР, 1940–1950, кадровая проблема, промышленность.

Educational Institutions of the System of Labor Reserves: Methods and Results of Solving Personnel Problems of the Soviet Industry in the Postwar Years

М. А. Klinova

Marina A. Klinova, <https://orcid.org/0000-0002-8548-9356>, Ural State University of Economics (USUE), 62/45 8 Marta St. / Narodnoy voli, Yekaterinburg 620144, Russia, klinowa.m@yandex.ru

The article deals with the problem of functioning in the post war period of educational institutions of the system of labor reserves-schools of the Federal district, vocational and railway schools. The goals, methods and results of these institutions are outlined. There are marked deformities in the functioning of the system associated with the use of methods of coercion against mobilized, as well as unsatisfactory material and living conditions provided to students. The causes and vectors of reforming the system of labor reserves in the late 1940s-early 1950s are identified.

Keywords: system of labor reserves, the Soviet Union, 1940–1950, the problem of personnel, industry.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-298-303>

В послевоенный период основные векторы правового и социально-экономического регулирования определялись необходимостью решения важнейшей задачи, стоящей перед государством – ликвидировать экономические последствия войны и восстановить разрушенное войной хозяйство. Данная задача была конкретизирована в «Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства РСФСР на 1946–1950 гг.», принятом 7-й сессией Верховного Совета РСФСР 22 июня 1946 г.: «Восстановить пострадавшие районы страны, восстановить до-

военный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в значительных размерах»¹. В контексте реализации пятилетнего плана населению отводилась ведущая роль – именно усилиями граждан он должен был быть осуществлен. Очевидно, что задача восстановления экономики страны и выполнения пятилетнего плана (ориентированного на первоочередное развитие промышленного производства) не могла быть достигнута без решения кадровых проблем, остро стоящих в советской индустрии. В военные годы значительно сокращается количество работающего населения трудоспособных возрастов. За период с 1940 по 1945 г. численность рабочих и служащих по СССР сократилось с 33,9 до 28,5 млн чел.² По РСФСР численность рабочих и служащих уменьшилась на 2,5 млн чел. (с 22 173 000 до 19 627 000 чел.)³. Из них почти на 500 тыс. чел. сократилось количество рабочих и служащих РСФСР, занятых в промышленности, на 200 тыс. чел. в строительстве, и около 200 тыс. чел. на транспорте⁴.

Существовавшая в послевоенный период проблема нехватки рабочих рук в промышленности решалась различными способами: посредством оргнабора сельского населения, трудоустройства демобилизованных, направления на предприятия спецконтингента и пр. Все перечисленные формы способствовали решению проблемы *количественного роста* промышленного пролетариата. Однако прибывшие работники нуждались в обучении и получении специальности. От уровня квалификации рабочих зависела производительность труда и успешность выполнения плана предприятием. Повышение квалификации рабочих советской индустрии являлось важной составляющей кадровой проблемы, актуальность решения которой была отмечена в Плане четвертой пятилетки: «Подготовить производственных кадров массовых профессий в количестве 2 073 тыс. чел.»⁵

Проблема подготовки необходимых для промышленности квалифицированных кадров решалась посредством курсов техминимума и целевого назначения, индивидуального и бригадного обучения, стахановских школ, а также набора учащихся в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах» была введена трудовая повинность для молодежи 14–17 лет, посредством которой планировалось ежегодно мобилизовы-

вать от 800 тыс. до 1 млн чел. Основная часть мобилизуемых привлекалась из сельской местности. Председатели колхозов были обязаны ежегодно выделять по 2 чел. молодых людей мужского пола на каждые 100 членов колхоза (считая мужчин и женщин в возрасте от 14 до 55 лет). Два молодых человека 14–15 лет направлялись в ремесленные и железнодорожные училища (срок обучения 2 года) и два 16–17 лет – в школы ФЗО (срок обучения 6 месяцев). Городские Советы депутатов трудящихся также были обязаны ежегодно выделять в порядке мобилизации молодежь мужского пола означенных возрастов в количестве, устанавливаемом СНК СССР. В школах ФЗО молодежь обучали массовым специальностям для работы в угольных шахтах, рудниках, нефтяной промышленности, черной металлургии, в строительстве. Ремесленные и железнодорожные училища готовили рабочих для металлургической, химической, горнорудной, нефтяной промышленности, железнодорожного, морского и речного транспорта, а также связистов. Во время обучения учащиеся находились на государственном обеспечении. Все окончившие школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища были обязаны проработать 4 года подряд на государственных предприятиях⁶.

Призыв в школы ФЗО и РУ осуществлялся несколько раз в год и проводился под контролем Советов министров союзных и автономных республик, обл(край)исполкомов и горисполкомов в соответствии с количеством и территориальным распределением мобилизованных, утвержденным Советом министров СССР. Министерство трудовых резервов должно было принять обучающихся, создать условия для их обучения и проживания. Основной объем контингента, мобилизованного через систему трудовых резервов, составляло сельское население. По данным Д. Фильцера, из общего количества поступивших в школы ФЗО за период 1946–1952 гг. 86 % были выходцами из сельской местности, среди принятых в ремесленные училища их было 54 %⁷. Территориальное распределение молодежи, мобилизуемой в школы ФЗО и РУ, в целом повторяло векторность трудовой миграции, осуществляемой посредством оргнабора. Система трудовых резервов рекрутировала обучающихся в промышленные районы Урала и Сибири, а также для восстановления промышленных предприятий центра страны. Так, например, согласно плану летнего призыва 1946 г. для школ ФЗО Москвы набиралась молодежь из Костромской, Рязанской, Тамбовской областей, а в Свердловскую область направляли мобилизованных из Кировской области, Мордовской, Марийской, Татарской и Чувашской АССР⁸.

После обучения выпускники направлялись на предприятия в соответствии с запланированным распределением, хотя в случае необходимости (обозначенной постановлениями Совета министров СССР) на предприятия посылались молодые специалисты и сверх запланированно-

го количества. Так, в Постановлении Совета министров от 29 июня 1946 г. № 1430 содержалось следующее требование: «Обязать Министерство трудовых резервов ... направить в третьем квартале 1946 г. для работы на республиканских предприятиях Министерства промышленности строительных материалов СССР дополнительно, сверх выделенных Министерству, 500 слесарей, 150 токарей и 100 электромонтёров»⁹.

Большинство выпускников системы трудовых резервов направлялись на предприятия тяжелой индустрии. В 1947 г. 18,5 % учащихся проходили обучение на предприятиях, относившихся к угольной промышленности: 12,5 % – к строительству; 11,3 % – к железнодорожному транспорту; 7,7 % – к черной металлургии. В 1948 г. 75 % выпускников были направлены на предприятия угольной промышленности, металлургии, промышленного и военного строительства¹⁰. На приоритетность в обеспечении выпускниками ФЗО и РУ предприятий этих отраслей указывают объемы финансирования, направляемого в соответствии с планом на строительство и ремонт учебных заведений системы трудовых резервов в 1948 г.¹¹ (таблица).

Важной проблемой были трудные условия труда на предприятиях тяжелой и добывающей промышленности. Выпускники учреждений системы трудовых резервов, возраст которых на момент выпуска мог составлять 16–17 лет, не всегда физически соответствовали предъявляемым требованиям. Стремление к улучшению контингента обучающихся, направляемых на предприятия приоритетных отраслей индустрии, проявилось в повышении возраста призывников. В Постановлении Совета министров СССР от 29 июня 1946 г. № 1427 «Об очередном призыве молодежи в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища» рекомендовалось мобилизовывать для горнорудной, металлургической промышленности и строительства юношей в возрасте 17 лет, а для угольных предприятий – 17–18 лет¹². В принятом через несколько месяцев Постановлении Совета министров от 25 октября 1946 г. № 2373 «Об очередном призыве молодежи в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища в 1946 г.» устанавливалось, что «призыв молодежи мужского пола, годной по физическому состоянию для подземных работ в угольной и горнорудной промышленности, а также по профессиям сталеваров, горновых, вальцовщиков, канавщиков, сварщиков нагревательных печей и бурильщиков металлургической и нефтяной промышленности производится в школы ФЗО в возрасте 18–19 лет и в ремесленные училища – 17 лет»¹³.

Повышение призывного возраста обучающихся привело к расширению контингента граждан, мобилизуемых в школы ФЗО для нужд строительства, угольной и металлургической промышленности. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1947 г. и от 10 сентября 1947 г. распро-

Объем работ по строительству и восстановлению школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ (план на 1948 г.), млн руб.

Наименование министерства	Объем финансирования
Министерство черной металлургии	32,40
Министерство цветной металлургии	22,60
Министерство угольной промышленности западных районов СССР	148,55
Министерство угольной промышленности восточных районов СССР	69,36
Министерство нефтяной промышленности южных и западных районов СССР	8,95
Министерство нефтяной промышленности восточных районов СССР	8,40
Министерство электростанций	4,34
Министерство химической промышленности	1,86
Министерство электропромышленности	7,60
Министерство тяжелого машиностроения	15,80
Министерство автомобильной промышленности	26,68
Министерство станкостроения	2,70
Министерство легкой промышленности	1,11
Министерство легкой промышленности СССР	0,20
Министерство целлюлозной и бумажной промышленности	0,74
Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии	50,27
Министерство строительства военных и военно-морских предприятий	22,40

странили обязательный призыв в учебные заведения системы трудовых резервов на 17–18-летних юношей и девушек, а также на мужчин в возрасте 19–23 лет, не прозывавшихся на службу в армию. Мужчины проходили обучение для работы в угли и рудодобывающих шахтах. После завершения обучения они были обязаны отработать в шахтах 3 года. Уклонение от обучения или самовольное оставление места распределения приравнивалось к уклонению от призыва на военную службу¹⁴.

Летом 1948 г. мобилизация в школы ФЗО (для подготовки строителей предприятий тяжелой индустрии СССР) распространилась на мужчин в возрасте 20 лет, подлежащих призыву в армию (кроме работавших в промышленности, на транспорте, руководителей и специалистов сельского хозяйства)¹⁵. В ноябре 1948 г. в контингент мобилизуемых в школы ФЗО (для строек г. Севастополя) были включены военнообязанные запаса 1925–1927 гг. рождения, не проходившие службу в Вооруженных Силах и «потерявшие право на отсрочку от призыва на действительную военную службу», и военнообязанные 1928 г. рождения, «не годные к строевой службе, но способные исполнять физический труд»¹⁶.

Еще одним Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1948 г. для подготовки рабочих для предприятий и строек металлургической промышленности в школы ФЗО были направлены 115 000 чел. из числа городской и сельской молодежи мужского пола в возрасте до 20 лет включительно¹⁷. По окончании обучения выпускники должны были проработать на стройках 3 года, а уклонение от призыва и самовольное оставление учебы или работы на стройке карались уголовным наказанием.

Стремление к увеличению количества призывников в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища проявилось не только в административном расширении контингента мобилизуемых, но и в методах проведения мобилизаций. Зачастую они осуществлялись не на добровольной основе. По данным, приводимым Д. Фильцером, в 1947 г. 73 % учащихся были мобилизованы в школы ФЗО насильственно. В ремесленные училища принудительно были набраны 20 % учеников¹⁸. Примеры «перегибов», которые допускались в процессе мобилизации молодежи в ремесленные училища и школы ФЗО, приведены в письме председателя Президиума Горпромсоюза г. Нижний Тагил Свердловской области Е. Р. Скварченко, озаглавленном «Игнорирование устава членов промкооперации», которое было направлено в газету «Правда» 20 августа 1946 г.: «В текущем году местные организации проводят мобилизацию в РУ и ФЗО, а так как в этой части в г. Н. Тагиле не совсем гладко с набором, то и в данном случае к нашей системе применили мобилизацию не только наших учеников на производственных участках артелей, но даже и тех подростков, которые имеют до 4 разряда, а так как мы доказывали невозможность проведения подобной мобилизации за счет наших артелей, что артели затратили большие средства, силы на ученичество, на обучение подростков, имеющих уже разрядность, что артели лишены будут возможности готовить себе новые молодые кадры, местные организации применили метод принудительного порядка непосредственно на указанный контингент молодых рабочих и учеников (путем привода на пункт в РУ и ФЗО без всякого расчета в артели и их ведома). ... Особенно в этом прояви-

ли активность Ленинского района райсовет, сельсовет села Лая, сельсовет с. Покровка, сельсовет с. Шайтанка и др. И таким порядком артели ... потеряли значительное количество своих учеников и молодых работников до 4 разряда и из-за потери указанных кадров вынуждены были в некоторых районах закрыть мастерские и прекратить ученичество»¹⁹.

Молодежь, мобилизованная в учебные заведения системы трудовых резервов, поступала на государственное обеспечение. В документах, регламентирующих процесс мобилизации в школы ФЗО и РУ, содержалось требование, согласно которому учащиеся должны обеспечиваться одеждой и обувью, двумя сменами белья и продуктами питания на время следования в пути²⁰. Оговаривались условия, которые должны быть созданы для проживания и обучения молодежи. Так, например, Постановлением Совета министров СССР от 16 июля 1946 г. № 1589 «О строительстве и восстановлении ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО в 1946 году» устанавливалось: «При строительстве, восстановлении и приспособлении в 1946 году зданий под ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО должно быть обеспечено на одного учащегося не менее 4 кв. метров жилых, 2 кв. метров культурно-бытовых и 1 кв. метра учебных площадей, а по ремесленным и железнодорожным училищам, кроме того, не менее 1,5 кв. метра производственных площадей»²¹.

Однако реалии не всегда соответствовали нормативам. Во многих школах не были созданы нормальные условия для обучения учащихся, нарушался режим занятий²². Зачастую молодежь, отбираемая для обучения в систему Государственных трудовых резервов, проживала в непростых условиях. Н. В. Чернышева приводит результаты проверки состояния бытовых условий учащихся школ ФЗО и училищ Кировской области, которая показала, что «в общежитиях холодно и грязно, нет кипяченой воды для питья, жесткий инвентарь отсутствовал». В одном из общежитий «на 100 чел. имелся 1 ломаный стул и табурет»²³. Неудовлетворительные условия жизни и работы в школах ФЗО являлись причиной для побегов учащихся. Так за 1949 г. из школ ФЗО и училищ выбыли 47,2 тыс. чел., что составило 3,24 % к общему количеству обучающихся²⁴.

Среди выпускников школ ФЗО и РУ был достаточно высокий процент выбывших с предприятий в течение первых 2-х лет (как правило, это были молодые рабочие, направленные на предприятия, расположенные вне места их постоянного жительства). При этом значительное количество выбывших оставляли предприятия самовольно. В феврале 1948 г. комиссия партийного контроля подготовила доклад о текучести кадров среди учащихся системы трудовых резервов и молодых рабочих, закончивших обучение и пришедших работать в промышленность и стро-

ительство. В основу доклада были положены результаты обследования 27 промышленных объектов (предприятий угольной промышленности, машиностроения, а такжестроек). За 10 месяцев 1947 г. на предприятия поступили 43 322 молодых рабочих, за этот же период выбыли с предприятий 24 782 чел. (57 %), из которых 18 426 чел. покинули предприятия самовольно²⁵. Картина текучести кадров по отдельным отраслям индустрии также не внушала оптимизма. Из 54 127 выпускников системы трудовых резервов, принятых в 1947 г. на предприятия черной металлургии, заводы покинули 34 028 чел. (63 %), большинство из которых сбежали (22 323 чел.)²⁶. За 11 месяцев 1948 г. со строек и предприятий Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии выбыли 24 тыс. молодых рабочих, в том числе самовольно 18 тыс. чел., прибыли же за этот период на стройки Министерства 55 тыс. молодых рабочих²⁷.

В отчете Министерства строительного и дорожного машиностроения о работе с кадрами в качестве причин самовольного оставления предприятий молодыми рабочими указывались следующие: «Резкий переход от школьного режима к самостоятельной жизни вне семьи и работе на производстве нередко вызывает временные трудности. Недостаточно чуткое и внимательное отношение со стороны отдельных руководителей предприятий к нуждам вновь прибывших молодых рабочих и стесненные жилищные условия»²⁸. В данном объяснении обозначены психоэмоциональные причины побегов молодых рабочих, а более важная проблема «стесненных жилищных условий» в отчете лишь корректно упоминается, хотя нерешенность жилищной проблемы служила одной из главных причин побегов с предприятий выпускников системы трудовых резервов. А. С. Кимерлинг приводит ряд примеров, иллюстрирующих данную проблему. В тексте доклада о работе Военного трибунала войск МВД Молотовской области за VI квартал 1947 г. освещен случай самовольного ухода с предприятия рабочего Катаева, который, окончив ремесленное училище и имея специальность слесаря, будучи направлен на завод, «использовался там не по специальности слесаря, а грузчиком и конюхом. ... Катаеву общежития администрация не представляла ... он был вынужден длительное время проживать в конюшне вместе с лошадьми, а затем уйти самовольно с работы»²⁹.

Если ответственность за высокую текучесть молодых рабочих возлагалась на руководство промышленных предприятий, то вопросы относительно качества образования и уровня квалификации молодых специалистов адресовывались Министерству трудовых резервов. На существование данной проблемы неоднократно указывалось в информационных справках министерств и на совещаниях по кадровым вопросам, проходивших на разных уровнях³⁰. Так, в справке

Министерства текстильной промышленности СССР о численности и подготовке рабочих кадров (март 1948 г.) отмечались следующие факты: «На Костромской льнокомбинат им. Ленина направлено в 1947 г. 165 ватерщиц, окончивших школу ФЗО № 3, из них только 15 чел. могли работать на типовом уплотнении, а 143 чел. не выполнили нормы выработки»³¹. Также Министерству трудовых резервов указывалось на то, что в школах ФЗО и училищах готовят рабочих по таким профессиям, которые не востребованы в промышленности и строительстве³².

Несмотря на существовавшие недостатки, учреждения системы трудовых резервов способствовали решению кадровой проблемы, остро стоявшей в советской индустрии в первые послевоенные годы. В масштабах РСФСР за годы четвертой пятилетки школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища подготовили 2 089 тыс. молодых рабочих (что составляет около 8 % от общего количества рабочих РСФСР). Из них 715 тыс. (34 %) окончили ремесленные и железнодорожные училища, а остальные (66 %) – школы ФЗО³³. В конце 1940 – начале 1950-х гг. был преодолен дефицит трудовых ресурсов в большинстве отраслей промышленности (металлургия, угольная, текстильная промышленность и пр.)³⁴. Вследствие этого потребности экономики в полуквалифицированной рабочей силе значительно сократились. Уже в 1949 г. учебными заведениями системы трудовых резервов не был выполнен план подготовки специалистов. В отчете Министерства трудовых резервов за 1949 г. невыполнение плана (99,4 %) объяснялось недостаточным укомплектованием школ, а также отказом предприятий принять выделенных по плану молодых рабочих вследствие «неподготовленности к приему или отсутствия потребности в дополнительной квалифицированной рабочей силе»³⁵.

Тенденция снижения спроса на выпускников системы трудовых резервов сохранялась и в последующие годы. В 1952 г. численность учащихся, поступивших в школы ФЗО, сократилась в 3 раза в сравнении с количеством учащихся, поступивших в 1947 г.³⁶ В целом за годы пятой пятилетки школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища РСФСР подготовили 1150 специалистов (на 40 % меньше, чем в годы четвертой пятилетки). Изменилось соотношение между количеством выпускников школ ФЗО и ремесленных и железнодорожных училищ. Если в годы четвертой пятилетки доля выпускников училищ составляла 34 % от общего количества окончивших обучение, то в годы пятой пятилетки она возросла до 45 %³⁷.

В конце 1940 – начале 1950-х гг. в учебных заведениях системы трудовых резервов произошли изменения. Решением проблемы низкой квалификации выпускников ФЗО и РУ и ответом на снижение спроса предприятий на

выпускников системы трудовых резервов стало увеличение сроков обучения учащихся. В отчете «О подготовке кадров» Министерства трудовых резервов СССР за 1949 г. отмечалось, что Совет министров СССР, пойдя навстречу Министерству трудовых резервов, разрешил для 13,5 тыс. нераспределенных выпускников училищ (которых отказались принять министерства и ведомства в 1949 г.), «продлить срок производственного обучения до 1 января 1950 г. с направлением их на предприятия по мере выявления дополнительной потребности промышленности в квалифицированных рабочих»³⁸. Если данный случай продления сроков обучения был скорее вынужденной мерой, выходом из сложной ситуации, то последующие реформы в других заведениях системы трудовых резервов были спланированными мероприятиями (хотя и имевшими аналогичные причины). В целом вектор реформирования учебных заведений системы трудовых резервов характеризовался двумя тенденциями: увеличением сроков обучения и специализацией заведений для нужд определенных отраслей промышленности.

В 1949 г. 192 школы ФЗО (36 100 учащихся) было переведено на 10-месячный срок обучения для подготовки рабочих строителей по смежным профессиям. В 14 ремесленных училищах, готовивших специалистов для полиграфической промышленности, срок обучения увеличен с 2-х до 3-х лет. 14 художественных и 17 ремесленных училищ с общим количеством учащихся 8 000 чел. были переориентированы на подготовку квалифицированных рабочих строителей по смежным профессиям. Постановлением Совета министров СССР от 10 июня 1949 г. ремесленные училища и школы ФЗО, готовившие молодых рабочих для угольной промышленности, были преобразованы в горнопромышленные училища со сроком обучения 2 года и горнопромышленные школы со сроком обучения 6 месяцев (с 1953 г. в горнопромышленных школах срок обучения был продлен до 10 месяцев). В 1949 г. было организовано 10 специальных горнотехнических училищ с семимесячным сроком обучения, готовивших техников для угольной промышленности³⁹.

Таким образом, деятельность учебных заведений системы трудовых резервов в сложное послевоенное время способствовала решению кадровых проблем советской индустрии, готовя в сжатые сроки специалистов для отраслей тяжелой промышленности (не исключая использование в процессе трудовой мобилизации методов принуждения). К концу 1940 – началу 1950-х гг. проблема нехватки рабочих рук была решена в большинстве отраслей советской индустрии, вследствие чего изменились потребности экономики. Промышленности требовались более квалифицированные кадры, получившие специальное образование для работы в определенных отраслях индустрии. В соответствии с данными

задачами корректировалась деятельность учебных учреждений системы трудовых резервов: увеличивались сроки обучения, углублялась специализация учебных учреждений. Продолжением данных тенденций стали реформы 1950-х гг., когда трудовая мобилизация молодежи была отменена, а учебные заведения системы трудовых резервов были преобразованы в дневные и вечерние профессионально-технические школы.

Примечания

- 1 Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР : в 5 т. Т. 5. 1946–1948. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1949. С. 25.
- 2 См.: Труд в СССР : статистический сборник. М. : Финансы и статистика, 1988. С. 40.
- 3 Там же.
- 4 См.: РСФСР за 40 лет. Статистический сборник. М. : Советская Россия, 1957. С. 114.
- 5 Заседания Верховного Совета РСФСР 20–25 июня 1946 г. Седьмая сессия. Стенографический отчет. М. : Изд-во Верховного Совета РСФСР, 1946. С. 343–344.
- 6 См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Сборник документов за 50 лет : в 5 т. Т. 2. 1929–1940 гг. М. : Политиздат, 1967. С. 774–775.
- 7 См. : *Фильцер Д.* Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны М. : РОССПЭН, 2011. С. 59.
- 8 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 280. Л. 45–52.
- 9 Там же. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 280. Л. 63.
- 10 Там же. Ф. Р-9507. Оп. 2. Д. 418. Л. 9–11 ; Д. 420. Л. 9.
- 11 Там же. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 281. Л. 14.
- 12 Там же. Д. 280. Л. 45–52.
- 13 Там же. Д. 286. Л. 240.
- 14 См. : *Фильцер Д.* Указ. соч. С. 59.
- 15 Указ Президиума ВС СССР от 4 августа 1948 г. «О призыве (мобилизации) в школы фабрично-заводского обучения подлежащих призыву в армию граждан мужского пола, рождения 1928 года» (Протокол № 31, п. 27а) // Законы, принятые ВС СССР, и указы Президиума ВС СССР за 1948 год : в 6 т. Т. 6. М. : Управление делами Совнаркома Союза СССР, 1949. С. 168.
- 16 См. : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «О призыве (мобилизации) в школы фабрично-заводского обучения военнообязанных запаса граждан мужского пола рождения 1925, 1926, 1927 годов и военнообязанных рождения 1928 года» (Протокол № 33, п. 13) // Законы, принятые ВС СССР, и указы Президиума ВС СССР за 1948 год : в 6 т. Т. 6. С. 220.
- 17 См. : Указ Президиума ВС СССР от 17 ноября 1948 г. «О призыве (мобилизации) в школы фабрично-заводского обучения для подготовки рабочих для предприятий истроек металлургической промышленности 115000 человек молодежи мужского пола в возрасте до 20 лет» (Протокол N 32, п. 44) // Законы, принятые ВС СССР, и указы Президиума ВС СССР за 1948 год : в 6 т. Т. 6. С. 215.
- 18 См. : *Фильцер Д.* Указ. соч. С. 60.
- 19 Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5538. Л. 288.
- 20 См. : ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 280. Л. 46.
- 21 Там же. Д. 281. Л. 14.
- 22 См. : Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7604. Оп. 8. Д. 463. Л. 34.
- 23 *Чернышева Н. В.* «Чтобы выжить, продавали свои вещи...» Повседневные потребности трудовых мигрантов в середине 1940-х – 1960-х годах (на материалах Кировской области) // История : факты и символы. 2017. № 2. С. 34.
- 24 См. : ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 2. Д. 88. Л. 46.
- 25 См. : Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 644. Л. 20.
- 26 См. : РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 46. Д. 227. Л. 49.
- 27 См. : ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 358. Л. 320.
- 28 РГАЭ. Ф. 8227. Оп. 1. Д. 1276. Л. 16.
- 29 См. : *Кимерлинг А. С.* Выполнять и лукавить : политические кампании поздней сталинской эпохи. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 70.
- 30 ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 2. Д. 88. Л. 44–45.
- 31 РГАЭ. Ф. 8591. Оп. 1. Д. 1438. Л. 120.
- 32 См. : ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 2. Д. 88. Л. 46.
- 33 РСФСР за 40 лет : стат. сборник. М. : Советская Россия, 1957. С. 114.
- 34 См. : *Хлусов М. И.* Развитие советской индустрии. 1946–1958. М., 1977. С. 102.
- 35 ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 2. Д. 248. Л. 4.
- 36 См. : *Фильцер Д.* Указ. соч. С. 60.
- 37 См. : РСФСР за 40 лет. ... С. 114.
- 38 ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 2. Д. 248. Л. 3.
- 39 Там же. Л. 10.

Образец для цитирования:

Клинова М. А. Учебные заведения системы трудовых резервов: методы и результаты решения кадровых проблем советской индустрии в послевоенные годы // Изв. Саратов ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 298–303. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-298-303>

Cite this article as:

Klinova M. A. Educational Institutions of the System of Labor Reserves: Methods and Results of Solving Personnel Problems of the Soviet Industry in the Postwar Years. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 298–303 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-298-303>

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(474)

Борьба Тевтонского ордена с рижскими архиепископами в конце XIII – первой трети XIV века и мифологизация истории основания Ордена меченосцев

А. А. Конопленко

Конопленко Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической психологии и психологии государственной службы, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Саратов, aakonoplenko@yandex.ru

В статье выявляются особенности освещения истории создания Ордена меченосцев в старейшем памятнике тевтонской литературной традиции – «Старшей ливонской Рифмованной хронике», рассматриваются историко-политические условия, сложившиеся на ранних этапах крестового завоевания Юго-Восточной Прибалтики, взаимоотношения меченосцев и ливонских епископов. На основе анализа общих тенденций исторического развития Тевтонского ордена, эволюции церковно-политического устройства его государства, внутривнутриполитической истории Ливонии второй половины XIII–первой трети XIV в., событий междоусобной войны 1297–1330 гг. формулируется вывод об обусловленности особенностей описания в Рифмованной хронике ранних событий ливонской истории более поздними взаимоотношениями рижского архиепископа, ливонских епископов, города Риги и Тевтонского ордена, а также о связи создания «Рифмованной хроники» с политическими устремлениями руководства Тевтонского ордена.

Ключевые слова: «Старшая Ливонская рифмованная хроника», средневековая историография, Тевтонский орден, Пруссия, Ливония, Рижское архиепископство, Рига, ливонский епископат, церковно-политическая организация.

The Teutonic Order's Fight against the Archbishopric of Riga at the End of the XIII – the First Third of the XIV Century and Mythologization of the History of Foundation of the Order of the Brothers of the Sword

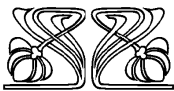
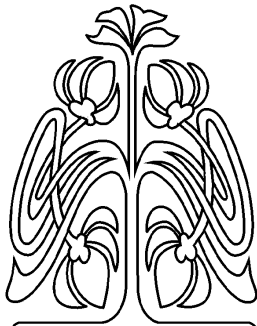
А. А. Конопленко

Andrey A. Konoplenko, <https://orcid.org/0000-0003-2815-8945>, Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410031, Russia, aakonoplenko@yandex.ru

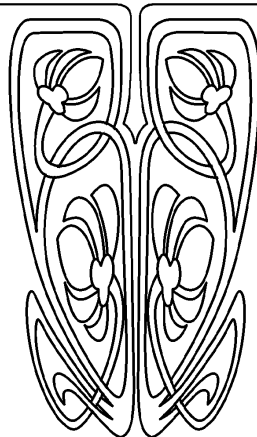
This article reveals the peculiarities of presenting the history of creation of the Order of the Brothers of the Sword in the oldest relic of Teutonic literary tradition – the Livonian Rhymed Chronicle. The article describes historical-political conditions prevailing in the early stages of peasant's conquest of the South-East Baltics, mutual relations between the sword bearers and Livonian bishops. The author reviews general trends of the historical development of the Teutonic Order, the evolution of church political structure of its State, the internal political history of Livonia in the second half of XIII–the first third of XIV century and the events of internecine war in 1297–1330. Based on the analysis, the author concludes how the specifics of the recent events description in the Rhymed chronicle were caused by a later relationship among the Archbishopric of Riga, Livonian bishops, and the city of Riga and the Teutonic Order, as well as on the ties of foundation of the Rhymed chronicle with political aspiration of the Teutonic Order's leadership.

Keywords: The Livonian Rhymed Chronicle, Historiography in the Middle Ages, the Teutonic Order, Prussia, Livonia, the Archbishopric of Riga, Riga, Livonian Episcopate, church political organization.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-304-310>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В начале XIII в. Юго-Восточная Прибалтика – территория, получившая название Ливонии, стала объектом крестоносной экспансии, осуществляемой, прежде всего, силами выходцев из германских земель. В ее авангарде встала главная сила немецких крестоносцев в регионе – Орден меченосцев (Братство рыцарей Христовых). При выяснении обстоятельств основания этой духовно-рыцарской корпорации исследователи обращаются к наиболее подробному и достоверному источнику – «Хронике Ливонии»¹ немецкого священника-миссионера Генриха Латвийского (ок. 1188–после 1259). Генрих являлся соратником епископа Альберта Буксгевдена (1199–1299), третьего ливонского и первого рижского епископа, фактического создателя немецкой колонии в ливонских землях, и потому был достаточно хорошо осведомлен о политических коллизиях ранней ливонской истории.

Генрих Латвийский так описывает создание корпорации меченосцев: в 1202 г. священник Дитрих, который замещал в Ливонии епископа Альберта, в очередной раз отправившегося в Германию набирать крестоносцев, «предвидя вероломство ливов и опасаясь, что иным образом не удастся противостоять массе язычников, для умножения числа верующих и сохранения церкви среди язычников основал... Братство рыцарей Христовых»². Большинство исследователей считают действительным основателем Ордена Альберта³ или действовавшего по его поручению священника Дитриха⁴. Также существует предположение⁵, что создание рыцарской организации вообще стало следствием собственной инициативы Дитриха⁶, возможно, вопреки воле Альберта⁷. Целью подобной инициативы называется создание силового противовеса власти рижского епископа⁸. Однако подобные предположения не находят убедительного подтверждения в источниках. Документальные материалы в этом вопросе мало информативны. Лишь в папской булле от 1204 г., адресованной духовенству Бременской архиепархии и призывавшей к крестовому походу в Ливонию, делается оговорка, в которой основателем Ордена также называется епископ Альберт⁹.

История Ордена меченосцев оказалась непродолжительной: в 1237 г. он прекратил самостоятельное существование после инкорпорирования в состав Тевтонского ордена. Поводом к ликвидации самостоятельности меченосцев стало поражение, понесенное ими от литовцев при Сауле (Шауляе) в 1236 г. По распоряжению папы Тевтонский орден, с трудом изыскивавший средства для войны в Пруссии¹⁰, должен был взять на себя ответственность также и за Ливонию, переговоры о чем к тому времени шли уже 7 лет. Созданное на землях, принадлежащих меченосцам, Ливонское ландмейстерство Тевтонского ордена стало по сути правопреемником их организации¹¹, унаследовав сложности ее политиче-

ского статуса и в немалой степени приоритеты ее политики в отношении других ливонских ландесгерров, прежде всего – рижского епископа. В частности, Ливонское ландмейстерство унаследовало подчинение рижскому епископу (с 1255 г. – архиепископу)¹².

В свое время, как указывалось, Орден меченосцев был создан местной церковной властью в лице епископа Альберта и, несмотря на то, что в силовом, военно-политическом отношении он значительно ее превосходил, на протяжении всего своего существования формально оставался у нее в подчинении, несмотря на многочисленные попытки с данной зависимостью покончить. Это отличало корпорацию меченосцев от таких духовно-рыцарских организаций, как, например, ордены тамплиеров, госпитальеров, Тевтонский, обладавших правом экземпции, т. е. изъятия из подчинения местным властям, подотчетности напрямую папе. Борьба за освобождение от подчинения епископату стала одной из важнейших составляющих политической истории Ордена меченосцев, но в итоге так и осталась безуспешной, во многом определив его судьбу¹³. После создания Ливонского ландмейстерства проблема силового и статусного несоответствия стала актуальной для Тевтонского ордена, что еще более запутывало и без того не простые политические отношения новосозданных в Прибалтийском регионе властных структур.

Новые политические реалии, сложившиеся в Юго-Восточной Прибалтике с конца 30-х гг. XIII в., нашли отражение в новом историческом нарративе. В конце XIII в. теперь уже в Ливонском ландмейстерстве был создан второй из важнейших письменных памятников истории северных крестовых походов в XIII в. – «Старшая ливонская Рифмованная хроника»¹⁴. Хроника написана, вероятно, в период между 1280 и 1290 гг. (или возможно до 1295 г.). Имя автора неизвестно, предположительно, это был орденский рыцарь, герольд или посланник ландмейстера (но, исходя из контекста хроники, определенно, не орденский священник), прибывший в Ливонию предположительно в конце 70–начале 80-х гг. XIII в.¹⁵ Сочинение написано в ставшем особенно популярной, начиная с XIII в.¹⁶, стихотворной форме, на смеси средневерхненемецкого и средненижненемецкого диалектов¹⁷. На страницах хроники в духе немецкой рыцарской поэзии рассказывается о событиях ливонской истории от прибытия немцев в устье Западной Двины до начала 1290-х гг.¹⁸ Хроника носит выраженный дидактический характер и, вероятно, учитывая ее поэтическую форму, предназначалась для зачитывания вслух перед братией Ордена¹⁹.

Автор «Рифмованной хроники» приводит свою версию истории учреждения Ордена меченосцев, отличную от рассказа Генриха Латвийского. В новом изложении сообщается следующее: после смерти второго ливонского епископа

Бертольда (1195–1198), попытавшегося компенсировать неудачу миссионерской деятельности военной акцией против язычников, назначенный третьим ливонским епископом Альберт Буксгевден отправился в Рим, где был принят папой. Причем понтифик дает Альберту распоряжение учредить духовный орден по уставу тамплиеров, который должен получать в собственность третью часть завоеванных земель и находиться под защитой папского престола²⁰.

Таким образом, политическая картина существенно меняется: инициатором создания Ордена меченосцев называется римский папа. Первый рижский епископ Альберт, как указывалось, фактический создатель духовно-рыцарской корпорации, предстает в изложении хрониста всего лишь исполнителем папского решения. Более того, контекстуально выполнение Альбертом воли папы и учреждение Ордена преподносятся как главная заслуга епископа. Примечательно, что иерархи, возглавлявшие Рижскую епархию (затем архиепархию), после Альберта вообще не называются в хронике²¹. Это обстоятельство, а также сам характер изложения материала формирует у читателя впечатление о преэминентности власти в Ливонии, последовательном и закономерном переходе лидерства в завоевании ливонских земель и крещении язычников сначала от рижского епископа к магистру меченосцев, а затем от него – к ливонскому ландмейстеру Тевтонского ордена²². И что особенно важно – в рассказе об основании Ордена меченосцев подчеркивается подчиненность вновь основанного братства меченосцев не епископу, а напрямую папскому престолу. Немаловажным является и указание принципов раздела между епископом и Орденом завоеванных территорий: их формальное утверждение папой, вопреки сообщению хрониста, произошло лишь в 1210 г. (фактически раздел начался с 1207 г.), но автору хроники, вероятно, было важно подчеркнуть «равноправие» и епископа, и Ордена в разграничении властных полномочий как существовавшее изначально и не вызывавшее со стороны епископа никакого сопротивления²³.

Если опять же обратиться к документам, то становится ясно, что, вопреки сообщению «Рифмованной хронике» и фактическое утверждение папой Ордена меченосцев, и определение его статуса состоялись лишь спустя 8 лет после его основания, и через 11 лет после того, как Альберт стал епископом в 1210 г.²⁴ До того особого внимания к новой духовно-рыцарской корпорации, как и в целом к ливонским крестовым походам, папская курия не проявляла. Согласно «Рифмованной хронике» утверждение епископа Альберта и основание Ордена происходят не только одновременно (хотя второе произошло, как говорилось выше, спустя 3 года после первого), но фактически выступают в одном ряду, двумя параллельными составляющими одного акта

папской воли, что придает им видимость явлений равнозначимых.

Подобное изложение событий, связанных с ранней ливонской историей, основанием Ордена меченосцев, не соответствует действительности, и, пожалуй, явно мифологизировано. Что послужило причиной подобной мифологизации и была ли она намеренной?

Зададимся вопросом: какими источниками пользовался автор «Рифмованной хронике» и мог ли он почерпнуть искаженную информацию о создании Ордена меченосцев из какого-либо другого сочинения? Как установлено исследователями, хронист, помимо собственных наблюдений, рассказов очевидцев, данных устной традиции²⁵, пользовался и письменными источниками²⁶, в том, числе, возможно, и сочинением Генриха Латвийского²⁷. Расхождения в текстах «Рифмованной хронике» и «Хронике Ливонии» вряд ли могут свидетельствовать о том, что автору первой сочинение Генриха Латвийского было неизвестно²⁸. Так, установлен, с одной стороны, факт знакомства автора «Рифмованной хронике» с текстом Стенбийского договора, заключенного в 1238 г. между датским королем Вальдемаром II Победителем (1202–1241) и ливонским ландмейстером Германом Бальке (1237–1238)²⁹, а с другой, то, что из рассказа орденского хрониста о немецко-датском соглашении исчезли те его составляющие, которые, спустя столетия, оказались для Ордена неудобными, ставящими под сомнение его исключительную роль в христианизации региона³⁰.

Возможно, автор опирался и на некую не сохранившуюся, но предполагаемую хроникю Ордена меченосцев. Можно было бы допустить, что искаженный рассказ об основании корпорации меченосцев содержался уже там и оттуда был заимствован принявшим его на веру автором «Рифмованной хронике». Однако подобное предположение представляется маловероятным уже в силу того, что фальсификация не столь отдаленных событий самими меченосцами была бы слишком явной, особенно с учетом того, что были живы современники описываемых событий. Такой сомнительный ход Ордену, который вел постоянную борьбу с епископатом, апеллируя к внешним силам – папе, императору – и стараясь выставить себя в наиболее выгодном свете, скорее был бы вреден, чем полезен.

Таким образом, можно заключить, что содержание «Рифмованной хронике» определялось не только степенью осведомленности автора, но и его политическими императивами. Так что вопрос о причинах недостоверного освещения истории создания Ордена меченосцев приводит к постановке другого: могли ли сведения Генриха Латвийского быть пригодными для орденского сочинения?

Итак, вымышленная история об основании организации меченосцев появляется, насколько

ко известно, именно в конце XIII в., на рубеже 1280–1290-х гг. Почему же именно в это время? Как указывалось, Тевтонский орден обладал правом экзекуции³¹. Папа «решительно запретил» «любому духовному или светскому лицу требовать от магистра и братьев... вассальной верности, владений, присяги либо другой светской службы»³². К 1283 г. Тевтонский орден решил свою главную задачу, после тяжелейших войн покорив Пруссию и подавив к середине 1290-х гг. последние очаги сопротивления пруссов. Это позволило тевтонцам перейти к решению внутривнутриполитических проблем. В 1280-х гг. Орден начинает наступление на политические позиции епископов, возглавлявших 4 созданных на территории Пруссии епархии – епископства Вармийское, Кульмское, Самбийское и Помезанское³³. Эту задачу братьям-рыцарям удалось решить по большей части без каких-либо серьезных затруднений. Три из четырех прусских епископств (кроме Вармийского, обладавшего особым политическим статусом) были инкорпорированы в состав Тевтонского ордена, став частью его политической и церковной структуры³⁴. Это было сделано с учетом предыдущих мощных прусских восстаний, в обмен на гарантии епископам безопасности со стороны Ордена, под давлением капитулов, постепенно наполненных членами Ордена³⁵.

В Ливонии ситуация была иной и более сложной для реализации Орденом политики политической консолидации, подобной прусской³⁶. Епископы здесь изначально находились в меньшей зависимости от военной поддержки Ордена из-за меньшей остроты противостояния с местными этносами (особенно в Ливии и Латгалии)³⁷. Рижский, дерптский и эзель-викский епископы имели статус имперских князей. Главными противниками братьев-рыцарей стали рижские архиепископы, опиравшиеся на богатую Ригу. Рига, в свою очередь, также шла к неизбежному конфликту с Орденом, в основе которого лежали экономические противоречия. Растущая экономическая мощь Ордена превращала его в опасного конкурента Риги в балтийской торговле. В 1257 г., по булле от 6 августа, Орден получил разрешение на посредническую торговлю от папы Александра IV (1254–1261)³⁸. 17 июня 1279 г. германский король Рудольф Габсбург (1273–1291) распространил на ливонскую ветвь все права и привилегии Ордена³⁹, что обязывало рижан уплачивать Ордену пошлины с торгово-экономической деятельности. Неясными были и судебно-правовые отношения Ордена и Риги⁴⁰.

Ареной противостояния Ордена и епископата стали ливонские земли, а в его авангарде шло Ливонское ландмейстерство, поддерживаемое из Пруссии. Собственно прямые столкновения рижского прелата и Ордена, являвшегося в Ливонии главной военной силой, имели место и

до 1280-х гг. Так, в 1269 г. братья-рыцари захватили в плен и продержали 2 года в заключении архиепископа Альберта II Зуербера (1245–1273), добившись от него политических и территориальных уступок. Однако на тот раз конфликт не привел к войне⁴¹.

Противостояние обострилось в 1297 г., когда рижане построили мост, в чем комтур местного орденского замка усмотрел угрозу обороноспособности крепости, в частности, ее речному снабжению. Апеллируя к упомянутой грамоте Рудольфа Габсбурга от 17 июня 1279 г., согласно которой горожанам запрещалось возводить строения, мешающие орденским зданиям, комтур потребовал полностью разрушить мост, а в ответ на требование рижанами компенсации ответил угрозами⁴². Начались кровопролитные столкновения. Последней каплей стал пожар Риги⁴³. Рижане обвинили рыцарей в поджоге, разорили орденские владения в пределах города, а затем, 30 сентября, взяли и разрушили орденский замок⁴⁴.

Главой антиорденского союза стал рижский архиепископ Иоганн III фон Шверин (1294/1295–1300), сын враждовавшего с Орденом шверинского графа Гунцелина III (1228–1274). Также в антиорденскую коалицию вошли Рига, дерптский и эзель-викский епископы⁴⁵, а позднее – литовский князь Витень (1295–1316); еще позже обещал помощь датский король Эрик VI Менвед (1286–1319)⁴⁶. Однако Орден быстро перехватил инициативу. Первым попал под его удар эзель-викский епископ Конрад, владения которого были захвачены братьями-рыцарями. Дерптский прелат, вероятно, не желая подобного развития событий в отношении своих земель, поспешил отказаться от союза с Ригой. Интересным представляется выбор Орденом направления удара – по Дерптскому или по Эзель-Викскому епископству. Представляется, что он был обусловлен геополитическим положением первого. Дерптское епископство граничило с русскими землями и удар по нему грозил ослабить и без того плохо защищенную в XIII в. русско-ливонскую границу⁴⁷, что могло осложнить положение вторжением с востока. О том, что подобная ситуация рассматривалась орденским руководством как вполне возможная, свидетельствуют более поздние события марта 1299 г., когда ливонские рыцари, едва достигнув некоторого успеха в борьбе с враждебной им коалицией, предприняли поход на Псков⁴⁸. Эта военная акция, как представляется, будучи осуществлена в явно неблагоприятной для братьев-рыцарей обстановке, могла (с оговоркой на скупость информации источника) носить по большей части демонстративный характер и иметь основной целью удержать русскую сторону от возможного вмешательства в ливонские дела.

Однако вернемся к началу войны. Первоначальные успехи Ордена с вторжением литовцев

оказались под угрозой. Архиепископ попал в плен к братьям-рыцарям, захватившим его резиденцию в Тураиде. Боевые действия пошли с переменным успехом. 1 июня 1298 г. в столкновении с численно превосходящими силами литовцев, возвращавшимися после разорения замка Каркус и его окрестностей, войско ливонского ландмейстерства потерпело поражение, в бою ландмейстер «Бруно (1296–1298) и многие [братья] пали»⁴⁹. Орденский хронист Петр из Дусбурга (ок. 1260–после 1326) писал о сражении с Витенем: «Брат Бруно, магистр земли Ливонии, с небольшим войском... напал на него... и хотя из рук врагов были освобождены почти три тысячи христиан... король все же взял верх и убил магистра с 22 братьями и 1500 христианами»⁵⁰. Развивая успех, литовцы и рижане осадили замок Нейермюлен, где содержался пленный рыцарями архиепископ. Но здесь в дело вмешались тевтонцы из Пруссии. Осознавая тяжелое положение ливонских рыцарей и понимая, что подлинными хозяевами положения в южной Ливонии становятся литовцы, которым затягивание конфликта только на руку, «брат Готфрид фон Гогенлое, великий магистр» пошел на решительные меры и «послал брата Бертольда Брухаве, комтура Кенигсберга, со многими братьями и оруженосцами в землю Ливонии, на помощь тамошним братьям». 29 июня 1298 г. войско Бертольда, опытного военачальника, и присоединившиеся к нему ливонцы наголову разгромили литовцев и рижан, причем поражение литовско-рижской рати, по меркам средневековых военно-исторических реалий, было весьма тяжелым: в бою «убили свыше 4 тысяч горожан рижских и литвинов»⁵¹. Затем новый ливонский ландмейстер Готфрид фон Рогге (1298–1306) с помощью бранденбургского комтура Куно из Пруссии предпринял ответное вторжение в литовские земли⁵².

Папа, пытаясь погасить конфликт, потребовал освободить Иоганна III, вызвал в Рим и архиепископа, и ландмейстера. Направляясь с жалобой на Орден к папе, архиепископ умер по дороге в Ананьи.

С этого начался длительный конфликт, продолжавшийся с переменным успехом до 1330 г. Особую проблему для братьев-рыцарей создавали союзные отношения архиепископа и Риги с литовцами⁵³, его жалобы папе (особенно на фоне процесса тамплиеров), нежелание рукополагать назначаемых Орден прусских епископов. В 1245 г. папа учредил должность единого архиепископа Пруссии, Ливонии и Эстонии, подчинив ему 4 прусских и 3 ливонских епархий⁵⁴. По папскому решению в 1253 г. резиденцией архиепископа стала Рига⁵⁵, рижская епархия в 1255 г. превратилась в архиепархию, а прусские и ливонские епископы – в суффраганов рижского архиепископа⁵⁶.

18 марта 1330 г. Рига, главная опора архиепископа, после шестимесячной осады капиту-

лировала перед братьями-рыцарями и признала власть Ордена⁵⁷. Однако, несмотря на завершение войны 1297–1330 гг., борьба еще не раз возобновлялась, приобретая форму тлеющего конфликта. Отстояв независимость от епископата и закрепив свое положение как доминирующей в Ливонии силы, Орден в дальнейшем направил усилия на его подчинение⁵⁸. Не оставляли попыток побороть Орден и рижские архиепископы⁵⁹. В конце XIV в. тевтонцам удалось добиться на какое-то время серьезного успеха: в 1393 г., возможно, подкупив папу, они добились назначения на архиепископский престол Иоганна V фон Валленроде (1393–1418), родственника великого магистра Конрада фон Валленроде (1391–1393). Иоганн стал одновременно и рижским архиепископом, и членом Ордена⁶⁰. А в 1397 г. последовала папская булла, согласно которой впредь возглавлять Рижскую архиепархию мог опять же только член Ордена⁶¹. Однако уже при преемнике Иоганна V Иоганне VI Амбунди (1418–1424) конфликт разгорелся вновь. 14 января 1423 г. постановление об инкорпорировании Рижского епископства Ордену было отменено новым папским решением⁶², и конфликтная ситуация получила продолжение, сохраняясь вплоть до утраты Ливонией независимости в XVI в.

Как представляется, оформление мифа об обстоятельствах основания Ордена меченосцев накануне прямого столкновения Ордена и епископата могло быть элементом орденской идеологической политики, направленной на оспаривание владельных прав архиепископа в отношении Ливонского ландмейстерства, на обоснование справедливости орденских властных претензий, осознание которой с учетом средневековых реалий было необходимым условием и залогом успешной политической борьбы. Вероятно, потребностями возвеличить подвиги Ливонского ландмейстерства, его военные заслуги было обусловлено и само создание «Рифмованной хроники». Как известно, она стала первым пространственным памятником литературы Тевтонского ордена в целом⁶³. То, что первая орденская хроника была создана не в центре сосредоточения верховной орденской власти, не в Пруссии, где по сути решалась судьба Ордена, а именно в Ливонии, где позиции Ордена были менее прочными, может свидетельствовать в пользу политической востребованности и обусловленности ее создания.

О политико-идеологической причине написания хроники косвенно говорят и некоторые известные сведения об авторе, который вращался в высших властных кругах Ливонского ландмейстерства⁶⁴, был хорошо осведомлен об орденских обычаях, нормах и практике протокола в управлении Орденом⁶⁵, присутствовал в 1279 г. на выборах единого для Ливонии и Пруссии ландмейстера Конрада фон Фейхтвангена (ландмейстер Ливонии в 1279–1281 гг., Пруссии – в

1279–1280 гг., магистр Германии в 1284–1290 гг., великий магистр в 1291–1296 гг.)⁶⁶, при избрании великого магистра Бурхарда фон Швандена в Акре в 1282/1283 гг.⁶⁷, был лично знаком с ливонскими ландмейстерами Конрадом фон Фейхтвангеном (1279–1281), Виллекином фон Ниндорфом (1283–1287), Конрадом фон Гацигенштейном (1288–1290) и Хольтом (1290–1293), был близок к их двору⁶⁸. Соответственно, автор хроники вполне мог стать выразителем интересов орденских управителей, выполнив заказ на создание апологетического сочинения.

Следует обратить внимание на причины создания известных хроник Северных крестовых походов. С целью оптимального политического позиционирования была написана хроника Генриха Латвийского – своего рода отчет о деятельности первого рижского прелата, призванный усилить его позиции накануне прибытия в Ливонию папского легата, назначенного для прибалтийских земель, – Вильгельма Моденского⁶⁹, направленного наряду с прочим и для разрешения конфликтов в крестоносном лагере. Создание цитированной выше прусской хроники Петра из Дусбурга, ставшей «началом подлинной исторической памяти Ордена»⁷⁰, также было вызвано политическими соображениями, прежде всего, необходимостью внешнеполитической апологии деятельности Тевтонского ордена и, с другой стороны – потребностью в идеологическом самоутверждении⁷¹, в сочинении, содержащем идеологическое обоснование внутренних реформ, инициированных великим магистром Вернером фон Орзельном (1324–1330)⁷². Есть основания полагать, что не стали исключением и мотивы создания «Старшей ливонской Рифмованной хроники», также носившие политический характер, что вообще не является необычным для средневекового историописания, а время, условия и особенности воплощения текста позволяют с достаточной степенью вероятности определить политические императивы его автора, тенденциозно интерпретировавшего историю создания предшественника Ливонского ландмейстерства, представляя мифологизированную политическую реальность как элемент идеологии и инструмент политической борьбы.

Примечания

- ¹ Origines Livoniae sacrae et civilis. Heinrich's des Letten älteste Chronik von Liefland, aufs neue herausgegeben und mit einer Einleitung // *Scriptores rerum Livonicarum* : in 2 Bd. (далее – SRL). Riga ; Leipzig, 1853. Bd. 1. S. 50–311.
- ² Ibid. S. 76.
- ³ См., напр.: *Соловьев М. П.* Очерк истории Прибалтийского края. СПб., 1883. С. 41.
- ⁴ См., напр.: *Чешихин Е. В.* История Ливонии с древнейших времен : в 3 т. Т. 1. Рига, 1884. С. 99.
- ⁵ *Rutenburg O. von.* Geschichte der Ostseeprovinzen Liv-, Esth- und Kurland von der älteren Zeit : in 2 Bd. Leipzig, 1859. Bd. 1. S. 63.
- ⁶ *Koch F.* Livland und das Reich bis zum Jahre 1225. Posen, 1943. S. 15.
- ⁷ См., напр.: *Jänhig B.* Zisterzienser und Ritterorden zwischen geistlicher und weltlicher Macht in Livland und Preußen zu Beginn der Missionszeit // *Die Ritterorden zwischen geistlicher und weltlicher Macht im Mittelalter* / hrsg. von Z. H. Nowak. Torun, 1990 (Ordines militares – Colloquia torunensia historica V – 1990). S. 79–80.
- ⁸ См.: *Бойцов М. А., Ткаченко Н. Г.* Вместо Палестины – Ливония // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История.* 1995. № 2. С. 72.
- ⁹ Liv-, Esth- und Curländischen Urkundenbuch nebst Regesten. Abt. 1 : in 12 Bd. (далее : LUB) / hrsg. von F. G. Bunge. Reval, 1853. Bd. 1. № 14, 16.
- ¹⁰ См.: *Бахтин А. П.* Завоевание Пруссии Тевтонским орденом по остаточному принципу // *Калининградские архивы.* Калининград, 2013. Вып. 10. С. 26.
- ¹¹ *Tumler M.* Der Deutsche Orden im Werden, Wachsen und Wirken bis 1400 mit einem Abriß der Geschichte des Ordens von 1400 bis zur neuesten Zeit. Wien, 1955. S. 288.
- ¹² LUB. Bd. 1. № 149.
- ¹³ См.: *Конопленко А. А.* Орден меченосцев в политической истории Ливонии : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. С. 178–208.
- ¹⁴ Dietleb's von Alnpeke Livländische Reimchronik, nach dem Bergmannschen Drucke mit den Ergänzungen den abweichenden Lesearten der Heidelberger Handschrift neu bearbeitet und herausgegeben von C. E. Napiersky und Th. Källmeyer (далее : LR) // SRL. Bd. 1. S. 491–819.
- ¹⁵ *Linder R.* Zur älteren livländischen Reimchronik : Diss. Leipzig, 1891. S. 67.
- ¹⁶ См.: *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М. ; Л., 1964. С. 187.
- ¹⁷ См.: *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Ливонская «Старшая» рифмованная хроника // *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в.–1270 г. Тексты, переводы, комментарии. М., 2002. С. 35.
- ¹⁸ См.: *Зутис Я.* Очерки по историографии Латвии : Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949. С. 19–20.
- ¹⁹ *Delvers M.* Aspects of the Master Figure in the Livonian Rhymed Chronicle : A Study of the Characterization of the Livonian Master of Teutonic Order : Ph. D. Diss. New Brunswick, 1989. P. 20, 102.
- ²⁰ LR. S. 532.
- ²¹ *Delvers M.* Op. cit. P. 74.
- ²² Ibid. P. 4.
- ²³ LUB. Bd. 1. № 16.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ См.: *Зутис Я.* Указ. соч. С. 19.
- ²⁶ См.: *Паушто В. Т.* Рифмованная хроника как источник по русской истории // *Паушто В. Т.* Русь. Прибалтика. Папство. М., 2011 (Древнейшие государства Восточной Европы. 2008). С. 473–474, 481.

- 27 См.: Матузова В. И., Назарова Е. Л. Указ. соч. С. 38.
- 28 См.: *Delvers M.* Op. cit. P. 51, 56–58.
- 29 LUB. Bd. 1. № 160.
- 30 *Delvers M.* Op. cit. P. 56–58.
- 31 *Tumler M.* Op. cit. S. 401–405.
- 32 Булла папы Гонория III магистру и братьям Тевтонского ордена в Иерусалиме о предоставленных им привилегиях / пер. с лат. Н. Г. Ткаченко // Вестн. Моск. ун-та. 1984. Сер. 6. История. № 6. С. 31.
- 33 См.: *Бокман Х.* Немецкий орден. Двенадцать глав из его истории. М., 2004. С. 150.
- 34 *Tumler M.* Op. cit. S. 305–308.
- 35 *Görski K.* Das Kulmer Domkapitel in den Zeiten des Deutschen Ordens. Zur Bedeutung der Priester im Deutschen Orden // Die geistlichen Ritterorden Europas / hrsg. von J. Fleckenstein und H. Hellmann. Sigmaringen, 1980 (Vorträge und Forschungen. Konstanzer Arbeitskreis für mittelalterliche Geschichte. Bd. 26). S. 329–337.
- 36 См.: *Бессуднова М. Б.* Ливония и Русь в конце XV века: Истоки конфликта. М., 2015. С. 62.
- 37 Подробнее см.: *Конопленко А. А.* Представители балтийских этносов в хронике Генриха Латвийского: особенности изображения в военно-политическом контексте формирования новых властных структур в Ливонии // Историческая наука и судьбы историков: преемственность и инновационные подходы: материалы Всерос. науч. конф. / под ред. Л. Н. Черновой. Саратов, 2017. С. 36–42.
- 38 LUB / hrsg. von F. G. Bunge. Riga, 1873. Bd. 6. № 3029.
- 39 Ibid. Bd. 1. № 462.
- 40 *Чешихин Е. В.* Указ. соч. Т. 2. Рига, 1885. С. 144–145.
- 41 *Tumler M.* Op. cit. S. 308–309.
- 42 LUB. Bd. 1. № 568.
- 43 *Annales Dunamundenses // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores / ed. G. H. Pertz. Hannoverae, 1866. T. 19. S. 709.*
- 44 *Чешихин Е. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 145–146.
- 45 См.: *Арбузов Л. А.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912. С. 49–50.
- 46 LUB. Bd. 1. № 572–573.
- 47 *Urban W.* The Organisation of Defense of the Livonian Frontier in the Thirteenth Century // *Speculum*. 1973. Vol. 48, № 3. P. 525.
- 48 См.: Псковская первая летопись // Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 14.
- 49 *Annales Dunamundenses. S. 709.*
- 50 *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской / пер. с лат. В. И. Матузовой. М., 1997. С. 156.
- 51 Там же. С. 156.
- 52 Подробнее см.: *Конопленко А. А.* О фактах совместных боевых действий ливонских и прусских орденских войск (по данным «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга) // *Studia Teutonica: исследования по истории Немецкого ордена / под ред. И. О. Дементьева.* Калининград, 2012. Вып. 1. С. 63–67.
- 53 *Паушто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 420–421.
- 54 *Tumler M.* Op. cit. S. 285–286.
- 55 *Чешихин Е. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 137–138.
- 56 LUB. Bd. 1. № 282.
- 57 См.: *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 63.
- 58 См.: *Бессуднова М. Б.* Орденское облачение в контексте властных претензий Ливонского ордена конца XV века // Историческая психология государственного управления / под ред. А. А. Конопленко. Саратов, 2017. Вып. 3. С. 42.
- 59 См.: *Чешихин Е. В.* Указ. соч. Т. 3. С. 6–23.
- 60 Там же. С. 23–24.
- 61 Там же. С. 29.
- 62 Там же. С. 67.
- 63 См.: *Хееке М.* О начале и истоках. Ливонская рифмованная хроника как точка отсчета литературы в Тевтонском ордене // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер. Гуманит. и обществ. науки. 2015. Вып. 12. С. 5–6.
- 64 *Delvers M.* Op. cit. P. 83–91, 94.
- 65 Ibid. P. 73.
- 66 LR. S. 667–668.
- 67 Ibid. S. 689.
- 68 *Wachtsmut F.* Über die Quellen und den Verfasser der ältern livländischen Reimchronik. Mitau, 1878. S. 27–29, 32.
- 69 *Brundage J. A.* The Thirteenth-Century Livonian Crusade: Henricus de Lettis and the First Legatine Mission of Bishop William of Modena // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F.* 1972. Bd. 20, H. 1. S. 5–6.
- 70 *Матузова В. И.* К вопросу создания исторической памяти: ранние письменные памятники Тевтонского ордена в Пруссии // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 35–36.
- 71 См.: *Матузова В. И.* Идеино-теологическая основа «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 г. М., 1984. С. 153.
- 72 См.: *Матузова В. И.* «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга как памятник истории и культуры Тевтонского ордена в Пруссии XIV в. // Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / пер. с лат. В. И. Матузовой. М., 1997. С. 222.

Образец для цитирования:

Конопленко А. А. Борьба Тевтонского ордена с рижскими архиепископами в конце XIII – первой трети XIV века и мифологизация истории основания Ордена меченосцев // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 304–310. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-304-310>

Cite this article as:

Konoplenko A. A. The Teutonic Order's Fight against the Archbishopric of Riga at the End of the XIII – the First Third of the XIV Century and Mythologization of the History of Foundation of the Order of the Brothers of the Sword. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 304–310 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-304-310>

УДК 94(410)»1485/1603»

Тюдоровский Лондон: социальный портрет (на материале завещаний)

Л. Н. Чернова

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, larisachernova@mail.ru

Статья посвящена изучению социального аспекта жизни тюдоровского Лондона. На материале завещаний автор показывает, что большинство завещателей – это ремесленники, мелкие торговцы и крупные купцы, входившие в состав «Двенадцати Больших ливрейных компаний» Лондона. Также встречаются представители сферы услуг, джентри и складывавшейся интеллигенции. В числе получателей наследства упоминаются многочисленные церковные учреждения города. Отдельные завещательные акты принадлежат женщинам: женам или вдовам торговцев и ремесленников. Практически все изученные завещания содержат упоминания о благотворительных подарках бедным, число которых постоянно росло за счет неимущих горожан и разорявшегося крестьянства. Формируется вывод, согласно которому завещания дают интересный срез социальной действительности тюдоровского Лондона.

Ключевые слова: Лондон, Тюдоры, завещания, торговцы, ремесленники, купеческие компании, горожанки, джентри, церковь, беднота, благотворительность.

**London under the Tudors: Social Aspect
(Based on the Wills)**

L. N. Chernova

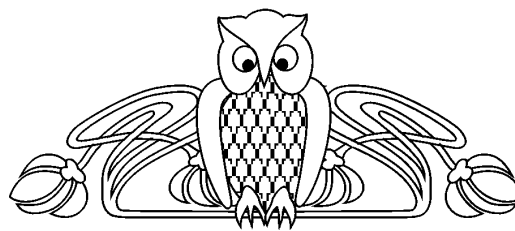
Larisa N. Chernova, <https://orcid.org/0000-0002-5379-1470>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, larisachernova@mail.ru

The article is devoted to the study of the social aspect of the life of Tudor London. On the material of the wills the author shows that the majority of the testators are artisans, small traders and merchants of the «Twelve Great Livery Companies» of London. Also, there are representatives of the service sector, gentry and the emerging intelligentsia. Among the recipients of the inheritance numerous church institutions of the city are mentioned. Some wills belong to women: wives or widows of merchants and artisans. Almost all of the studied wills contain references to charitable gifts to the poor, whose number has steadily increased at the expense of poor citizens and the ruined peasantry. The author comes to the conclusion that the wills provide an interesting cross-section of the social realities of Tudor London.

Keywords: London, Tudors, wills, merchants, artisans, merchant companies, urban women, gentry, church, poor, charity.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-311-319>

Приход к власти династии Тюдоров (1485–1603) ознаменовал начало новой эпохи в истории Англии, очень сложной, переломной по своей

сути, когда начались важнейшие изменения в социальном, политическом и культурном развитии страны в связи с огораживаниями, расширением торговли¹, попытками решения острых финансовых проблем², проведением церковной реформы³ и укреплением королевской власти⁴. Менялись и английские города. В. А. Евсеев пишет о новом этапе в их развитии, а Лондон с округой выделяет в особый экономический регион «в связи с его необычайно бурным ростом и усилением влияния столицы во всех сферах жизни страны в рассматриваемый период»⁵. Благодаря уникальному сочетанию финансовых, хозяйственных и социальных возможностей Лондон совершенно преобразился: заурядный, по европейским меркам, портовый город на западной границе торговой системы Северной Европы, он превратился в торговый центр – ядро новой системы, которая постепенно захватывала мировое лидерство. Не случайно находившийся осенью 1599 г. в английской столице 25-летний швейцарский путешественник Томас Платтер (1574–1628)⁶, заметил, что Лондон стал «местом, которое путешествующим европейцам стоит посетить... по отношению к другим городам Англии он занимает главенствующее положение, так как говорят, что не Лондон в Англии, а Англия в Лондоне...»⁷.

Отличительной чертой жизни Лондона в Тюдоровский период был стремительный и постоянный рост численности населения. В исследованиях приводятся следующие цифры: в 1500 г. – 50–100 тыс. чел.⁸, в 1550 г. – 120 тыс.⁹, к концу XVI в. – более 200 тыс. чел.¹⁰. В Англии ни один город не мог сравниться с Лондоном: например, к 1547 г. в Нориче было 17 тыс., а в Бристоле 10 тыс. жителей, а это крупнейшие после столицы города королевства¹¹. Т. Платтер неоднократно замечает, что «...город очень большой... и населенный...»¹², «...Лондон большой... он густо населен...»¹³, «...населен так, что нельзя просто идти по улицам из-за толпы»¹⁴.

Попытаемся реконструировать социальный облик Лондона конца XV–начала XVII в., обратившись к «Завещаниям лондонских купцов и мастеров», опубликованным Р. Шарпом в 1889 г.¹⁵. Интерес к этому источнику обусловлен относительной массовостью, формальным единообразием завещаний, богатством и разнообразием содержащейся в них информации о многих сторонах жизни лондонцев. Ценность завещаний как источника на английском материале показала

А. А. Кириллова¹⁶, а применительно к истории немецкого города – Т. С. Никулина¹⁷.

«Завещания лондонских купцов и мастеров» охватывают период с 1258-го до 1688 г. Число завещаний в свитках Court of Husting (имел статус суда графства, который собирался каждые понедельник и вторник для рассмотрения спорных вопросов о долгах, торговле, земле и прочей недвижимости¹⁸), где осуществлялась их регистрация, превышает 4000, из которых 2500 приходятся на период 1258–1358 гг.¹⁹ Постепенно количество завещаний уменьшалось, в некоторые годы регистрировалось только четыре, пять или шесть завещаний, а иногда и вовсе ни одного. Причина этого, возможно, кроется в отсутствии какого-либо наказания за отказ от регистрации завещания в муниципальном органе, т. е. фактически в необязательности этой процедуры. После 1688 г. в Court of Husting не было зарегистрировано ни одного завещания, которые, естественно, продолжали составлять²⁰: в этом отношении сказались по-настоящему революционные последствия событий 1688–1689 гг. («Славной революции»), проявившиеся во всех сферах жизни английского общества²¹. Следует учитывать и еще один фактор – высокую смертность вследствие регулярно повторявшихся эпидемий²², когда человек просто не успевал оформить свою последнюю волю. После «Черной смерти» XIV в. Лондон пережил несколько эпидемических вспышек вплоть до знаменитой «Великой эпидемии» 1665 г., унесшей жизни пятой части жителей города²³.

Завещания лондонцев, как правило, составлены по единой формуле: они начинаются с имени завещателя и указания, правда, не всегда, его профессиональной принадлежности. Затем следуют распоряжения о похоронах, на проведение которых выделяются некоторые средства. Вслед за этим обычно идет перечисление пожертвованных различным церквям, монастырям и монашеским орденам. В любом завещании важное место занимает часть, посвященная бедным и благотворительности, что обусловлено стремлением завещателя показать свою добропорядочность. Но главной целью завещаний является обеспечение семьи и близких, которые выступают в качестве наследников лондонских горожан. Эта часть текста завещаний позволяет характеризовать родственные связи и отношения завещателя с получателями наследства. Завещания содержат сведения об имуществе горожан и структуре их собственности, информации о занятиях лондонцев, их участии в торговой, кредитной и ремесленной сферах деятельности. Кроме того, завещания содержат много данных, позволяющих судить об образе жизни, быте горожан, их одежде, жилище, мебели, утвари, украшениях и пр.

Из всего комплекса завещаний нами было привлечено 241. На время правления Генриха VII (1485–1509) приходится 38 завещательных ак-

тов (с 1495 г.); при Генрихе VIII (1509–1547) в судебной ассамблее Court of Husting было зарегистрировано 75 завещаний, при Эдуарде VI (1547–1553) – 6, при Марии I (1553–1558) – 15, при Елизавете I (1558–1603) – 107. Если сравнить данные цифры с показателями численности населения Лондона в это время, то они покажутся мизерными: их составители – это всего около 0,12% населения. В дополнение к уже сказанному объяснить столь малую долю завещателей можно исходя из следующих соображений. Далеко не все жители Лондона (как и других городов), а только фримены, т. е. полноправные горожане, имели право и возможность составлять и регистрировать свои завещания. Известно, что в XIV в. только каждый четвертый житель Лондона был фрименом, остальные исключались из сферы пользования правами горожан, а в середине XV в. – каждый шестой²⁴. Очевидно сокращение числа лондонских фрименов, что отражало общие тенденции социального развития как английского, так и континентального города: усиление дифференциации. В XVI в. поляризации населения стала еще более разительной, поскольку в Лондон устремился мощный поток обедневших или вовсе обнищавших сельских жителей, мечтавших найти средства к существованию в столице. Преимущественно за счет них и росла численность населения города. Оставаясь в юридическом отношении равноправными, по своему социальному и, тем более, экономическому положению торгово-ремесленное полноправное население подверглось значительному расслоению. И если в 1332 г. в список налогоплательщиков было внесено приблизительно 4 % фрименов Лондона²⁵ – представителей купечества, ремесленных и торговых гильдий, цеховой верхушки (в Бристоле в это же время налогоплательщиков было еще меньше – 3 %²⁶), то к XVI в. эта доля сократилась до 2–3 %²⁷. Не следует забывать также, что далеко не все завещатели имели возможность и спешили зарегистрировать свою последнюю волю в Court of Husting.

Структура населения Лондона на основе сведений из завещаний, представлена в табл. 1²⁸.

Данные табл. 1 подтверждают тезис о том, что характерными особенностями лондонской демографии, социальной структуры и хозяйственной жизни были пестрота, разнообразие профессионального, имущественного, социального состава населения и его занятий. Как видим, большинство горожан были заняты в сфере производства и обращения товаров. Это, прежде всего, ремесленники разных специальностей, мелкие торговцы и крупные купцы.

Среди ремесленных мастеров, оставивших завещания, – пивовары, пекари (булочники), мясники, портные, тесно связанные со сферой услуг и мелкой торговлей, пояски, изготовители сумок, кордовской кожи, ножен, доспехов, длинных луков, шорники, ножовщики, оловянщики,

Таблица 1

Профессиональный, социальный и половой состав завещателей Лондона в 1495–1603 гг.

Название профессии (компании) / социальный статус / пол	Количество человек				
	Генрих VII	Генрих VIII	Эдуард VI	Мария I	Елизавета I
Пивовары	2	2	–	–	5
Бакалейщики	2	5	–	1	6
Торговцы рыбой	2	3	–	–	4
Оптовые торговцы рыбой	–	2	–	–	–
Виноторговцы	3	–	–	–	5
Торговцы солью	–	2	–	–	2
Торговцы домашней птицей	–	1	–	–	–
Пекари (булочники)	–	1	–	2	–
Мясники	–	–	–	–	1
Торговцы мясом	–	–	–	–	1
Повара	–	–	–	1	1
Трактирщики	–	–	–	–	1
Ювелиры	2	5	–	–	7
Торговцы шелковыми и бархатными тканями	5	12	2	–	6
Торговцы сукном	5	8	2	–	6
Сукновалы (валяльщики шерсти)	1	–	–	–	–
Ворсовщики (те, кто обрабатывает ткань, об- резает ворс)	–	2	–	–	–
Поясники	–	2	–	1	2
Сукноделы	–	1	–	–	–
Красильщики	–	1	–	–	–
Красильщики вайдой	–	1	–	–	–
Ткачи	–	–	–	–	2
Портные	3	1	–	1	6
Торговцы готовым платьем	1	3	–	–	12
Галантерейщики	–	6	–	–	14
Изготовители сумок	1	–	–	–	–
Изготовители кордовской кожи	–	1	–	–	1
Изготовители ножен	1	–	–	–	–
Изготовители доспехов	–	–	–	–	1
Изготовители длинных луков	–	–	–	–	1
Шорники	–	3	–	–	–
Ножовщики	–	1	–	–	1
Оловянщики	–	2	–	–	–
Бондари	–	–	1	–	–
Торговцы скобяными изделиями	–	1	–	3	5
Торговцы сальными свечами	–	–	–	2	–
Свечные торговцы	–	–	–	–	1
Токари	–	–	–	1	–
Штукатуры	–	–	–	2	–
Плотники	–	–	–	–	2
Торговцы мехом (меховщики)	2	1	–	1	5
Нотариус	–	1	–	–	–
Без указания профессии	1	1	–	–	1
Джентльмены	1	1	–	–	4
Рыцари	–	–	1	–	–
Женщины	5	5	–	–	4
Всего	38	75	6	15	107

бондари, токари, штукатуры, плотники, а также те, кто был задействован в производстве тканей: сукновалы (валяльщики шерсти), ворсовщики (те, кто обрабатывал ткань, обрезал ворс), сукноделы, красильщики и отдельно – красильщики вайдой, ткачи.

В числе мелких торговцев – торговец домашней птицей Томас Голдсбург, чье завещание было зарегистрировано в Court of Husting при Генрихе VIII 29 июля 1516 г.²⁹, свечной торговец, оставивший последнюю волю 10 января 1558 г.³⁰, торговец сальными свечами, завещание которого датировано 7 сентября 1558 г.³¹, и торговец мясом, составивший завещание 22 сентября 1569 г.³²

Большая часть завещательных актов принадлежала торговцам и купцам, что вполне закономерно. Как свидетельствует история Лондона, торговля всегда служила важнейшей основой его процветания. Центром коммерческой активности оставалась Темза – жизненно важный путь, связывавший Лондон с постоянно расширявшейся сферой торговых интересов и внутри страны, и за её пределами. На это обратил внимание и упоминавшийся Т. Платтер³³. Большинство жителей Лондона, по его мнению, «заняты коммерцией, они продают, покупают, торгуют по всему миру, к их услугам водные пути, поскольку корабли из Франции, Нидерландов, Германии и других стран приходят в город, доставляя товары и загружая другие взамен привезенных...»³⁴; «...там [в Лондоне] много купцов...»³⁵, «...богатых купцов и банкиров, некоторые из них торгуют дорогими товарами, в то время как другие занимаются только вкладами или оптовой торговлей»³⁶. В Лондоне, как замечает путешественник, «... продаются разные товары»³⁷. Платтер оказался весьма наблюдательным и запечатлел в своем отчете поистине бурлящую торговую жизнь города.

Большинство завещателей принадлежали к известным «Двенадцати Большим ливрейным компаниям» Лондона, которые держали в своих руках городское управление: мэры, шерифы и олдермены обязаны были носить ливрею той компании, членом которой они состояли. Характер и специфику организации ливрейных компаний исследовала М. М. Яброва, показавшая, что они открывали немалые возможности для концентрации купеческого капитала и его проникновения в ремесло и розничную торговлю³⁸. Это были, прежде всего, торговцы шелковыми и бархатными тканями (мерсеры) – самая влиятельная и процветающая компания. Не случайно большинство завещаний (25) принадлежит горожанам именно из этой компании. Интересно, что один из мерсеров – Томас Туайтес – фигурирует в завещании и как полноправный горожанин (burgess) города Кале³⁹, а другой – Кристофер Роусон – и как купец Стапля в Кале⁴⁰. Купцом Стапля в Кале, судя по его завещанию от 12 сентября 1544 г., был также торговец скобяными изделиями сэра

Уильяма Денам⁴¹. Кале был самым удобным пунктом для внешней торговли шерстью, он играл роль своеобразных ворот во Фландрию. Компания купцов-стапельщиков, ядро которой составляли лондонские купцы, для своего времени была крупнейшим торговым объединением, сумевшим монополизировать почти весь экспорт шерсти из Англии. И хотя с конца XV в. эта компания начинает клониться к упадку, уступая первое место возникшей в 1453 г. компании купцов-авантюристов, сосредоточившейся на торговле сукном, стапельщики Кале в первые десятилетия правления Генриха VIII все еще сохраняют свое значение. Вспомним, что к 1500 г. 60 % английской шерсти и 70 % сукна (в середине столетия доля экспорта сукна достигла почти 90 %) экспортировались через Лондонский порт⁴².

За торговцами шелковыми и бархатными тканями следуют торговцы сукном (дрейперы) – 21 завещаний, что также весьма показательно и свидетельствует о важном месте в экономике и социуме Лондона сектора, связанного с производством и реализацией сукна. Далее: галантерейщики (20 завещаний), торговцы готовым платьем (16 завещаний), бакалейщики (гросеры) и ювелиры (по 14 завещаний), торговцы рыбой (11 завещаний, включая два, составленные оптовыми торговцами рыбой). Затем следовали, торговцы мехом торговцы скобяными изделиями (по 9 завещаний), торговцы вином (8 завещаний) и торговцы солью (4 завещания). В тексте одного из завещаний упоминается также торговец пряностями, организационно входивший в компанию бакалейщиков⁴³.

Именно из числа «Больших ливрейных компаний» избирались олдермены Лондона, завещания которых также прошли регистрацию в Court of Husting. Распределение олдерменов по компаниям представлено в табл. 2.

Вновь мы видим, что лидирующие позиции занимают торговцы шелковыми и бархатными тканями – 8 завещаний. Ювелиры – 5 завещаний, бакалейщики, торговцы сукном и готовым платьем – по 3 завещания, торговцы мехом и солью – по 2 завещания, остальные – торговцы рыбой, скобяными изделиями и вином – по одному завещанию. Однако говорить о какой бы то ни было тенденции невозможно в силу слишком малого количества сохранившихся завещаний олдерменов.

Значительная часть городского населения была занята обслуживанием производства, торговли и в сфере услуг: это пивовары, пекари, портные, повара, трактирщики, а также упоминавшиеся в завещаниях цирюльники (завещание одного из них оставила его вдова). По замечанию В. А. Евсеева, в XVI в. сфера обслуживания стала одной из наиболее быстрорастущих секторов городской экономики: в столице появились сотни гостиниц, пивных, таверн (самыми известными были три таверны Лондона: Bull Inn, Crane

Таблица 2

Олдермены – завещатели Лондона в 1495–1603 гг.⁴⁴

Название профессии (компании)	Количество человек				
	Генрих VII	Генрих VIII	Эдуард VI	Мария I	Елизавета I
Бакалейщики	–	1	–	1	1
Торговцы рыбой	–	1	–	–	–
Торговцы солью	–	1	–	–	1
Ювелиры	1	2	–	–	2
Торговцы шелковыми и бархатными тканями	3	3	1	–	1
Торговцы сукном	1	2	–	–	–
Торговцы готовым платьем	1	–	–	–	2
Торговцы мехом (меховщики)	1	–	–	–	1
Торговцы скобяными изделиями	–	–	–	–	1
Виноторговцы	–	–	–	–	1
Всего	7	10	1	1	10

in Vintry, Swan Inn⁴⁵), где были заняты тысячи людей⁴⁶. В завещании олдермена и ювелира Хью Брайса, составленном 17 сентября 1492 г., упоминается принадлежавшая ему таверна под названием «The Cardinals Hatte»⁴⁷. А Ричард Хадсон 19 октября 1558 г. завещал таверну «the Swanne» на Холборнском мосту⁴⁸.

Среди завещателей удалось обнаружить и представителя складывавшейся интеллигенции: судебного клерка (писца) Генри Уодсока⁴⁹. Кроме того, в текстах завещаний встречаются упоминания о враче Томасе Торнтоне⁵⁰, докторе права и интенданте епископа Лондонского Джоне Круксе⁵¹; главном судье Суда общих тяжб сэре Роберте Риде⁵², докторе богословия Дэйве Уильямсоне, ректоре церкви св. Данстана⁵³ и докторе богословия Джоне Смите⁵⁴.

Среди завещателей есть также рыцарь Кристофер Бакер⁵⁵ и 6 джентльменов: Ричард Элингворд⁵⁶, Джордж Уодсок⁵⁷, Джон Парот⁵⁸, Роберт Чапмен⁵⁹, Уильям Херон⁶⁰ и Джон Беннет⁶¹. Все они были плотно вплетены в хозяйственную ткань Лондона, владели там домами, торговыми и производственными помещениями, которые нередко сдавали в аренду, зачастую были связаны с горожанами, преимущественно купцами, семейными узам, женившись на их дочерях, и принимали участие в торговле. Фактически речь в этом случае идет об английском джентри.

В завещаниях широко представлена церковь. При этом завещателей-церковников только два. Это Джон Лонг, капеллан (chaplain) и одновременно горожанин и портной, фримен города Лондона (freeman of the City of London), составивший завещание в 1503 г.⁶², и Джон Колет, настоятель собора св. Павла и в то же время горожанин, торговец шелковыми и бархатными тканями, фримен города Лондона, сын и наследник Генри Колета, почившего рыцаря и олдермена. Его завещание датировано 10 июля 1514 г.⁶³ В табл. 1 мы посчитали их как портного и мерсера, соответственно.

В текстах завещаний в качестве получателей наследства упоминаются многочисленные приходские церкви, коих в Лондоне насчитывалось 139⁶⁴. Завещания подтверждают также, что внутри и вокруг городских стен вплоть до Реформации росло кольцо монастырей и религиозных домов – бенедиктинцев, францисканцев, доминиканцев, картезианцев, цистерцианцев, кармелитов и августинцев; приорств – the Knights Templars' на Стрэнде, св. Варфоломея на Смитфилде и св. Марии в Саутурке; конвентов – св. Елены на Бишопсгейт и св. Марии на Клеркенуэлл, которые с 1530-х гг. исчезают из завещательных распоряжений; а также колледжей (в том числе св. Мартина ле Гранда) и госпиталей (св. Варфоломея, св. Томаса Мученика, Христа), сохранивших и упрочивших свое положение в XVI столетии.

Отдельные завещательные акты (14, или 5,8 %) принадлежат женщинам, сведения о статусе и профессиональной принадлежности которых систематизированы и представлены в табл. 3.

Обратим внимание на то, что статус женщин-завещательниц определялся, как это и было принято, по мужу: супруга или вдова. Затем могло следовать уточнение: супруга олдермена и торговца готовым платьем, торговца готовым платьем, джентльмена или вдова олдермена и ювелира, олдермена и торговца солью, бакалейщика, оптового торговца рыбой, булочника, врача и цирюльника. Примечательно указание в завещаниях некоторых женщин, что они являются полноправными горожанками: в одном из трех завещаний, составленных женами, и в 5 из 11 завещаний вдов. Особый интерес представляет завещание Джоанны Чемберлен, составленное ею 9 сентября 1504 г. Из его содержания следует, что она была полноправной горожанкой и пивоваром, как и ее покойный супруг Джон Чемберлен⁶⁵. Важно, что горожанки могли самостоятельно заниматься производством товаров или

Таблица 3

Женщины – завещательницы Лондона в 1495–1603 гг.⁶⁶

Статус / название профессии	Количество человек		
	Генрих VII	Генрих VIII	Елизавета I
Супруга олдермена и торговца готовым платьем, полноправная горожанка Лондона	–	1	–
Супруга торговца готовым платьем	–	1	–
Супруга джентльмена и вдова джентльмена	1	–	–
Вдова, полноправная горожанка Лондона	1	–	1
Вдова олдермена и ювелира	1	–	–
Вдова олдермена и торговца солью	–	–	1
Вдова бакалейщика, полноправная горожанка Лондона	1	–	–
Вдова булочника	–	–	1
Вдова оптового торговца рыбой, полноправная горожанка Лондона	–	1	–
Вдова, полноправная горожанка Лондона, пивовар	–	1	–
Вдова врача и цирюльника	–	1	–
Вдова	1	–	1
Всего	5	5	4

услуг. Т. Б. Рябова приводит перечень наиболее распространенных среди женщин средневекового города занятий: изготовление свечей, обуви, одежды, галантерейных (например, шляпок, перчаток) и скорняжных товаров, скобяных изделий (иглолок, булавок, ножниц и ножей), продуктов питания. Горожанки держали постоянные дворы, таверны, были ювелирами, менялами, уличными торговцами, мойщиками, привратниками, банщиками, акушерками, врачами, мельниками, иллюстраторами книг, переплетчиками и позолотчиками, жонглерами, музыкантами и акробатами. Сохранились упоминания даже о женщинах-кузнецах и каменщиках⁶⁷. Однако еще в XIV в., до «Черной смерти», начался процесс ограничения доступа женщин в производство, в частности, в цехи (вследствие усиления конкуренции, опасения за качество продукции, роста политической роли цехов, развития комплекса идей, основанных на понятиях «цеховой чести» и «мужской солидарности»⁶⁸), усилившийся в следующем столетии, причем это была общеевропейская тенденция. Например, в Бристоле в 1461 г. коммунальное правительство запретило ткачам нанимать жен и дочерей⁶⁹. Теперь женщина, овдовев, могла лишь завершить начатую мужем работу – брать учеников, закупать новое сырье ей уже запрещалось; ее прошение о разрешении продолжить дело мужа рассматривалось и решалось в индивидуальном порядке в зависимости от ее возраста, количества иждивенцев, репутации, качества продукции и других обстоятельств⁷⁰. Не случайно среди оставивших завещания жителей Лондона периода ранних Тюдоров столь мало женщин.

Тюдоровский Лондон – город социальных контрастов и проблем. По своему социальному и, тем более экономическому положению, торгово-ремесленное население подвергалось суще-

ственному расслоению. Уже в предшествующее столетие произошло выделение узкого круга богатейших представителей торгово-ростовщического капитала; довольно значительного среднего слоя самостоятельных ремесленников и торговцев; массы малоимущих фрименов, ниже которых находились подмастерья, ученики, наемные работники, полноправными бюргерами не являвшиеся⁷¹. В дополнение к местной бедноте сюда устремился мощный поток обнищавших в результате огораживаний сельских жителей, мечтавших поселиться в столице и найти здесь средства к существованию. Масштаб пауперизации и, как следствие, криминализации населения был столь велик, что уже при Елизавете I Тюдор (1558–1603) были приняты законы о пауперах, согласно которым все жители церковных приходов должны были уплачивать определённые суммы денег на содержание нищих (relief)⁷². Показательно, что и Т. Платтер в своих «Путешествиях» пишет не только о большом количестве тюрем, из окон которых заключенные просят милостыню у прохожих...»⁷³, но и в целом о неблагоприятной криминальной обстановке в Лондоне: «Там много убийств и повешений... и мужчин и женщин... стража ходит по улицам каждую ночь, чтобы наказывать преступников»⁷⁴.

Практически все привлекаемые нами для анализа завещания содержат распоряжения, касающиеся по терминологии источника бедных (the poor), бедных людей (the poor people), бедных мужчин и женщин (the poor men and women), бедных прихожан (the poor of the parish), бедных домовладельцев (the poor householders), бедных узников тюрем (the poor prisoners) и узников (the prisoners).

Завещания буквально пестрят упоминаниями о благотворительных подарках бедным (charitable gifts to the poor), о древесине и угле для

бедных домовладельцев (wood and coal to the poor householders), о денежных подарках бедным прихожанам (gifts of money to the poor of the parish), о деньгах для приобретения и распределения хлеба и угля среди бедных прихожан (bread and coal among poor parishioners), о брачных пожертвованиях для бедных девушек (marriage portions for poor maidens), о хлебе и эале для заключенных (bread and ale for poor prisoners).

Приведем несколько конкретных примеров. Меховщик Джон Дрейпер по завещанию от 18 апреля 1496 г. оставил некую денежную сумму «на подарки в виде угля бедным прихода св. Антонина и заключенным Ньюгейта и Ладгейта»⁷⁵. Об узниках этих лондонских тюрем позаботился и Томас Кнесуорс, торговец рыбой и олдермен, распорядившийся в 1513 г., чтобы бедным заключенным Ньюгейта и Ладгейта были переданы 10 шилл. и 40 шилл. выплачивались на их содержание ежегодно. Кроме того, он завещал, чтобы «тринадцать бедных мужчин и женщин были обеспечены одеждой и крышей над головой»⁷⁶. Элизабет Барел, вдова бакалейщика, полноправная горожанка Лондона по завещанию от 1498 г. оставила для бедных домовладельцев прихода св. Стефена ежегодную сумму в 40 шилл.⁷⁷

Интересно завещание виноторговца Джона Портера, датированное 18 мая 1496 г.: часть принадлежащих ему в Лондоне земель и помещений должна быть использована для проживания бедных людей – 13 бедных и нуждающихся мужчин или женщин из компании виноторговцев⁷⁸. Очевидно, что ливрейная компания виноторговцев (как и прочие аналогичные корпорации) не была однородной в имущественном и социальном отношении: купеческий капитал подчинил себе массу мелких торговцев, концентрируясь в так называемой «ливрее», члены которой носили одежду цвета данной гильдии (ливрею) и занимали ведущие позиции в ее администрации; остальные члены компании формировали «йоменри» и зачастую занимали незавидное положение. Существование внутри корпораций особого привилегированного слоя – ливреи – подтверждает и составленное 12 октября 1541 г. завещание оловянщика Уильяма Эсси, который отписал 40 шилл. тем, кто входит в ливрею этой компании⁷⁹, оставив без внимания остальных членов цеха.

Рассмотренные завещания позволяют отметить, что Лондон при Тюдорах характеризовался многообразием профессионального, имущественного, социального состава населения и его занятий. Большинство завещателей – это ремесленники разных специальностей (пивовары, пекари (булочники), мясники, портные, поясники, изготовители сумок, кордовской кожи, ножен, доспехов, длинных луков, шорники, ножовщики, оловянщики, бондари, токари, штукатуры, плотники, сукновалы, ворсовщики, сукноделы, кра-

ильщики и красильщики вайдой, ткачи), мелкие торговцы (домашней птицей, мясом, сальными свечами и свечной торговцев) и крупные купцы, входившие в состав «Двенадцати Больших ливрейных компаний» Лондона и оставившие большую часть завещаний. Именно из числа «Больших ливрейных компаний» избирались олдермены Лондона. Судя по завещаниям, значительная часть городского населения была занята обслуживанием производства, торговли и в сфере услуг: пивовары, пекари, портные, повара, трактирщики, цирюльники. Среди завещателей и тех, кто упоминается в завещаниях, – джентри, тесно связанное с горожанами общими торговыми, финансовыми интересами, а зачастую и родственными отношениями, и представители складывавшейся интеллигенции: судебный клерк, главный судья Суда общих тяжб, врач, доктор права; доктора богословия. В числе получателей наследства в завещаниях упоминаются многочисленные приходские церкви Лондона, монастыри и религиозные дома, приорства, конвенты, с 1530-х гг. исчезающие из завещательных распоряжений; а также упрочившие свое положение в XVI в. колледжи и госпитали. Отдельные завещательные акты принадлежат женщинам: женам или вдовам торговцев и ремесленников. Некоторые завещательницы были полноправными горожанками и самостоятельно занимались производством, в частности, пивоварением. Практически все изученные нами завещания содержат упоминания о благотворительных подарках бедным в виде хлеба, древесины, угля и денег, о брачных пожертвованиях для бедных девушек, о хлебе и эале для заключенных. Завещания, таким образом, подтверждают, что тюдоровский Лондон был городом социально полярным: с одной стороны, узкий круг богатейших купцов, финансистов и ремесленных мастеров, с другой – масса малоимущих фрименов, ниже которых находились подмастерья, ученики, наемные работники, нищие пауперы, ряды которых постоянно пополнялись за счет неимущих горожан и разорявшегося крестьянства.

Таким образом, завещания дают интересный срез социальной действительности тюдоровского Лондона.

Примечания

- 1 См., напр.: *Винокурова М. В.* О маноре и городе // Древнейшие государства Восточной Европы. 2018. № 2016. С. 394–405.
- 2 См., напр.: *Царева Ю. И.* Финансовая политика Тюдоров (1485–1603 годы) // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 3–14.
- 3 См., напр.: *Анисимова А. А.* Инкорпорация Фавершема: к истории создания городской общины // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 464–469. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-464-469>.

- 4 См., напр. : *Бельцер А. А.* Королевская администрация и пограничные кланы на англо-шотландском пограничье в 1525–1527 годы // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2018. Т. 18, вып. 3. С. 329–333. DOI : 10.18500/1819-4907-2018-18-3-329-333
- 5 *Евсеев В. А.* Английский город в Тюдоровскую эпоху : Регионы и города. Иваново, 1995. С. 3, 10.
- 6 См.: *Чернова Л. Н.* Томас Платтер и культурное пространство Лондона конца XVI века // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2014. Т. 14, вып. 3. С. 37–38.
- 7 *Thomas Platter's Travels in England // London 1066–1914 : Literary Sources and Documents : in 2 vols. / ed. and with Introductions by X. Baron Mountfield, 1997. Vol. 1 : Medieval, Tudor, Stuart and Georgian London, 1066–1800. P. 187.*
- 8 Population list on London online. URL: <http://www.londononline.co.uk/factfile/historical/> (дата обращения: 25.01.2019).
- 9 Ibid.
- 10 *Beier A. L.* Social problems in Elizabethan London // *The Tudor and Stuart town. A Reader in English Urban History, 1530–1688 / ed. by J. Barry. L. ; N. Y., 1990. P. 123.*
- 11 *Lander A. R.* Government and Community of England. 1450–1509. L., 1980. P. 17.
- 12 *Thomas Platter's Travels in England. P. 188.*
- 13 Ibid. P. 189.
- 14 Ibid.
- 15 *Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting, London. A. D. 1258–1688 : in 2 vols. / ed. by R. Sharpe. L., 1889 (далее – Calendar of Wills).*
- 16 См.: *Кириллова А. А.* Завещание как источник по истории средневекового английского города XIV–XV вв. // *Из истории западноевропейского средневековья.* М., 1972. С. 21–43.
- 17 См.: *Никулина Т. С.* Бюргерские завещания как источник по социально-культурной истории средневекового города (на материалах Любека) // *Средневековый город : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1991. Вып. 10. С. 138–148.*
- 18 *Barron C. M.* London in the Later Middle Ages. Government and People 1200–1500. Oxford, 2004. P. 128.
- 19 *Calendar of Wills. Part 1 : 1258–1358.* URL: <http://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1> (дата обращения: 22.01.2019).
- 20 См.: Introduction // Ibid. P. II–XLVIII.
- 21 См.: *Сидоренко Л. В.* Исторические последствия Славной революции : к вопросу о революционности событий 1688–1689 гг. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История.* 2013. Вып. 3. С. 82–91.
- 22 *Scott S.* Return of the Black Death : The World's Greatest Serial Killer. Chichester, 2004. P. 225.
- 23 См.: *Киясов С. Е., Мосолкина Т. В., Чернова Л. Н.* Лондон на рубеже эпох : мозаика повседневности (XVI–XVIII вв.) / под ред. Л. Н. Черновой. Саратов, 2015. С. 124.
- 24 *Barron C. M.* London 1300–1540 // *The Cambridge Urban History of Britain : in 3 vols. Vol. 1. 600–1540 / ed. by D. M. Palliser. Cambridge, 2000. P. 400.*
- 25 См.: *Ретина Л. П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М., 1979. С. 53.
- 26 См.: *Мосолкина Т. В.* Город Бристоль в XIV–XV веках. Экономика, общественные отношения, социальная психология. Саратов, 1997. С. 151.
- 27 *Keen M.* English Society in the Later Middle Ages. 1348–1500. L., 1990. P. 97.
- 28 Составлена на основании : *Calendar of Wills. Part 2 : 1358–1688.* URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2> (дата обращения: 08.11.2018).
- 29 *Will of Goldysburgh (Thomas) // Ibid. Wills : 11–20 Henry VIII (1519–1529).* URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp628-634> (дата обращения: 08.11.2018).
- 30 *Will of Hastings (Richard) // Ibid. Wills : 1–10 Elizabeth I (1558–1568).* URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp668-682> (дата обращения: 08.11.2018).
- 31 *Will of Dobson (William) // Ibid. Wills : Mary I (1553–1558).* URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp655-668> (дата обращения: 08.11.2018).
- 32 *Will of Blackwell (George) // Ibid. Wills : 11–20 Elizabeth I (1568–1578).* URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp668-682> (дата обращения: 08.11.2018).
- 33 *Thomas Platter's Travels in England. P. 188.*
- 34 Ibid. P. 189.
- 35 Ibid.
- 36 Ibid. P. 189–190.
- 37 Ibid. P. 189.
- 38 См.: *Яброва М. М.* Лондонские ливрейные компании и так называемый процесс амальгамации // *Средневековый город : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 146–173.*
- 39 *Will of Thwaytes (Thomas) // Calendar of Wills. Part 2 : 1358–1688. Wills : 1–10 Henry VIII (1509–1519).* URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp614-628> (дата обращения: 08.11.2018).
- 40 *Will of Rawson (Cristofer) // Ibid.*
- 41 *Will of Denham (Sir William) // Ibid. Wills : Mary I (1553–1558).*
- 42 *Barron C. M.* London in the Later Middle Ages. Government and People 1200–1500. P. 117.
- 43 *Thrupp S.* The Grocers of London : a study of distributive trade // *Studies in English Trade in the fifteenth century / ed. by E. Power and M. Postan. N. Y., 1933. P. 250.*
- 44 Сост. по: *Calendar of Wills. Vol. 2 : 1358–1688.*
- 45 *Chronicles of London / ed. with introd. and notes by C. L. Kingsford. Gloucester, 1977. P. 360.*
- 46 См.: *Евсеев В. А.* Указ. соч. С. 122–123.
- 47 *Will of Brice (Hugh) // Calendar of Wills. Part 2 : 1358–1688. Wills : 11–24 Henry VII (1495–1509).* URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp594-614> (дата обращения: 08.11.2018).
- 48 *Will of Hudson (Richard) // Ibid. Wills : 21–30 Elizabeth I (1578–1588).* URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp697-71> (дата обращения: 08.11.2018).

- ⁴⁹ Will of Wodecok (Henry) // Ibid. Wills : 1–10 Henry VIII (1509–1519).
- ⁵⁰ Will of Colyns (Robert) // Ibid. Wills : 21–38 Henry VIII (1529–1547). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp634-651> (дата обращения: 08.11.2018).
- ⁵¹ Will of Momforde (James) // Ibid.
- ⁵² Will of Chawry (Richard) // Ibid. URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp614-628> (дата обращения: 08.11.2018).
- ⁵³ Will of James (Bartholomew) // Ibid. Wills : 11–24 Henry VII (1495–1509).
- ⁵⁴ Will of Hille (Peter) // Ibid. Wills : 1–10 Henry VIII (1509–1519).
- ⁵⁵ Will of Barker (Christopher) // Ibid. Wills : Edward VI (1547–1553). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp651-655> (дата обращения: 08.11.2018).
- ⁵⁶ Will of Elyngwordth (Richard) // Ibid. Wills : 11–24 Henry VII (1495–1509).
- ⁵⁷ Will of Woodcok (George) // Ibid. Wills : 11–20 Henry VIII (1519–1529).
- ⁵⁸ Will of Parrot (John) // Ibid. Wills : 11–20 Elizabeth I (1568–1578).
- ⁵⁹ Will of Chapman (Robert) // Ibid.
- ⁶⁰ Will of Heron (William) // Ibid. Wills : 21–30 Elizabeth I (1578–1588).
- ⁶¹ Will of Bennet (John) // Ibid. Wills : 31–40 Elizabeth I (1588–1598). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp713-725> (дата обращения: 08.11.2018).
- ⁶² Will of Long (John) // Ibid. Wills : 11–24 Henry VII (1495–1509).
- ⁶³ Will of Colet (John) // Ibid. Wills : 21–38 Henry VIII (1529–1547).
- ⁶⁴ Chronicles of London. P. 360.
- ⁶⁵ Will of Chamberleyn (Johanna) // Ibid. Wills : 21–38 Henry VIII (1529–1547).
- ⁶⁶ Сост. по: Calendar of Wills. Vol. 2 : 1358–1688.
- ⁶⁷ См.: Рябова Т. Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999. С. 94–95.
- ⁶⁸ Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории : Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002. С. 79.
- ⁶⁹ Herlihy D. Opera muliebria : Women and Work in Medieval Europe. N. Y. ; L., 1990. P. 179–180.
- ⁷⁰ См.: Рябова Т. Б. Указ. соч. С. 98.
- ⁷¹ См.: Репина Л. П. Лондон – столица и мегаполис // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 1999. Т. 1. С. 347.
- ⁷² См.: Митрофанов В. П. Собственность и финансовые обязательства англичан (конец XVI – первая треть XVII вв.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 8 (62). URL: <http://history.jes.su/s207987840001893-1-1> (дата обращения: 27.12.2017). DOI : 10.18254/S0001893-1-1.
- ⁷³ Thomas Platter's Travels in England. P. 191.
- ⁷⁴ Ibid.
- ⁷⁵ Will of Draper (John) // Calendar of Wills. Part 2 : 1358–1688. Wills : 11–24 Henry VII (1495–1509).
- ⁷⁶ Will of Knesesworth (Thomas) // Ibid. Wills : 1–10 Henry VIII (1509–1519).
- ⁷⁷ Will of Burell (Elizabeth, widow of John, grocer) // Ibid. Wills : 11–24 Henry VII (1495–1509).
- ⁷⁸ Will of Porter (John) // Ibid.
- ⁷⁹ Will of Asshe (William) // Ibid. Wills : 21–38 Henry VIII (1529–1547).

Образец для цитирования:

Чернова Л. Н. Тюдоровский Лондон: социальный портрет (на материале завещаний) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 311–319. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-311-319>

Cite this article as:

Chernova L. N. London under the Tudors: Social Aspect (Based on the Wills). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 311–319 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-311-319>

УДК 94(100–87)(09)

Социально-экономическое развитие г. Йорка в первой трети XVI века

Т. В. Мосолкина

Мосолкина Татьяна Валентиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tmosolkina@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о положении английских провинциальных городов в сфере экономики и социальных отношений. На материале документов г. Йорка прослеживаются процессы, которые происходили в торговле и ремесле города, появление новых форм производства и попытки городских властей сохранить средневековые привилегии.

Ключевые слова: город Йорк, развитие ремесла, регламентация производства и торговли, упадок провинциальных городов.

Social and Economic Development of York in the First Third of the 16th Century

T. V. Mosolkina

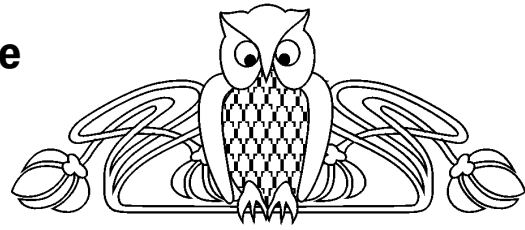
Tatyana V. Mosolkina, <https://orcid.org/0000-0002-7109-2163>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tmosolkina@mail.ru

In the article the question of position of English country towns in the sphere of economy and social relations is considered. Based on materials of the documents of York processes which occurred in trade and city craft, occurrence of new modes of production and attempt of the city authorities to keep medieval privileges are traced.

Keywords: the city of York, craft development, a manufacture and trade regulation, decline of country towns.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-320-324>

Для Англии XVI в. был временем серьезных изменений во всех сферах жизни – экономике, социальных отношениях, политике и идеологии. Остановимся только на социальных и экономических процессах, которые происходили в стране в рассматриваемый период. Тем более, что в плане исследования социальной и экономической истории английских городов мало что изменилось с середины XX в. – как мы мало знали об этом, так и сейчас нельзя сказать, что все спорные моменты изучены¹. Не удивительно, что в конце XX в. Дж. Россер отмечал: «Сто лет назад организация труда в средневековом городе была предметом оживленного обсуждения, но в XX в., за некоторыми исключениями, ею в основном пренебрегали»². Конечно, это не значит, что никто из исследователей не занимался изучением указанных вопросов. Достаточно назвать имена таких известных исследователей, как Дж. Т. Роджерс, У. Дж. Эшли, У. Кенингем,

А. А. Кириллова, М. М. Яброва. Но большая часть работ касается внешней торговли, различным направлениям и проблемам которой посвящены сочинения А. Р. Брайдбери³, Дж. Рэмси⁴, Э. Уила⁵, М. К. Джеймса⁶, Т. Ллойда⁷, С. Дженкса⁸, С. Флэвина и Е. Т. Джонса⁹. Развитию ремесла в английском городе посвящено намного меньше исследований. Можно сослаться на работу Э. Кэрус-Уилсон, касающуюся развития английской промышленности в XIII в.¹⁰ и К. Понтинга «Суконная промышленность юго-западной Англии»¹¹. Интересующему нас периоду посвятили свои работы Х. Суонсон¹² и Дж. Россер¹³. Поэтому обращение к вопросам экономического и социального развития провинциальных английских городов представляется весьма интересным.

Многочисленное расширение рынков сбыта не только в пределах Европы, но и во вновь открытых землях требовало расширения производства товаров для торговли. То есть спрос рождал предложение. Однако увеличивать производство в рамках цеховой организации с ее жесткой регламентацией было невозможно. Поэтому чисто объективно приходилось менять организацию производства (конечно, и интересы обогащения этому способствовали), что вылилось в возникновение раннекапиталистических форм производства¹⁴. Но это вовсе не означает, что средневековая цеховая организация ремесла ушла в прошлое – цехи в Англии просуществовали до 30-х гг. XIX в. То есть не одно столетие в городах Англии сосуществовали старые и новые формы организации производства. Как реально это происходило на практике, постараемся рассмотреть на примере г. Йорка. С одной стороны, он не был столичным городом с его особым положением, что сразу вывело бы его за рамки обычных городов; с другой – это и не мелкий городок, в котором и ремесло, и торговля находятся на примитивном уровне. На протяжении средних веков Йорк играл важную роль в политической жизни Англии, являясь по сути дела столицей северных графств, с развитыми ремеслом и торговлей¹⁵.

Источником для рассмотрения социально-экономического развития Йорка в указанный период являются публикации записей городского клерка, изданные в 1939–1978 гг. А. Райном¹⁶. Это не протоколы заседания городского совета и не хроники города. Можно назвать их памятными записками, поскольку городской клерк своей волей отбирал материал, который считал

достойным записи – в книги вошли переписка между городами и между городом и правящими монархами, постановления гильдий, решения по конфликтным ситуациям между гильдиями и отдельными лицами, права и обязанности городских чиновников, записи о чрезвычайных происшествиях, постановления Совета по самым разным вопросам и многое другое.

Какую же картину рисуют нам сохранившиеся документы? Первая треть XVI в. была временем больших трудностей для города. Начать можно с того, что торговля во многих из них приходит в упадок, за исключением, конечно, Лондона¹⁷. Йоркские торговцы еще пытаются участвовать в стапельной торговле, хотя времена ее расцвета уже прошли. Да и конкурировать с торговцами из других городов, особенно с лондонцами, йоркским купцам становилось все труднее. Поэтому не является неожиданным поручение олдермену Уильяму Баркеру, отданное городским советом в ноябре 1524 г., следить за отправкой шерсти и шкур в Лондон и быть ответственным перед стапельщиками. Если нарушения будут со стороны стапельщиков, то сообщать об этом из Лондона в Йорк. В этой же записи содержатся сведения о том, что свои права в торговле Йорк отстаивал, ссылаясь на подобные права Ньюкасла и Халла (Гулля)¹⁸.

Вообще с правами на торговлю наблюдается интересная картина. Несмотря на отмеченные изменения во внутренней и внешней торговле, власти Йорка продолжают держаться за средневековые обычаи. Так, некто Т. Райдел (полное имя не указано) из Ньюкасла, который был контролером за использованием общинных весов, решил, что он не должен платить за пользование весами в Йорке, как фримены этого города. Мэр и Совет Йорка в сентябре 1505 г. приняли решение, согласно которому он должен платить полный сбор как иностранец и чужеземец (*foreyn and an estraunger*). Мэр и олдермены Ньюкасла отправили письмо в Йорк, в котором выразили недовольство таким отношением к соотечественнику. В декабре 1505 г. мэр и Совет Йорка дали ответ. В письме они указали, что жители Ньюкасла, как и торговцы Лондона, Халла, Бостона, Линна и «всех других мест», должны платить за пользование общинными весами, «как было обычно в старые времена», как и другие купцы-чужеземцы, и как «мы платим в подобных случаях в Халле и Лондоне и во всех других местах»¹⁹.

Правда, в отношениях с лондонскими купцами йоркцам не удавалось отстоять средневековые привилегии. В своих попытках сохранить привилегии «пожалованные более благородными предками-королями» (намек на действия Генриха VIII), власти города оказались вовлечены в разбирательство с горожанами Лондона в Звездной Палате. Первый случай был связан с Томасом Уэрдингтоном, суконщиком из Лондона. Дело Уэрдингтона заключалось в том, что

14 сентября 1519 г. по пути между Рипоном и Фонтейном он купил у Генри Янга из Эпплитри-вика в Крейвине 6 кусков и 101 четверть (квартер) свинца по 3 ф. 12 ш. 8 п. за кусок. Этот свинец был доставлен вниз по реке в Йорк согласно обычаю, и был взвешен на королевских весах в пределах весового двора. Он оставался там в течение недели, а потом был доставлен на корабль, чтобы отправиться в Гулль, ждать прибытия туда Уэрдингтона. Городские власти задержали этот свинец в Йорке как «иностранцем купленное и иностранцем проданное». Уэрдингтон отказался платить как иностранец и сказал, что как житель Лондона он имеет право покупать и продавать в любом городе.

Йоркцы свои требования основывали на старинном праве, по которому любой товар, доставленный в город каким-нибудь иностранным торговцем для продажи, даже если купец был жителем Лондона, а не французом или немцем, должен быть продан в городе и обязательно его уроженцу. Если же нет, тогда этот товар является «иностранцем купленный и иностранцем проданный, и должен быть конфискован и удержан для пользы мэра и общины»²⁰.

Другое разбирательство в Звездной Палате происходило в 1534 г. по схожему поводу. Джон Грешем, мерсер Лондона, купил у Чарлза Джонсона из Ричмонда 20 кусков свинца, доставленных для него на королевские весы в Йорке. Свинец был должным образом взвешен и доставлен на корабль для транспортировки в Лондон. Грешем также купил еще 25 кусков у другого торговца свинцом из Ричмонда. Все 45 кусков были конфискованы властями Йорка. Оба эти дела в Звездной Палате были решены не в пользу Йорка²¹.

Не ограничиваясь ссылками на старинные обычаи, городские власти и в XVI в. неоднократно принимали постановления, касающиеся правил пользования городскими весами. В феврале 1505/6 г. мэром и Советом города было принято постановление о правилах пользования общинными весами для иностранцев (*foreyn*) и правилах хранения свинца в городе. За взвешивание на весах иностранец должен был уплатить 14 п. и за чеканку клейма 20 п. за 20 больших кусков свинца. В течение 40 дней после взвешивания и уплаты всей суммы иностранец мог хранить груз в городе, а после 40 дней за каждую неделю хранения должен платить ... (пропуск в бланке)²².

В своих попытках апеллировать к старинным привилегиям в подобных случаях город встречал противодействие со стороны Халла и Ньюкасла. Это, естественно, не улучшало отношения между торговцами этих городов. И в ответ йоркцы получали со стороны жителей других городов Англии соответствующие меры. Так, в августе 1528 г. возник спор между жителями Йорка и Ричмонда по поводу таможенных пошлин за продажу товаров йоркцев в Ричмонде.

Теперь уже мэры и Совет Йорка были вынуждены ссылаться на королевское постановление (имелась в виду хартия Ричарда) о том, что йоркцы могут беспешинно торговать в пределах королевства Англии, Нормандии, Гаскони, Пикардии, Гиени и других местах. На основании этого жители Йорка отказывались платить пошлины в Ричмонде, но при этом жителей всех других городов Англии они объявляли иностранцами и чужеземцами. Претензии Йорка еще и потому были нелепыми, что после воцарения Тюдоров вряд ли пожалования Ричарда Йорка сохраняли свою силу.

Городские власти старались сохранить контроль и за внутригородской торговлей. Регламентации подвергались любые мелочи, связанные с организацией торговли. Например, в мае 1505 г. было принято постановление о надзоре за нелегальной продажей в городе вина и других товаров иностранцам (*foreyn*)²³; в декабре 1513 г. приняты правила для рынка солода – определялось место расположения рынка, обязательность для всех продавцов, прибывающих с солодом для продажи отправляться именно на указанный рынок. Определялось время торговли – с 10 до 12 ч они могут продавать солод только горожанам, и лишь после 12 ч – по своему желанию продавать его чужеземцам и иностранцам²⁴; в марте 1518/19 и в феврале 1530/31 гг. принимаются постановления, регулирующие цены на эль в городе²⁵, на вино²⁶, меры наказания за недоброкачественные товары у кабатчиков и портных²⁷ (новый год в Англии XVI в. начинался в марте, поэтому в современных публикациях средневековых документов указывается двойная нумерация годов). В сентябре 1528 г. было принято постановление о мясниках: пришлые мясники (*straunge*) могут приходить на рынок в город только 2 раза в неделю – четверг и субботу²⁸. Скорее всего, речь идет о мясниках из округи, потому что вряд ли кто-то из другого города повезет мясо в Йорк. И все равно таких мясников именуют чужеземцами. В ноябре 1529 г. вновь регулируются цены на эль.

Поскольку постановления по одним и тем же вопросам повторяются из года в год и даже из десятилетия в десятилетие, то можно сделать вывод, что старинные привилегии и монополии утрачивают свою силу, но власти города продолжают за них цепляться. Дарственные грамоты (пожалования), «сделанные королями более благодарными, чем потомки», перестают действовать, но на них продолжают ссылаться.

В ремесле труднее проследить появление каких-либо новшеств. Ни в одном из документов нет упоминаний о раннекапиталистических формах производства. Это и не удивительно, поскольку речь идет не о статутах гильдий, в которых можно обнаружить упоминания о различного рода нарушениях регламентов, каких-то нововведениях. Тем не менее и в имеющихся

документах кое-что можно обнаружить. Так, в ноябре 1529 г. городской совет постановил, что каждый полноправный житель (*fraunchest man*) любого ремесла и занятия может взять и содержать «столько учеников, сколько он считает выгодным для него»²⁹. Явно идет речь о мастерах, организующих крупное производство.

Однако гораздо больше встречается документов, консервирующих старые средневековые отношения в ремесле. Повторяются постановления, регламентирующие ширину и длину производимых шерстяных сукон³⁰, сырье для изготовления сукна³¹, о веревочниках, использующих некачественное сырье³².

Примечательно, что и в XVI в. в Йорке возникают новые ремесленные гильдии. В январе 1518/19 г. городской совет с согласия всех других гильдий постановил выделить изготовителей льняных тканей в отдельную гильдию: «названные льноткачи, которые есть сейчас, только горожане и фримены этого города, и их наследники (преемники) только льноткачи, должны отныне свое особое ремесло отделить от ткачей шерстяных тканей и иметь двух смотрителей своего собственного ремесла, чтобы проверять готовую работу»³³. До этого на протяжении нескольких лет городскому совету приходилось улаживать споры между этими ремесленниками по поводу уплаты городских сборов. После выделения в особую гильдию льноткачи должны были ежегодно уплачивать в казну города 5 ш., как это делали изготовители шерстяных тканей. То есть, как и в Средние века, разделение труда в Йорке происходило в форме образования новых гильдий.

Представляют интерес документы, касающиеся положения подмастерьев и наемных рабочих. В мае 1505 г. работники мастеров-столяров подали жалобу в Совет, в которой отмечалось, что их мастера не допускают их работать на станках со шлифовальным кругом, чтобы изготавливать кровати, полки, скамейки, табуретки, двери, рамы и пр. Совет постановил, что рабочие (подмастерья) могут изготавливать перечисленные вещи на станках без какой-либо платы названным мастерам³⁴. Создается впечатление, что мастера не желали, чтобы подмастерья изготавливали предметы от начала до конца, т. е. превращали их в наемных рабочих, выполнявших лишь отдельные операции.

Как и в средние века, подмастерья не могли произвольно распоряжаться своим свободным временем. В октябре 1530 г. Совет принял постановление о работниках (*laborers*). Работники не могут находиться вне своих домов (читай домов своих нанимателей) после звона вечернего колокола. Поскольку они вечерами и ночами посещают таверны, пивные и играют в азартные игры, то за такие отлучки их ожидает арест. И ни один человек в городе не должен допускать каково-нибудь подмастерья (*apprentice*) тратить какие-

либо деньги в их домах, играть в кости, карты и другие «незаконные игры»³⁵.

Вероятно, работники и подмастерья не всегда безропотно выполняли все правила, установленные городскими властями и их мастерами. В январе 1508/9 г. городской совет предоставил право применять меры наказания в виде ареста, согласно статуту о рабочих (statut labours) против слуг, которые покидают своих мастеров без их согласия³⁶.

В феврале 1514/15 г. городской совет постановил, что мастера, принявшие на работу подмастерье на год и больше, в течение месяца должны представить в совет договор, заплатив при этом 40 пенсов. После окончания срока договора мастер должен дать характеристику подмастерью, после чего последний может быть свободен, заплатив только 6 ш. 8 пенсов³⁷. Несмотря на то, что многие мастера стремились увеличить количество работников, они вовсе не желали увеличения количества мастеров своего ремесла. И опять мы встречаемся со средневековой практикой монополий. В том же феврале 1514/15 г. Советом наверняка под давлением мастеров было установлено, что если какой-нибудь чужеземец (stranger) явится в город, чтобы заниматься каким-либо ремеслом, то он должен уплатить 21 ш. в течение трех лет и получить подтверждение от мастеров этого ремесла, что он умелый работник (workman)³⁸.

Между гильдиями продолжало углубляться неравенство. Об этом можно судить по постановлениям городского совета, касающимся праздничных процессий – в каком порядке будут шествовать во время процессии разные гильдии. В феврале 1521/22 г. было установлено, что в процессиях золотых дел мастера идут перед скорняками (кожевниками), а мастера гильдии красильщиков будут идти перед гильдией ткачей шерстяных сукон³⁹. И хотя ткачи шерстяных сукон стоят ниже в иерархии цехов, чем золотых дел мастера, кожевники или красильщики, но они, в свою очередь, поставили от себя в зависимость изготовителей льняных тканей. Хотя в 1518/19 г. льноткачи выделились в самостоятельную гильдию, в 1527/28 г. было принято постановление, согласно которому каждый ткач льняных тканей должен уплатить гильдии ткачей шерстяных тканей 4 п. на праздник Св. Лоранса на поддержание факелов в процессии⁴⁰.

По имеющимся документам можно однозначно утверждать, что в городе увеличивается бедность. Причем об этом можно судить не по косвенным данным. В июне 1524 г. Совет принял решение уменьшить налог с паромщика Уильяма Лонсдейла до 40 ш. в связи с тем, что «он является только бедным человеком и доходы от названной перевозки упали»⁴¹. Эта же запись подтверждает сделанные выводы об упадке торговли и ремесла, поскольку позволяет сделать вывод о том, что перевозки грузов уменьшились. О том,

что в городе увеличилось количество нищих, свидетельствуют многочисленные постановления городского совета против бродяг и нищих⁴².

Таким образом, если охарактеризовать положение в городе с точки зрения развития ремесла и торговли, а также социальной обстановки, то можно сделать вывод, что г. Йорк переживал не лучшие времена. В торговле отмечался застой, в ремесле преобладали консервативные тенденции, нищета прогрессировала, старинные привилегии и монополии теряли силу, жалованные грамоты прежних правителей переставали действовать. Не удивительно, что в городе нарастала социальная напряженность, выливавшаяся в противостояние с городскими властями. Но это уже предмет другого исследования.

Примечания

- ¹ Gottfried R. S. English Towns in the Later Middle Ages // Journal of Interdisciplinary History. Cambridge, 1988. Vol. 19. No 1. P. 87.
- ² Россер Дж. Ремесленные гильдии и организация труда // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / отв. ред. А. А. Сванидзе : в 4 т. Т. 2. М., 2000. С. 142.
- ³ Bridbury A. R. England and the Salt Trade in the Later Middle Ages. Oxford, 1955.
- ⁴ Ramsay G. D. English overseas trade during the centuries of emergence. L., 1957.
- ⁵ Veale E. The English fur trade in the later Middle Ages. Oxford, 1966.
- ⁶ James M. K. Studies in the Medieval Wine Trade. Oxford, 1971.
- ⁷ Lloyd T. The English wool Trade in the Middle Ages. Cambridge, 1977.
- ⁸ Robert Sturmy's Commercial Expedition to the Mediterranean (1457/8) / ed. by S. Jenks // Bristol Record Society Publications. 2006. Vol. 58.
- ⁹ Flavin S., Jones E. T. Bristol's Trade with Ireland and the Continent : The Evidence of the Exchequer Customes Accounts. Dublin, 2009.
- ¹⁰ Carus-Wilson E. M. An Industrial Revolution of the Thirteenth Century // Medieval Merchant Venturers. L., 1967. P. 183–210 (впервые статья была напечатана: The Economic History Review. 1941. Vol. 11, no. 1. P. 39–60).
- ¹¹ Ponting K. G. The woolen industry of South-West England. N. Y., 1971.
- ¹² Swanson H. Medieval Artisans : An Urban Class in Late Medieval England. N. Y., 1989.
- ¹³ См.: Rosser G. The art of solidarity in the middle ages : guilds in England 1250–1550. Oxford, 2015.
- ¹⁴ См.: Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI века). Саратов, 1983.
- ¹⁵ См., напр. : Swanson H. Medieval British Towns. N. Y., 1999.
- ¹⁶ См.: York Civic Records : in 9 vols. / ed. by A. Raine. Wakefield, 1939–1978.

- ¹⁷ См.: Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла : деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М. ; СПб., 2016. С. 139–163.
- ¹⁸ Ibid. Vol. 3. Wakefield, 1942. P. 100.
- ¹⁹ Ibid. P. 17.
- ²⁰ Ibid. P. VI.
- ²¹ Ibid. P. VI–VII.
- ²² Ibid. P. 19.
- ²³ Ibid. P. 150.
- ²⁴ Ibid. P. 43.
- ²⁵ Ibid. P. 69, 35.
- ²⁶ Ibid. P. 134.
- ²⁷ Ibid. P. 69.
- ²⁸ Ibid. P. 115.
- ²⁹ Ibid. P. 126.
- ³⁰ Ibid. P. 18, 20.
- ³¹ Ibid. P. 18.
- ³² Ibid. P. 95.
- ³³ Ibid. P. 65.
- ³⁴ Ibid. P. 15.
- ³⁵ Ibid. P. 134.
- ³⁶ Ibid. P. 26.
- ³⁷ Ibid. P. 46.
- ³⁸ Ibid. P. 46.
- ³⁹ Ibid. P. 69.
- ⁴⁰ Ibid. P. 112.
- ⁴¹ Ibid. P. 91.
- ⁴² Ibid. P. 46, 66.

Образец для цитирования:

Мосолкина Т. В. Социально-экономическое развитие г. Йорка в первой трети XVI века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 320–324. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-320-324>

Cite this article as:

Mosolkina T. V. Social and Economic Development of York in the First Third of the 16th Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 320–324 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-320-324>

УДК 655.26(427.1)|15|+929Даниэль Адам Велеславин

Вклад чешского типографа XVI века Даниэля Адама Велеславина в распространение исторических знаний в Чехии

Е. Н. Многолетняя

Многолетняя Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Elenamnogoletnjaja@rambler.ru

В статье рассматривается один из аспектов издательской деятельности чешского типографа XVI в. Даниэля Адама Велеславина, в частности издание им переводных исторических трудов. Анализируется данная продукция, выявляется роль изданий в культурной жизни Чехии XVI в. Обращение к источникам (библиографическим спискам чешских книг, предисловиям и посвящениям типографа) позволяет говорить о том, что интерес Велеславина к данной продукции был целенаправленным, поскольку, издавая эти произведения, типограф способствует распространению исторических знаний в Чехии, при этом Велеславин являлся не только издателем, но и переводчиком данных произведений. За время издательской деятельности из типографии Велеславина вышли: «Две хроники об основании чешской земли» (1585 г.), «Хроника мира» Яна Кариона (1584 г.), «Полития историческая» Георга Лаутенберга (1584 г.).

Ключевые слова: книгопечатание в Чехии, чешские типографы, издательская деятельность, репертуар книжной продукции, исторические сочинения.

Contribution of the Czech Typographer of the 16th Century Daniel Adam Veleslavin to the Dissemination of Historical Knowledge in the Czech Republic

Е. Н. Mnogoletnyaya

Elena N. Mnogoletnyaya, <https://orcid.org/0000-0002-2079-6080>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, Elenamnogoletnjaja@rambler.ru

This article deals with one aspect of publishing activities of the Czech typographer of the 16th century Daniel Adam Veleslavin, in particular his publication of translated works on history. The author analyzes this produce, and also reveals the role of the publications in cultural life of the Czech Republic of the 16th century. The appeal to sources (bibliographical lists of Czech books, forewords and dedications of the typographer) makes it possible to say Veleslavin's product was targeted because publishing these works typographer promotes historical knowledge into the Czech Republic, while Veleslavin was not just a publisher, but also a translator of these works. During Veleslavin's publishing activity the following works were published by his printing house: «Two chronicles on the basis of the Czech Republic» (1585), «Chronicle of the World» by Jan Karion (1584), «Politia historica» by Georg Ladutenberg (1584).

Keywords: book printing in Bohemia, book printer, publishing, repertoire of books, historical writings.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-325-328>

Даниэль Адам Велеславин – самый знаменитый чешский типограф XVI в. Главная его заслуга в книгоиздательском деле была не только в организаторском таланте и способности сплачивать людей вокруг единого дела, а, скорее, в его личном вкладе, который нашел выражение в его собственных переводах иностранных сочинений и его авторском историческом произведении «Календарь исторический» (1578 и 1590).

Основу переводных сочинений издателя составляют исторические труды. Из этой типографической продукции истории Чехии посвящено издание под названием «Две хроники об основании чешской земли» (1585 г.)¹. Необходимо заметить, что в Чехии существовала богатая традиция чешской историографии, с которой Велеславин был прекрасно знаком. Ее истоки восходят к написанной в первой четверти XII в. латинской хронике Козьмы Пражского. Далее она была продолжена чешским хронистом Далмиллом, автором первой чешской иллюстрированной хроники начала XIV в., затем латинскими хронистами периода правления императора Карла IV Франтишеком Пражским, Неплахом из Опатовиц, а также хронистами гуситского периода Лаврентием из Бржезовой и Барташеком из Драгениц. Велеславин знал также сочинение Энея Сильвия Пикколомини «История Чехии», написанное в 1458 г. и уже изданное в Праге в 1510 г. на чешском языке. Кроме этого перевода Велеславин изучил и два оригинальных сочинения о чешской истории, а именно – хронику Мартина Кутена из Шпринсберка (1539 г.) «Хроника об основания чешской земли и первых ее жителях» и хронику Вацлава Гайка из Либочан (1541 г.) «Чешская хроника». Первая преподносила чешскую историю с утравивистской точки зрения, а вторая – с католической².

Велеславин первоначально решил издать эти два произведения вместе одним изданием: подготовленный Коначем перевод хроники Энея Сильвия Пикколомини и хронику Мартина Кутена, но передумал. Вероятно, издатель изменил свое мнение при основательном прочтении первой хроники и пришел к выводу о том, что книгу нельзя печатать в оригинальном виде, потому что перевод хроники, выполненный в начале XVI в., уже не отвечал требованиям грамматики чешского языка конца XVI в. Как отметил Велеславин в предисловии к новому изданию, «это был старый чешский язык, от которого мы теперь

сильно отвыкли»³. Для того чтобы хроника была понятна широкому кругу читателей, Велеславин сам перевел ее заново, приложил к ней хронику Мартина Кутена и издал вместе. Основанием к совместному изданию этих хроник, по его мнению, послужило то, что хроника Энея Сильвия «последовательна, разумна, изящна», повествует о событиях чешской истории без приведения точных датировок, в то время как хроника Мартина Кутена события датирует. Этим-то два сочинения дополняют друг друга. Велеславин так же, как Козьма Пражский и некоторые другие хронисты, был приверженцем той позиции, согласно которой без хронологии история является лишь рассуждением⁴.

Исследователи задавались вопросом: каково идейное содержание этого издания, состоящего из двух сочинений, написанных авторами, взгляды которых радикально противоположны? На этот вопрос пытались ответить многие чешские историки⁵. По нашему мнению, можно согласиться с точкой зрения М. Копецкого, который считал, что Велеславин хотел этим уменьшить негативное влияние «Хроники» Сильвия на чешских читателей, потому как автор дает искаженную картину великого периода чешской истории⁶. Велеславин, кроме этого, высказывает несогласие и полемизирует с Энеем Сильвием в маргинальных заметках (т. е. заметках на полях страницы). Например, издатель критически комментирует осуждение автором Гуса и Иеронима Пражского, и таких издательских замечаний много.

Систематическая критика труда Энея Сильвия Пикколомини содержится в предисловии Велеславина к изданию, в котором дана развернутая характеристика современным автору исторических сочинений: хроники Кутена, Гайка, Дубравиуса и, наконец, Энея Сильвия⁷. В предисловии Велеславин обосновывает свою точку зрения по вопросу об их исторической достоверности. Его полемика ведется не только с позиции патриота, но и с позиции образованного гуманиста. Это предисловие представляется важнейшей исторической работой Велеславина, оно отличается от всех других его предисловий и включает формулы посвящения издания (пражским горожанам, членам пражского магистрата, крупным феодалам), обращение к читателю, разъяснение причин и целей данного издания, среди которых преобладали размышления о роли истории и приносимой ею пользе, анализ принципов и элементов исторического исследования и в заключении – характеристику тех затрат времени и средств, которые потребовались для публикации⁸.

По мнению Велеславина, «Хроника» Э. Сильвия при всех своих достоинствах имеет, с точки зрения истинного патриота-чеха, существенные недостатки. Он считает необходимым выступить с защитой своих соотечественников против некоторых обвинений, возводимых на них в хронике. «Никто не вправе, – говорит он,

– приписывать чехам не гостеприимство, грубость и дикие нравы, разве только те, кто их не знает: те же, кто хорошо знает, воздает хвалу их дружбе, любезности, доброте, приветливости и другим благородным чертам. Можно сказать, что излишней любезностью и добротой они вредят сами себе. Чехия вообще и Прага в частности принимают чужеземцев как едва ли где-либо встречают чехов. Давно уже вошло в пословицу, что Прага есть приют всей империи»⁹.

Энергично восстает далее Велеславин против обвинения Энеем Сильвием Карла IV в чрезмерной заботливости о славе Чешского королевства и в пренебрежении интересами всей священной Римской империи¹⁰. Он защищает и сына Карла – Вацлава от обвинения в жестокости, лености и распутстве, ибо убежден, что мнение о нем Энея Сильвия и немецких хронистов несправедливо¹¹.

Велеславин вслед за Цицероном считает, что хороший историк должен обладать тремя добродетелями: «одной, чтобы ничего несправедливого (не истинного) и ложного писать не смел; второй, чтобы правду, как она есть, писать не стыдился; третьей, чтобы никаким способом в подозрение не вдавался, чтобы, пожалуй, к одной стороне больше, чем к другой, благоволил или чтобы к одной больше, а к другой меньше испытывал любовь и желание»¹².

Это предисловие рисует нам личность Велеславина как человека, горячо любящего свою родину и отстаивающего принцип объективности в познании исторического прошлого. Тенденциозное отношение к истории Чехии издатель объясняет религиозными убеждениями Энея Сильвия, главным образом тем, что чехи благодаря учению Яна Гуса вышли из повиновения римско-католической церкви и во времена Энея Сильвия оказывали наибольшее непослушание. Когда же после Базельского собора Э. Сильвий посетил Чехию, ему пришлось вести с чехами богословские споры и диспуты. Все это неблагоприятно отразилось на взглядах автора «Истории Чехии». Интересен тот факт, что переведенная и изданная Даниелем Адамом хроника Энея Сильвия была осуждена иезуитом Антонином Кониашем в XVII в. за проявленные в ней симпатии к чехам и его издания подлежали сожжению¹³.

Годом раньше в 1584 г. Велеславин издал всемирную хронику в собственном переводе «Хроника мира»¹⁴. Ее автором был Ян Карион (1499–1537) – математик, астролог и врач, который впервые издал свое сочинение с помощью немецкого реформатора Ф. Меланхтона в 1532 г. в Виттенберге. Позднее сочинение Кариона было переведено на несколько языков. На чешский язык «Хронику» перевел в 1541 г. Буриан Собек из Карниц и издана она была в том же году в Литомышле. Велеславин знал перевод Собека, но решил перевести хронику заново «ясным чешским языком». Свое издание он посвятил по-

следнему представителю южночешского дворянского рода – пану Вокову из Рожмберка¹⁵. В нем Велеславин сохранил разделение текста автором на четыре мировых монархии (империи): халдейскую, персидскую, греческую и римскую, а так же в духе своего переводческого метода перевел сочинение, отталкиваясь иногда от перевода Собека. Велеславин, однако, дополнил сочинение событиями времен правления Максимилиана II и довел хронику до событий недавнего прошлого. Перевод Велеславина стал доступен широкой читающей чешской публике, которая могла ознакомиться в книге с занимательными описаниями троянской и фиванской войн, с Александром Македонским и Ганнибалом, а также с другими полководцами древности, с основанием Рима и прочими событиями мировой истории. Читатель мог также узнать о важнейших фактах и явлениях чешской истории, рассмотренной в рамках эпохи четвертой Римской империи¹⁶. Особо интересными были отдельные главы, написанные изящным литературным стилем, например, описание торжественной встречи императора Фердинанда III в Праге. Здесь использовался материал, извлеченный из сочинений чешских авторов – Матеуша Колина из Хотержина и Мартина Кутена из Шпринсберга. Это произведение, изданное Велеславиным, завоевало любовь читателей и было опубликовано уже после его смерти наследниками в 1602 г. вторым изданием.

В том же 1584 г. Велеславин издает в собственном переводе сочинение немецкого юриста Георга Лаутенберга под названием «Полития историческая»¹⁷, в предисловии к которому он пишет: «...Чтобы своим издательским умением Родине своей послужить мог, по совету некоторых панов и друзей своих взял на себя издание этой книги «Полития историческая», автор ее известный и ученый муж Георг Лаутенберг из древней и новой истории для общественной пользы и к порядочности (честности) всех властей и управляющих собрал, я ее не только на чешский язык наш с большой прилежностью и трудом перевел и во многих местах красивыми примерами из истории расширил (добавил) и увеличил, но также с издательским клеймом, не жалея скромного имущества своего, вообще отпечатал и издал»¹⁸.

Как видно из предисловия, Даниэль Адам Велеславин не ограничился простым переводом или, что было в то время принято, переработкой книги Г. Лаутенберга. Он основательно расширил ее, обогатив основной источник подчас очень пространными дополнениями из разнообразных латинских, немецких и чешских произведений¹⁹. В сочинение были вставлены отрывки из текстов произведений Ф. Меланхтона, «Космографии» С. Мюнстера, сочинений Плутарха, Тита Ливия и других авторов, которые непосредственно касались чешской истории. Велеславин включил в него ещё 3 собственных оригинальных предис-

ловия к отдельным частям «Политии» и множество менее значительных вставок и дополнений, связанных главным образом с историей Чехии²⁰. Все это дает основание говорить об издании Велеславина как о новом историческом труде, автором которого был чешский типограф.

Велеславин сделал перевод очень точный, иногда переходящий в самостоятельное изложение. Издание вполне отвечало потребностям и вкусам своего времени: трудноразрешимый вопрос об упорядочении отношений между подданными и властью издавна привлекал к себе внимание мыслителей. Разрешение его искали в поучительных примерах истории и Священного Писания, а такой материал в изобилии содержался в книге Г. Лаутенберга.

Во многих местах «Политии» обнаруживается несомненное влияние идей Реформации, и Велеславин, по-видимому, сочувственно относился к этим идеям. Он не исключает из произведения тех мест, где, например, осуждалось стремление к светской роскоши, где высказывались критические замечания в адрес монашества, где речь шла об индальгенциях и невероятных доходах пап и т. д.

Иногда Велеславин несколько смягчал слова и выражения подлинника, подвергая их исправлению, или опускал те или иные высказывания, но во многих случаях, и едва ли по ошибке, он сохранял резкие суждения оригинала неизменными²¹. Не было секретом для современников, что сам Даниэль Адам Велеславин являлся тайным приверженцем общины чешских братьев, что его сын Самуэль был уже открытым сторонником протестантизма и покинул Чехию после битвы на Белой Горе. Именно поэтому едва заметное сочувствие в «Политии» к идеям Реформации нам не покажется случайным²². Говоря о деятельности Яна Гуса, Велеславин сравнивает его заслуги с заслугами Кирилла и Мефодия: «Как апостолы Кирилл и Мефодий приобрели для чехов и других славянских народов право употребления при богослужении собственного их родного языка, так благодаря Яну и его ученикам, чешское пение, много лет уже как бы умолкнувшее и вышедшее из обычая, опять обновлено и введено в чешской церкви»²³. Насколько содержание (по крайней мере некоторых ее частей) «Политии» казалось католической церкви предосудительным, свидетельствует тот факт, что она очутилась впоследствии в индексе запрещенных книг, знаменитом «Ключе» иезуита А. Кониаша (1729 г.)²⁴.

Книга эта была, несомненно, весьма полезной, она давала чешскому обществу занимательное и поучительное чтение, была переведена прекрасным чешским языком. Велеславин с полным правом мог сказать, «что те, кто таким же искренним желанием извлечь уроки примется за чтение ее, с каким он издавал ее для пользы сограждан своих, не будут жалеть ни денег, потраченных на

книгу, ни времени, посвященного ознакомлению с ней»²⁵. Далее он пишет: «Я хвалить книгу не стану, дабы не казалось, что я хвастаюсь своим трудом, да она и в том и не нуждается. Труд сам говорит за себя и за автора»²⁶. Велеславин предназначает эту книгу в первую очередь тем, «кто в управлении городом находится, а языков иностранных не знают, чтобы многочисленные истории и сочинения читать могли (для этого прошу их), чтобы эту книгу внимательно и полностью прочли»²⁷.

Это было издание, имевшее практическое назначение. Целью издания было показать пример членам городских магистратов Праги, всем власть имущим в их «управлении городской общиной, которое является труднейшим из искусств, среди прочих светских дел»²⁸.

На этих примерах мы видим, как Велеславин – издатель и переводчик – превращается в историка, причем при освещении некоторых вопросов он выступает как оригинальный исследователь. Само же переведенное историческое произведение превращается порой в совершенно новое произведение. Оно делается понятным большому кругу читателей, а сам издатель становится популяризатором исторических знаний.

Примечания

- 1 Кnihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII století. Vydala Komise pro knihopisný soupis československých tisků až do konce XVIII. století. ; Díl. II. Tisky z let 1501–1800. Č. I–IX. Praha, 1939–1967. Č. 13885. (ссылка на библиографический источник дается на порядковый номер издания) ; Dějiny české literatury. Díl. 1. Starší česká literatura. Praha, 1959. S. 343–344.
- 2 Dějiny české literatury. Díl. 1. S. 328.
- 3 Цит по : Kopecký M. Daniel Adam z Veleslavína. Praha, 1962. S. 28.
- 4 Kopecký M. Op. cit. S. 28.
- 5 Ibid. S. 28–29.
- 6 Ibid. S. 29.
- 7 Veleslavín D. A. Z předmluvy ke Kronikám dvema z r. 1585 // Kopecký M. Op. cit. S. 113–130.
- 8 См.: Глазкова М. А. Развитие чешской историографии в XVI – первой четверти XVII в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. С. 137.
- 9 Цит по : Францев В. Даниель Адам Велеславин «Архитипограф Пражский». К трехсотлетию его смерти (1599–1899) // Журнал Министерства Народного Просвещения. Седьмое десятилетие. Ч. CCCXXVII. 1900. Январь. С. 325.
- 10 Veleslavín D. A. Z předmluvy ke Kronikám dvema z r. 1585 // Kopecký M. Op. cit. S. 118–119.
- 11 Ibid. S. 120–121.
- 12 Ibid. S. 117.
- 13 См.: Мочалова В. В. Чешская литература // История литератур южных и западных славян : в 3 т. Т. 1. От истоков до середины XVIII века. М., 1997. С. 638.
- 14 Кnihopis. Č. 1464 ; Dějiny české literatury. Díl. 1. S. 329.
- 15 Veleslavín D. A. Dedikace Kroniky světa z r. 1584 // Kopecký M. Op. cit. S. 99.
- 16 Kopecký M. Op. cit. S. 24.
- 17 Кnihopis. Č. 4735 ; Dějiny české literatury. Díl. 1. S. 348.
- 18 Předmluva ke 4. knize spisu Politia historica. z. r. 1584 // Kopecký M. Op. cit. S. 107–108.
- 19 См.: Мильников А. С. Чешская книга : Очерки истории. (Книга. Культура. Общество). М., 1971. С. 71.
- 20 См.: Францев В. Указ. соч. С. 319.
- 21 См.: Там же. С. 321.
- 22 Jireček J. Rukověť k dějinám literatury české do konce 18. věku (Sv. 2, M–Ž). Praha, 1876. S. 312.
- 23 Цит. по: Францев В. Указ соч. С. 322.
- 24 См.: Там же. С. 322.
- 25 Předmluva ke 4 knize spisu Politia historica z. r. 1584 // Kopecký M. Op. cit. S. 109.
- 26 Ibid. S. 109.
- 27 Ibid. S. 109.
- 28 Ibid. S. 106–107.

Образец для цитирования:

Многолетняя Е. Н. Вклад чешского типографа XVI века Даниэля Адама Велеславина в распространение исторических знаний в Чехии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 325–328. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-325-328>

Cite this article as:

Mnogoletnyaya E. N. Contribution of the Czech Typographer of the 16th Century Daniel Adam Veleslavín to the Dissemination of Historical Knowledge in the Czech Republic. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 325–328 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-325-328>

УДК 94:331(735.4)«17»

Роль Виргинии в антиколониальном движении: от колонии к штату (1763–1776 годы)

П. В. Востриков

Востриков Павел Вячеславович, соискатель кафедры всеобщей истории, Курский государственный университет, Sortavala2015@inbox.ru

В статье рассматривается характер противодействия виргинской колониальной элиты законодательным актам, принятым британским парламентом после окончания Семилетней войны. Представители Виргинии оказались наиболее сплоченной группой среди всех колониальных лидеров, им принадлежала ведущая роль в общем антиколониальном движении, которое началось со стремления колонистов соблюдения своих прав как британских подданных (главным из которых была свобода от налогообложения британским парламентом при отсутствии в нем представителей колоний), а завершилось разрывом отношений с метрополией и провозглашением независимости от неё. Представлены знаковые события этой тяжбы. Политическая атмосфера Виргинии в указанный период проиллюстрирована некоторыми эпизодами, связанными с деятельностью П. Генри, Р. Бланда и Т. Джефферсона.

Ключевые слова: просвещенная элита, антиколониальное движение, британский парламент, Декларация независимости, Т. Джефферсон, П. Генри.

The Role of Virginia in the Anticolonial Movement: Transition from the Colony to the State (1763–1776)

P. V. Vostrikov

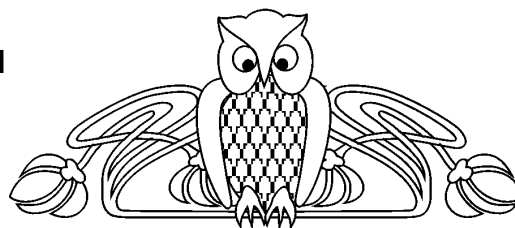
Pavel V. Vostrikov, <https://orcid.org/0000-0001-9043-6622>, Kursk State University, 8 Zolotaya St., Kursk 305000, Russia, Sortavala2015@inbox.ru

In this article the author studies the character of resistance of the colonial Virginia elite to the Acts of the British parliament which were passed after the end of the Seven Years' War. The Virginians appeared to be the most united group among the colonial leaders. They had the most prominent role in the anti-colonial movement, which was initiated as a judicial contention for the preservation of the colonists' rights as British citizens (the main of which was the principle "no taxation without the representation") and finally led to the cessation from Britain and the Declaration of independence. In the article the author describes the major events of that struggle and the political atmosphere of Virginia in those years. Certain episodes involve P. Henry, R. Bland, T. Jefferson.

Keywords: enlightened elite, anticolonial movement, British Parliament, Declaration of Independence, T. Jefferson, P. Henry.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-329-336>

Некоторые исследователи ранней истории США определяют верхнюю хронологическую границу колониального периода 1763 г., хотя до образования американского государства еще было далеко. 1763 г. знаменует окончание Семилетней войны, глобального конфликта, часть

которого известна в Америке как Франко-индейская война. Это противостояние, в результате которого Британия вырвала у французов власть, формально завершилось Парижским договором 10 февраля 1763 г.¹

Виргиния была самой большой британской колонией в Северной Америке и обладала протяженной границей. Жители приграничных областей в ходе конфликта постоянно подвергались нападению ирокезов – союзников французов. Война началась при деятельном участии виргинских ополченцев во главе с Дж. Вашингтоном. Участники фронта не знали передышки, даже когда основной театр военных действий переместился в Нью-Йорк и Канаду.

Тот факт, что британские колонии (включая островные) имели значительные различия в политическом и общественном устройстве, отмечался многими путешественниками и самими колонистами. Б. Франклин писал, что «...нет и двух колоний, похожих друг на друга»², что колонии пребывают «...не только под властью различных губернаторов, правительств, законов, но они имеют разные интересы, а также разные религиозные убеждения и привычки повседневной жизни»³. Однако постепенное развитие колоний способствовало установлению связей между ними и общей конвергенцией англоязычного мира. С 1754 по 1760 г. колонисты особенно нуждались в защите от угрозы французов со стороны метрополии, но после окончания войны многие поселенцы, почувствовав свободу, начали двигаться на запад и осваивать земли долины Огайо.

Колонисты были горды победами над французами, горды тем, что принадлежали сильной империи. Но вскоре появились причины для недовольства сложившейся ситуацией как со стороны Британии, так и со стороны колонистов. Оказалось, что Британия как бы заново открыла для себя колонии. Британские политики имели смутное представление о Виргинии. Для них виргинцы были провинциалами, борющимися за выживание в неблагоприятной среде. Но во время войны английские офицеры были удивлены процветанием колонии, они встречали плантаторов, живших в стиле английских сельских джентри, многие отмечали отсутствие привычной бедности. Такие открытия привели британскую элиту к осознанию необходимости извлекать выгоду из колоний⁴. Чтобы компенсировать траты метрополии по отправке и содержанию

регулярной армии в колониях, Англия решила обложить колонистов рядом налогов.

Последовали акты, направленные на обложение налогами различных товаров (например, сахар, кофе, текстиль). Правительство также обязывало колонистов содержать солдат регулярной армии, кормить их и предоставлять им кров. Эти меры, вошедшие в историю под названием «Программы Гренвилла» (принятые по инициативе премьер-министра Дж. Гренвилла), казались справедливыми для правительства. Ведь и жители Британии платили налоги, гораздо более значительные. Однако колонисты придерживались иного мнения. К тому же они опасались, что правительство начнет принимать слишком активное участие в жизни колоний, что могло, по их мнению, привести к тирании.

Английский король с целью избежать конфликтов с индейцами выпустил в 1763 г. прокламацию, запрещающую колонистам расселяться к западу от Аппалачей⁵. Это привело к разочарованию многих жителей приграничных районов. Скваттеры нелегально стали занимать индейские территории в Виргинии еще в 1710-е гг., строили хижины, расчищали участки, занимались также и охотой⁶.

Была у назревающего конфликта и экономическая составляющая. Промышленность в Америке активно развивалась и стала конкурировать с английской. Англия начала вводить меры по ограничению развития колониальной торговли и промышленности. Колонисты же игнорировали навигационные акты, занимались контрабандой, давали взятки таможенникам, торговали с врагом во время войны. Даже либеральные губернаторы вроде Р. Динвидди и Ф. Фокье уступали требованиям бургесов и принимали постановления, противоречащие королевским инструкциям. Британцы увидели обрушение колониальной системы, созданной Торговой палатой в 1696 г. Оказалось, что делами больше заправлял Дом бургесов, который воспринимался как некое подобие Палаты общин. Очевидно, виргинцы не желали отменять эти практики и уступать свои права, к которым они привыкли за предшествующие 30 лет⁷.

Взаимодействие колоний и метрополии в первой половине XVIII в. было, как, например, в Виргинии, хорошо отлажено и осуществлялось при отсутствии значительных персональных контактов. Но теперь эта система начинает давать сбой. Единственным связующим звеном с английским правительством был губернатор, остальными значительными чиновниками в колонии были виргинцы, не англичане. Как показал опыт, сами губернаторы становились «своими» среди колонистов. А. Спотсвуд стал плантатором и не вернулся в Британию, Х. Дрисдейл после недолгого срока умер в Уильямсбурге, У. Гуч провел в колонии 22 года, вернулся в Англию по состоянию здоровья только перед самой смертью. Все меньше молодых людей отправлялись получать образование в Англии, предпочитая колледж Уильяма и Мэри в Уильямсбурге.

В 1760-е гг. в Виргинии появились политические лидеры нового типа. Отчасти это объяснялось изменившимися экономическими условиями. Уровень процветания был уже не тот, что прежде. Такое положение было вызвано не только военными действиями (представители элиты были убеждены, что они вложили достаточно много финансов в общий фонд на военные нужды – 120 тыс. фунтов)⁸, но и с особенностью табачного земледелия и торговли. Благополучие плантаторов в середине столетия основывалось на британских кредитах, успешной деятельности шотландских торговцев, развернувших торговлю табаком по всей Европе. Однако к началу 1760-х гг. европейский рынок уже не мог воспринять такое количество табака. Наступил кризис перепроизводства. Шотландские купцы снизили масштабы кредитов и стали требовать платежей по старым долгам. Почвы в приливной зоне за полтора столетия были истощены, центры табачного производства перемещались к приграничным районам Пидмонта, к Северному полуострову (*Northern Neck*). Некоторые плантаторы (например, Вашингтон) активно переключались с выращивания табака на зерновые культуры. Большинство плантаторов не осознавали масштабов кризиса, считая, по-видимому, что это был очередной период нестабильности. Многие из них продолжали жить на широкую ногу – строили особняки, наполняли их новой мебелью, одевались по последней моде и передвигались в роскошных экипажах. Со временем общий долг плантаторов Виргинии шотландским торговым домам вырос до 2 млн фунтов⁹.

Новое поколение землевладельцев к тому же не обладало той деловой хваткой, что их предшественники. Они выросли в достатке и имели оптимистический взгляд на жизнь, веря, что «золотой век» продлится и дальше. Но те плантаторы, которые умело управляли своими плантациями и при этом видели рост своих долгов, начинали пересматривать характер экономических и политических связей с метрополией.

В течение XVIII в. происходило смещение центра власти от Совета к Дому бургесов. Члены Совета У. Бёрд, Дж. Блэр, Л. Бервелл, Р. Картер сдерживали властные полномочия губернаторов, таких как Ф. Николсон и А. Спотсвуд, и даже смогли добиться их смещения. На период с 1738 по 1766 г. наибольшее влияние в политической жизни приобрел лидер бургесов Джон Робинсон. К 1730-м гг. в колонии было уже около 100 богатых семей, чьи интересы не могли быть достаточно представлены в Совете, количество членов которого ограничивалось 12-ю. Вокруг Робинсона и Пейтона Рэндольфа сформировалась группа политических единомышленников. Их экономическими конкурентами были некоторые плантаторы восточной Виргинии, возглавляемыми сначала Томасом Ли, а затем его сыном Ричардом Генри Ли. Однако во взгляде на положение Виргинии

обе группы были едины: политические и экономические решения должны приниматься в Виргинии, а не королем или британским парламентом. Э. Бернаби отмечал: «Они очень высокомерны, вспыльчивы, нетерпеливы и очень ревностно относятся к своим свободам, и сама мысль о том, что какая-нибудь внешняя сила сможет контролировать их, для них нестерпима»¹⁰.

Началом юридической тяжбы с Великобританией чаще всего принято считать 1763 г., но первые признаки разрыва возникли в Виргинии раньше. В местной политической жизни имели место 3 тяжбы, которые уже указывали на конфликт интересов метрополии и колонистов: ревизия виргинских законов 1748–1749 гг., пистольный налог, который ввел губернатор Р. Динвидди, и самый известный спор – «дело проповедника»¹¹.

Новая кодификация законов была вполне рутинным делом для местных законодателей. После одобрения губернатором свод законов направлялся в Лондон для одобрения Торговой палатой. Далее палата обычно просто давала формальную рекомендацию монарху к их принятию, и только после этого статуты могли вступить в силу. Случаи отмены статутов в Лондоне были редки, но на этот раз более 10 положений, касавшихся экономической жизни Виргинии, финансовой поддержки Колледжа Уильяма и Мэри и других образовательных учреждений, не были одобрены¹². Когда новость об этом достигла Уильямсбурга, законы уже были давно напечатаны и применялись на практике. Бургесы были возмущены, они составили петицию на имя короля, снарядили своего посланца в Англию, но не смогли ни на что повлиять.

Примерно в то же время по инициативе Динвидди, закоренелого колониального бюрократа, который разными способами пытался пополнить казну, был введен пистольный сбор (*pistolfee*). Являясь хранителем печати колонии, Динвидди принял решение взимать дополнительную плату за подтверждение прав колонистов на землю. Пистоль, испанская монета, широко использовавшаяся в колонии, казалась ему подходящей платой. Бургесы запротестовали и также отправили своего представителя в метрополию, где было подтверждено формальное право губернатора устанавливать плату за предоставление земли, но с такими многочисленными оговорками, что данная мера перестала иметь какое-либо практическое значение¹³.

В 1758–1763-х гг. в Виргинии происходил ряд судебных разбирательств, получивших название «дело проповедника». Священникам англиканской церкви назначалось жалованье из налоговых отчислений, рассчитываемых в фунтах табака. Засуха второй половины 1750-х гг. вызвала повышение цен на табак, и бургесы ограничили выплату клирикам до 2 пенни за фунт, что было ниже рыночной цены. Представители церкви стали лоббировать свои интересы и направили петицию королю, которая была удовлетворена. Король от-

менил Акт о 2 пенни. И здесь пробил час мало кому известного ранее Патрика Генри, 27-летнего юриста из графства Ганновер. В суде своего графства Генри произнес речь, в которой напал на короля, говоря, что монарх, отменяющий постановления, направленные на благо общества, становится тираном и теряет право на послушание своих подданных¹⁴. Генри был представителем нового поколения бургесов из относительно недавно образованных западных графств, жители которых являлись носителями другого, приграничного типа культуры. Они приобретали в политической жизни Виргинии все больший вес, порой становясь в оппозицию стареющим бургесам из прибрежных графств¹⁵.

В общеамериканском антиколониальном движении просвещенной элите Виргинии принадлежала ведущая роль. И после выступления П. Генри на протяжении многих десятилетий виргинцы изумляли других колонистов радикализмом политического мышления своей элиты. Когда виргинцы принимали участие в первом континентальном конгрессе, Джон Адамс написал в своем дневнике: «Джентльмены из Виргинии кажутся наиболее выдающимися и состоятельными из всех»¹⁶. Виргинцы, действительно, прошли хорошую школу публичных выступлений в Доме бургесов и удивляли Адамса своим ораторским мастерством¹⁷. На политическую арену Америки в этот период выходили представители «виргинской династии»: Патрик Генри, Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон, Ричард Генри Ли, Джон Маршалл. В политической истории штата также заметно проявили себя Пейтон Рэндольф, Ричард Блэнд, Эдмунд Педлтон. Успех их заключался в готовности плантаторской аристократии защищать свои собственнические интересы и служить правительству Виргинии. Также они сумели обеспечить поддержку своей деятельности со стороны мелких плантаторов, преимущественно людей границы, обладавших независимым духом и стремлением к свободе. По мысли Ф. Дж. Тернера, жители границы активно проявляли политическую активность в виргинской истории, когда видели, что их правами и свободами начинают пренебрегать земельная и церковная элита восточных графств. Примеры тому – бунт Бэкона и сопротивление жесткому курсу А. Спотсвуда¹⁸.

Однако антиколониальное движение вызвало и кризис правящего класса. Не все были согласны с подобным радикализмом, некоторые богатые джентри, особенно из графств восточного побережья, сделав свой выбор в поддержку британской политики, утратили моральный авторитет и политическое влияние. Но в целом лоялистов в Виргинии было немного¹⁹.

Просвещенные виги стали носителями республиканских идей, они вдохновлялись идеями Дж. Локка об идеальном правительстве. Общие экономические интересы способствовали един-

ству мировоззрения, в котором их права и свободы занимали главное место, а действия британского правительства воспринимались как попытки покушения на эти свободы. Дом бургесов к 1760-м гг. стал на практике главным политическим институтом в колонии со дня ее возникновения, это был орган власти плантаторской элиты, но вместе с тем популярное правительство.

Радикальный тандем вигов – Джон Тренчард (1662–1723) и Томас Гордон (?–1750) – сформулировал политическую философию, которая отвечала пониманию свободы в среде виргинской элиты²⁰. Их сборник, включавший 53 эссе, под названием «Независимый виг» содержал рассуждения по поводу организованных форм религии и необходимости большей веротерпимости. В 1720 г. они впервые опубликовали «Письма Катона». Названные так в честь римского политика, оппозиционного Юлию Цезарю, эти очерки превозносили республиканские идеалы личной свободы и нападали на тиранию и коррупцию. Публицисты раскрывали порочный союз политических лидеров и финансистов, который оказывал влияние на правительство. Защитники свободы должны быть постоянно настороже, а если они сумеют следовать философии вигов и создать общественный договор, то смогут обуздать злоупотребления власти²¹.

«Письма Катона», регулярно переиздававшиеся в Америке, послужили мощным источником вдохновения для американских борцов за независимость. Колонисты постоянно цитировали их в многочисленных газетных публикациях и памфлетах, использовали ставшие уже знакомыми цитаты и аллюзии в устных выступлениях²². Во время известных революционных событий ораторы отмечали, что правительство в Англии стало коррумпированным, и колонистов ожидала незавидная участь, если патриоты не вмешаются. Народ не должен бездействовать, когда мир, который ему был хорошо знаком, рушился вокруг²³.

Идеи самоуправления и естественно-правовой теории активно распространялись в многочисленных патриотических памфлетах и философских трудах 1770-х гг. Историк Б. Бейлин писал: «Пригодные для любой политической цели, легкие в изготовлении и дешевые памфлеты печатались в колониях везде, где только были печатные станки, живые умы и политические мнения... Наибольшее число их возникло в ответ на значительные политические события»²⁴.

Смена политических элит произошла и в метрополии. Королем Англии стал Георг III. В отличие от двух предыдущих Георгов, которые были слишком привязаны к своим ганноверским корням, а первый представитель династии даже не говорил по-английски, Георг III считал себя «гордым британцем». Но он не мог удержать уровень политической стабильности, достигнутый при Р. Уолполе. В то время, когда Георг III стал королем, партия вигов, доминировавшая

с 1720 г., начала распадаться на враждующие фракции. Королю трудно было найти доверенное лицо. С 1763 по 1770 г. сменились 6 премьер-министров, пока Лорд Норт не занял этот пост в 1770 г., и политическая инициатива перешла к тори. Чехарда со сменой премьер-министров свидетельствует о нестабильности британской политической машины в период, когда в Виргинии, так же как и в других колониях, созревала новая мощная политическая элита²⁵.

В 1765 г. парламент издал Акт о гербовом сборе, направленный также на увеличение средств для обороны²⁶. Налогом облагалась вся печатная продукция. При приобретении газет, бланков, любых документов с колонистов брали особый налог. В Виргинии состоялась сессия Генеральной ассамблеи, на которой П. Генри выступил с речью, осуждавшей Акт о гербовом сборе: «У Цезаря был Брут, у Карла Первого – Кромвель... король может и поучиться на их примере»²⁷. Дом бургесов принял ряд резолюций против налога²⁸. Главной в них была идея, заключающаяся в том, что «только Генеральная ассамблея Виргинии имела право и власть облагать налогами ее жителей, а любая попытка придать такую власть какой-либо персоне и группе лиц имела явное намерение разрушить как британские, так и американские свободы»²⁹. Выступление Генри было впечатляющим. Среди свидетелей его был и 22-летний Джефферсон, который впоследствии отметил, что «он говорит так, как Гомер писал»³⁰.

Предложенные Генри резолюции вызвали, однако, неприятие более консервативной части виргинского истеблишмента. Резолюции были приняты лишь в сокращенном виде, был опущен тезис о том, Англия не имеет права облагать колонии налогами³¹. Губернатор Фокье в ответ на это распустил собрание. Джозеф Ройл, печатник местной газеты, отказался печатать резолюции. Однако движение оппозиции продолжалось, виргинские резолюции были напечатаны в других колониях, где произвели больший эффект, чем в самой Виргинии³². «Данными резолюциями мистер Генри вырвал лидерство из рук тех, кто до него возглавлял Дом бургесов: Рэндольфа, Уита, Блэнда, Николаса. Это были почтенные и способные люди, они придерживались оппозиции на тех же основаниях, но с той степенью умеренности, что соответствовала их возрасту. Последующие события показали правоту той смелости, которую продемонстрировали Ли, Генри, Мейсон»³³, – писал позже Джефферсон.

Со времени основания Дома бургесов колонисты считали своим правом избирать собственных представителей для обложения их налогом. «Нет налогообложению без представительства в правительстве», – таково было общее представление о справедливом правлении после того, как в марте 1766 г. Р. Бланд опубликовал памфлет в защиту прав виргинцев под названием «Исследование прав британских колоний»³⁴. В нем фигурировало

принципиальное положение о том, что Виргиния является частью Британской империи, а не Королевства Великобритании, и подчиняется короне, но не парламенту³⁵. Этот памфлет имел широкое распространение как в колониях, так и в Англии. Недовольство колониальных лидеров было вызвано не налогами, их возмущало само стремление метрополии навязывать свою политику колонистам³⁶.

Лидеры 9 колоний, возмущенные актами парламента, собрались на конгресс в Нью-Йорке как раз по этому поводу. Виргинцы не присутствовали, так как губернатор Фокье из-за опасений не созвал ассамблею для выбора представителей, но их резолюции были документом, который только и обсуждали в Нью-Йорке, и их позиция получила одобрение делегатов. Во всех колониях торговцы отказывались продавать английские товары, разъяренные толпы нападали на чиновников, продающих бланки. В Виргинии толпа протестующих вынудила Дж. Мерсера, ответственного за выполнение акта, отказаться от исполнения своих обязанностей³⁷.

Такая мощная оппозиция вынудила парламент отменить Акт о гербовом сборе, Гренвилл ушел в отставку. Но сразу же последовали новые налоги на чай, краски, бумагу и многие другие импортные товары, введенные по инициативе казначея Ч. Тауншенда, в 1767 г. ставшего ведущим представителем британского правительства. Тауншенд полагал, что колонисты готовы были принять внешние налоги (Акт о гербовом сборе предполагал внутренний налог). В Бостоне появился специальный таможенный офис для сбора пошлин. Чиновники захватили судно, принадлежащее известному бостонскому торговцу Джону Хэнкоку, и обвинили его в контрабанде. Это вызвало бунт в Бостоне, а затем и новую волну протестов в других колониях, что снова привело к отмене принятых актов, кроме налога на чай. Попытка отправить бостонских недовольных в Лондон для суда над ними вызвала поистине революционные инициативы и в Виргинии. Ассамблея провела сессию, пытаясь принять резолюцию, осуждающую арест мятежников, но очередной губернатор Норборн Беркли барон де Ботетур распустил Ассамблею.

Бургесы покинули Капитолий и переместились в таверну Райли, где приняли решение о запрете британского импорта и эти меры были одобрены во всех колониях³⁸. Совместное сопротивление было успешным и задержанные в Бостоне под этим давлением были освобождены.

Губернатор Ботетур в 1770 г. внезапно заболел лихорадкой и умер, на должность был назначен Джон Мюррей, граф Данмор, шотландец, происходивший из королевской династии Стюартов³⁹. Назначение такого консервативного человека свидетельствовало, казалось, о полном непонимании Лондоном серьезности ситуации⁴⁰.

В 1773 г. попытки выслать мятежных бостонцев в Британию возобновились. Тогда Джеф-

ферсон, Р. Г. Ли, Генри, Мейсон создали комитет корреспонденции для сообщения с Британией по поводу разногласий. Подобные общества появились и в других колониях. Самыми известными событиями нового этапа противостояния между метрополией и колониями, уже с применением насилия и порчи имущества, стали так называемая «бостонская резня» 5 марта 1770 г. и «бостонское чаепитие» 16 декабря 1773 г. Между двумя событиями историки выделяют так называемый «тихий период», когда не было повода для общего недовольства, но после «чаепития» в Британии были приняты очередные постановления, называемые официально Принудительными актами⁴¹.

«Невыносимые акты», как они стали именоваться колонистами, вызвали бурное обсуждение во всех колониях и снова способствовали консолидации протестующих сил. Согласно одному из этих актов Бостонский порт был закрыт до тех пор, пока не будут оплачены пошлины за чай. Все суды по обвинениям в убийствах и подготовке мятежа переносились в Лондон. Вводились должности военных губернаторов, и все чиновники назначались королем, хартии колоний были отменены. Был принят Квебекский акт, дававший широкие права католикам, что особенно напугало виргинцев, так как возникала новая опасность захвата Огайо, да и обычный страх протестантов перед «папизмом» никуда не исчез⁴².

1 июня 1774 г. бургесы приняли решение о проведении дня «поста, смирения и молитвы» в честь солидарности с Массачусетсом. Губернатор Данмор, распустил Ассамблею. Тогда бургесы вновь собрались в таверне Райли для продолжения дискуссий. Была принята резолюция о поддержке Бостона и предложение о созыве Континентального конгресса. Собрание утвердило запрет на импорт британских товаров и выбрало кандидатов на Континентальный конгресс, а П. Рэндольф на этом конгрессе был избран президентом. Это было собрание делегатов всех колоний (в разное время присутствовали 55 делегатов), кроме Джорджии, проходившее в Филадельфии осенью 1774 г., на котором были приняты резолюции, признававшие акты неконституционными, также Декларация прав и недовольств и основана Континентальная ассоциация. Декларация призывала правительство признать колонистов равными, выражала надежду на примирение. Континентальная ассоциация была документом, направленным против «Невыносимых законов», торговля с Британией приостанавливалась, пока эти акты не будут отменены⁴³.

Во время конгресса многие представители пытались защитить интересы лишь собственных штатов. Тогда П. Генри произнес знаменитые слова: «Нет более различий между виргинцами, пенсильванцами. Я не виргинец, но я американец»⁴⁴. По мере того, как напряженность между Британией и Америкой усиливалась в начале 1774 г., все более горячими становились высту-

пления ораторов и острее язык публикаций. Стронники прав колоний называли себя вигами, а своих оппонентов – тори («лоялисты» – более общепринятый термин). Это были традиционные английские прозвища конца XVII в., которые обрели новое значение.

23 марта 1775 г. Дом бургесов собрался в церкви Сент-Джон в Ричмонде. Это собрание стало апофеозом ораторского триумфа П. Генри, выступившего с речью «Свобода или смерть». Генри обосновывал необходимость мобилизации виргинского ополчения. Делегаты приняли решение о создании нового «независимого» типа милиции, на деле это привело к снижению силы и авторитета прежней, регулярной, склонной к лоялизму милиции⁴⁵.

В Уильямсбурге 20 апреля, на следующий день после событий в Лексингтоне и Конкорде, губернатор Лорд Данмор приказал солдатам изъять запасы пороха из склада боеприпасов в Уильямсбурге и переправить их на британский корабль. Генри, узнав об этом, двинулся с отрядом ополчения из своего графства Ганновер в сторону Уильямсбурга. Один из бургесов, Картер Бракстон, отреагировал на это событие предложением о принятии резолюции об экспроприации королевских фондов в качестве оплаты за похищенный порох. Губернатор Данмор, стремительно утрачивающий свою популярность, решил бежать в Йорктаун, где сел на корабль «Фаули». С этого момента королевская власть в Виргинии фактически перестала существовать.

К тому времени Вашингтон уже получил назначение в качестве главнокомандующего американскими вооруженными силами на втором Континентальном конгрессе, который состоялся в Филадельфии в мае. Приехав в Бостон 3 июля, он принял командование Континентальной армией⁴⁶. По мнению Д. Мак Коллоша, это был правильный выбор Конгресса. Как виргинец Вашингтон представлял наиболее богатую и населенную колонию, обладал политическим опытом, был членом Конгресса, где каждый уважал его, и не только как генерала⁴⁷. В июле состоялся Конвент в Виргинии, который закрепил переход власти от королевской администрации к виргинцам, была проработана процедура избрания его членов. Конвент стал выполнять функции Генеральной ассамблеи. Когда в августе прошел слух о возможной атаке на Уильямсбург, Конвент назначил Комитет общественного спасения из 11 членов, действовавший как орган исполнительной власти до принятия Конституции 1776 г.

7 ноября Данмор, находящийся в Норфолке с небольшим флотом и подразделением регулярных сил, издал прокламацию, заявив, что Виргиния была в состоянии бунта, и любой чернокожий раб, который предпочел бы сражаться на стороне британцев, мог получить свободу⁴⁸. Это окончательно привело его к разрыву с виргинцами. В ответ Виргиния приняла закон, предусма-

тривающий самые суровые наказания, вплоть до смертной казни, в отношении беглых рабов⁴⁹. В декабре 1775 г. вооруженные силы виргинской милиции вступили в столкновение с отрядами под командованием Данмора (отряды Северной Каролины, регулярные подразделения и негритянский «эфиопский полк») в битве при Грейт Бридж, возле Норфолка. В сражении, длившемся около 30 мин, милиция Виргинии превзошла отряды регулярной армии. Данмор вынужден был отступить и окончательно покинул побережье Виргинии в июле 1776 г.⁵⁰

В мае–июне 1776 г. состоялся пятый конгресс Виргинии, на котором был принят проект конституции Виргинии, включавшей Билль о правах Дж. Мейсона⁵¹. 4 июля 1776 г. Континентальный конгресс в Филадельфии принял Декларацию независимости Т. Джефферсона⁵². После утверждения Л. Г. Ли Декларации независимости была создана также Конфедерация тринадцати колоний и ратифицированы статьи Конфедерации.

За 2 дня до этого британцы высадились на острове Статен в Нью-Йорке, но, несмотря на серьезность положения, новость о принятии подобного судьбоносного решения воодушевила многих патриотов. Генерал Нокс писал: «Глаза всей Америки устремлены на нас. За то, как мы исполняем нашу роль, наши потомки проклянут или благословят нас»⁵³. Джон Адамс говорил: «Сейчас мы в самой гуще революции, самой совершенной, выдающейся из всех в истории наций»⁵⁴. Преподобный Эзра Стайлз, ментор генерала Натаниэла Грина, отмечал в дневнике: «Так конгресс завязал гордиев узел, который парламент не сможет ни разрубить, ни развязать. Тринадцать колоний сейчас стали независимой республикой среди королевств, государств и империй на Земле... Неужели я дожил до того дня, когда я вижу свершение такой важной и ошеломляющей революции?»⁵⁵. Солдаты армии Вашингтона сражались теперь не просто за свои колонии или за законные права англичан, а за независимую Америку, они, по выражению П. Генри, стали американцами. Закончилась история британских колоний, началась история новой страны.

Декларация независимости выражала общеамериканские ожидания, но имела виргинские истоки. Большинство положений документа, в том числе об абсолютном праве народа на самоуправление, уже встречались в памфлете Джефферсона «Общий взгляд на права Британской Америки», «Декларации прав» Мейсона и других документах. Впоследствии Джефферсон так оценивал роль виргинцев в антиколониальном движении: «Наша революция... подарила нам альбом, на котором мы вольны были сделать любую надпись. Виргиния... была не только первым из штатов, но... первым государством в мире для создания основ конституции, записала их и поместила в свой архив, где каждый мог об-

ращаться к ее тексту, но этот акт был весьма несовершенен»⁵⁶.

Пятый виргинский конгресс принял Конституцию Виргинии. Дом бургесов был преобразован в Палату делегатов и Сенат. П. Генри стал первым губернатором (1776–1779) образованного на месте колонии содружества (штата) Виргиния⁵⁷.

В ходе борьбы за независимость, которая проходила в несколько этапов, представителям виргинского революционного поколения принадлежало безусловное лидерство в общем антиколониальном движении⁵⁸. Д. Бурстин писал о том, что в той большой роли, которую виргинцы играли в американской революции и создании федерального правительства, заключается урок высочайшей иронии. В этот период происходил последний акт виргинской колониальной драмы при участии местной элиты, ведь своей деятельностью плантаторская аристократия подорвала основы своего социокультурного бытия. Потрясения войны, низложение господствующей церкви, отделение ее от государства, подъем методистов и баптистов, снижение роли табака в экономической жизни, разрыв торговых отношений с шотландскими торговыми домами послужили толчком к упразднению ставших традиционными виргинских общественных институтов и ее аристократии. Пока федеральная система была сообществом аристократии, а Соединенные Штаты – преимущественно аграрной страной, «большой Виргинией», в ней сохранялось ведущее положение виргинцев⁵⁹.

Война с индейцами и французами (1754–1763) способствовала усилению связей между колониями, но ее результаты во многом привели к цепочке известных событий, вызвавших в конечном итоге разрыв с метрополией и основание Соединенных Штатов. Другими факторами, благоприятствующими объединению колоний, были расширение рыночных связей и рост массовых религиозных движений. Во второй половине XVIII в. происходил бурный рост товарно-денежного обмена, это была своеобразная потребительская революция, способствовавшая также быстрому распространению идей, информации в англоязычном трансатлантическом пространстве. В британских колониях процветал культ коммерции и потребления, активное приобретение различных импортных товаров посредством трансатлантической торговли стало также признаком принадлежности к элите⁶⁰.

При активной деятельности Сэмюэля Девиса и других пресвитериан в 1740-е гг. начинается радикальная религиозная трансформация Виргинии, которая продолжалась также все годы борьбы за независимость и завершилась к концу 1780-х гг. Снижается роль англиканской церкви, которая, в конечном итоге преобразуется в американскую епископальную. Возникают новые массовые церкви методистов и баптистов, вслед за пресвитерианами бросившие вызов установ-

ленным нормам. С выступления П. Генри в «деле проповедника» возникает движение патриотов сначала за соблюдение своих прав как подданных короны, а затем и за полное отделение от Англии, происходит постепенный отход от табака как основной культуры и увеличение доли зерновых. Большое распространение получают идеи Просвещения, популяризатором которых становится Т. Джефферсон. Он стремится к изменению системы образования, создает университет Виргинии, в котором особое значение придается изучению естествознания, истории и языков.

Развитие антиколониального движения, возникшего как реакция на меры кабинета Джорджа Гренвилла 1763–1765-х гг., привело к формированию новой республиканской идеологии, объединившей колонию для борьбы с метрополией, за достижение независимости. Некоторые события истории Виргинии приобретают общенациональное значение: принятие Декларации о правах Джорджа Мейсона, а вслед за этим – Декларации независимости и статута о свободе вероисповедания. Наиболее ярким проявлением антиколониальной идеологии и стала Декларация независимости. Выходцам из Виргинии принадлежала ведущая роль в ранней истории США, что проявилось в факте так называемой «виргинской династии»: за исключением четырехлетнего периода администрации Адамса пост президента США до 1825 г. занимали выходцы из Виргинии.

Примечания

- 1 Treaty of Paris. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Treaty_of_Paris_\(1763\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Treaty_of_Paris_(1763)) (дата обращения: 08.09.2017).
- 2 *Franklin B.* The Interest of Great Britain Considered [17 April, 1760]. URL: founders.archives.gov/documents/Franklin/01-09-02-0029 (дата обращения: 09.06.2017).
- 3 Ibid.
- 4 *The Road to Independence: Virginia 1763–1783* / ed. by W. E. Campell. Richmond, 2009. P. 2–4.
- 5 Royal Proclamation of 1763. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Royal_Proclamation_of_1763 (дата обращения: 11.09.2017).
- 6 *Kulikoff A.* From British Peasants to Colonial American Farmers. Chapel Hill; L., 2000. P. 140.
- 7 Ibid. P. 5–6.
- 8 *Billings W. M., Selby J., Tate T. W.* Colonial Virginia: A History. N. Y., 1986. P. 265.
- 9 *Gibson L. H.* Virginia's Planter Debts before the American Revolution // *The Virginia Magazine of History and Biography*. 1961. № 69. P. 259–277.
- 10 *Burnaby's Travels through North America*. N. Y., 1904. P. 55.
- 11 *Lingley C. R.* The Transition in Virginia from Colony to Commonwealth. N. Y., 1910. P. 23–34.
- 12 *Acts of the Privy Council of England. Colonial Series*. Vol. IV. A.D. 1745–1766 / ed. by J. Munro. L., 1911. P. 135, 140, 173, 175.
- 13 *Billings W. M., Selby J., Tate T. W.* Op. cit. P. 254–257.

- ¹⁴ *Bridenbaugh C.* Seat of Empire. The Political Role of the Eighteenth Century Williamsburg. Williamsburg, 1955. P. 48–49.
- ¹⁵ Ibid. P. 50–52.
- ¹⁶ The Works of John Adams, Second President of the United States, with a Life of the Author, Notes, Illustrations : in 10 vols. / ed. by C. F. Adams. Freeport, 1969. Vol. 1. P. 362.
- ¹⁷ *Bridenbaugh C.* Op. cit. P. 38.
- ¹⁸ См.: Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009. С. 211–212.
- ¹⁹ *Kulikoff A.* Tobacco and Slaves. The Development of Southern Cultures in the Chesapeake, 1680–1800. Chapel Hill, 1986. P. 301–303.
- ²⁰ *Breen T.* Tobacco Culture. The Mentality of the Great Tidewater Planters on the Eve of Revolution. Princeton, 2001. P. 9–10.
- ²¹ *Trenchard J., Gordon T.* Cato's Letters, Or, Essays on Liberty. Vol. 1. L., 1737. P. 97–104.
- ²² Some Brief Quotes, Showing Letters' Influence on the American Revolutionaries. URL: <https://mises.org/library/catos-letters-liberty-and-property> (дата обращения: 10.06.15).
- ²³ *Pinnegar C.* Virginia and State Rights. 1750–1861. The Genesis and Promotion of a Doctrine. Jefferson, 2009. P. 7–8.
- ²⁴ Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. М., 2010. С. 18.
- ²⁵ *Johnson P.* A History of the American People. N. Y., 1997. P. 128.
- ²⁶ Stamp Act. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Stamp_Act_1765 (дата обращения: 16.09.2017).
- ²⁷ Journal of a French Traveller in the Colonies, 1765 // The American Historical Review. 1921. Vol. 26, no. 4 (July). P. 745.
- ²⁸ Journals of the House of Burgesses, 1761–1765. Richmond, 1817. P. 360.
- ²⁹ Ibid. P. 63.
- ³⁰ Цит. по: *Gustafson S. M.* Eloquence is Power. Oratory and Performance in Early America. Chapel Hill, 2000. P. 160.
- ³¹ См.: История США : в 4 т. Т. 1 : 1607–1877 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М., 1983. С. 97.
- ³² The Road to Independence. P. 24–25.
- ³³ *Jefferson T.* Correspondence and Papers : in 12 vols. Vol. 11. N. Y., 2005. P. 406.
- ³⁴ *Colbourn T.* The Lamp of Experience. Whig History and the Intellectual Origins of the American Revolution. Indianapolis, 1965. P. 74.
- ³⁵ *Bland R.* An Inquiry into the Rights of the British Colonies. Williamsburg, 1776. P. 20.
- ³⁶ *Wood G. S.* The Creation of the American Republic, 1776–1787. Williamsburg, 1998. P. 11.
- ³⁷ *Rothbard M.* Conceived in Liberty. Auburn, 2011. P. 880–881.
- ³⁸ Raleigh Tavern. Williamsburg, 1936. P. 12.
- ³⁹ *Lowe W. C.* John Murray, fourth earl of Dunmore (ca. 1730–1809). URL: https://www.encyclopediavirginia.org/Dunmore_John_Murray_fourth_earl_of_c_1730-1809 (дата обращения: 24.07.2017).
- ⁴⁰ *Kopper P.* Colonial Williamsburg. N. Y., 1986. P. 118.
- ⁴¹ American Journey : A History of the United States. A Combined Volume. Prentice Hall, 2003. P. 123.
- ⁴² Intolerable Acts. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Intolerable_Acts (дата обращения: 06.08.2017).
- ⁴³ The Road to Independence. P. 38–39.
- ⁴⁴ Цит. по: *Malone D.* Jefferson the Virginian. Boston, 1948. P. 190.
- ⁴⁵ Ibid. P. 194.
- ⁴⁶ *McCulloch D.* 1776. America and Britain at War. N. Y., 2005. P. 7.
- ⁴⁷ Ibid. P. 50.
- ⁴⁸ Dunmore's Proclamation of Emancipation. Charlottesville, 1941. P. 1–10.
- ⁴⁹ *Ivanov R.* Blacks in the United States. Moscow, 1985. P. 83.
- ⁵⁰ *Selby J. E.* The Revolution in Virginia, 1775–1783. Williamsburg, 2007. P. 80–84, 126.
- ⁵¹ Jamestown, Williamsburg, Yorktown. The Official Guide to America's Historic Triangle. Williamsburg, 2007. P. 55–58.
- ⁵² См.: История США. Т. 1. С. 120.
- ⁵³ Цит. по: *McCulloch D.* Op. cit. P. 136.
- ⁵⁴ Ibid. P. 136.
- ⁵⁵ Ibid. P. 137.
- ⁵⁶ *Джефферсон Т.* Происхождение самоуправления. [Т. Джефферсон – Д. Картрайту] // Американские просветители. Избранные произведения : в 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 141–143.
- ⁵⁷ См.: *Макинерни Д.* США : История страны. М., 2009. С. 57.
- ⁵⁸ The Leadership of Virginia in the War of Revolution // William and Mary Quarterly. 1910. Vol. 18, no. 3 (January). P. 145–164.
- ⁵⁹ См.: *Бурстин Д.* Американцы. Колониальный опыт. М., 1993. С. 179–180.
- ⁶⁰ *Walsh L.* Motives of Honor, Pleasure and Profit : Plantation Management in the Colonial Chesapeake, 1607–1763. Chapel Hill, 2010. P. 394–395.

Образец для цитирования:

Востриков П. В. Роль Виргинии в антиколониальном движении: от колонии к штату (1763–1776 годы) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 329–336. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-329-336>

Cite this article as:

Vostrikov P. V. The Role of Virginia in the Anticolonial Movement: Transition from the Colony to the State (1763–1776). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 329–336 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-329-336>

УДК 355.291.6(44)|1805|1815|+94(44).05

Военные потери Франции в эпоху войн Первой империи

О. В. Соколов

Соколов Олег Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и Новейшего времени Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, sokolov1796@yandex.ru

В статье дается оценка безвозвратных потерь французской армии в эпоху наполеоновских войн на основе анализа послужных списков солдат, хранящихся во французском военном архиве (SHD, Vincennes, фонд 20 YC). Обращение к данному источнику дает возможность более точно оценить потери, чем анализ отдельных рапортов, который позволяет суммировать военные потери. Рассмотрены дела военнослужащих частей, представляющих собой основную часть наполеоновской армии, т. е. не гвардейских и не иностранных – в общей сложности 8431 человек. Данная выборка достаточно убедительно подтверждает данные, представленные ранее французским историком Удайлем, который оценивает общие безвозвратные потери французской армии в ходе наполеоновских войн примерно в 900 000 человек.

Ключевые слова: Наполеон, наполеоновские войны, военные потери, Первая французская империя, Отечественная война 1812 г.

The French Military Losses During the Wars of the First Empire

O. V. Sokolov

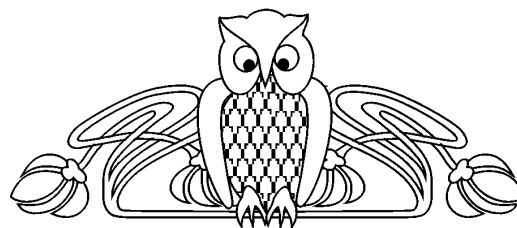
Oleg V. Sokolov, <https://orcid.org/0000-0001-5338-857X>, Institute of History, Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Nab., St. Petersburg 199034, Russia, sokolov1796@yandex.ru

This article explores the irretrievable losses of the French army during the Napoleonic wars through analysis of the service records of soldiers stored in the French military archive (SHD, Vincennes, 20 YC). This source allows to estimate military losses much more accurately than individual reports, which help to sum up these losses. During the study, service records of the main part of the Napoleonic army, without guards and foreign regiments were reviewed. This is about 8,431 people. This representative sample allows to confirm the analysis carried out earlier by a French historian Houdaille, who estimated the total deadweight loss of the French army during the Napoleonic wars to nearly 900,000 people.

Keywords: Napoleon, Napoleonic wars, the military losses, the First French Empire, Patriotic war of 1812.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-337-343>

Эпоха Наполеона поистине стала эпохой европейских войн и оставила глубокий след как в истории Франции, так и всей Европы. Военные конфликты перекроили мировую карту и привели к огромным политическим и социальным пертурбациям, а также к огромным человеческим

потерям, размер которых важен для правильного понимания истории наполеоновских войн, да и всей истории Европы начала XIX в.

Количество военных потерь Франции в годы наполеоновских войн нередко становилось предметом политических спекуляций. Так, когда Бурбоны снова пришли к власти, один из ярких роялистов доказывал, что в эпоху Империи Франция потеряла 5 млн 256 тыс. чел.¹

Впрочем, наиболее часто приводилась цифра, которую известный экономист и политический деятель Ипполит Филибер Пасси озвучил в своем докладе на заседании в Академии наук в 1859 г. – 1 млн 700 тыс. чел.² Именно это количество безвозвратных потерь французской армии в эпоху Империи можно найти во многих классических работах по истории наполеоновского периода. В частности, знаменитый историк конца XIX в. Ипполит Тэн писал: «Между 1804 и 1815 годом Наполеон убил 1 700 000 французов, родившихся в границах старой Франции, к которым надо добавить еще 2 миллиона, родившихся вне этих границ...»³ Примерно то же самое можно прочитать и в монументальной «Всеобщей истории» под редакцией Лависса и Рамбо, в т. IX которой, посвященной эпохе Наполеона, говорится о «1 750 000 погибших только французов»⁴.

В отечественной историографии традиционно оценивали потери наполеоновской Франции примерно так же, как и в классических трудах французских историков. Советские историки Л. С. Каминский и С. А. Новосельский отмечали, что «сколько-нибудь точными данными о военных потерях французов за все войны 1792–1815 гг. мы не располагаем. Предполагается, что значительная часть материалов об этих потерях была сознательно уничтожена»⁵. Сами авторы варьировали эту численность от 3 млн до 2,5 млн чел. Другой отечественный исследователь Б. Ц. Урланис, приводя данные для периода 1805–1815 гг., писал: «Из общего числа 371 тыс. убитых и умерших от ран на долю французов приходилось 306 тыс. и 65 тыс. – на войска союзных армий»⁶. Общее же число убитых и раненых автор оценивал в 1 334 750 чел.

В современной европейской историографии этот вопрос до конца не исследован, хотя цифры, которые приводят историки, куда более реалистичны. Так Ален Пижар, автор монографии «Наполеоновская Армия»⁷, оценивает общие потери в 485 000 убитых и 700 000 раненых. Английский историк Дэвид Гейтс в своем исследовании

довании «Наполеоновские войны 1803–1815»⁸ считает, что французской армии эти войны стоили, по меньшей мере, 916 000 убитых. Для поколения, родившегося между 1790 и 1795 гг., доля смертности составляет 38 %, что на 14 % больше, чем доля погибших в Первой мировой войне. В целом для Европы эта цифра составила 5 млн чел. Дэвид Бэлл в исследовании «Первая тотальная война: Наполеоновская Европа и рождение войны, какой мы ее знаем»⁹ доводит военные потери Франции до 1 млн чел. Мэтью Уайт в «Статистике войн» считает, что число убитых в годы войн французов составляло 371 000 чел.¹⁰

Известные современные российские историки В. М. Безотосный, В. Н. Земцов, А. И. Попов, а также новейшая трехтомная энциклопедия, посвященная Отечественной войне 1812 г., вопрос общих потерь наполеоновской империи не затрагивают.

Идея обращения к архивным документам не нова. Андре Корвизье проделал подобную работу в отношении солдат королевской армии конца XVII–середины XVIII в.¹¹, а специалист в области демографии Жак Удаиль рассмотрел около 5 тыс. послужных списков солдат эпохи Консульства и Империи¹². Цифра, к которой пришел автор на основе исследования этого вида источников, является наиболее обоснованной и убедительной. Удаиль оценил безвозвратные потери французской армии в 900 000 чел.¹³. Интересно, что данная цифра – 900 тыс. убитых и умерших от ран в эпоху Империи – впервые была названа Малартиком и Пасторе в рапорте палате Пэров Франции в 1817 г. Однако их информация не была услышана не только широкой публикой, но и историками.

Работа, проведенная нами, с одной стороны, была призвана проверить результаты исследований Удаиля. Это важно, учитывая неизбежную погрешность при работе не со всем массивом документов, а лишь с определенной сделанной из него выборкой. С другой стороны, нам хотелось расширить работу, получив выводы не только о безвозвратных потерях, но и, кроме того, уточнив возрастные параметры солдат наполеоновской армии, а также их конечные служебные судьбы.

С момента прихода к власти Бонапарта до последних призывов 1813–1814 гг. в строй было поставлено около 2 млн чел.¹⁴, из которых только приблизительно 1 млн 600 тыс. были французами (т. е. лицами, родившимися на территории «старых департаментов» – Франции в пределах границ 1792 г., а еще точнее – в границах 1815 г., так как, несмотря на все территориальные потери, по Венскому трактату за Францией остались Авиньон и бывшие владения немецких князей в Эльзасе). Если учесть, что Бонапарт получил в наследство от Директории армию приблизительно в 350 тыс. чел., примерно половина которой была почти тотчас распущена по домам, можно сказать, что приблизительно 1 млн 800 тыс. французов

служили в армии в эпоху Консульства и Империи. Даже если считать в процентном отношении, принимая за численность населения Франции цифру 30 млн чел., можно заключить, что было мобилизовано около 6 % населения, или менее 31 % военнообязанных. В Первую мировую войну Франция отправила в окопы 8 млн чел., т. е. 20 % населения (около 40 млн чел.), или практически всех военнообязанных.

Общее количество военнослужащих, занесенных в послужные списки эпохи Консульства и Империи, приближается к 3 млн. Не следует удивляться этой цифре, считая ее противоречащей приведенному нами выше количеству мобилизованных французов – 1 млн 800 тыс. чел. Дело в том, что немалая часть солдатских списков относится к иностранцам, многие военнослужащие фигурируют в них по 2 и более раз. Это получалось, когда человек переводился из одного полка в другой или при реформировании частей. В таких случаях составлялись новые послужные списки, а старые сдавались в архив.

Ясно, что для обработки подобной массы документов целиком понадобилось бы время, превосходящее возможности одного исследователя. Поэтому подобно Ж. Удайлю мы сделали выборку, достаточно представительную, чтобы сформулировать обоснованные выводы. Нами были изучены послужные списки почти 10 тыс. чел., служивших в различных полках пехоты, кавалерии, артиллерии, а также солдат Императорской гвардии и швейцарских войск.

Согласно расчетам по формулам математической статистики выборка в 8431 чел. среди 1,8 млн обеспечивает довольно точный результат. Погрешность составляет всего 1,2 %. Абсолютная точность вообще невозможна, так как сами исходные цифры изначально имеют погрешность в несколько процентов за счет неясностей в ряде записей в послужных списках.

Выборка представительна также и потому что указанные люди состояли в разных полках, находившихся в разных точках империи. Нами были исследованы 13 пехотных полков, 11 кавалерийских и 3 артиллерийских. Среди пехоты представлены полки линейные и легкие, в кавалерии – это кирасиры, гусары, драгуны, конные егеря. Артиллерия была рассмотрена пешая и конная. Наконец, мы брали части, сражавшиеся на всех возможных театрах военных действий, что также достаточно важно, ибо ясно, что судьба тех, кто в течение нескольких лет находился в гарнизоне в Севилье, отличается от судьбы тех, кому пришлось вынести на себе тяготы отступления из России.

Среднее время пребывания солдат под знаменами оказалось равным примерно 2,4 года в пехоте, 3,2–3,4 – в кавалерии (в зависимости от рода оружия) и 3,6 – в артиллерии. Трудно сказать, таким образом, что попавшие в ряды императорской армии тянули солдатскую ляжку дол-

гие годы. Более продолжительная служба в рядах артиллерии объяснялась тем, что сюда попадали лучшие из призывников, да и боевые потери здесь были меньше, чем в других родах войск. В кавалерии были не такие качественные новобранцы, а боевые потери больше.

Что же стало с этими людьми через 2–3 года, проведенных под знаменами? Ведь закон гласил, что в военное время служба призванных в армию должна быть бессрочной. Неужели правы «классические» труды типа знаменитой в свое время «Истории XIX века» под редакцией Лависса и Рамбо, где говорилось: «Раз вступив на военную службу, человек живым не выходил из нее. Со времени 1808 года каждый из этих угрюмых и ворчливых ветеранов твердо знает, что ему суждено умереть от ядра, пули или на госпитальной койке»¹⁵.

Уже из приведенной цитаты, ставшей основой для выводов многих популярных исторических книг, можно предположить, что их авторы были не слишком хорошо знакомы с реальностью. Ведь если средний срок службы равнялся 2,5–3,5 годам, то, учитывая, что призывной возраст был 20,5 лет, наполеоновский солдат – это в подавляющем большинстве случаев очень молодой человек, ему в среднем 22–23 года (!) и на «угрюмого ворчливого ветерана» он, вероятно, слабо походил.

Для выяснения подлинной судьбы солдат рассматривалась последняя и самая интересная графа в послужном списке. К сожалению, именно она и вызывает наибольшее количество разночтений. Очень часто записи носили расплывчатый, туманный и двусмысленный характер. Чего стоит только весьма распространенная формулировка «вычеркнут по причине долгого отсутствия в госпитале». За этой формулировкой может скрываться в принципе что угодно: и судьба солдата, умершего на больничной койке, и того, кто по выздоровлению был отправлен в другую часть и преспокойно продолжал служить, и того, кто демобилизовался после выздоровления по состоянию здоровья, и того, кто просто-напросто дезертировал по дороге из госпиталя.

Не меньше вопросов вызывает и формулировка «остался позади» (с такого-то числа). Кто это? Отставший от изнеможения солдат, умерший на обочине тракта, или дезертир, убежавший на марше, или солдат, задержавшийся в конце колонны, чтобы отправить естественную надобность за ближайшей елкой, и там взятый в плен вражеским разбегом?

Ясно, что из подобных документов невозможно получить точные количественные результаты, даже если бы были обработаны все 3 млн послужных списков. Понимая, что речь идет об очень приближенных цифрах, мы не ставили перед собой задачу точного математического анализа всех деталей, нас интересовал лишь качественный результат, который, как представля-

ется, вполне вырисовывается на основании исследования данной выборки (таблица).

Уже на первый взгляд ясно, что эти цифры можно использовать очень осторожно. Например, сразу бросается в глаза и удивляет, что 6,4 % (311 чел.) пехотинцев пропали без вести в России, в то время, как ни один кавалерист и ни один артиллерист не разделил эту участь. Объяснение этому парадоксу очень простое – писари кавалерийских и артиллерийских полков использовали в этом случае другую формулировку, чаще всего «попал в плен». В результате в процентном отношении эта статья потерь более значима у кавалеристов и артиллеристов, чем у пехоты.

Необходимо отметить, что 11,5 % переведенных в другой полк – маловажная цифра. Ведь нас интересует не факт перемещения солдата из одной части в другую, а его конечная судьба, следовательно, указанные 11,5 % должны быть пропорционально распределены по другим графам. Количество «вычеркнутых по причине долгого отсутствия» (как «в госпитале», так и без этого уточнения), также должно быть распределено. Ведь в него включены и раненые, и больные, умершие в госпиталях, и дезертиры. Равным образом должно быть распределено по другим графам и количество «оставшихся позади». С другой стороны, процент убитых в бою и умерших от ран требует лишь небольшой корректировки, так как смерть на поле сражения большей частью фиксировалась в документах.

В результате судьба солдат, призванных на службу в начале Империи, выглядит приблизительно следующим образом:

- ушли в отставку или уволены по состоянию здоровья – 15–16 %;
- погибли в бою или умерли от ран – 8–10 %;
- умерли в госпиталях от болезней или на походе от лишений – 30–35 %;
- попали в плен – около 15 %;
- стали офицерами – приблизительно 1 %;
- самовольно покинули службу (дезертировали) – 10–12 %;
- дослужились до конца Империи – более 10 %.

Нет сомнения, что если бы мы брали новобранцев более поздних годов призыва, проценты в последних двух графах были бы более высокими. Естественно, что у солдат, призванных в 1813–1814 гг., было больше шансов дослужиться до конца Империи. Кроме того, многие из них по выходе из госпиталя уже не возвращались в строй, иначе говоря, самовольно покинули службу.

Таким образом, исследуя судьбы призывников 1805–1812 гг., мы получаем максимально возможную цифру потерь, что, собственно, и хотелось выяснить. Если взять призывников 1813–1814 гг., эта цифра будет несколько меньше.

Если принять во внимание, что часть пленных умерли в плену, можно очень приблизи-

Судьба солдат армии Наполеона (не гвардейцев), призванных на военную службу в 1805–1812 г., %

Просмотренные послужные списки	Пехота (4890 чел.)	Кавалерия (2645 чел.)	Артиллерия (896 чел.)	Всего по армии
Уволено в отставку	8,5	5,7	5,4	7,9
Реформировано (т. е. уволено по состоянию здоровья)	6,0	9,8	7,5	6,7
Зачислено в ряды ветеранов	0,7	0,5	0,5	0,6
Вычеркнуто по причине долгого отсутствия	3,7	3,8	3,8	3,7
Вычеркнуто по причине долгого отсутствия в госпитале	11,3	2,0	2,6	9,4
Убито	2,9	3,2	3,3	3,0
Умерло от ран	4,2	5,6	2,0	4,3
Умерло в госпитале (от болезней)	17,0	7,9	17,2	15,5
Попало в плен	12,2	19,8	11,7	13,4
Осталось позади	1,0	7,6	7,0	2,3
Дезертировало	8,5	9,3	8,0	8,6
Пропали без вести в 1812 г.	6,4	0	0	5,0
Стали офицерами	0,6	0,4	0	0,6
Переведены в другие части	11,5	10,9	14,0	11,5
Продолжали служить в 1814 г.	5,5	13,3	17,0	7,3
Итого:	100	99,8	100	99,8

тельно оценить безвозвратные потери. Они составляли несколько менее половины всех призванных на службу, вероятно, порядка 45 %. Больше половины солдат вернулись в конечном итоге домой. Примерно половина из возвратившихся пришли к своим очагам целыми и невредимыми и в законном порядке. Другая половина (четверть общего количества призванных) состояла из тех, кто спас себя незаконным порядком – дезертировал либо вернулся из плена уже после войны.

Подобный подсчет может показаться слишком приблизительным. Тем не менее мы уверены, что всякая попытка выйти за пределы этой качественной оценки будет математически некорректна, так как нам приходилось постоянно сталкиваться с туманными формулировками и как следствие – с весьма приблизительными цифрами.

К чему может привести оперирование числами, не подкрепленными «физическим» анализом, свидетельствует следующий факт. Желая установить потери гвардейской пехоты под Ватерлоо, мы просмотрели все без исключения послужные списки ее рядового и унтер-офицерского состава. В результате получилось, что пехота гвардии потеряла «оставшимися позади» и «считающимися пленными» 4328 солдат и унтер-офицеров, и лишь 267 чел. убитыми, ранеными и умершими от ран¹⁶. И это в то время, как все без исключения источники отмечают огромное количество погибших и раненых гвардейцев и относительно малое количество попавших в плен. Парадокс объясняется весьма просто – потери ряда полков пешей гвардии при Ватерлоо были

столь велики, что не представлялось возможным, как это было после обычных сражений, восстановить, что случилось с тем или иным солдатом. Поэтому ответственные за регистры, чтобы не ошибиться, выбрали абсолютно расплывчатую формулировку «остался позади», чаще всего с добавкой «считается пленным».

По той же причине в статье Ж. Удайля, посвященной потерям и основанной лишь на послужных списках, получается, что в русской кампании 1812 г. Великая Армия потеряла лишь 5000 чел. убитыми¹⁷, что абсолютно не согласуется с другими источниками. В качестве источников имеются в виду, конечно, не бравурные рапорты русских генералов о бесчисленно «побитых басурманах», а сведения из внутренней, не предназначенной для публикации документации командования Великой Армии. Так, согласно рапорту главного инспектора по смотрам Великой Армии барона Денние, только в Бородинском сражении (битве на Москве-реке) были убиты 6567 солдат, офицеров и генералов Великой Армии¹⁸. Причём данная цифра – минимальная, ибо данные Денние были неполными. Иначе говоря, только по неполным сведениям в одном сражении, пусть и самом кровопролитном, Великая Армия потеряла значительно больше 5 тыс. чел. убитыми, но ведь были и другие отчаянные битвы – Смоленск, Малоярославец, Красный, Березина и т. д. Значит ли это, что на послужные списки нельзя вообще опираться?

Нет, просто надо учитывать, что регистры лежали в полковом депо где-нибудь в Париже, Милане или Гамбурге, и когда спустя несколько месяцев после кампании необходимо было отме-

тять, что случилось с тем или иным солдатом, этого часто нельзя было установить. Полковая канцелярия была утеряна во время отступления, а товарищи выбывшего из строя солдата исчезли во время отступления. В результате, как и в примере с гвардейцами, писари использовали округлую формулировку: «остался позади» и т. п.

Напротив, в большинстве походов сохранялись полковые документы, где фиксировались все, павшие на поле брани, и поэтому подобный метод установления количества убитых в бою даёт вполне приемлемый результат. Так, используя полковые регистры, современные исследователи Даниэль и Бернар Кентены попытались установить истинное количество солдат Великой Армии, убитых при Аустерлице. Они просмотрели все послужные списки солдат и офицеров всех полков, участвовавших в этой битве. В результате были выявлены те, у кого в последней графе документа стоит лаконичная надпись «убит при Аустерлице». Таких (вместе со смертельно ранеными) оказалось 1537 чел., из них 1 генерал, 109 офицеров и 1428 унтер-офицеров и солдат¹⁹.

Авторы отметили, что сверх этого в послужных списках полков, участвовавших в битве, имеется еще 400 солдат и унтер-офицеров, судьба которых точно неизвестна, и которые вполне могут быть погибшими при Аустерлице. Например, те, у которых отмечено, что они «выбыли по причине долгого пребывания в госпитале», где они оказались после получения ран при Аустерлице, или те, кто умер в госпитале «по причине ранения», неизвестно где полученного, но некоторое время спустя после Аустерлица, и т. д. С учетом того, что по рапортам, представленным императору и, без сомнения, близким к действительности, но неполным, армия потеряла 1305 убитых²⁰, можно заключить, что анализ количества потерь на основе послужных списков даёт вполне близкие к реальности результаты.

Таким образом, процент потерь, полученный на основе анализа послужных списков, а именно 45 % вполне достоверен. С учётом того, что под знамёна было призвано около 1 млн 800 тыс. чел., можно заключить, что общая цифра безвозвратных потерь французских полков в эпоху Консульства и Империи составила несколько более 800 тыс. чел. С учетом иностранных частей, служивших Наполеону (непосредственно в рядах французской армии), вероятно, около 900 тыс. чел. Необходимо отметить, что в рядах «французских» полков служило большое количество этнических немцев, итальянцев, бельгийцев и голландцев, подданных Империи.

Данные результаты, основанные на приблизительной оценке анализа послужных списков, вполне совпадают с теми подсчётами, которые произвел Ж. Удаиль, согласно которому общие безвозвратные потери французской армии в эту эпоху составили 870–900 тыс. чел.²¹

Используя результаты последних исследований и наш анализ, можно практически назвать цифру безвозвратных потерь французской армии в эпоху Империи – 800–900 тыс. чел., из которых не более 150–200 тыс. чел. пали на поле брани или умерли от ран, остальные – из-за болезни или лишений.

Соотношение убитых в бою и умерших в госпиталях и на дорогах не должно удивлять. Лишения походов, голод и эпидемии в начале XIX в. убивали гораздо больше солдат, чем пули неприятеля. Причиной этого были, с одной стороны, скромные, по сравнению с современными, возможности средств уничтожения и отсутствие ожесточения идеологических конфликтов XX в., что ограничивало цифры боевых потерь. С другой стороны, это невысокий уровень медицинской помощи, хроническая нехватка медикаментов и антисанитария в госпиталях. Соотношение между количеством убитых в боях и умерших по иным причинам было в наполеоновской армии далеко не самое шокирующее. Благодаря относительной педантичности администрации николаевской России у нас имеются точные данные по потерям русской армии, правда, за более поздний период (1825–1850 гг.), который, однако, полностью сохраняет черты исследуемого нами времени. Согласно официальному отчету Военного министерства, российская армия с 1825 по 1850 г. потеряла в боях 30 233 чел. Как известно, на этот период приходится Русско-иранская война 1826–1828 гг., Русско-турецкая война 1828–1829 гг., кавказские войны, война против восставшей Польши 1831 г., подавление Венгерского восстания в 1849 г. Как видим, боевые потери для столь наполненного войнами периода были весьма невелики. За это же время согласно отчету умерли от болезней и ран (в основном от болезней) 1 062 839 русских солдат²²!

Возвращаясь к наполеоновским войскам, мы видим, что, несмотря на весьма ошутимое кровопускание, которое пришлось пережить Франции, оно было не столь значительно, как об этом часто пишется в популярной литературе. Более того, если вспомнить, что эти потери распределяются на почти 15-летний период, то их цифра покажется еще менее впечатляющей. Как следует из несложного арифметического действия, «среднегодовые» потери в наполеоновской Франции составляли около 60 тыс. чел., или 0,2 % от населения страны. Напомним, что в годы Первой мировой войны Франция потеряла 10,5 % (!) своего населения убитыми и пропавшими без вести, что в пересчете на год составляет около 2,5 % от населения, т. е. в 10,5 раз больше, чем в наполеоновских войнах.

Однако подобно тому, как люди конца XVIII – начала XIX в. были непривычны к всеобщей воинской обязанности, они равным образом не сталкивались до эпохи революции и империи с таким числом погибших.

По личным делам солдат королевской армии, хранящимся в архивах Венсенского замка, можно установить, что в период с 1716 по 1748 г. французская пехота (составлявшая подавляющее большинство армии) потеряла 81 577 чел. убитыми и умершими от ран и болезней. Правда, личные дела сохранились примерно на 47,6 % солдат королевской пехоты²³. Если учесть этот момент, а также условно принять, что артиллерия и кавалерия имели тот же процент потерь, что и пехота (тем самым, взяв максимум, так как и кавалерия, и артиллерия несли, без сомнения, меньшие в процентном отношении потери), получим около 170–180 тыс. солдат, павших в боях и умерших от болезней за 32 года Старого порядка, на которые приходится три значительных военных конфликта: война с Испанией (1718–1720 гг.), война за польское наследство (1733–1735 гг.) и война за австрийское наследство (1740–1748 гг.). Среднегодовые потери Франции, таким образом, можно определить в 5–6 тыс. чел., или 0,02–0,025 % от населения страны, следовательно, наполеоновские войны почти на порядок превосходят по кровопролитности войны королевской Франции.

Не следует забывать, что в XVIII в. условия жизни многих слоев населения были несколько худшими, чем в эпоху Империи. Как известно, в 1700–1800 гг. наблюдалось постепенное улучшение уровня жизни европейского населения. Смерть на поле боя в эпоху Империи вторгалась отныне в относительно обеспеченную и имевшую шанс быть достаточно долгой жизнь, в то время как в начале XVIII в. смерть наступала нередко относительно молодых людей и в мирное время.

Цифры, полученные современными исследователями, ярко иллюстрируют это положение. За указанный период (1716–1748 гг.) смертность среди солдат составила в среднем 2,554 % в год (1,913 % в мирное время и 3,179 % в военное)²⁴, в то время как смертность среди гражданского населения колебалась в пределах 2,5–3,0 %²⁵. Кажущийся парадокс объясняется просто – в армии служат в основном молодые мужчины, а гражданское население включает в себя и старцев, и грудных детей (смертность среди последних была довольно высокой). Тем не менее приведенные цифры не могут не удивлять: в первой половине XVIII в. смертность в войсках от пуль и болезней равнялась таковой среди тех, кто никогда не подставлял себя под выстрелы неприятеля!

Представляется, что без этих цифр, непосредственно не относящихся к описываемой нами эпохе, понять ее просто невозможно. Наполеоновские войны, как видно, явились гигантским скачком, по сравнению с предыдущей эпохой, как в смысле количества задействованных контингентов, так и в смысле понесенных потерь. Именно поэтому современники, воспитанные на традициях «войн в кружевах», ужасались

результатами императорских походов и оценивали их как огромные боины, а конскрипцию видели как напасть, которой необходимо изо всех сил противиться. Однако когда современный историк квалифицирует войны эпохи Наполеона в подобных выражениях, это смотрится, по меньшей мере, некорректно. По сравнению с тем, что принес с собой XX в., войны Империи уже не выглядят устрашающе, и мы здесь говорим не только о сопоставлении их с потерями в обеих мировых войнах. Достаточно вспомнить совсем недавнее прошлое: «ограниченную» войну во Вьетнаме, где американские войска, конечно, для «защиты демократии и прогресса» уничтожили около 2 млн вьетнамцев (!) (общие военные и гражданские потери северного и южного Вьетнама), да и сами потеряли немало – 50 тыс. убитых и 150 тыс. раненых и искалеченных...

Наполеоновское государство сумело наладить достаточно эффективную систему комплектования войск, систему, которая, несмотря на все ее недостатки, дала Франции армию, поначалу значительно превосходящую по численности и по качеству силы ее врагов. Эта армия отличалась как от вооруженных сил феодальных держав, пополнявшихся за счет рекрутских наборов среди зависимого населения, так и от армии буржуазной Англии, состоящей из наемников, силой или обманом набранных по портовым кабакам, притонам бродяг и тюрьмам. Армия французской Империи была армией всего народа. Она, без сомнения, понесла огромные потери в борьбе с европейскими коалициями, однако существенного влияния на демографические процессы эти потери повлиять не могли. Так что фраза из книги «Наполеон» выдающегося советского историка Е. В. Тарле об «опустошенных наборах (имеется в виду призыв новобранцев. – С. О.) деревнях»²⁶, безусловно, требует коррективов.

Примечания

- 1 Цит. по: *Godechot J. Les institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. P. : Presses Universitaires de France, 1968. P. 611.*
- 2 Цит. по: *Meynier A. Levées et pertes d'hommes sous le Consulat et l'Empire // Révue des études napoléoniennes. 1930. № 1. P. 37.*
- 3 *Taine H. Les origines de la France contemporaine. Le régime moderne. P. : Hachette, 1893. Vol.1. P. 115.*
- 4 *Lavisse E., Rambaud A. Histoire générale du IV siècle à nos jours. P. : Armand Colin, 1905. Т. 9 : Napoléon. P. 75.*
- 5 *Каминский Л. С., Новосельский С. А. Потери в прошлых войнах (1756–1918). Справочная книга. М. : Государственное издательство медицинской литературы, 1947. С. 13.*
- 6 *Урланис Б. Ц. История военных потерь. СПб. : Полигон, 1994. С. 77.*
- 7 *Pigeard A. L'Armée Napoléonienne. Entremont-le-Vieux, Curandera, 1993. P. 773–775.*

- ⁸ Gates D. The Napoleonic Wars 1803–1815. New York : St. Martin's Press, 2003. P. 272.
- ⁹ Bell A. D. The First Total War : Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know It. New York : Houghton Mifflin, 2007. P. 7.
- ¹⁰ White M. Statistics of Wars, Oppressions and Atrocities of the Nineteenth Century (the 1800s). 2014. URL: <http://necrometrics.com/wars19c.htm#Napoleonic> (дата обращения: 07.09. 2018).
- ¹¹ Corvisier A. L'armée française de la fin du XVIIe siècle au ministère de Choiseul : le soldat. P. : PUF, 1964. 1086 p.
- ¹² Houdaille J. Pertes de l'armée de terre sous le Premier Empire, d'après les registres matricules // Population. Revue bimestrielle de l'institut national d'études démographiques. Janv., Fevr. 1972. № 1. P. 27–50.
- ¹³ Houdaille J. Le problème des pertes de guerre // Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine. Juillet. 1970. № 17. P. 411–423.
- ¹⁴ Histoire militaire de la France. Sous la direction de J. Delmas. P., 1992. Т. 2. P. 307–308.
- ¹⁵ История XIX века : в 8 т. / под ред. Лависса и Рамбо. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1938. Т. 1. С. 103.
- ¹⁶ Service historique de la Défense, далее (SHD) 20YC 13, 14, 18, 44, 45, 55.
- ¹⁷ Houdaille J. Pertes de l'armée... P. 45.
- ¹⁸ Denniée P.-P. Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de la Russie. P. : Paulin, 1842. P. 80.
- ¹⁹ Quintin D., Quintin B. Austerlitz. Dictionnaire biographique des officiers, sous officiers et soldats tués ou mortellement blessés à Austerlitz. P. : Archives & culture, 2005. 298 p.
- ²⁰ Revue d'histoire. 1907. № 80. P. 409.
- ²¹ Ibid. P. 42.
- ²² См.: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. : Мысль, 1978. С. 114.
- ²³ Lucenet M. La mortalité dans l'infanterie française de 1716 à 1748 selon les contrôles de troupes // Mélanges André Corvisier. Le Soldat, La Stratégie, La Mort. P., 1989. P. 404–405.
- ²⁴ Ibid. P. 399.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Тарле Е. В. Наполеон. М. : Наука, 1991. С. 341.

Образец для цитирования:

Соколов О. В. Военные потери Франции в эпоху войн Первой империи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 337–343. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-337-343>

Cite this article as:

Sokolov O. V. The French Military Losses During the Wars of the First Empire. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 337–343 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-337-343>

УДК 94(6)

Феномен религиозных повстанческих движений в Африке: Движение Святого духа и Господня армия сопротивления

А. В. Макутчев

Макутчев Александр Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого, mackutcheve@mail.ru

Религиозный фактор исторически является одним из главных факторов развязывания вооруженных конфликтов. Особенно ярко это проявляется на Африканском континенте, где догмы мировых религий причудливо накладываются на местные традиционные верования. В некоторых случаях религиозные противоречия лежат в корне конфликтов, но значительно чаще религиозные символы используются для обоснования социальных и политических требований. На примере двух угандийских повстанческих движений – Движения Святого духа и Господней армии сопротивления – автор рассматривает, как религиозные обряды применяются для рекрутирования и сплочения сторонников, а также для поддержания и углубления социально-политических конфликтов.

Ключевые слова: Уганда, Движение Святого Духа, Господня армия сопротивления, милленаризм, Джеймс Кони.

The Religious Rebel Movements' Phenomenon in Africa: the Holy Spirit Movement and the Lord's Resistance Army

A. V. Makutchev

Alexander V. Makutchev, <https://orcid.org/0000-0003-4434-9143>, Tula State Pedagogical University, 125 Lenin Ave., Tula 300026, Russia, mackutcheve@mail.ru

Religious factor is historically one of the main factors in the armed conflicts' outbreak. This is especially pronounced in Africa, where the dogmas of world religions fancifully overlap with local traditional beliefs. In some cases, religious contradictions are at the root of conflicts, but much more often religious symbols are used to justify social and political demands. Using the example of two Ugandan rebel movements, the Holy Spirit Movement and the Lord's Resistance Army, the author examines how religious rites are used to recruit and rally supporters, as well as to maintain and deepen socio-political conflicts.

Keywords: Uganda, the Holy Spirit Movement, the Lord's Resistance Army, millenarianism, James Cony.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-344-348>

Мировая история знает огромное количество религиозных войн. В одних войнах религия была лишь побочным фактором, в других была спровоцирована непосредственно религиозными противоречиями. В этом смысле любая мировая религия обладает особым дуализмом, выступая одновременно как средством консолидации общества и источником моральных установок и гуманистических принципов, так и источником

разобшения и базы для обоснования ксенофобии. При этом даже в конфликтах, не вызванных религиозными противоречиями, религиозные обряды и постулаты часто использовались для сплочения сообщества как формы утверждения этнической и национальной идентичности. Одновременно религиозный пыл зачастую трансформировался в нетерпимость и оправдывал ссылками на священные тексты насилие по отношению к представителям других конфессий, демонизацию и дегуманизацию образа врага, жестокость и геноцид не только в отношении солдат противника, но и против мирного населения. По данным британского историка Дж. П. Ларссона, почти в 500 крупных войнах, состоявшихся, начиная с 1700 г., «каждая сторона считала себя действующей исключительно на стороне Бога, каким бы именем его не называли»¹.

Религиозные, этнические и политические факторы возникновения военного конфликта способны настолько тесно взаимодействовать, что становится трудно выделить, что явилось его первопричиной, и какую роль в нем играет религия – источника конфликта или его «сопровождения». Эти трудности отчетливо проявляются в этно-религиозных конфликтах в Африке – континенте, на котором представлена особенно пестрая смесь религий, как принесенных колонизаторами, так и местных, основанных на анимистических культах. В гражданских войнах в Либерии, Нигерии, Руанде и Уганде повстанческие движения неизменно формировались на религиозной основе или, как минимум, с учетом религиозного фактора. Наиболее яркими примерами «религиозных» повстанческих движений в Африке следует считать Движение Святого Духа и Господню армию сопротивления, действовавшие на территории Уганды с 1980-х гг. В контексте деятельности этих движений возможно выявить, как религиозные идеи и практики используются для осмысления и оправдания гражданской войны и мобилизации сторонников на борьбу с «демоническим» образом врага.

Тематика религиозных конфликтов в Уганде и тропической Африке в целом мало освещена в отечественной историографии. Диссертационные исследования (Ф. Мутемберези², М. М. Конате³, Э. Л. Хена⁴) касаются в основном общих аспектов социально-экономического и политического развития Уганды и урегулирования африканских региональных конфликтов. Более

детально вопросы политического развития Уганды в последние 30 лет затрагиваются в научных статьях, в частности, в работах Т. С. Денисовой и С. В. Костелянца⁵, М. Никитина и И. Адясова⁶.

Между тем, зарубежная историография проблемы религиозных конфликтов в Уганде представлена достаточно широко. Работы Х. Беренда⁷, Т. Аллена и К. Влассенроота⁸ прямо нацелены на анализ особенностей образования и развития Движения Святого Духа и Господней армии сопротивления, а также идеологии их лидеров. Наконец, особый интерес представляют труды угандийских ученых (Д. Васонги⁹, С. Тесеммы¹⁰, Э. Твесигье¹¹ и др.), материалы которых задействованы в данном исследовании.

В большинстве случаев использования религии в гражданских войнах используется образ харизматичного лидера и предводителя. Можно выделить два типа подобных лидеров. Первый – это религиозная фигура, которая призывает своих последователей к борьбе, обычно не вовлекаясь в открытый вооруженный конфликт: например, глава эфиопской церкви (абунэ) в период итальянской оккупации Петрос и идеолог борьбы с апартеидом в Южной Африке епископ Десмонд Туту. К этому типу также можно отнести Элис Ауму, народную целительницу, которая в 1986 г. приняла фамилию Лаквена (дух, связанный, по местным поверьям, со Святым Духом) и объявила о создании в Ачолиланде (территории проживания народности ачоли в Северной Уганде) Движения Святого Духа.

Второй тип религиозного лидера – человек, который не только подталкивает своих сторонников к вооруженной борьбе путем религиозной пропаганды, но и лично вовлечен в нее, совмещая «мессианский» образ с образом рядового солдата, что придает войне сакральный смысл¹². Примером такого лидера можно считать Джозефа Кони, предводителя Господней армии сопротивления, провозгласившего лозунг создания в Уганде теократического государства, основанного на Библии и десяти заповедях. В детстве он прислуживал в церкви своего отца, католического проповедника и школьного учителя, некоторое время был сподвижником Элис Лаквены – своей двоюродной сестры, а в 1987 г. возглавил восстание против угандийского правительства¹³. Оба типа религиозных лидеров роднит опора на сакральное обоснование своих действий и типичное для религиозных войн провозглашение насилия против врагов (как бы они ни были определены) священным долгом, что позволяет рекрутировать сторонников из среды наиболее обездоленных слоев населения, увлеченных идеалами мученичества.

Движение Святого Духа (ДСД, Holy Spirit Movement) сформировалось в Северной Уганде в 1980-х гг. как форма сопротивления христиан ачоли национальному правительству во главе с мусульманином Иди Амином, который начал

гонения на христиан и заполнил государственные посты своими соплеменниками (каква и лугбара). Лидер ДСД Элис Лаквена обозначила целью движения борьбу с «внутренним злом» (в форме греха и колдовства) и «внешним злом» – правительственной армией. При этом движение было одновременно этно-религиозным, объединявшим христиан ачоли, и надэтническим, служившим политико-религиозной основой вооруженного сопротивления северных угандийцев властям.

Характерно, что ДСД с самого начала взяло курс на вооруженную борьбу, выйдя за пределы религиозной секты: Лаквена была убеждена, что для победы над «внешним злом» – демоническими силами в лице Йовери Мусевени, лидера Национальной армии сопротивления (НАС, NRA), свергнувшей президента Тито Окелло (выходца из ачоли) – требуется вооруженная сила, а для победы над «внутренним злом» – духовное очищение¹⁴. Религиозно-политический дуализм движения усиливался тем, что повстанцы ДСД, с одной стороны, сражались как регулярная армия – захватывали и устанавливали контроль над территориями и вели сражения с НАС, а с другой стороны, они задействовали религиозные практики, в частности, «миропомазание» как способ остановить пули, при условии, если душа бойца была чиста, пение псалмов по ходу боя. Поражение в бою считалось следствием не превосходящей военной силы противника, а моральной слабости самих бойцов ДСД¹⁵.

После укрепления рядов сторонников ДСД в ноябре 1986 г. Элис Лаквена убедила повстанческую Народно-демократическую армию Уганды (НДАУ, UPDA) поставить часть подразделений под ее командование. НДАУ также выступала в защиту свергнутого президента Окелло. Ко времени заключения альянса с Лаквеной НДАУ находилась на грани поражения и все большее число ее бойцов стали переходить под знамена ДСД. В ноябре и декабре 1986 г. силы Лаквены одержали две неожиданные победы над войсками НАС, что привлекло на сторону ДСД новых сторонников, в том числе из других северных этнических групп, помимо ачоли.

Однако в начале 1987 г. альянс ДСД с НДАУ распался, и против Лаквены выступил ряд более мелких повстанческих группировок. Несмотря на это, в августе 1987 г. ДСД начал неподготовленное наступление на столицу Кампалу. После серии неудачных боев истощенные силы ДСД были разбиты в 60 км от Кампалы правительственными войсками. Элис Лаквена бежала в изгнание в Кению, где умерла в лагере беженцев 27 января 2007 г.¹⁶

Тем не менее разгром Движения Святого Духа не уничтожил идеологию Лаквены. На останках ДСД возник ряд небольших групп повстанцев, которые подражали его миллениаристской доктрине о грядущем Тысячелетнем

Царстве Иисуса Христа на Земле. Большинство членов этих отрядов вскоре занялись банальным бандитизмом и либо бежали из страны, либо были уничтожены правительственными войсками и другими повстанческими группировками. Однако наиболее сильная из групп повстанцев развила идеологию Лаквены и стала Господней армией сопротивления (ГАС, LRA), действовавшей в Ачолиланде до 2006 г.

Будучи родственником Элис Лаквены, Кони утверждал, что унаследовал от нее свои духовные силы для мобилизации сторонников, указывая на преемственность между Движением Святого Духа и ГАС. Однако на практике организация Кони отличалась от организации Лаквены по многим направлениям, за исключением общегорельгиозно-политического. Так, Кони кардинально обновил военную идеологию движения, используя вместо стандартной тактики открытой полевой войны партизанскую тактику. Эта тактика имеет исторические корни: в 1905–1907 гг. повстанцы Маджи-Маджи безуспешно вели политическую и военную борьбу за освобождение Восточной Африки от немецких колонизаторов. Лидеры Маджи-Маджи, как и Лаквена и Кони, для сплочения сторонников использовали религию и веру в сверхъестественные силы, в частности, умывались освященной водой для защиты от немецких пуль и артиллерийского огня¹⁷.

Переход к партизанской тактике объясняется не только сокращением численности сторонников ГАС после разгрома Движения Святого Духа, но и ослаблением поддержки повстанцев среди ачоли, этнической первоосновы движения. На подконтрольных территориях Ачолиланда Кони санкционировал пытки, истязания и убийства мирных жителей, которые якобы сотрудничали с правительственными войсками. Лидер ГАС планировал «омолодить» родной народ за счет «этически более чистого поколения гордых, сильных и патриотических ачоли», большинством из которых были бы его собственными потомками¹⁸. Для этого он организовал рейд по деревням в северной части Уганды и похитил сотни юных школьников, которые были вынуждены стать его женами¹⁹.

Кони также развил и видоизменил религиозные практики своих сторонников. Несмотря на его заявления, что им управляет Святой Дух, на практике идеология ГАС представляла собой эклектичную смесь языческих ритуалов с элементами христианских и исламских обрядов. Так, держал вокруг себя множество диких животных (змей, черепах, хамелеонов и др.), через которых он якобы общался с духами. Для сплочения сторонников он проводил обряды инициации – «очищения», в рамках которых новобранцы участвовали в избиении своих друзей и родственников²⁰.

Военная организация ГАС была основана на воспринятых у ДСД милитаристских воззре-

ниях, строгом соблюдении сакральных обрядов, формировавших идентичность движения, и харизматической вере в сверхъестественные способности лидера. Бойцы Кони были убеждены в том, что Святой Дух говорил с ним. Они пели псалмы и католические гимны, когда шли в бой, и верили, что смерть является расплатой за неповиновение Святому Духу, как это понимал Кони, и, как и бойцы Элис Лаквены, были убеждены, что после смерти войдут в Царство Божье²¹.

В этом контексте ДСД и ГАС иллюстрируют, что религия служит одним из самых действенных способов сплочения сторонников и поддержания воинской дисциплины. Однако она не способна принести успех при отсутствии военно-технических ресурсов и привлекательной для населения политической программы. Как итог – ГАС, как и ДСД и повстанцы Маджи-Маджи до нее, к 2006 г. была разгромлена и вытеснена из Уганды превосходящими силами угандийской армии. Некоторое количество бывших бойцов ГАС по-прежнему скрывались в джунглях Центральноафриканской Республики, Демократической Республики Конго и в Южном Судане. Согласно данным Международного уголовного суда (МУС) только в 2008 г. повстанцы Джозефа Кони убили более 2000 чел. и похитили свыше 2500 чел.²² В декабре 2003 г. по запросу президента Уганды Йовери Мусевени Прокурор МУС инициировал первое расследование в истории Суда в отношении Кони и его ближайших сподвижников – Винсента Отти (убит Кони в 2007 г.), Окоото Одьямба и Доминика Онгвена – по обвинению в преступлениях против человечности и военных преступлениях в Северной Уганде. В 2005 г. МУС выдал ордер на арест Джозефа Кони, который с тех пор находился в бегах. В октябре 2011 г. администрация США развернула контингент из 100 военнослужащих для поиска Кони в джунглях Центральной Африки и пообещала вознаграждение в размере 5 млн долл. за информацию о его местонахождении²³.

Обобщая особенности африканских религиозных войн, следует упомянуть о трех доминирующих концепциях, используемых при анализе роли религии в насильственных конфликтах: примордиализме, конструктивизме и инструментализме.

Первая концепция рассматривает религию как главную или единственную причину конфликта. В эту категорию входят многочисленные межрелигиозные конфликты прошлого и настоящего, например, между христианами и мусульманами, основанные на несовместимости религиозных практик и ксенофобии.

Вторая концепция – конструктивизм – признает, что конфликт на уровне этносов и государств – это социальная конструкция, развивающаяся, к примеру, по причинам конкуренции за сырьевые ресурсы или за политическую власть. Религия в таких конфликтах служит топливом,

которое подогревает, продлевает и часто усугубляет конфликт (например, гугенотские войны, конфликт между суннитами и шиитами в исламе).

Согласно третьей концепции – инструментализму – религия не является причиной вооруженных конфликтов и служит инструментом для мобилизации сторонников, оправдания той или иной тактики ведения войны или каких-либо аспектов политического конфликта²⁴.

С учетом этих концепций деятельность религиозных повстанческих движений в Уганде следует рассматривать с позиций инструментализма и конструктивизма. Местные культовые практики были намеренно слиты с религиозными символами и стали наиболее мощным и наименее затратным средством сплочения сторонников. Воздействие религиозного фактора на местное население оказалось особенно действенным за счет легко адаптируемой культурной среды. Существование в религии ачолы силы, подобной Святому Духу («джок»), позволило Лаквене и Кони заручиться поддержкой как местных язычников, так и католиков. Использование «джок» для личной выгоды в частных делах считалось колдовством, в то время как ту же силу в общественных целях разрешалось использовать вождю или священнику²⁵. С появлением в регионе миссионеров произошло «сращивание» понятия «джок» и христианского Святого Духа, который получил наименование «типу маленг». Тот, кто обладал «типу маленгом», считался целителем и пророком. Благодаря такому родству местных культовых представлений и католических догм Лаквене и Кони удалось сделать Святой Дух объединяющим фактором своих организаций, хотя значительная часть культовых практик была мало связана с христианской доктриной.

Оба лидера повстанцев не только заявляли о своих сверхъестественных способностях, но и обещали будущее в этнически сплоченном и процветающем теократическом Ачолиланде. Благодаря этому повстанцы считали себя не просто религиозными фанатиками или боевиками, а членами братства и солдатами Святого Духа. Такое новаторское сплавление религии и местных культов в совокупности с харизмой военачальников обеспечивало постоянное рекрутирование сторонников, а также их непреклонность перед лицом смерти. Применение этой «тактики Святого Духа» в сочетании с обычными методами партизанской войны привело к складыванию уникальной разновидности боевых действий, в ходе которых комбатанты швыряли камни вместо гранат и мазали тело маслом ши для защиты от пуль²⁶.

Тем не менее в контексте инструментализма, следует помнить, что Святой Дух стал лишь религиозным символом повстанческих движений, которые коренились в десятилетиях военной диктатуры, этнических конфликтов и социальных потрясений. Лаквене и Кони привлекли

большое количество сторонников, потому что их лозунги построения справедливого общества нашли активную поддержку в среде маргинальных общин, а ДСД и ГАС стали проводниками социального недовольства, широко распространенного в северной части Уганды в конце 1980–1990-х гг.

За религиозными лозунгами обеих организаций скрывались такие «триггеры» конфликта, как экономическое неравенство и маргинализация общества на фоне общей социально-экономической и политической отсталости страны и бедности. Исторически Восточная и Северная Уганда значительно менее развиты в экономическом плане, чем Центральная и Западная Уганда, несмотря на то, что большинство лидеров страны между 1962 и 1985 гг. происходили с севера. По состоянию на 2003 г. 30,1 % населения Северной Уганды относилось к категории хронически бедных²⁷. Подобная маргинализация и чувство несправедливости, испытываемое жителями региона, в совокупности с последствиями гражданской войны, подготовили почву для миллениаристских идей, проводниками которых стали Лаквена и Кони. Экономическое неравенство обусловило и этническую, и политическую разницу между Севером и Югом: формирование ДСД и ГАС является следствием этнической войны, которая была инициирована Национальной армией сопротивления во главе с Йовери Мусевени против северян в начале 1980-х гг. Главным лозунгом НАС стало уничтожение господства северян в руководстве страной, вытекавшего из их преобладания в вооруженных силах Уганды. В этом контексте деятельность ДСД и ГАС следует считать частью этнического конфликта, а не религиозного – оба движения руководствовались в первую очередь мотивами политической борьбы, вызванной этнической солидарностью между военачальниками и их сторонниками, чей боевой дух поддерживался посредством манипулирования религиозными и культовыми символами и ритуалами. При этом конфликт не завершился и после победы Мусевени в гражданской войне. Более того, представление о недопустимости возвращения северян к власти живет среди населения, что обуславливает продолжение конфликта в латентной форме.

Примечания

- ¹ Larsson J. P. Understanding Religious Violence : Thinking Outside the Box on Terrorism. Aldershot, 2004. P. 12–13.
- ² См.: Мутемберези Ф. Социально-экономическое положение стран Восточной Африки на стыке XX–XXI столетий (на примере Бурунди, Руанды, Уганды) : дис. ... канд. экон. наук. М., 2010.
- ³ См.: Конате М. М. Политические конфликты и проблемы беженства в странах тропической Африки : дис. ... канд. полит. наук. М., 2012.

- 4 См.: Хена Э. Л. Проблемы миротворчества и урегулирования конфликтов на Африканском континенте в конце XX – начале XXI в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- 5 См.: Денисова Т. С., Костелянец С. В. Уганда : от Движения Святого Духа к Армии сопротивления Господа (к вопросу о христианском терроризме в Африке) // Восток. Афро-Азиатские общества : история и современность. 2018. № 3. С. 94–104.
- 6 См.: Никитин М., Адясов И. Уганда : в будущее с новым старым президентом // Азия и Африка сегодня. 2006. № 8. С. 33–39.
- 7 Behrend H. Alice Lakwena and the Holy Spirits : war in northern Uganda, 1985–97. Oxford, 1999. 210 p.
- 8 Allen T., Vlassenroot K. The Lord's Resistance Army : Myth and Reality. London : Zed Books Ltd, 2010. 288 p.
- 9 Wasonga J. Rediscovering matoot : The Acholi justice system and the conflict in northern Uganda // Africa Peace and Conflict Journal. 2009. № 21. P. 14–27.
- 10 Tesemma S. T. The role of cultist religion in the Ugandan civil wars // African Peace and Conflict Journal. 2013. Vol. 6 (2). P. 60–75.
- 11 Twesigye E. K. Religion, Politics, and Cults in East Africa : God's Warriors and Mary's Saints. New York, 2010.
- 12 Tesemma S. T. Op. cit. P. 63.
- 13 Joseph Kony. URL: <http://konyfacts.com/joseph-kony-biography> (дата обращения: 11.04.2018).
- 14 Twesigye E. K. Op. cit. P. 106.
- 15 Tesemma S. T. Op. cit. P. 64.
- 16 Twesigye E. K. Op. cit. P. 112.
- 17 Ibid. P. 106.
- 18 Ibid. P. 113.
- 19 *The Scars of Death* – Human Rights Watch (official resource). URL: <https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/uganda979.pdf> (дата обращения : 11.04.2018).
- 20 Wasonga J. Op. cit. P. 27.
- 21 *The Scars of Death*. Op. cit.
- 22 Аюева Т. Н., Аюева Л. Г. Правовой статус международного уголовного суда // Юристы – Правоведь. 2013. № 3 (58). С. 93.
- 23 US offers reward for Uganda warlord Kony // Al Jazeera. 2013. Apr. 4.
- 24 Tesemma S. T. Op. cit. P. 64.
- 25 Twesigye E. K. Op. cit. P. 60.
- 26 Tesemma S. T. Op. cit. P. 68.
- 27 Ministry of Finance, Planning and Economic Development (Uganda). URL: <http://www.finance.go.ug/> (дата обращения: 02.06.2018).

Образец для цитирования:

Макутчев А. В. Феномен религиозных повстанческих движений в Африке: Движение Святого духа и Господня армия сопротивления // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 344–348. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-344-348>

Cite this article as:

Makutchev A. V. The Religious Rebel Movements' Phenomenon in Africa: the Holy Spirit Movement and the Lord's Resistance Army. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 344–348 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-344-348>

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(510)(091)

История и современное состояние региональных промышленно-производственных объектов северо-востока КНР, реализованных при помощи СССР в 1950-е годы

С. Б. Макеева

Макеева Светлана Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, msbmag9581@yandex.ru

На основе использования историко-регионоведческого анализа, перевода китайских документов рассматривается история и современное состояние промышленно-производственных объектов КНР, возведённых при технико-экономическом, финансовом, консультативном содействии СССР в 1950-е гг. На территории трёх китайских северо-восточных провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин определены основные объекты угольно-добывающей, нефтехимической, топливно-энергетической, гидроэнергетической, сельскохозяйственной, пищевой, лесной, металлургической отраслей промышленности, реализованных при помощи Советского Союза в 1950-е гг., прошедшие период модернизации с 1978 г. и успешно функционирующие в настоящее время.

Ключевые слова: китайская экономика, Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, промышленно-производственный объект, «старая промышленная база», социалистическая модель экономики, советские специалисты, финансово-техническое содействие, «156 проектов».

History and Modern Condition of the Regional Industrial and Production Facilities of the North-East China Realized with the Assistance of the USSR in the 1950s

S. B. Makeeva

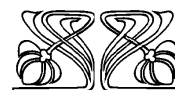
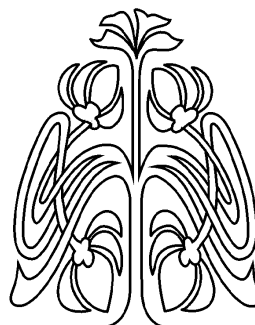
Svetlana B. Makeeva, <https://orcid.org/0000-0003-2953-0411>, Irkutsk State University, 8 Lenin St., Irkutsk 664006, Russia, msbmag9581@yandex.ru

Based on the use of historical analysis of regional studies, translation of Chinese-language documents, the history and current state of industrial-production objects of China erected with technical, economic, financial, and advisory assistance from the USSR in the 1950s are considered. The main objects of coal mining, petrochemical, fuel and energy, hydropower, agricultural, food, forestry and metallurgical industries of the three Chinese northeastern provinces, Heilongjiang, Jilin and Liaoning, are identified. They have been implemented with the help of the Soviet Union in the 1950s, undergone the period of modernization since 1978, and are successfully operating now.

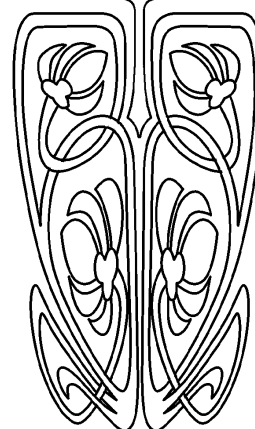
Keywords: Chinese economy, Heilongjiang, Jilin, Liaoning, industrial production facility, "old industrial base", socialist economic model, Soviet specialists, financial and technical assistance, "156 projects".

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-349-355>

В современных условиях развития северо-восточный район КНР, известный как «старая промышленная база Китая», стремится к тому, чтобы занимать одно из ведущих положений в развитии китайской экономики. На протяжении длительного периода времени, начиная с 1949 г., Северо-Восток являлся «двигательным локомотивом» всего Китая. В 1950-е гг. значительную роль в становлении промышленно-производственного сектора КНР сыграл Советский Союз, оказывая

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

финансово-техническую, консультативную помощь. Пристального внимания заслуживает тот факт, что многие промышленно-производственные объекты, возведённые при содействии СССР почти 70 лет назад, прошедшие путь развития в условиях социалистической модели экономики, а также долгий период модернизационных экономических изменений, осуществляют свою деятельность и по сей день. В настоящее время данные предприятия вносят значительный вклад в экономический рост промышленного сектора не только северо-восточного района, но и всего Китая. На основе историко-регионоведческого анализа необходимо проследить, к каким сферам промышленности относятся производственные объекты на Северо-Востоке КНР, возведённые в 1950-е гг. при помощи СССР, как отразились модернизационные изменения при строительстве «социализма с китайской спецификой» на современном состоянии северо-восточных предприятий КНР, запущенных в эксплуатацию в 1950-е гг.

Определяя степень изученности темы, следует отметить, что финансово-техническое и консультативное содействие Советского Союза в промышленном развитии всего Китая в 1950-е гг. становится объектом пристального научного изучения во второй половине XX в. Анализ различных аспектов оказания помощи КНР со стороны СССР находит отражение в работах отечественных и зарубежных исследователей. Общие закономерности развития советско-китайских отношений в 1950-е гг. представлены в работах таких отечественных исследователей, как Г. А. Богданова¹, О. Г. Борисова, Б. Г. Колоскова², Л. В. Филатова³, а также китайского учёного Сяньтянь Сюэ⁴. Научно-техническая помощь СССР в промышленном развитии Китая в 1950-е гг., роль советских специалистов в развитии китайской экономики представлены в работах отечественных исследователей А. Л. Верченко⁵, Т. Г. Зазерской⁶, Л. В. Филатова⁷, а также китайского исследователя Пу Цзян⁸. Особенности экономического развития Северо-Востока Китая нашли отражение в работах отечественных исследователей М. В. Александровой⁹, Е. В. Красовой¹⁰.

К сожалению, в современной научной исторической литературе отсутствуют работы, в которых рассматриваются история и современное состояние промышленно-производственных объектов северо-восточных провинций КНР, возведённых или модернизированных при помощи СССР в 1950-е гг. Историко-регионоведческий анализ позволяет выявить причинно-следственные связи, по большей части, успешного функционирования предприятий первичного сектора экономики Северо-Востока КНР, основанных и введённых в эксплуатацию при социалистической модели экономики, прошедшие период модернизации при переходе к рыночным отношениям и «социализму с китайской спецификой», продолжающие функционировать в эпоху эконо-

мического роста КНР. Именно отсутствие значительного числа работ, посвящённых историко-регионоведческому анализу производственных объектов угольно-добывающей, нефтехимической, топливно-энергетической, гидроэнергетической, сельскохозяйственной отраслей промышленности северо-восточных провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, позволяет провести исследование на основе анализа китайских документов и тем самым внести значительный вклад в изучение истории китайской региональной экономики.

Историко-регионоведческий анализ является наиболее оптимальным в рассмотрении истории и современного состояния промышленно-производственных объектов, возведённых при помощи Советского Союза, в том числе и в рамках реализации 156 проектов на территории КНР в 1950-е гг. Данный подход отражает преимущества исторического регионоведения в рамках выявления причинно-следственных связей успешного функционирования объектов как при социалистической модели экономики, так и при переходе к внедрению рыночных отношений в условиях построения «социализма с китайской спецификой». Историко-регионоведческий анализ позволяет учитывать природно-ресурсный потенциал северо-восточных провинций КНР во второй половине XX в.; оценивать социально-экономические условия развития Китая с 1949 г.; выявлять территориально-производственные особенности размещения предприятий; дифференцировать объекты угольно-добывающей, нефтехимической, топливно-энергетической, гидроэнергетической, сельскохозяйственной отраслей промышленности северо-восточных провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин; оценивать влияние советско-китайской дружбы между «старшим братом» СССР и «младшим братом» КНР на масштабность возведения промышленно-производственных объектов на территории Северо-Востока КНР. Выявляя региональную специфику функционирования промышленно-производственных объектов, реализованных при помощи СССР в северо-восточном районе Китая, необходимо опираться на трансдисциплинарный характер исследования, применяя комплексный, системный и проблемный подходы. Историко-регионоведческий анализ развития промышленно-производственных объектов, возведённых при содействии СССР в 1950-е гг. на территории КНР, предусматривает введение в научный оборот информации, содержащейся в китайских источниках.

Экономика КНР в 1950-е гг. развивалась на основе модели социалистического промышленного строительства. Советский опыт в достижении стратегических экономических целей адаптировался на всей территории Китая, стремительно развивалась промышленность. Вследствие выгодного географического положения,

богатой природно-ресурсной базы, северо-восточный регион являлся «двигательным локомотивом» в развитии промышленности всего Китая. Производственный сектор трёх северо-восточных провинций Хэйлунцзян, Цилинь и Ляонин функционировал на основе советской модели промышленного развития. В 1950-е гг. Советский Союз по просьбе китайского руководства направлял советских специалистов в Китай, оказывал инвестиционную помощь китайской экономике в восстановлении и строительстве промышленного сектора КНР. На территории северо-восточного региона Китая внедрялся советский опыт экономического планирования, были переданы советские технические данные при строительстве промышленных объектов. В период первой пятилетки КНР (1953–1957 гг.) на Северо-Востоке Китая, при содействии СССР были возведены предприятия тяжёлой промышленности. Постепенно Северо-Восток Китая становится производственной базой тяжёлой и оборонной промышленности страны.

С октября 1949 г. по 1952 г. 30 проектов из 42 во всём Китае, реализованных с поддержкой СССР, приходились на Северо-Восточный регион. Около 3000 специалистов были отправлены в Китай, с их помощью были основаны научно-исследовательские учреждения и крупные промышленные предприятия. Специалисты из СССР участвовали в проектировании заводов, монтаже, в обучении персонала, инвестировании испытаний. Анализируя состав экспортно-импортных операций между северо-восточными провинциями КНР и Советским Союзом в 1950-е гг., необходимо отметить, что основу импорта в провинции Хэйлунцзян, Цилинь и Ляонин составляло необходимое сырьё, производственное оборудование для обрабатывающей и горнодобывающей промышленности¹¹. Начиная с 1949 г., на Северо-Востоке Китая увеличивалась добыча энергоресурсов, таких как каменный уголь, производство стали и другого сырья¹². Таким образом, в начале 1950-х гг. советская помощь в строительстве и модернизации промышленно-производственных объектов на территории северо-восточных провинций КНР была направлена в гражданские отрасли индустрии и в основном в развитие угольно-добывающей промышленности.

Активное возведение новых и модернизация старых промышленных объектов на территории Северо-Востока КНР началась 15 мая 1953 г. после подписания соглашения между СССР и КНР о совместной реализации 156 проектов. «156 проектов» – это условное количество промышленных объектов, возводимых в Китае с поддержкой СССР в период первой пятилетки. В действительности было реализовано лишь 150. Всего на Северо-Востоке КНР было построено и модернизировано 58 проектов, что составило 37 % от всех проектов на территории КНР. Северо-Восток Китая стал опорным районом в со-

циалистическом промышленном строительстве. В целом реализация данных промышленных проектов оказала позитивное влияние на промышленное экономическое развитие Китая, заложив основу новой промышленной базы страны. Оценивая современное состояние объектов, возведенных в 1950-е гг. при помощи СССР, необходимо отметить, что на протяжении последующих десятилетий они были модернизированы в условиях экономических реформ КНР и построения «социализма с китайской спецификой».

Анализ положений первого пятилетнего плана КНР свидетельствует, что одна из северо-восточных провинций Хэйлунцзян являлась ведущим районом в национальном промышленном строительстве, на территории которого было реализовано 22 проекта из 156. В целом общий объём капиталовложений в провинцию в 1950-е гг. составил 2,56 млрд юаней, или 10,3 % от общего объёма государственных инвестиций в промышленность. На сегодняшний день 17 из 22 объектов продолжают свою деятельность, один завод был закрыт, о деятельности четырёх шахт информация отсутствует¹³.

Город Харбин провинции Хэйлунцзян является одним из старых промышленных районов Китая, сформированных в период первой и второй пятилеток. В нем было реализовано 13 проектов из 156, в основном они касались крупных и средних предприятий тяжёлой промышленности. Одним из масштабных проектов, реализованных при помощи СССР в г. Харбине, является Харбинский электротехнический завод. В настоящее время это одно из ведущих предприятий экономического сектора провинции Хэйлунцзян, имеющее отношение к электрическому концерну г. Харбин. Техническое оборудование Харбинского электротехнического завода насчитывает около 4000 комплектов различного оборудования, среди которых более 300 комплектов оборудования мирового класса. На сегодняшний день в компании работает свыше 6 тыс. сотрудников, в том числе более 2 тыс. инженеров и техников¹⁴.

Одним из крупных предприятий, построенных в течение первого пятилетнего плана КНР, в рамках реализации 156 проектов по оказанию Советским Союзом помощи Китаю, является Харбинская котельная фабрика, в настоящее время снабжающая оборудованием более 360 электростанций. Часть ее продукции экспортируется в более чем 20 стран и регионов, по объёму производства она занимает 1-е место по стране. Компания выпускает электроды с мощностью от 50 до 1000 МВт. Годовая производственная мощность Харбинской котельной фабрики составляет 30 000 МВт¹⁵.

В 1950-е гг. при активном содействии СССР был основан Харбинский подшипниковый завод. В настоящее время это корпорация является одной из трёх основных производственных баз в

подшипниковой отрасли промышленности Китая. В последнее десятилетие компания имела общие активы в 3,67 млрд юаней, более 4600 производственных мощностей. 1 апреля 1952 г. в рамках реализации 156 проектов была основана фабрика машиностроения Вэйцзень (в настоящее время – ООО «Промышленное объединение китайской авиационной промышленности г. Харбин», сокращенно – Хафэй). Годовой оборот данной компании составляет 2,27 млрд юаней. Харбинский завод электроизмерительных приборов, основанный в 1953 г., один из ключевых проектов, реализованных в ходе первой пятилетки КНР при помощи СССР. В настоящее время компания имеет 7 филиалов и входит в состав Китайской ассоциации электротехнической промышленности. В 1950-е гг. на территории г. Харбин были основаны фабрика по производству оборудования, углеродный завод, машиностроительный завод Дунъянь, государственный завод режущего и измерительного инструмента¹⁶.

В 1956 г. при содействии СССР было запущено первое предприятие по переработке алюминиево-магниевого сплава Харбинский завод лёгких сплавов (ранее – Завод 101). В 2007 г. данная компания вошла в китайскую металлургическую корпорацию и в настоящее время является центром переработки алюминия и магния на Северо-Востоке Китая, обладает более 5600 машин для переработки алюминия и магния отечественного и зарубежного производства¹⁷.

К числу крупных проектов 1950-х гг. относится Харбинская паротурбинная фабрика, строительство которой было начато в 1956 г., ввод в эксплуатацию состоялся в 1958 г. В настоящее время это одно из ведущих предприятий Северо-Востока Китая, проектирующее и производящее крупномасштабные тепловые турбины, паровые турбины и сверхмощные газовые турбины. В 2001 г. первая китайская атомная энергетическая турбина мощностью 650 000 кВт, произведенная на этой фабрике выиграла «Национальную научно-техническую награду за девятый пятилетний план» за выдающиеся научно-технические достижения¹⁸. Производственные объекты, возведенные на территории провинции Хэйлунцзян в 1950-е гг. при помощи СССР, в основном относились к топливно-энергетической сфере и к отрасли машиностроения.

Помощь Советского Союза в строительстве крупных промышленных предприятий была оказана не только в г. Харбин, но и в других провинциях Хэйлунцзян. В 1953 г. была построена, а в 1957 г. введена в эксплуатацию одна из крупнейших целлюлозно-бумажных компаний в Китае – Бумажная фабрика Цзямусы – государственное предприятие, принадлежавшее Министерству лёгкой промышленности (к сожалению, в настоящее время оно обанкротилось¹⁹).

В 1950-е гг. в провинции Хэйлунцзян было основано одно из первых предприятий в Китае по

производству продуктов релейной защиты Релейный завод Ачэн, в настоящее время одна из крупнейших компаний в индустрии релейной защиты и производстве автоматизированного электрооборудования, штат которой насчитывает около 3-х тыс. сотрудников. Компания успешно прошла сертификацию системы качества международного стандарта. В 1952 г. был построен, а в 1957 г. введен в эксплуатацию завод Цицикар-сталь, единственный специальный сталелитейный проект из 156, реализованных при помощи СССР, в период первой пятилетки, который в настоящее время носит название ООО «Специальная сталь». В 2004 г. завод объединился с компанией «Специальная сталь Ляонин» и на сегодняшний день имеет 5 дочерних предприятий. Это одно из крупнейших предприятий на Северо-Востоке Китая, годовая плавка которого составляет 850 тыс. т, а годовая общая кузнечная и перерабатывающая мощность составляет 760 тыс. т²⁰.

В период первой и второй пятилеток в Китае при финансовом и техническом содействии СССР в провинции Хэйлунцзян было возведено несколько углеобогатительных фабрик и шахт. Углеобогатительная фабрика Шуанъяшань, построенная в 1947 г., была введена в эксплуатацию в 1950-е гг. В настоящее время компания имеет название ООО «Углеобогатительная компания Шуанъяшань», управляет 35 вторичными подразделениями, включая 8 добывающих и 2 угольных заводов, метеорную ТЭЦ и 2 строительно-монтажные компании. Запасы угля составляют почти 2 млрд т, извлекаемых запасов – около 10 млн т²¹.

Одним из основных объектов из 156, построенных при содействии Советского Союза в годы первой пятилетки в Китае, было сельскохозяйственное предприятие «Дружба» на территории провинции Хэйлунцзян, символизировавшее великую дружбу между китайским и советским народами. В настоящее время данный проект успешно функционирует и имеет репутацию «крупнейшего ранчо в мире». Общая площадь составляет 1888 кв. км, 137,8 га пашни, 24,8 га лесных земель, 11,8 га пастбищ лугов, 9,9 акров поверхности воды, подземные залежи известняка, мрамора, угля и 12 видов полезных ископаемых. Предприятие включает в себя 7 компаний и насчитывает 46 тыс. работников. Данный объект имеет широкие перспективы для развития²².

Историко-регионоведческий анализ промышленно-производственных объектов на территории северо-восточной провинции Хэйлунцзян, возведённых и модернизированных в 1950-е гг. при содействии СССР, свидетельствует, что в основном все объекты относились к таким гражданским отраслям промышленности, как угольно-добывающая, металлургия, машиностроение, а также отрасли сельского хозяйства.

На территории другой северо-восточной провинции Цзилинь в рамках реализации 156 про-

ектов при поддержке СССР было построено 11 крупных промышленно-производственных объектов. Китайское правительство при финансово-техническом содействии СССР за относительно короткий срок вывело промышленность провинции Цзилинь на новый уровень. Всего за период первых пятилеток в промышленное капитальное строительство провинции было вложено 176 млн юаней. На сегодняшний день успешно функционируют 7 проектов, основанных ещё в 1950-е гг.²³

Одним из крупных промышленных проектов, реализованных при помощи СССР в начале 1950-х гг., является Цзилиньский углеродный завод. После более чем 40 лет непрерывной трансформации и развития он стал крупнейшим в Китае предприятием по производству углеродных продуктов. В настоящее время завод носит название АО «Цзилинь углерод». Это одно из крупномасштабных углеродных предприятий Китая, лидирующее по производству энергии и сырья с современной производственной шкалой и значительным влиянием как внутри страны, так и за рубежом. Компания имеет возможность производить более 150 000 т углеродной продукции в год. Её продукция продаётся более чем 300 китайским предприятиям в провинциях, муниципалитетах, автономных районах и экспортируется в 40 стран и регионов (Европу, Америку, Юго-Восточная Азию и Африку). В 2001 г. совместно с американской компанией UCAR было создано предприятие, ставшее крупнейшим углеродным предприятием в Китае²⁴.

Первый автомобильный завод в Чанчуне является одним из важнейших строительных объектов, построенных при помощи Советского Союза с общим объёмом инвестиций 650 млн юаней. В 1956 г. здесь был выпущен первый государственный грузовик. В настоящее время завод имеет название ООО «Объединение первого Чанчуньского автомобильного завода». В настоящее время производство сосредоточено на производстве легковых автомобилей. В целом компании принадлежит 30 дочерних предприятий. Общая сумма активов составляет 116,7 млрд юаней. Кадровый состав компании насчитывает 129492 сотрудника. В течение последних 50 лет первая автомобильная группа произвела и продала 6,4 млн автомобилей различных типов. В январе 2018 г. завод был внесён в список промышленных памятников Китая²⁵.

Цзилиньская химическая промышленная компания, основанная в период первой пятилетки при помощи СССР, являлась одной из самых крупномасштабных баз промышленности страны на протяжении второй половины XX в. В 2007 г. она была поглощена более крупной нефтяной компанией «Петрочайна». Сейчас данная компания носит название Нефтехимическая компания Цзилинь «Петрочайна». За последние 40 лет принесла стране налогов на сумму 20 млрд

юаней и внесла большой вклад в экономическое строительство всего Китая²⁶.

В 1950-е гг. Советский Союз оказал финансово-техническое содействие в строительстве и введении в эксплуатацию в провинции Цзилинь завода химических удобрений, производственного отдела вольфрамового железа завода ферросплавов Цзилинь. В настоящее время данные крупные государственные предприятия успешно функционируют и составляют промышленную основу Северо-Востока Китая. Советские специалисты в период первой пятилетки оказали существенное содействие в запуске работы шахты Тунхуа Ваньгоу. Во второй половине XX в. это был один из крупных угольных разрезов с годовой добычей более миллиона тонн необработанного угля. Однако в 2002 г. запасы угля на угольном разрезе Ваньгоу были исчерпаны и шахта перестала функционировать²⁷.

Историко-регионоведческий анализ промышленно-производственных объектов на территории северо-восточной провинции Цзилинь, возведённых и модернизированных в 1950-е гг. при финансово-техническом и консультативном содействии СССР, свидетельствует, что в основном все объекты относились к таким гражданским отраслям промышленности, как угольно-добывающая, металлургия, машиностроение, пищевая, лесная и химическая, а также отрасли сельского хозяйства.

На территории третьей северо-восточной провинции Ляонин в период с 1953–1957 гг. было реализовано 24 из 156 проектов. 19 объектов успешно осуществляют свою деятельность и в настоящее время, работа 5 шахт и карьеров приостановлена. Аньшаньский металлургический комбинат был построен ещё во времена оккупации Северо-Востока Китая японской армией в 1916 г., однако с помощью СССР были реализованы 3 крупных проекта, направленных на развитие комбината: созданы новый завод крупного проката, завод бесшовных труб и седьмая доменная печь. На сегодняшний день действует корпорация «Аньшаньский металлургический комбинат», созданная в мае 2010 г. в результате слияния двух крупных фирм, одной из которых был Аньшаньский металлургический комбинат. За выдающиеся успехи предприятие получило статус «Первого инновационного предприятия», комбинат является первым сталелитейным предприятием, обладающим возможностью экспорта техники. В 2011 г. предприятие заняло 462-е место в рейтинге 500 мощнейших предприятий мира, на сегодняшний день производственная мощность предприятия составляет 38,6 млн. тонн²⁸.

В период первой пятилетки с помощью СССР произошло расширение металлургической компании Бэньси, расположенной в г. Бэньси провинции Ляонин. В настоящее время компания продолжает довольно успешно существовать на рынке, занимает площадь около 55 кв. км, на-

считывает 80 тыс. чел. служащих, включает в себя 13 субъектов-производителей, 16 дочерних предприятий и 2 холдинга. Активы компании составляют 145 млрд юаней, ежегодный доход от продаж превышает 100 млрд юаней, объем производства стали составляет 20 млн т. На сегодняшний день компания занимает 20-е место в топе сталелитейных предприятий во всем мире и входит в десятку крупнейших сталелитейных предприятий Китая²⁹.

Оценивая ресурсный потенциал северо-восточной провинции Ляонин, необходимо отметить, что на территории данной провинции в последние годы обнаружено 110 видов минеральных ресурсов. В годы первой и второй пятилеток угольно-добывающая промышленность была приоритетным направлением развития экономики всего Северо-Востока Китая, включая провинцию Ляонин. В процессе реализации 156 проектов при финансово-технической помощи СССР, на территории провинции Ляонин было построено и введено в эксплуатацию несколько угольных шахт и карьеров. Успешно функционирует в наши дни угольная шахта в Фушуне, которая после образования КНР производила 162 млн т угля ежегодно, прибыль составляла 2915 млрд юаней в год. Осуществляет свою деятельность Западный карьер в Фушуне. В настоящее время это частное предприятие, шахтная яма насчитывает 6,6 км в длину, годовая производительность угля составляет 2,5 млн т. Восточный карьер Фушунь, основанный в 1950-е гг. при содействии СССР, на сегодняшний день трансформировался в горнодобывающий концентральный восточного карьера Фушунь.

В 1950-е гг. Советский Союз оказал помощь в реконструкции и расширении судостроительного завода в Даяни. Сейчас завод принадлежит китайской судостроительной промышленной корпорации (China Shipbuilding Industry Corporation) – одной из крупнейших отечественных судостроительных компаний, производящих весь ассортимент судостроительной продукции.

В рамках реализации 156 проектов при финансово-техническом содействии Советского Союза 6 объектов были основаны и введены в эксплуатацию в столице провинции Ляонин г. Шэньян. К числу самых первых крупных промышленных предприятий, основанных в годы первой и второй пятилеток КНР относится Первый станкостроительный завод в Шэньяне, который в настоящее время успешно функционирует. Второй станкостроительный завод в Шэньяне также был построен при финансово-техническом содействии Советского Союза. После модернизации в 1995 г. завод был трансформирован в ООО «Станкостроительная компания». В настоящее время это трансрегиональная компания, которая по объёму производства, объёму продаж заняла первое место в китайской промышленности³⁰.

На территории г. Шэньян в 1950-е гг. было построено и введено в эксплуатацию одно из самых крупномасштабных предприятий по производству кабелей и электрических проводов в Китае – Шэньянский кабельный завод. Сейчас это одна из самых крупных производственных компаний на Северо-Востоке Китая. Общая сумма активов Шэньянской кабельной фабрики составляет около 520 млн юаней. Данное интегрированное предприятие по производству проволоки и кабелей выпускает следующий ассортимент продукции: кабель питания, волоконно-оптический кабель, кабель связи, кабель электрооборудования, оголённый кабель, магнитная проволока, волоконно-оптический кабель. В состав компании входят 7 управляющих агентств, 6 вспомогательных агентств и 13 профессионально-производственных филиалов.

В 1954 г. в г. Шэньяне при советской помощи был построен Завод 410 – один из первых крупномасштабных объектов по производству авиационных турбореактивных двигателей в Китае. В настоящее время это предприятие является дочерней компанией Китайской авиационной промышленной корпорации № 1 и Научно-производственной базой авиационного двигателя Китая. Компания выпускает 3 ключевые модели новых самолетов, газовые турбины, автомобильные турбокомпрессоры, алюминиевые профили, а также производит и ремонтирует двигатели³¹.

Таким образом, строительство и модернизация промышленно-производственных объектов и индустриализация северо-восточных провинций в 1950-е гг. обеспечила Китай большим количеством машин и оборудования, развитием как тяжёлой, так и лёгкой отраслей промышленности. Помимо технического и финансового обеспечения, Советский Союз предоставил большое количество специалистов и передал управленческий опыт. Северо-Восточный регион раньше всех претворил в жизнь план экономического развития во всем Китае, более того – лидировал по масштабам реализации и высоте показателей. Практически все промышленно-производственные объекты, возведённые и модернизированные в 1950-е гг. при советской помощи, функционировали в период построения социалистической модели экономики, а начиная с конца 1970-х гг. при внедрении рыночных отношений и построения «социализма с китайской спецификой», объекты были модернизированы и продолжили функционировать. Модернизация китайской экономики в конце XX в. сопровождалась притоком иностранных инвестиций и новых технологий, которые при грамотной региональной политике способствовали укреплению таких отраслей промышленности Северо-Востока Китая, как угледобывающая, нефтехимическая, топливно-энергетическая, гидроэнергетическая, сельскохозяйственная. На сегодняшний день развитие северо-восточного региона КНР осуществляется на основании «13-го пятилетнего плана возрожде-

ния Северо-Востока Китая», принятого 12 ноября 2016 г., по которому планируется повышение производительности труда (среднегодовой прирост должен составить 6,2 %), повышение суммы патентов на изобретения среди населения, увеличение процента производств с применением высоких технологий (на 3,3 %), снижение водопотребления (на 21 млн юаней), снижение энергопотребления, ликвидация бедности в деревнях³². В рамках реализации поставленных китайским руководством целей определённый вклад вносят и те промышленно-производственные объекты, которые были построены и введены в эксплуатацию при содействии Советского Союза почти 70 лет назад.

Примечания

- 1 См.: Богданов Г. А. Китайско-советские отношения в 50-е годы : проблема советских специалистов // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 5. С. 148–160.
- 2 См.: Борисов О. Б., Колосков Б. Г. Советско-китайские отношения. 1945–1980. М., 1980. С. 638.
- 3 См.: Филатов Л. В. Экономическая оценка научно-технической помощи Советского Союза Китаю (1949–1966). М., 1980. С. 112.
- 4 См.: Сюэ Сяньтянь. История и действительность китайско-российских отношений – от трех Союзов к Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 3. С. 74–85.
- 5 См.: Верченко А. Л. Советские специалисты в экономическом, научно-техническом и гуманитарном строительстве КНР (1949–1960 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5. С. 71–79.
- 6 См.: Зазерская Т. Г. Советские специалисты и формирование военно-промышленного комплекса Китая (1949–1960 годы). СПб., 2000. С. 184.
- 7 См.: Филатов Л. В. Указ. соч. С. 167.
- 8 См.: Пу Цзян. Помощь СССР Китаю в области промышленности в 1950-е гг. // Грамота. 2018. № 5. С. 45–49.
- 9 См.: Александрова М. В. Экономика Северо-Восточного Китая и советская помощь КНР в 50-х годах XX века // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. № 18. С. 326–348.
- 10 См.: Красова Е. В. Место и роль северо-восточных провинций в экономическом развитии современного Китая // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 1. С. 55–61.
- 11 Zhang Feng. History of economic relations between North-East China and Russia (USSR). Beijing : Chinese social science publishing House, 2003. P. 204 (in Chin.)
- 12 Soviet specialists in China : the first work on the history of the Soviet Union in China (in Chin.). URL: http://news.163.com/09/0629/14/5CVUSUUC00013CQK_4.html (дата обращения: 24.01.2019).
- 13 Analysis of the state of border trade with the Soviet Union in the North-East of China (in Chin.). URL: http://www.360doc.com/content/14/0519/21/363711_379167735.shtml (дата обращения: 05.01.2019).
- 14 156 projects built with the help of the USSR (in Chin.). URL: <https://baike.baidu.com/item/9462917?fr=aladdin> (дата обращения: 24.02.2018).
- 15 См.: Soviet specialists in China : the first work on the history of the Soviet Union in China. P. 2 (in Chin.).
- 16 State Statistics Bureau of the people's Republic of China (in Chin.). URL: <http://www.stats.gov.cn/> (дата обращения: 24.11.2018).
- 17 156 projects built with the help of the USSR. P. 2 (in Chin.)
- 18 Analysis of the state of border trade with the Soviet Union in the North-East of China. P. 1–2 (in Chin.).
- 19 Soviet specialists in China : the first work on the history of the Soviet Union in China. P. 3 (in Chin.).
- 20 Zhang Feng. Op. cit. P. 117.
- 21 156 projects built with the help of the USSR. P. 4 (in Chin.).
- 22 Zhang Feng. Op. cit. P. 121.
- 23 156 projects built with the help of the USSR. P. 3 (in Chin.).
- 24 Ibid. P. 5.
- 25 Zhang Feng. Op. cit. P. 125.
- 26 156 projects built with the help of the USSR. P. 2 (in Chin.).
- 27 Ibid. P. 3.
- 28 Analysis of the state of border trade with the Soviet Union in the North-East of China. P. 1 (in Chin.).
- 29 Zhang Feng. Op. cit. P. 137.
- 30 156 projects built with the help of the USSR. P. 2 (in Chin.).
- 31 Ibid. P. 7.
- 32 Analysis of the current situation of trade between Northeast China and the Soviet Union (in Chin.). URL: http://www.360doc.com/content/14/0519/21/363711_379167735.shtml (дата обращения: 05.01.2019).

Образец для цитирования:

Макеева С. Б. История и современное состояние региональных промышленно-производственных объектов северо-востока КНР, реализованных при помощи СССР в 1950-е годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 349–355. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-349-355>

Cite this article as:

Makeeva S. B. History and Modern Condition of the Regional Industrial and Production Facilities of the North-East China Realized with the Assistance of the USSR in the 1950s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 349–355 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-349-355>

УДК 94(73)19|

Эволюция американской политики помощи в период президентства Д. Эйзенхауэра

С. Ю. Шенин

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, shenins@yahoo.com

Статья посвящена изучению особенностей процесса формирования послевоенного мирового экономического порядка в период администрации Д. Эйзенхауэра, в рамках которого внутри американской правящей элиты нарастали противоречия по вопросу направленности внешнеэкономической политики США. Особое внимание уделено исследованию идеологических подходов в отношении программы внешней помощи различных групп интересов в американском Конгрессе и администрации.

Ключевые слова: администрация Д. Эйзенхауэра, мировой порядок, внешняя помощь, группы интересов, прогрессисты, традиционалисты.

The American Aid Policy Evolution During D. Eisenhower's Presidency

S. Yu. Shenin

Sergei Y. Shenin, <https://orcid.org/0000-0002-4503-59-23>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, shenins@yahoo.com

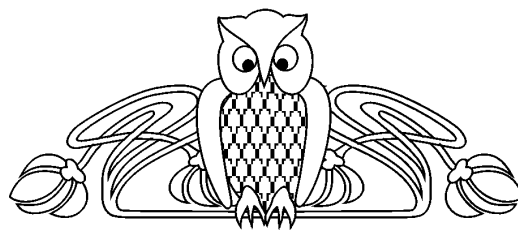
The article is devoted to studying the peculiarities of the process of forming the postwar world economic order during the D. Eisenhower administration, within which contradictions were growing among the American ruling elites concerning the U. S. foreign economic policy direction. Particular attention is paid to researching ideological approaches of various interest groups in American Congress and administration in respect to the foreign aid program, which played a key role in implementing the plans of all interested parties.

Keywords: D. Eisenhower administration, world order, foreign aid, interest groups, progressives, traditionalists.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-356-360>

Строительство послевоенного нового мирового порядка, стратегической целью которого являлась «глобализация по-американски», требовало от руководства США использования достаточно широкого спектра внешнеполитических инструментов – военной силы, дипломатии, пропагандистского аппарата, экономической помощи. Последняя, как представляется, выполняла главную конструктивную роль, а все остальные носили в большей степени вспомогательный характер.

Как известно, первым, кто включил помощь во внешнеполитический арсенал США в качестве «передового» инструмента, стал президент Г. Трумэн. «Доктрина Трумэна», план Маршалла

и программа «пункта-4» стали главными этапами этого процесса. Однако использование данного инструмента оказалось настолько дорогим «удовольствием» и вызвало такое ожесточенное сопротивление консервативной, в основном республиканской оппозиции внутри американской элиты, что администрации пришлось отказаться от аргументов, связанных с необходимостью «восстановления и развития» других стран. Продавить нужное финансирование внешней помощи оказалось возможным только под «дымовой завесой» холодной войны. На концептуальном уровне это выразилось в полном доминировании внешнеполитической доктрины «взаимной безопасности» над концепцией «помощи развитию» сразу после начала Корейской войны¹.

Хотя эти два подхода начали конкурировать между собой в период президентства Г. Трумэна, по-настоящему эпический характер схватка между ними приобрела после прихода в Белый дом республиканца Д. Эйзенхауэра. Соглашаясь стать кандидатом в президенты от республиканской партии, генерал Эйзенхауэр искренне разделял консервативные идеалы своих однопартийцев – классическая экономика, сбалансированный бюджет, минимальные правительственные расходы и т. д. Во время предвыборной кампании генерал неоднократно подтверждал желание распространить эти принципы на американскую внешнеэкономическую политику. И это было естественным намерением, принимая во внимание тот факт, что именно интернационалистское крыло республиканской партии, состоявшее из представителей прогрессистов и корпоративных традиционалистов, стояло за его выдвижением и избранием.

Используя вопрос о внешней помощи в качестве важнейшего инструмента своей предвыборной борьбы за Белый дом, генерал Эйзенхауэр сумел дать надежду обеим главным группам в республиканской партии. С одной стороны, он делал намёки изоляционистам на то, что полностью ликвидирует внешнюю помощь, а с другой стороны, обещал интернационалистам переориентировать её с военного «сдерживания» на экономическую глобализацию.

Однако, став президентом, Эйзенхауэр не торопился выполнять свои обещания. В течение первого года пребывания в Белом доме он следовал курсом предшественника на использование американской помощи для укрепления западно-

европейских экономик и военного «сдерживания» коммунизма в Европе, что вызвало недовольство всех групп бизнеса и их представителей в администрации и конгрессе². Тем не менее президент скрытно готовил смену курса в сфере помощи. От преобладания доктрины «взаимной безопасности», ориентированной на чёрно-белое видение мира, где должны быть только друзья или враги, он планировал перейти к укреплению концепции «помощи развитию», нацеленной на глобальную интеграцию в западную экономическую систему не только дружественных, но и нейтральных стран, а также тех, которые находились за «железным» или «бамбуковым» занавесом.

Уже в 1953 г. президент начал готовить фундамент для стратегического поворота в сфере не только иностранной помощи, но и внешнеэкономической политики в целом. В первую очередь это касалось кадровой политики – все высшие внешнеэкономические посты в администрации Эйзенхауэра заняли представители двух самых влиятельных интернационалистских бизнес-групп – прогрессистской и традиционалистской. Кроме того, один из самых влиятельных политических тяжеловесов и радикальных прогрессистов Гарольд Стассен был назначен главой Агентства взаимной безопасности (MSA), унаследованного от предшествующей администрации. Стассен немедленно инициировал процесс реорганизации всей структуры помощи с целью перенаправить её на решение проблем экономической глобализации.

В результате вместо Агентства взаимной безопасности была создана Администрация внешних операций (FOA). Новая структура представлялась более централизованной и управляемой, что позволяло администрации начать смещение целого ряда акцентов в рамках программы «взаимной безопасности» (MSP) – с краткосрочных задач безопасности на долгосрочные цели экономического развития, с военных программ на гражданские, с Европы на Азию, с грантов на кредиты, с небольших проектов технической помощи на масштабное экономическое планирование. На уровне отдельных стран-реципиентов основное внимание было перенесено с принципа «насуточных потребностей» на общенациональное планирование, имевшее своей целью интегрировать азиатские слаборазвитые страны, независимо от их политической ориентации, в новый многосторонний мировой порядок на основе экономических принципов «специализации, стандартизации и упрощения», которые всегда составляли суть американской предпринимательской системы³.

Чтобы предотвратить восстание в лагере обманутых радикальных противников помощи, Эйзенхауэр снова пообещал им, что к середине 1955 г. FOA и крупномасштабная экономическая помощь будут упразднены, а остающиеся виды помощи будут переданы в профильные министерства – госдепартамент или министерство обороны.

Реальные намерения руководителей администрации в отношении нового механизма внешней помощи стали ясны только в 1954 г., после того, как президент отверг концепцию силового военного «отбрасывания». Доклад комиссии Рэндалла разделил MSP концептуально на две части: военную, продолжавшую «сдерживать коммунизм», и экономическую, в рамках которой был создан небольшой сектор «помощи развитию», переориентированный на задачи экономического развития стран Азии на базе дешёвой технической помощи. Более масштабную «помощь развитию» провести в тот момент через конгресс было невозможно, поскольку коммунистическая военная угроза оценивалась как более серьёзная, чем советская экономическая экспансия в регионе⁴.

Потратив почти весь 1954 г. на отладку административного механизма FOA, Стассен в конечном итоге сумел повысить его эффективность и привлечь многих законодателей на свою сторону. Кроме того, в жесточайшей борьбе внутри администрации директор агентства смог преодолеть чрезмерно осторожные тенденции в политике помощи, которые инициировал Рэндалл, и смело предложил на рассмотрение конгресса достаточно радикальный законопроект MSP на 1954 г. Билль предусматривал серьёзное перераспределение фондов помощи в пользу экономической составляющей и азиатского региона в целом, а также сохранял сегмент наиболее критикуемой «помощи развитию». Более того, предлагая поддержать некоторые нейтральные страны, законопроект ставил под сомнение абсолютность «чёрно-белой» идеологии «взаимной безопасности». Поскольку объединённая оппозиция подвергла проект ожесточённой критике, президент был вынужден вмешаться, чтобы смягчить чрезмерные прогрессистские акценты билля и найти основу для компромисса⁵.

Однако катастрофа, в которую попали французы во Вьетнаме в августе 1954 г., и последовавшая за этим антикоммунистическая истерия в США дали президенту предлог отвергнуть уже достигнутый компромисс, восстановить урезанные фонды и открыто объявить о его поддержке усилий Стассена по созданию постоянного ядра «помощи развитию» внутри MSP. Хотя администрация официально не объясняла, как она собирается использовать фонды «помощи развитию» в Азии, про-прогрессистские СМИ немедленно начали пропагандистскую кампанию, призывая использовать методiku «плана Маршалла» для разрешения катастрофической ситуации в ЮВА.

Основная идея нового «плана Маршалла для Азии» (ПМА) заключалась в том, чтобы восстановить экономику региона с Японией в качестве «мотора» и использовать местные рынки и источники сырья для стран Западной Европы. Это позволило бы США уменьшить европейское давление на американский рынок и восстановить функционирование «треугольника» мировой торговли⁶.

Хотя Стассен и даже сам госсекретарь Даллес старались найти аргументы в пользу чрезвычайной важности ПМА в том, что Советский Союз сместил основной акцент в своем глобальном «коммунистическом плане» с военного на экономическое наступление, почти никто в тот момент в это не верил. В результате попытки провести ПМА через администрацию и конгресс в 1954 г. встретили ожесточённое сопротивление. Тем не менее, находясь под сильнейшим давлением со стороны президента, консервативная оппозиция согласилась с минимальным трёхгодичным ПМА, на который выделялось всего 200 млн долл. в обмен на ликвидацию FOA и ее воинственного директора. Для законодательного процесса идея ПМА была детально сформулирована в так называемом плане «арки свободной Азии» (AFAP). Данный план в соответствии с компромиссом указывал на необходимость «сдерживать» не Москву, а Пекин в качестве региональной супердержавы в Южной и Юго-восточной Азии, а также предусматривал усиление роли Японии за счёт снижения помощи Западной Европе⁷.

Весной 1955 г., опять же в соответствии с вышеуказанным компромиссом, президент Эйзенхауэр отправил Г. Стассена в отставку, одновременно назначив его на пост секретаря по разоружению, после чего заявил, что с 1 июля того же года FOA ликвидировалась. Однако параллельно с ликвидацией старой структуры создавалось новое агентство внешней помощи – Администрация международного сотрудничества (ISA). Чтобы снизить накал возмущения таким неожиданным поворотом, президент включил ISA в структуру госдепартамента и назначил консервативного политика Джона Холистера директором агентства⁸.

Хотя Эйзенхауэр «прошёл свою половину пути», в конечном итоге он не получил ПМА даже в урезанном виде, поскольку первый же подготовительный шаг по его реализации привёл к катастрофе. В мае 1955 г. на конференции в Симле (Индия) азиатские страны-участницы почти единодушно отвергли многосторонний региональный принцип AFAP ради сохранения двухсторонней американской помощи, которая казалась им более выгодной, по крайней мере, в краткосрочной перспективе⁹.

Став директором, Дж. Холистер попытался развить наступление традиционалистско-консервативной группировки (так называемого «клуба 4-Н») в администрации. Публично объявив о своей лояльности президентской стратегии «взаимной безопасности», включая недавнее смещение акцента в сторону политики «помощи развитию», он фактически начал ликвидацию всего прогрессистского наследия Стассена. Предприняв шаги в направлении резкого сокращения бюджета MSP, он в то же время активно использовал ресурсы программы для продвижения интересов сырьевых корпораций с помощью

развития системы гарантий, распределения контрактов в пользу своих бизнес-протекторов и т. д.

Осенью 1955 г., пытаясь ослабить эту пугающую тенденцию, прогрессистская часть администрации, т. е. так называемая группа «младотурок» (Н. Рокфеллер, Р. Никсон, Г. Стассен и др. М. Эйзенхауэр), начала контрнаступление. Пытаясь изобразить советскую помощь некоторым слаборазвитым странам как начало нового опасного этапа коммунистической агрессии, они настаивали на общем увеличении фондов MSP и пропорционально компонента «помощи развитию». Однако традиционалисты легко нейтрализовали этот явно искусственный аргумент, назвав советскую помощь «блефом» и утверждая, что Москва не имеет нужных ресурсов для зарубежных крупномасштабных экономических программ¹⁰.

Правда, неожиданно «младотурки» получили поддержку со стороны советского руководства, которое в ноябре 1955 г. начало активную кампанию за предоставление помощи СССР некоторым странам Южной Азии. Пользуясь моментом, прогрессисты в администрации сумели консолидировать свои ряды и с помощью президента нанесли консерваторам из «клуба 4-Н» серьёзное поражение. В результате конгресс одобрил запрос на программу «взаимной безопасности», который резко вырос с 2,7 млрд долл., которые запрашивал Дж. Холистер, до 4,9 млрд долл.¹¹

Однако сразу после этой победы, сулящей большие деньги, прогрессистский лагерь раскололся на несколько группировок. «Многосторонние» прогрессисты хотели направить максимально возможную часть помощи по каналам ООН. «Умеренное» крыло из группы Даллеса поддерживало необходимость использования «помощи развитию» для реализации долгосрочной стратегии экономического «отбрасывания» коммунизма в Восточной Европе и слаборазвитых странах, но не забывая при этом о строительстве «надёжного военного щита», т. е. подразумеваемая «сбалансированный» подход к военной и экономической составляющим программы внешней помощи.

Группа «радикалов», возглавляемая Н. Рокфеллером и Ч. Джексоном, считала, что «военный щит» был уже построен, а советское военное наступление представлялось маловероятным. Поэтому предполагалось поддерживать только общую функциональность «щита». Экономический рост и подъём уровня жизни должны были стать главным оружием в борьбе против коммунизма и национализма в процессе строительства мирового порядка. Соответственно, «радикалы» требовали резкого увеличения «помощи развитию» за счёт сокращения военной помощи. Хотя в тот момент «радикалы» были слабо представлены в администрации (особенно после отставки Н. Рокфеллера), их позиции очень активно поддерживала могущественная сенатская фракция Фулбрайта-Кеннеди, а также влиятельные либеральные интеллектуалы из группы CENIS,

которые продолжали популяризировать свой «всемирный экономический план» и теорию «самоподдерживающего роста».

Несмотря на разницу взглядов на долгосрочные стратегические цели помощи, «радикалы» и «умеренные» имели одну и ту же краткосрочную задачу, а именно поддержать и подтолкнуть тот сектор MSP, который был нацелен на «помощь развитию». В своих попытках провести данную концепцию через конгресс в рамках MSP 1956 г. они развернули беспрецедентную кампанию, направленную на убеждение общественности в том, что только массированная «помощь развитию» могла остановить «экономическое наступление», организованное советским лидером Н. С. Хрущёвым. Поскольку в тот момент никто уже не смел назвать это «блефом», законодатели согласились с постановкой проблемы¹².

После того, как в ноябре 1956 г. Эйзенхауэр был переизбран на пост президента, а демократы, в целом поддерживавшие трансформацию помощи, триумфально победили на выборах в конгресс, президент начал избавляться от ведущих членов администрации, входивших в консервативный «клуб 4-Н», что ещё раз подтвердило его прогрессистскую ориентацию. В июле 1957 г. под жёстким политическим давлением прогрессистов и бывших консервативных соратников был вынужден уйти в отставку Дж. Холистер.

Получив в администрации главные рычаги управления «умеренно-радикальный» блок разработал компромиссную стратегию «малых шагов». Она подразумевала медленное развитие ядра «помощи развитию» внутри MSP через создание возобновляемого Фонда займов развития (DLF). Фонд должен был иметь возможность заимствовать деньги непосредственно из казначейства и таким образом мог избежать процесса ежегодного одобрения ассигнований в конгрессе. Хотя законодатели не приняли эту идею и резко сократили фонды помощи, ядро DLF было спасено при содействии сенатской группы Фулбрайта-Кеннеди, которая, в свою очередь, считала, что Белый дом недостаточно настойчив в реализации стратегии «помощи развитию». В любом случае можно считать, что с этого момента эпоха «помощи развитию» фактически, началась¹³.

Новый директор ИСА Джеймс Смит, бывший военный лётчик и помощник министра военно-морского флота (1953–1956 гг.), считался надёжным сторонником прогрессистской линии Эйзенхауэра. Являясь твёрдым республиканцем, он старался решать проблемы внешней помощи профессионально, прагматично, избегая политических интриг. Поскольку его горячо поддерживали даже демократы, он получил возможность вести ИСА по-настоящему «двухпартийным» курсом. Как талантливый администратор, Смит, предоставив свободу действий своим опытным заместителям (Д. Фитцджеральду, Л. Саккио и Дж. Оли), смог существенно улучшить работу

механизма предоставления помощи и инициировать реформы внутри ИСА¹⁴. Несмотря на его титанические усилия и очевидные успехи, критика ИСА нарастала как в конгрессе, так и в обществе, что было очень болезненно для Смита. Не получив ожидаемого повышения по линии Пентагона, он уволился и ушёл из правительства несмотря на желание президента сохранить его на посту главы агентства¹⁵.

Последний год президентства Эйзенхауэра был отмечен ухудшившимися условиями для развития программы помощи. Приближавшиеся выборы, экономический кризис, катастрофический дефицит внешнеторгового баланса, растущая инфляция, утечка золота из страны – все эти факторы стимулировали, с одной стороны, общественную критику президентского «сбалансированного» подхода в сфере помощи, а с другой – «радикализм» группы Фулбрайта-Кеннеди. Чтобы ослабить этот несвоевременный тренд, администрация была вынуждена основательно рационализировать программу MSP. Рационализация включала в себя интенсификацию многостороннего и регионального аспектов внешней помощи, что могло поддержать процесс мобилизации и концентрации ресурсов союзников и реципиентов на решении критических проблем в важнейших слаборазвитых странах, включая нейтральные.

Формируя инфраструктуру этой политики, администрация предложила такие инициативы, как разработка региональной программы ООН для развития Ближнего Востока, создание Международной ассоциации развития, а также Межамериканского банка развития и специального консорциума по спасению индийского второго пятилетнего плана. Продвигая эти инициативы в рамках MSP на 1959 г., стратеги госдепартамента решили изменить принципы распределения помощи. Основные усилия по внедрению «помощи развитию» были направлены на два региона, которые уже якобы «созрели» и отвечали критериям «большого толчка»: бассейн Инда (Индия и Пакистан) и Тайвань. Другие реципиенты должны были пройти фазу подготовки к «большому толчку», используя программы недорогой американской технической помощи, в первую очередь, в рамках концепции «общинного развития»¹⁶.

Подходящая фигура для руководства ИСА и реализации такой программы была, наконец, найдена. Правда, бывший дипломат Джеймс Ридлбергер никогда не имел дела с внешней помощью, однако политически был приемлем даже для такого непримиримого лидера оппозиции в конгрессе, как Отто Пасман. Новый директор сконцентрировал все свои усилия на том, чтобы провести новую MSP через конгресс, оставив рутину руководства ИСА своим заместителям¹⁷.

В целом в то время, как частые смены руководителя агентства помощи являлись очевидно ослабляющим программу фактором, постоянная команда заместителей, которые ра-

ботали непрерывно с 1953 г. по 1961 г., смогла стабилизировать функционирование программы и обеспечить ее преемственность. Следует также отметить, что каждый новый этап развития программы помощи требовал появления лидера нового типа: Стэнли Эндрус являлся профессиональным управленцем, Гарольд Стассен – политиком, Джон Холистер – бизнесменом и миллионером, Джеймс Смит – солдатом и, наконец, Джеймс Ридлбергер – дипломатом.

Таким образом, сравнивая политику внешней помощи двух американских администраций – Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра – можно сделать вывод о том, что прогрессисты, стремившиеся двигаться к экономической глобализации за счёт использования инструментов централизованного общественно-государственного планирования, в первую очередь внешней помощи, и минимизировавшие роль частно-предпринимательской активности, преобладали в обеих партиях. Однако прогрессисты в демократической партии имели большее преимущество, чем в республиканской, были более склонны к радикальным решениям в сфере помощи, активнее использовали кейнсианский инструментарий, без колебаний наращивали финансирование. Прогрессисты-республиканцы в период Эйзенхауэра были вынуждены придерживаться традиционной для них консервативной финансовой дисциплины, в большей степени учитывать мнение предпринимательских кругов и искать компромиссы с другими фракциями в партии, что заметно замедляло поступательное движение процесса глобализации в 1950-е гг.

Примечания

- 1 См.: Шенин С. Ю. Помощь США слаборазвитым странам. Гарри Трумэн и «пункт-4». Саратов, 2017. С. 20–32.
- 2 Bowie R., Immerman R. *Waging Peace : How Eisenhower Shaped an Enduring Cold War Strategy*. New York, 1998. P. 76.

- 3 Reorganization Plan No.7 of 1953 // Department of State Bulletin (DSB). Vol. XXVIII, no. 729 (June 15). P. 852–853.
- 4 The Department of State. Report by the Commission on Foreign Economic Policy (Randall Report). January 23, 1954 (Excerpts) // American Foreign Policy. 1950–1955. Department of State Publication 6446. Washington, D.C., 1957. Part II. P. 2900–2906.
- 5 The Department of State. Recommendations Concerning United States Foreign Economic Policy. Message by the President to the Congress, March 30, 1954 // American Foreign Policy, 1950–1955. Department of State Publication 6446 (Washington, 1957). Part II. P. 2938.
- 6 Cromley R. Aid Billions : Ike's Advisors Mull Costly Foreign Aid Program // The Wall Street Journal. 1954. August 14. P. 4.
- 7 President to Ask More Aid for Asia // The New York Times. 1955. March 18. P. 1.
- 8 Curious Choice // The Washington Post and Times Herald. 1955. May 2. P. 3.
- 9 Asia as a Region // The New York Times. 1955. May 16. P. 1.
- 10 Russia is Welcome to a Taste of Point Four Headaches // Saturday Evening Post. 1955. August 13. P. 1.
- 11 Reston J. An Analysis on Dulles' Forecast of Long-Time Need for Program // The New York Times. 1955. December 21. P. 1.
- 12 Cowles J. U. S. Problems in Asia // Foreign Policy Bulletin. 1956. April 1.
- 13 Public Papers of the Presidents of the United States : Dwight D. Eisenhower, 1953–1960/61. Washington, D.C., 1958–1961, 1957. P. 60–65.
- 14 Hard Job, Good Man // The New York Times. 1957. August 20. P. 3.
- 15 Document 26. The President's News Conference of February 4, 1959 // Public Papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower, 1959. Washington, 1960. P. 26.
- 16 Kaufman B. *Trade and Aid : Eisenhower's Foreign Economic Policy, 1953–1961*. Baltimore and London, 1984. P. 206.
- 17 U. S. Congress. Senate. Mutual Security Act of 1960. Hearings before the Committee on Foreign Relations, 86th Congress, 2nd Session. Washington, D.C., 1960. P. 169.

Образец для цитирования:

Шенин С. Ю. Эволюция американской политики помощи в период президентства Д. Эйзенхауэра // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 356–360. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-356-360>

Cite this article as:

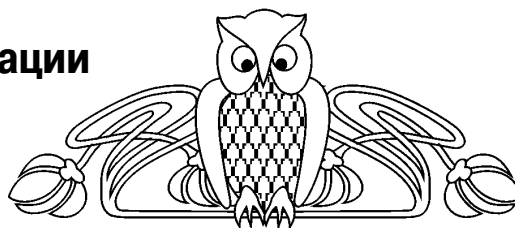
Shenin S. Yu. The American Aid Policy Evolution During D. Eisenhower's Presidency. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 356–360 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-356-360>

УДК 94(497.2)[19/20]+327.5

Процесс евроатлантической интеграции Болгарии в 1990–2000-е годы

Е. С. Корнев

Корнев Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, korenev.es@mail.ru

В статье рассматривается ход реализации политики «открытых дверей» НАТО в отношении Болгарии в 1990–2000-е гг. с учетом происходивших в стране преобразований в социально-экономической и военно-политической сфере, направленных на интеграцию в евроатлантические структуры. Проводится анализ причин, которые вынудили НАТО приступить к переформатированию Восточных Балкан и включению данного субрегиона в свою сферу влияния. Особое внимание уделяется процессу евроатлантической интеграции Болгарии в контексте военно-политической активности Альянса в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: НАТО, Болгария, Балканы, евроатлантическая интеграция.

The Process of Euro-Atlantic Integration of Bulgaria in the 1990–2000s

E. S. Korenev

Evgeny S. Korenev, <https://orcid.org/0000-0002-0299-6652>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, korenev.es@mail.ru

The article examines the progress of the NATO's «open-door» policy's realization towards Bulgaria in the 1990-2000s taking into account the changes in the country in the socio-economic and military-political sphere, which were aimed at the integration into Euro-Atlantic structures. An analysis of the reasons that have forced NATO to begin reformatting of the Eastern Balkans and inclusion this subregion in its sphere of influence is made. Special attention is paid to the consideration of the process of Bulgaria's Euro-Atlantic integration in the context of the Alliance's military-political activity in South-Eastern Europe and the Middle East.

Keywords: NATO, Bulgaria, the Balkans, Euro-Atlantic integration.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-361-365>

В 1990-е гг. Североатлантический альянс начал проводить активную политику «открытых дверей» в отношении государств Балканского полуострова, целью которой являлось установление геополитического доминирования НАТО в регионе. При этом с самого начала реализации интеграционной стратегии Организации Североатлантического договора в Юго-Восточной Европе стало понятно, что процесс сближения постсоциалистических стран с Брюсселем в во-

енно-политической сфере будет идти разными темпами в зависимости от складывавшейся в конкретном государстве ситуации.

Если Словения, вступив в НАТО в 2004 г., стала на тот момент исключением среди всех государств Западных Балкан, находившихся в глубоком социально-экономическом и политическом кризисе, и потому не готовых к членству в Организации, то в восточной части Балканского полуострова уже в самом начале XXI в. оба кандидата на вступление в Североатлантический альянс были практически в одинаковой мере готовы к процессу евроатлантической интеграции. При этом стоит отметить, что Словения все же не являлась главной целью политики «открытых дверей» на Балканах, тогда как Болгария и Румыния в равной степени были значимы для региональной стратегии Североатлантического альянса благодаря своему геополитическому положению и наличию относительно развитой военной инфраструктуры, по сравнению с другими государствами региона.

Нельзя не отметить, что, несмотря на схожий исторический путь, в XX в. оба государства обладали спецификой, с которой НАТО приходилось считаться, особенно на первом этапе их евроатлантической интеграции. Большое влияние на социально-экономическую и политическую обстановку в этих государствах оказали особенности развития режимов Т. Живкова в Болгарии, превратившего свою страну фактически в 16-ю республику СССР, и Н. Чаушеску в Румынии, проводившего достаточно независимую от Москвы политику, предполагавшую в том числе и взаимодействие со странами Запада.

В отличие от республик бывшей Югославии коммунистический режим в Болгарии и Румынии был демонтирован относительно мирно, хотя нельзя назвать проявлением демократии расправу над румынским лидером и его женой и бои между спецподразделениями «Секуритате» и повстанцами в конце декабря 1989 г. в Бухаресте¹. Отсутствие вооруженных конфликтов, формирование политического консенсуса по вопросу о евроатлантической интеграции, относительно высокий уровень одобрения такого внешнеполитического вектора развития страны со стороны населения, predeterminedли характер политики «открытых дверей», реализовывавшейся НАТО в отношении Болгарии и Румынии.

Стоит отметить, что болгарский пример в контексте реализации интеграционного компо-

нента региональной стратегии НАТО на Балканах продемонстрировал возможность включения в Альянс страны со значительной долей населения, занимающей русофильские позиции. В начале 1990-х гг. это казалось нереальным, однако прозападное руководство, пришедшее на смену коммунистам, практически сразу же провозгласило в качестве своего внешнеполитического приоритета движение в сторону НАТО². Таким образом, политическая элита пыталась добиться сближения с ЕС, чтобы повысить уровень социально-экономического развития страны. Североатлантический альянс при реализации этого сценария должен был выполнить функции гаранта безопасности болгарского государства.

Однако для быстрого перехода к политике евроатлантической интеграции страны требовалось подобрать необходимый инструментарий. С точки зрения работы с болгарским общественным мнением, важным шагом стало создание в апреле 1991 г. Атлантического клуба в Болгарии, который присоединился в октябре 1992 г. к Ассоциации Атлантического договора в качестве наблюдателя³. Этот клуб стал площадкой для организации работы с экспертами и населением, направленной на улучшение образа НАТО. Поскольку у Альянса не было большого опыта в реализации проектов в области общественной дипломатии, именно вокруг этой структуры стали формироваться другие неправительственные организации, пропагандировавшие идею евроатлантической интеграции.

Работа с болгарским общественным мнением на тот момент не являлась приоритетом Брюсселя, намного важнее было установить контакт с Софией на официальном уровне. С этой целью 15 ноября 1990 г. министр иностранных дел Болгарии Л. Гоцев посетил штаб-квартиру НАТО, однако его поездка носила в большей степени ознакомительный характер, и серьезных решений в тот момент принято не было. Заложить полноценную основу в отношениях между Брюсселем и Софией удалось уже в следующем году. 12–14 июня 1991 г. состоялся первый визит генерального секретаря Альянса М. Вёрнера в Болгарию, спустя несколько месяцев с ответным визитом в штаб-квартиру НАТО прибыл болгарский президент Ж. Желев. В ходе этих встреч удалось наладить политический диалог, что позволило приступить к развитию контактов между военными.

Вполне предсказуемо, что Болгария, которая в тот момент уже определилась со своим внешнеполитическим вектором, была в числе постсоциалистических государств, воспринимавших с большим энтузиазмом любые инициативы Брюсселя, нацеленные на развитие партнерства в индивидуальном и коллективном формате. Так, 20 декабря 1991 г. страна приняла участие в создании Совета североатлантического сотрудничества, который позволил развивать диалог по

вопросам безопасности между Альянсом и странами Восточной и Юго-Восточной Европы⁴.

Период 1992–1996 гг. ознаменовался визитами представителей военного командования Альянса в Болгарию и ответными визитами болгарских должностных лиц в штаб-квартиру НАТО, в ходе которых обсуждались перспективы практического сотрудничества между Брюсселем и Софией. Важным событием в этом контексте стало присоединение Болгарии к программе «Партнерство ради мира» 14 февраля 1994 г. Теперь Брюссель мог начинать полномасштабный процесс евроатлантической интеграции страны.

Показателем интереса со стороны Североатлантического альянса по отношению к Болгарии стало ее приглашение на первые в рамках программы «Партнерство ради мира» учения «Cooperative Bridge-94», которые были проведены с 12 по 16 сентября 1994 г. в Польше и объединили в общей сложности 13 государств-членов Альянса и стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Поскольку в этот момент НАТО усиленно готовилась к проведению миротворческих операций на Балканах, для Организации чрезвычайно важно было отработать механизм взаимодействия с государствами-партнерами в подобных ситуациях. Для прозападного руководства Болгарии приглашение болгарских военнослужащих на эти учения было своего рода сигналом о правильном направлении движения в вопросе реформирования национальных вооруженных сил.

Оформившийся к середине 1990-х гг. в политической элите консенсус по вопросу евроатлантической интеграции был закреплен благодаря принятию ряда документов программно-идеологического характера. В частности, 17 марта 1997 г. болгарское правительство приняло Национальную программу по подготовке и присоединению Болгарии к Североатлантическому союзу⁵. Чуть ранее 29 января 1997 г. штаб-квартиру НАТО посетил вступивший в должность президента Болгарии П. Стоянов, который заверил руководство Альянса в лице Североатлантического совета в том, что болгарское общество, проголосовав за него на недавних президентских выборах по сути поддержало курс на евроатлантическую интеграцию страны⁶.

Однако нельзя согласиться с подобными оценками, поскольку граждане Болгарии в основном на тот момент относились к идее вступить в НАТО настороженно. Их поддержка кандидатуры П. Стоянова была связана не с желанием быстрее вступить в Альянс, а с недовольством политикой социалистического правительства под руководством Ж. Виденова в 1995–1997-х гг., которая привела к гиперинфляции и развалу экономики.

В это непростое для Болгарии время процесс ее евроатлантической интеграции только набирал обороты. 8 мая 1997 г. была принята

Декларация о национальном согласии, определившая, что вступление в Североатлантический альянс является внешнеполитическим приоритетом Болгарии⁷. Кажется неслучайным, что подобный документ был подписан именно в день, когда страна вместе с Европой отмечала День Победы, это был своего рода символический жест, сигнализирувавший России о том, что Болгария, несмотря на культурно-историческое единство народов, в очередной раз в своей истории готовится перейти в антироссийский лагерь.

Болгарское руководство всерьез рассчитывало получить приглашение вступить в Альянс уже на Мадридском саммите Организации летом 1997 г. Однако этого удостоились только Венгрия, Польша и Чехия. Своего рода ударом по самолюбию болгарских евроатлантистов стал тот факт, что Болгария не была даже формально обозначена в Мадридской декларации в качестве государства достигшего наибольших успехов в развитии демократии и верховенства закона, в документе речь шла только об успехах других кандидатов на членство в Альянсе: Румынии и Словении, а Болгария лишь подразумевалась в списке стран Юго-Восточной Европы⁸.

На наш взгляд, такое решение можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, в тот момент Болгария находилась в состоянии глубокого социально-экономического кризиса и не могла обеспечить необходимый уровень финансирования своих вооруженных сил. Во-вторых, болгарская армия к середине 1990-х гг. деградировала настолько, что реформировать ее по стандартам НАТО в короткие сроки было нельзя. В-третьих, в условиях, когда значительная часть населения страны еще не поддерживала вступление Болгарии в Альянс, требовалось организовать информационно-пропагандистскую работу при помощи прозападных СМИ, для того чтобы повысить уровень поддержки идеи евроатлантической интеграции и создать представление о том, что сами болгары определяют свое будущее.

Очевидно, что в контексте втягивания Альянса в процесс силового разрешения конфликтов на Балканах роль Болгарии в региональной стратегии Организации резко возросла во второй половине 1990-х гг. Особенно важна была болгарская позиция по вопросу о возможной операции НАТО против СРЮ. Содействие со стороны Софии могло существенно снизить финансовые затраты союзников при проведении кампании. В этой связи неслучайной кажется интенсификация политического диалога на высшем уровне. В частности, в 1996–1999-х гг. Болгарию трижды посетил генеральный секретарь НАТО Х. Солана. В ходе его визитов вопросы, связанные с перспективами евроатлантической интеграции страны, обсуждались уже в контексте ее возможного подключения к миротворческим операциям Альянса в регионе. Эти дипломатические усилия Брюсселя

не прошли даром. Болгария приняла решение предоставить свое воздушное пространство для самолетов Альянса.

Находясь на саммите НАТО в Вашингтоне в апреле 1999 г. и, по всей видимости, уже ощущая свою страну членом Организации, болгарский президент П. Стоянов сделал следующее заявление: «В течение двух лет после саммита в Мадриде Болгария доказала, что для нее атлантическая интеграция является главным приоритетом. Принятая концепция национальной безопасности и оборонная доктрина полностью основаны на этом приоритете. Реформа вооруженных сил получила мощный толчок. Здесь я хотел бы категорично заявить: еще до того как стать полноправным членом НАТО, Болгария твердо решила придерживаться принципа атлантической солидарности. Я строго убежден, что превращение таких стран, как Болгария, Словения, Румыния или Македония, в полноправных союзников является основным элементом стратегического успеха НАТО в ЮВЕ»⁹.

Вот как месяцем позже оценил роль Болгарии на Балканах в контексте завершившейся операции «Союзная сила» генеральный секретарь Альянса Х. Солана: «Болгария играет важную роль в совместных усилиях, направленных на то, чтобы положить конец Косовскому кризису и в стимулировании взаимодействия и содействия, нацеленного на создание долгосрочной стабильности в Юго-Восточной Европе. Поддержка и деятельность Болгарии в этих областях высоко оцениваются Альянсом»¹⁰. По сути Х. Солана хотел сказать, что благодаря решению болгарского руководства предоставить воздушный коридор самолетам государств-членов НАТО, эффективность операции против Югославии повысилась, а затраты на ее проведение снизились. Естественно, такой вклад в «общее» дело стал решающим фактором успеха евроатлантической интеграции страны.

Необходимо отметить, что в это время Союз демократических сил вместе с другими правыми партиями, входившими в коалицию «Объединение демократических сил», однозначно определились со своим отношением к вопросу евроатлантической интеграции и к действиям НАТО на Балканах, полностью поддержав их. Логично, что именно эти политические силы стали проводниками интересов Альянса в Болгарии.

В то же время Болгарская социалистическая партия даже к концу 1990-х гг. не выработала окончательной позиции в отношении евроатлантической интеграции. Это было связано с тем, что большинство ее членов негативно относились к Североатлантическому альянсу, однако поражение на парламентских выборах 2001 г. продемонстрировало руководству партии, что не только ее внутривнутриполитическая, но и внешнеполитическая повестка дня не имеют поддержки подавляющей части общества, так как болгар-

ские граждане все больше желали сближения с Брюсселем. Следовательно, БСП должна была адаптироваться к новым реалиям или уйти с политической сцены.

Став президентом в 2002 г., социалист Г. Пырванов в определенной степени попытался дистанцироваться от конкретной работы, направленной на евроатлантическую интеграцию страны, поскольку ему лично такой внешнеполитический вектор развития страны, по всей видимости, все же не нравился, о чем свидетельствуют его более ранние заявления об операции НАТО против Югославии. Однако, действуя конъюнктурно и стараясь сохранить и укрепить свою власть, в условиях, когда позиции евроатлантистов и в парламенте, и в правительстве были слишком сильны, он был вынужден согласиться с подобным внешнеполитическим курсом страны, попытавшись лишь смягчить ответную реакцию со стороны Москвы¹¹.

Североатлантический альянс не был серьезно обеспокоен приходом к власти пророссийски настроенного президента-социалиста, так как БСП вновь проиграла парламентские выборы в 2001 г. и не смогла сформировать правительство. Следовательно, и исполнительная, и законодательная власти по-прежнему практически полностью контролировались убежденными «западниками», что придавало Брюсселю уверенность в успешном завершении кампании по интеграции страны в НАТО. В этих условиях болгарские социалисты были вынуждены изменить свои внешнеполитические ориентиры и, прежде всего, отношение к идее о вступлении в Альянс, чтобы не потерять часть электората, поддерживавшего вступление в ЕС и как следствие в НАТО, поскольку в тот момент даже простые жители благодаря пропаганде прозападных СМИ уже понимали, что интегрироваться в Европейский союз без интеграции в Альянс невозможно.

Участие в миссиях и операциях под эгидой НАТО, несмотря на незначительный размер болгарского воинского контингента, позволяло повысить уровень оперативной совместимости национальной армии с подразделениями государств-членов Альянса. В 1997 г. было принято решение об отправке инженерного и транспортного взводов болгарских вооруженных сил в состав голландского контингента СФОР в Боснию и Герцеговину. В октябре 1999 г. Болгария и Голландия подписали меморандум об участии болгарских военнослужащих в миссии СДК опять же в составе миротворческих подразделений Нидерландов. В 2000 г. было достигнуто соглашение с ФРГ о сотрудничестве миротворческих контингентов в Косово.

После терактов 11 сентября 2001 г. в США болгарское руководство заявило о своей готовности поучаствовать в операции Альянса в Афганистане и в 2002 г. отправило своих военнослужащих

в состав МССБ. Болгария не только поддержала усилия Альянса на афганском направлении, но и приняла участие в Иракской кампании США и их союзников. Еще осенью 2001 г. болгарский парламент разрешил американским войскам использовать транзитный потенциал страны и необходимую для оперативных нужд инфраструктуру. В мае 2003 г. Народное собрание утвердило решение отправить болгарский контингент в Ирак, и уже в августе того же года пехотный батальон в составе 480 военнослужащих прибыл в Кербалу.

В итоге, приняв участие в кампании НАТО в Афганистане, а также оказав содействие Альянсу при проведении операций на Балканах, София продемонстрировала свою полную готовность следовать в фарватере геополитических интересов Североатлантического альянса. На Пражском саммите Альянса в 2002 г. союзники наконец-то решили принять Болгарию в ряды Организации вместе с другими государствами Восточной и Юго-Восточной Европы. К этому времени страна смогла продвинуться в области оборонных реформ и улучшила свое социально-экономическое положение, что способствовало общей внутривнутриполитической стабилизации. При этом кандидатура Болгарии не вызвала серьезных споров среди государств-членов Организации¹², поэтому процесс ратификации протокола о ее присоединении к НАТО в национальных парламентах прошел без эксцессов. В результате Болгария стала полноправным членом Альянса в 2004 г.

Однако на этом процесс реформирования болгарских вооруженных сил не завершился. Численность армии была сокращена наполовину всего за 5–7 лет, а ее техническое перевооружение продолжилось специфическим образом. Новая техника практически не закупалась в связи с отсутствием достаточных средств или же приобретались подержанные образцы вооружения у новых союзников по НАТО, а старая, в основном советская, с молчаливого согласия Брюсселя продавалась в страны, которые умели с ней работать (наиболее ярким эпизодом борьбы Болгарии за рынки сбыта вооружений стали поставки ее техники в Грузию перед Пятидневной войной)¹³. Таким образом, вступив в Североатлантический альянс, Болгария существенным образом ослабила свои национальные вооруженные силы, делегировав все полномочия по обеспечению своей безопасности Брюсселю, который получил право использовать ее территорию на свое усмотрение. Практически сразу после вступления страны в НАТО все ее основные военные объекты (аэродромы «Безмер» и «Граф Игнатев», а также базы ВМФ в Варне и Бургасе) прошли определенную модернизацию в интересах Альянса.

Подводя итог, необходимо отметить, что интеграция Болгарии в евроатлантические структуры позволила НАТО выполнить целый комплекс геополитических задач. Во-первых, Североатлантический альянс укрепил свои позиции на Бал-

канах и в Черноморском регионе, так как после вступления Болгарии и Румынии в Организацию, восточная часть Балканского полуострова попала под полный контроль Альянса. Интеграция этих государств позволила Брюсселю наконец-то создать сухопутный коридор, связавший Турцию и европейских союзников, что по сути помогло НАТО преодолеть географическую разобщенность государств-членов в Европе, которая являлась одной из главных проблем Организации в военно-стратегическом плане с 1950-х гг.

Во-вторых, болгарскую территорию теперь можно было рассматривать в качестве своего рода плацдарма при проведении операций США и НАТО на Ближнем Востоке, а также в случае обострения ситуации на Балканах и использовать болгарские военно-воздушные гавани в качестве аэродромов подскока.

И, наконец, в-третьих, вступление Болгарии в НАТО стало важной идеологической победой Брюсселя. России продемонстрировали, что даже страна со значительной частью русофильского населения может достаточно быстро и беспрепятственно быть интегрирована в евроатлантические структуры. Это обстоятельство имело далеко идущие последствия, так как давало возможность НАТО активизировать свою политику «открытых дверей» на постсоветском пространстве среди тех государств, в которых пророссийские настроения были сильны.

При этом необходимо отметить, что сама Болгария не получила серьезных дивидендов от присоединения к Альянсу. С одной стороны, для нее исчезла угроза втягивания в потенциальные конфликты на Балканах благодаря прикрытию со стороны НАТО. С другой стороны, размещение на болгарской территории объектов военной инфраструктуры Североатлантического альянса, имеющих антироссийскую направленность, превратило автоматически Болгарию в гипотетическую цель для Вооруженных Сил РФ в случае конфликта между Россией и Альянсом. Сам же процесс евроатлантической интеграции в 1990–2000-е гг. обнажил проблему внутривнутриполитической стабильности Болгарии. Конфликт между русофилами и русофобами вышел на новый уровень и до сегодняшнего дня продолжает оказывать серьезное воздействие на выбор внешнеполитических ориентиров болгарской политической элитой даже после вступления в НАТО.

Примечания

- 1 См.: Буга В. Румыния на пути перехода от социализма к капитализму. Основные сдвиги в политической жизни // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы : 20 лет спустя / отв. ред. К. В. Никифоров. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 214–215.
- 2 См.: Валева Е. Л. Евроинтеграция Болгарии : проблемы и перспективы // Революции и реформы... С. 300.
- 3 The Atlantic Club of Bulgaria Associated with the Atlantic Treaty Association (ATA) as an Observer. URL: http://www.nato.int/cps/po/natohq/news_23888.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.03.2017).
- 4 North Atlantic Cooperation Council Statement on Dialogue, Partnership and Cooperation. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23841.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.03.2017).
- 5 България в НАТО – историята в дати. URL: http://bginnato.mfa.bg/bulgariainnato_History.html (дата обращения: 15.03.2017).
- 6 Statement by H. E. Mr. Petar Stoyanov President of Bulgaria to the North Atlantic Council. URL: <http://www.nato.int/docu/speech/1997/s970129b.htm> (дата обращения: 15.03.2017).
- 7 Там же.
- 8 Madrid Declaration on Euro-Atlantic Security and Cooperation issued by the Heads of State and Government at the Meeting of the North Atlantic Council. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25460.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.03.2017).
- 9 Речь, произнесена от Президента Петър Стоянов във Вашингтон на 23 апрел 1999 г., по случай 50-та годишнина на НАТО. URL: <http://www.petarstoyanov.com/bg/speeches/rechi/rech-po-sluchaj-50-godishninata-na-nato-washington> (дата обращения: 15.03.2017).
- 10 NATO in the 21st Century. URL: http://www.nato.int/cps/po/natohq/news_27259.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.03.2017).
- 11 Президент Болгарии подчеркнул, что вступление его страны в НАТО не может быть направлено против России. URL: <https://ria.ru/politics/20020920/229064.html> (дата обращения: 15.03.2017).
- 12 Ivanov L., Atanassova M., Mihaylov N. Building Strategic Partnerships With NATO Member States / Bulgaria for NATO. Sofia. : IRIS, 2002. P. 349.
- 13 См.: Храмчихин А. Румыния и Болгария : армии свалок устаревшей техники. URL: http://rusplt.ru/world/world_10467.html (дата обращения: 15.03.2017).

Образец для цитирования:

Корнев Е. С. Процесс евроатлантической интеграции Болгарии в 1990–2000-е годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 361–365. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-361-365>

Cite this article as:

Korenev E. S. The Process of Euro-Atlantic Integration of Bulgaria in the 1990–2000s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 361–365 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-361-365>

УДК [94:329.3](55+569.1)|20|

«Исламское пробуждение» и «Сирийская весна»

А. В. Баранов

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, baranovav@mail.ru

В статье анализируются основные положения концепции «Исламское пробуждение», ставшей основой внешнеполитической доктрины Ирана в период «Арабской весны». Однако специфика развития событий 2011 г. в Сирии, получивших название «Сирийская весна», которые не вписывались в концепцию «Исламское пробуждение», побудило официальные власти Ирана «доработать» ее.

Ключевые слова: Ближний Восток, Иран, Сирия, «Исламское пробуждение», «Арабская весна», Али Хаменеи, Башар аль-Ассад.

«Islamic Awakening» and «Syrian Spring»

A. V. Baranov

Alexey V. Baranov, <https://orcid.org/0000-0003-3351-9258>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, baranovav@mail.ru

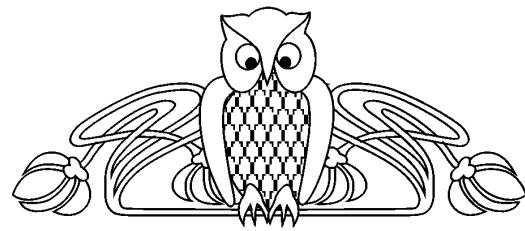
The article analyzes the main provisions of the concept of «Islamic Awakening», which became the basis of the foreign policy doctrine of Iran in the period of «Arab spring». However, given the specifics of the development of events in 2011 in Syria, called the Syrian Spring, which did not fit into the concept of Islamic Awakening, the Iranian authorities were forced to “finalize” it.

Keywords: Middle East, Iran, Egypt, Islamic awakening, Arab Spring, Ali Khamenei, Bashar al-Assad.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-366-369>

События 2011 г. в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки вызвали пристальный интерес в Иране, который расценил свержение режимов в Тунисе и Египте как начало кардинальных перемен на политической карте региона. Претендуя на роль региональной державы, Иран не мог не выступить с альтернативной концепцией и попытаться возглавить происходящие народные движения.

Первое официальное развернутое заявление по событиям в арабском мире в Иране было сделано аятоллой Али Хаменеи на пятничной проповеди в Тегеранском университете 4 февраля 2011 г.¹, когда он заявил, что они являются эхом голоса иранского народа. Фактически в этой проповеди были сформулированы первые положения концепции «Исламское пробуждение», которые стали основой внешнеполитической идеи, объяснявшей и направлявшей действия

Исламской Республики в период так называемой «Арабской весны».

Говоря о событиях в Тунисе и Египте, где были свергнуты правители, десятилетиями узурпировавшие власть, аятолла Хаменеи характеризует эти движения как начало процесса народного освобождения от доминирования в регионе великих держав Запада – Америки и Европы. Именно страны Запада, начиная с колониальной эпохи, стремились сохранить контроль над стратегическим регионом мира, используя широкий спектр мер давления, направленных на недопущение складывания сильных региональных правительств. Запад проводит политику, направленную на сохранение политической раздробленности региона, поддерживая «национальные» движения. Он включил страны региона в мировую экономику, где их экономики должны стать потребителями западных товаров в обмен на поставки энергоресурсов. Страны Запада стремятся сохранить зависимость региона в сфере науки и культуры. Всё вместе поставило страны исламского мира в разряд отсталых государств. И чтобы сохранять страны региона в их нынешнем подчиненном состоянии, Запад будет и дальше насаждать в качестве местных правителей своих марионеток.

Падение режимов Зин аль-Абидина Бен Али в Тунисе и Хосни Мубарака в Египте, по мысли аятоллы Хаменеи, только начало «Пробуждения», которое «можно расценить как знак разочарования со стороны народа»² сложившейся ситуацией в стране и регионе. Виной тому – политика Соединенных Штатов Америки. «Америка – вот корень всех проблем в мире ислама. Сегодня Америка является главной надменной и колониальной державой мира», уверен аятолла. «Присутствие Америки – это самая большая проблема, которая намного важнее всех остальных проблем мира ислама. И эта проблема должна быть решена. Необходимо сбросить Америку с пьедестала»³.

Ближневосточная политика Америки строится на том, чтобы народы региона и власти были разобщены. Такая политика создает пропасть между народом и правительствами. Однако активный выход на политическую арену народа превратил эту политику в неэффективный атрибут власти сверхдержав. «Если правительства поддержат законные требования народов, то ни Америка, ни какая другая великая держава не смогут им навязывать свою волю»⁴, – заявил аятолла Хаменеи.

Охвативший регион процесс «Исламского пробуждения» уже есть свидетельство ослабления доминирования США. Народные восстания должны изменить политический ландшафт региона, избавить его от угнетения со стороны узурпаторов. И в этом отношении в большой опасности должен ощутить себя главный союзник Америки в регионе, которым является сионистский Израиль. По словам аятоллы Хаменеи, «Израиль – это «раковая опухоль» на теле региона». Именно сионистский Израиль является страной, оккупирующей территорию Палестины, лишившей палестинский народ их родины. Израиль проводит политику по подрыву единства арабского и мусульманского мира. Египет – яркий тому пример. Страна, шедшая во времена Гамала Абдель Насера во главе освободительного фронта, «чей флаг антисионизма вдохновлял весь арабский мир, вдруг превратился за один день в символ дружбы Мубарака с сионистами против палестинского народа. Он стал помощником сионистов». Аятолла Хаменеи уверен, что данное отношение Мубарака с Израилем стало одной из причин народного возмущения. «Народ Египта чувствует унижение из-за нынешней поддержки режимом Израйля и слепом подчинении Америке». И поэтому народ сверг режим Мубарака, после которого наступит черед и узурпаторского режима Израйля.

Конечно, присутствие миллионов простых людей на политической сцене было бы невозможно в отсутствие сильной веры, которая объединила бы всех мусульман. И эта вера – ислам. «Враги попытаются представить эти движения (в Тунисе, Египте. – Б. А.) как неисламские», – говорит аятолла Хаменеи, но «это не правильно. Движения определено исламские. Исторический фон Египта подтверждает это. Нынешнее египетское движение подтверждает это. Лозунги, скандируемые людьми, и их активное участие в пятничных молитвах подтверждают это. Следовательно, движение, определено исламское, хотя враги и утверждают обратное»⁵.

Таким образом, проанализировав развитие народных выступлений в Тунисе, Египте, Ливии, Бахрейне и Йемене, аятолла Хаменеи выделил те черты, которые их объединяют. Это лозунги антиамериканизма, антисионизма и возвращения к исламу. С точки зрения аятоллы, движения имеют внутренний источник своего происхождения. Это реакция на ту антинародную и антиисламскую политику, которую проводили национальные власти в этих странах, выстраивавших стратегию развития на основе ориентации на страны Запада, в первую очередь – на отношения с США.

Естественно, исходя из данной характеристики, то, что происходило в Сирии, не вписывалось в общую схему «Исламского пробуждения». Официальные власти Ирана, используя стратегические выкладки Верховного лидера Ис-

ламской революции, осторожно комментировали происходящие в Сирии антиправительственные демонстрации, которые не прекращались, несмотря на попытки властей предпринимать жесткие меры по их пресечению.

Первые официальные комментарии последовали только после выступления Башара аль-Ассада 30 марта 2011 г., когда он заявил, что происходящее в стране – «это заговор» с целью подорвать единство сирийского народа⁶. Тогдашний иранский посол в Дамаске Сейид Ахмад Мусави 31 марта 2011 г. практически повторил сказанное Башаром аль-Ассадом днем ранее. По его словам, развитие ситуации в Сирии – это часть вражеского заговора против независимых региональных стран. И подобными действиями враг пытается подорвать сирийскую безопасность и стабильность, поощряя внутренние заговоры⁷. Ясно, что нити заговора тянутся в Вашингтон. После этого МИД Исламской Республики Иран 18 апреля 2011 г. выступил с официальным заявлением по ситуации в Сирии, в котором говорилось, что Тегеран уверен в способности сирийского правительства пойти навстречу требованиям народа и в возможностях сирийских властей справиться с кризисной ситуацией самим, без внешнего вмешательства. Также в заявлении содержался призыв к американским властям воздержаться от «лживых обвинений и двойных стандартов в оценке событий», что ведет лишь к обострению внутренней обстановки в Сирии⁸.

Именно обострение ситуации внутри и вокруг Сирии в июне 2011 г., когда произошли крупные столкновения в Джиср эш-Шуггур между правительственными и оппозиционными силами, а Франция и США попытались своими заявлениями легитимизировать действия сирийской оппозиции, поддержав требование смещения Башара аль-Ассада с поста президента САР, срок которого истекал лишь в 2014 г.

Аятолла Хаменеи 30 июня 2011 г., в своей речи впервые коснулся ситуации в Сирии⁹. По его мнению, положение в Сирии отличается от других стран региона, где развиваются движения «Исламского пробуждения». Сирийский народ находится на передовой Фронта исламского сопротивления, противостоящего сионистскому Израилю и американской политике гегемонии в регионе. Наряду с Сирией туда входят ливанская Хезбалла и Иран. Природа региональных движений «Исламского пробуждения» имеет антиамериканский и антисионистский подтекст, тогда как в Сирии ясно проглядывает рука США и Сионистского образования, отмечает аятолла Хаменеи. Поэтому именно эти страны заинтересованы в свержении народного правительства Башара аль-Ассада и вывода Сирии из рядов Фронта исламского сопротивления.

На примере Сирии можно видеть попытку реализации Соединенными Штатами одного из

предсказанных ранее сценариев развития событий в странах региона. По словам аятоллы Хаменеи, после потери своих протекторов в ряде стран региона, Америка будет действовать по двум сценариям. Первый можно охарактеризовать как оппортунизм, а второй как симуляцию революционного процесса. Согласно первому сценарию Вашингтон на словах поддерживает произошедшие изменения в странах, а на деле пытается провести свои кандидатуры к власти, тогда как симуляция – это попытка спровоцировать «народные» антиправительственные выступления в таких странах, как Иран или Сирия, где уже осуществляется политика в рамках «Исламского пробуждения»¹⁰.

Прошедшая в Тегеране в сентябре 2011 г. по инициативе Ирана 1-я международная конференция, посвященная феномену «Исламского пробуждения», фактически закрепила основные положения концепции «Исламского пробуждения», сформулированные Верховным лидером ИРИ аятоллой Али Хаменеи. Он обратился к участникам форума с приветственной речью¹¹, в которой дал историческую ретроспективу «Исламского пробуждения», заявив, что идеологически движение уходит своими корнями в историю, которой уже более 150 лет, когда многочисленные интеллектуалы и богословы из Египта, Индии, Ирака и других стран Азии и Африки выступили провозвестниками и пионерами исламского движения. Именно в обращении к исламу, к исламским ценностям, к исламской культуре аятолла вслед за своими предшественниками, видит главную основу в возрождении исламского мира. Поэтому начавшиеся в регионе народные движения смогут праздновать свою победу только когда «будет установлен народный режим на основе религии».

Естественно, продвижение на пути к победе «Исламского пробуждения», по мысли аятоллы Хаменеи, будет не простым. Ситуация может развиваться по трем вариантам. Первый, являющийся наилучшим, с точки зрения аятоллы, связывается с приходом к власти представителей религиозной элиты в лице улама. Второй вариант можно рассматривать как компромиссный. Это установление диктаторских режимов различных оттенков. И третий, самый опасный вариант развития событий – это возвращение марionеточных режимов под прикрытием лозунгов о защите демократии и свободы.

Анализируя возможные препятствия на пути победы движений «Исламского пробуждения», помимо внешнего фактора в лице стран Запада, аятолла выделил еще и внутренний. К нему он отнес тех, кто «поклоняется Америке и Западу», и которые «попытаются, опираясь на поддержку своих покровителей за океаном, изменить основное течение движений в угоду своим кумирам». Поэтому, с точки зрения аятоллы, чтобы противостоять этим вызовам, необходимо

укреплять единство и избегать расколов, тогда как противник с целью ослабления народных правительств «Исламского пробуждения» будет проводить политику поощрения анархии, терроризма и внутренних конфликтов – конфессиональных, национальных и т. д. Параллельно будут использоваться и такие средства давления, как введение экономической блокады и санкций, замораживание национальных активов и запуск в СМИ информационных войн. Главная задача всех этих кампаний – добиться у народа разочарования в их революциях.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Термин «Арабская весна» не устраивал аятоллу Хаменеи по нескольким параметрам. Во-первых, «Арабская весна» характеризует движения исключительно в национальных и светских тонах. По мнению аятоллы, основные лозунги окрашены в религиозные, исламские цвета. Во-вторых, термин «Арабская весна» предполагает заведомую локализацию движения в рамках одного региона, что также не отражает реального положения. Аятолла уверен, что воздействие этого движения выйдет далеко за рамки региона и распространится по всему миру. Он охарактеризовал происходящее как «Исламское пробуждение», которое должно «пробудить» не только исламский мир, но и оказать влияние на весь остальной мир.

Следовательно, основными лозунгами «Исламского пробуждения» будут лозунги антиамериканизма, подразумевающие подрыв американского доминирования в регионе и мире; антисюицизма, который рассматривается как основная проблема исламского мира, угрожающая его безопасности и стабильности, а также лозунг возрождения ислама, в котором в Иране видят залог возрождения исламской уммы на основе независимости, национального достоинства и самоуважения.

Сирийские события 2011 г., таким образом, не вписывались в первоначальную схему «Исламского пробуждения». Потребовалась ее теоретическая доработка, чтобы эти события в нее вписались. Результатом стала идея о «заговоре» внешних и внутренних противников сирийского режима с целью его свержения, чтобы раздробить Фронт исламского сопротивления и не допустить его усиления после победы исламских сил в Египте. В итоге Иран стал ассоциировать себя в качестве стратегического союзника правительства Башара аль-Ассада в Сирии, занявшего передовую линию обороны в противостоянии внешней агрессии со стороны Запада и его союзников в регионе.

Примечания

¹ Friday prayers at Tehran University. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=7774> (дата обращения: 16.11.12).

- ² Supreme Leader Calls on Muslim Nations to End America's Interference URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=7829> (дата обращения: 21.02.2011) ; Leader's Speech to Government Officials. URL: <http://english.khamenei.ir/news/1425/Leader-s-Speech-to-Government-Officials> (дата обращения: 21.02.2011).
- ³ Leader's Address to Participants of International Islamic Unity Conference. URL: <http://english.khamenei.ir/news/1426/Leader-s-Address-to-Participants-of-International-Islamic-Unity> (дата обращения: 20.02.2011).
- ⁴ Leader's Speech to Government Officials. URL: <http://english.khamenei.ir/news/1425/Leader-s-Speech-to-Government-Officials> (дата обращения: 21.02.2011).
- ⁵ Leader's Address to Participants of International Islamic Unity Conference. URL: <http://english.khamenei.ir/news/1426/Leader-s-Address-to-Participants-of-International-Islamic-Unity> (дата обращения: 20.02.2011).
- ⁶ Syria leader dashes hopes of end to emergency rule // Asharq Al-Awsat. 2011. Mar. 31. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syria-leader-dashes-hopes-of-end-to-emergency-rule> (дата обращения: 31.03.2011).
- ⁷ Iran's ambassador : Developments in Syria conspiracy of enemies. URL: <http://english.irib.ir/news/world/west-asia/item/72690-irans-ambassador-developments-in-syria-conspiracy-of-enemies> (дата обращения: 31.03.2011).
- ⁸ Iran : Syrian gov't able to meet nation's demands. URL: <http://isna.ir/en/news/9001-12765/Iran-Syrian-gov-t-able-to-meet-nation-s> (дата обращения: 18.04.2011).
- ⁹ Leader Meets Government Officials. URL: <http://english.khamenei.ir/news/1479/Leader-Meets-Government-Officials> (дата обращения: 30.06.2011).
- ¹⁰ Leader's Public Address in Mashhad. URL: <http://english.khamenei.ir/news/1434/Leader-s-Public-Address-in-Mashhad> (дата обращения: 21.03.2011).
- ¹¹ Head and members of the Experts of Leadership's Assembly. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8557> (дата обращения: 08.09.2011).

Образец для цитирования:

Баранов А. В. «Исламское пробуждение» и «Сирийская весна» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 366–369. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-366-369>

Cite this article as:

Baranov A. V. «Islamic Awakening» and «Syrian Spring». *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 366–369 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-366-369>

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(47)“1905/1917”

Механизм государственного контроля за деятельностью общественных организаций в начале XX века (на материалах Вятской губернии)

Д. А. Калинина

Калинина Дарья Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Волго-Вятский институт (филиал) Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Киров, kalininadarja@mail.ru

В статье рассматривается процесс изменения государственной политики в области контроля за деятельностью общественных объединений. До начала XX в. в государстве проводилась политика запрета всех негосударственных образований. Ситуация меняется в период Первой русской революции, когда российское общество получает комплекс гражданских прав и свобод. Анализируется правовая база, регламентирующая создание и деятельность первых негосударственных организаций. Прослеживается влияние факта появления общественных организаций на изменение государственного механизма путем внедрения новых элементов системы государственного управления на региональном уровне.

Ключевые слова: общественные организации; государственное управление; Российская империя; временные правила об обществах и союзах.

**The Mechanism of State Control over the Activities of Public Organizations
in the Early 20th Century (on the Materials of the Vyatka Province)**

D. A. Kalinina

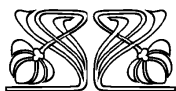
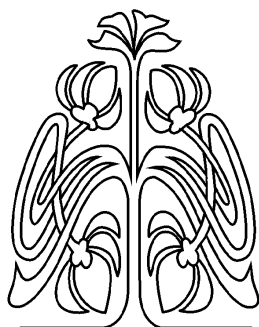
Darya A. Kalinina, <https://orcid.org/0000-0002-6938-7851>, Volgo-Vyatka Institute (branch) O. E. Kutafin Moscow State Law University, 30 Moscow St., Kirov 610000, Kirov region, Russia, kalininadarja@mail.ru

The article examines the process of changing the state policy in the sphere of control over the activities of public associations. Until the early twentieth century the policy of prohibition of all non-state entities was carried out in the state. The situation began to change during the first Russian revolution, when Russian society receives a set of civil rights and freedoms. The analysis of the legal framework regulating the creation and activities of the first non-governmental organizations is given. The influence of the fact of the emergence of public organizations on the change of the state mechanism by creating new elements of the public administration system at the regional level is traced.

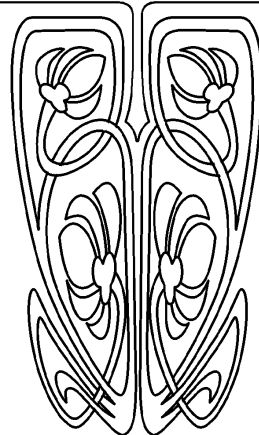
Keywords: public organization; public administration; Russian empire; Temporary rules on societies and unions.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-370-374>

Начало XX в. демонстрирует первый опыт государственной политики в отношении общественных организаций в условиях свободы их образования. До 1905 г. существовал фактический запрет на функционирование негосударственных объединений, который обеспечивался Уставом о благочинии 1782 г., где запрещались все «общества, товарищества и братства и другие собрания», основанные без ведома и согласия органов государственного управления¹. Положения Екатеринбургского Устава были продублированы и расширены в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений². Согласно Уставу запрещались

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

все «общества, товарищества и братства и другие собрания», основанные без ведома и согласия органов государственного управления³.

Существенные изменения в практике создания общественных организаций произошли в период Первой русской революции. Осенью 1905 г. российское общество получило комплекс гражданских прав и свобод. В 1906 г. в Своде основных законов Российской империи было зафиксировано, что «российские подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях не противных законам»⁴.

Процесс образования всевозможных обществ и союзов в полной мере охватил и Вятскую губернию, где в 1906–1907 гг. было зарегистрировано 95 объединений, среди которых значились общества рабочих, сельхозпроизводителей, научные, культурно-просветительские, а также творческие, общества трезвости, благотворительные и попечительские.

Новые политические свободы потребовали от власти создания новых элементов системы государственного управления – городских, губернских или областных по делам об обществах присутствий, во главе которых стояли главы губерний. Подобные учреждения выполняли в определенной местности функции открытия, регистрации, воспрещения и закрытия обществ и союзов, а также наблюдали за работой открытых объединений подданных на предмет законности и соответствия официальным целям общества. По данным журналов Вятского губернского по делам об обществах присутствия, оно слушало заявления лиц, заинтересованных в образовании обществ, и давало определения по поводу открытия и закрытия данных обществ⁵. Вятское губернское об обществах присутствие осуществляло свою деятельность под председательством губернатора. Кроме того, в него входили: вице-губернатор, управляющий казенной палатой, прокурор, непременный член губернского по земским и городским делам присутствия, старший фабричный инспектор, городской голова и член от городской думы. Итогом создания нового органа государственно-правового регулирования отношений между обществами и администрацией можно считать ускорение административных процедур, касающихся регистрации, отчетности и перераспределения ряда функций губернатора, что привело к более детальной проработке взаимоотношений обществ и управленческого аппарата.

Своеобразным фильтром, через который производился отсев обществ и союзов, не отвечающих характеристикам, одобряемым государством, были процедуры открытия и регистрации. Согласно временным правилам негосударственные объединения подданных могли быть образованы или зарегистрированы. Образование как более простая форма открытия предусматривало подачу заявления губернатору. В заявлении указывались цель общества, имена и места житель-

ства его учредителей, территория, на которой будет осуществляться деятельность, способ руководства и порядок его избрания, а также процедура вступления и выхода членов⁶. На основании полученного заявления губернатор в течение двух недель принимал решение о воспрещении или разрешении на открытие. Если по истечении двухнедельного срока общество не получало уведомления о запрете на деятельность, то оно официально считалось открытым. Однако образование путем простой подачи заявления лишало объединение возможности быть активным участником правоотношений. Право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, вступать в обязательственные отношения, а также участвовать в судебных разбирательствах получали только зарегистрированные общества, действующие по утвержденному министерством уставу⁷. Подобным правилом государством вынуждало практически все объединения подданных проходить действовавшую еще до объявления свободы обществ и союзов процедуру рассмотрения и утверждения уставов. Принятие устава и официальная регистрация были обязательны для обществ, имеющих представительства в нескольких губерниях, и для всех союзов. Тем самым правительственным учреждениям удалось избежать хаоса в практике создания и деятельности негосударственных ассоциаций, сохранить контроль над обществом.

В уставах обществ и союзов обязательно присутствовали следующие компоненты:

- 1) «название общества, его цель, район и способы его деятельности;
- 2) имена, отчества, фамилии, звания и места жительства его учредителей;
- 3) порядок вступления и выбытия членов;
- 4) размер членских взносов и порядок уплаты их;
- 5) состав правления, способы его образования и пополнения и предметы его ведения, а также место нахождения;
- 6) время и порядок созыва общего собрания членов и предметы его ведения;
- 7) порядок ведения отчетности;
- 8) порядок изменения устава»⁸.

Губернатор выносил решение о судьбе нового объединения подданных на основе рассмотрения предоставленного заявления, которое заверялось нотариусом, и проекта устава. Губернатор мог отказать в открытии в случае несоответствия положений проекта Устава общества Уставу о предупреждении и пресечении преступлений или противоречия целей объединения интересам государства. Если общество признавалось все же полезным государству, то глава губернии или градоначальник одобрял заявление и рекомендовал утвердить устав общества на министерском уровне. По мере необходимости в проект устава объединения могли вноситься коррективы. Так, переписка⁹ вятского губернатора Ф. Ф. Трепова

с Министерством земледелия и государственных имуществ отражает этапы процедуры утверждения уставов. Переписка касалась вопросов, связанных с утверждением устава и созданием Сарапульского общества охоты и рыбной ловли. Еще 22 декабря 1895 г. губернатору поступил проект устава общества от помощника управляющего Сарапульским уездным округом для предоставления его в Министерство земледелия и государственных имуществ. Далее губернатором были написаны свои предложения министру по поводу изменения проекта устава. Вскоре был получен ответ из министерства: «Есть затруднения к представлению его на утверждение ввиду несоответствия многих параграфов названного проекта с таковыми же параграфами уставов охотничьих обществ, рассмотренных в последнее время»¹⁰; обществу было предложено взять за образец подобный устав и внести в отдельные пункты свои особенные положения. Проект устава переделали и снова отправили в министерство. В итоге устав был утвержден министром в феврале 1899 г. с замечаниями.

При рассмотрении проектов уставов обществ учитывалось соответствие целей общества, район деятельности обществ: «например, в уставах не могут быть допущены такие выражения, как обозначение района деятельности общества словами: “город и его окрестности” или “те губернии, где в этом правление встретит надобность”, или обсуждение цели общества словами “учреждение и развитие новых государственных и общественных начал”, или обсуждение цели общества словами: “и всякими иными способами, соответствующими целям общества” и тому подобное»¹¹.

Проект устава вместе с нотариально заверенным заявлением посылался учредителями общества на имя губернатора, который, в свою очередь, поручал его рассмотрение Губернскому по делам об обществах присутствию. Рассмотрение проектов уставов считалось делом немаловажным и проводилось очень тщательно. В проект устава изменения вносились как на уровне губернатора, так и на уровне министерства, причем учредители общества не имели права возразить и обязаны были внести все коррективы, иначе им отказывали в регистрации. Например, вятский губернатор Ф. Ф. Трепов при рассмотрении проекта устава Малмыжского дома трудолюбия ввел довольно много изменений и дополнений в формулировку параграфов устава: «В § 2 говорится, что лица, неспособные к труду и ленивые, удаляются; к этому следовало бы прибавить “и передаются в распоряжение полиции”. В § 3 необходимо добавить, что не могут быть членами общества нижние воинские чины – “состоящие на действительной военной службе”. Примечание к параграфу 6 Городской Думе предоставлено избирать Почетных Членов обществу. Предоставление этого права вытека-

ет по смыслу параграфа, из того, что Дума является главным учредителем Дома Трудолюбия и желает считаться Почетным Членом, поэтому следовало редактировать параграф так, что Городская Дума сама считается почетным членом учредителем и в таком случае особые почетные члены от нее являются излишними, да и к тому же предоставление ей право избрания почетных членов обществу, помимо последнего, может породить недоразумения или неудовольствие между ними»¹² и т. д.

В связи с такой детальной проработкой устава каждого общества сначала главой губернии, а затем министерством становится понятным, почему многие общественные объединения длительное время ожидали утверждения своего устава. Необходимость такой детальной проработки можно объяснить тем, что уставы должны были быть составлены юридически грамотно и соответствовать определенным «образцам», нормам и правилам, изложенным в российских законах.

После рассмотрения и корректировки проекта устава он утверждался, общество или союз вносились в общий реестр и Губернские по делам об обществах присутствия публично путем статьи в газете уведомляли об открытии нового негосударственного объединения подданных. Установленная система регистрации обществ и союзов создавала достаточно эффективный фильтр, препятствующий появлению объединений, преследующих противозаконные цели и отрицательно влияющих на общественно-политическую жизнь в государстве.

Временные правила об обществах и союзах устанавливали также и два способа ликвидации негосударственных образований: самороспуск и принудительное закрытие по инициативе государственных структур. Как и при открытии, общество, желающее прекратить свою деятельность, подавало заявление на имя губернатора или градоначальника крупнейших городов Российской империи, после чего запись об этом объединении исключалась из общего реестра.

Принудительное закрытие предусматривалось в случае прямого нарушения важнейших статей Временных правил либо уклонения от целей и способов деятельности, заявленных в уставе¹³. Особо осуждались правительственными структурами попытки незаконной и противогосударственной деятельности обществ под прикрытием законных одобренных целей, указанных в уставах. В подобном случае общество подвергалось роспуску, а его учредители – судебному или внесудебному преследованию. Если отступление от положений устава было незначительным, то губернатор, как правило, предлагал скорректировать либо устав, либо действия объединения, чтобы предотвратить его ликвидацию. Отдельно оговаривалось право губернатора или градоначальника собственной властью закрыть общество или союз еще до официальной проце-

дуры принудительного закрытия, когда деятельность общества «угрожает общественной безопасности и спокойствию или принимает явно безнравственное направление»¹⁴.

Государство держало под строгим контролем всю деятельность обществ, оказывая на них подавляющее воздействие. Основным посредником между центральной властью и негосударственными объединениями подданных был губернатор или градоначальник. В зависимости от типа общества глава губернии выполнял различный объем полномочий. В отношении благотворительных обществ и обществ взаимопомощи губернатор обладал более широкими полномочиями, он мог изменять их уставы при соблюдении «Временных правил», даже если они утверждены министерством: «В целях упрощения производства дел об изменении утвержденных ранее издания Временных правил об обществах и союзах уставов обществ благотворительных и взаимной помощи и более однообразного направления этих дел в пределах одной и той же губернии»¹⁵.

На имя губернатора подавалось письменное заявление распорядителями или правлением общества об их избрании и о каждом изменении в составе распорядителей или правления общества¹⁶. Также губернатору сообщалась дата открытия общества. Представляет интерес и тот факт, что один из уездных исправников так спешил сообщить губернатору Ф. Ф. Трепову новость об открытии Яранского дома трудолюбия, что отправил телеграмму. Такой поступок уездного исправника вызвал негодование чиновника. Губернатор посчитал нецелесообразным тратить деньги на телеграмму, так как открытие дома трудолюбия не являлось, по его мнению, таким событием, о котором необходимо уведомлять в срочном порядке. Ф. Ф. Трепов поинтересовался, из каких средств уездный исправник отправил телеграмму; уездный исправник ответил, что «на посылку мною от 08 сего декабря Вашему Превосходительству об открытии в Яранске Дома трудолюбия, а также на ранее посланные телеграммы деньги расходовались из моих собственных средств»¹⁷.

Губернатор принимал «меры к охранению общественного благоустройства»¹⁸, не допускал возникновения противозаконных общественных организаций, кроме того, начальники губернии должны были требовать от чиновников, чтобы те письменно объявляли о том, что они не принадлежат к противозаконным общественным организациям. О том, какие организации и направления являются противоправительственными, губернатору предписывали циркулярные распоряжения МВД. Так, в циркуляре губернатору С. Д. Горчакову от департамента полиции МВД говорится о необходимости своевременного пресечения деятельности с 1905 г. «Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию»¹⁹.

Начальник губернии обладал правом давать разрешения обществам на организацию выста-

вок «за исключением выставок сельских произведений с пособием от казны, а также выставок всероссийских и международных» и съездов «за исключением съездов по делам духовным и церковным»²⁰. Губернаторы также участвовали в распорядительных комитетах по выставкам. Так, Н. М. Клингенберг был в составе распорядительного комитета на выставке годовых жеребят 26–27 августа 1897 г. в Вятке, Малмыже, Уржуме, Глазове, Яранске, Сарапуле и Елабуге Вятской губернии²¹.

В отличие от полномочий в плане организации выставок разрешение на проведение лотерей давалось в Министерстве внутренних дел. Так, Слободское благотворительное общество в своем письме от 2 апреля 1897 г. № 3944 просит ходатайствовать губернатора о разрешении общества устроить лотерею-аллегри с продажей 2000 билетов по 25 коп. за билет. Проводить лотерею общество собиралось с целью улучшения своего материального положения для более качественного содержания приюта для малолетних, ученической столовой и выплаты пособий беднейшим семьям²². Вятский губернатор Н. М. Клингенберг сообщил о данном письме министру внутренних дел, в ответ было получено разрешение провести лотерею, но на сумму 500 руб.

Губернатор контролировал деятельность домов трудолюбия и осуществлял за ней надзор. По материалам донесений за неправомерные деяния членов обществ он мог высылать свои предложения по поводу деятельности и членства определенных людей. Примером служит переписка Ф. Ф. Трепова с Елабужским городским головой по поводу увольнения мастерицы и руководительницы рукодельных работ Елабужского дома трудолюбия Мокшиной. Еще в мае 1894 г. ее предлагал уволить гласный Башкиров за вымогательство денег у других работниц и «недобросовестное отношение к делу»²³. Несмотря на эти доводы, Мокшина осталась работать. Ф. Ф. Трепов ознакомился с этим вопросом и высказал свое мнение. Он написал городскому голове, что считает, что Мокшину необходимо снять с занимаемой должности. Елабужский городской голова в письме от 13 марта 1895 г. написал, что Мокшина отказалась от дальнейшего исполнения своих обязанностей²⁴.

Во время «обозрения губернии» губернаторы должны были обращать внимание на состояние частных благотворительных обществ. Например, в 1894 г. директор хозяйственного департамента МВД просит губернатора Ф. Ф. Трепова представить сведения о деятельности домов трудолюбия для доклада министру внутренних дел с целью «выяснения влияния учреждений подобного рода на уменьшение нищенства в местах существования помянутых заведений»²⁵. Отделом народного здоровья главного управления по делам местного хозяйства был направлен циркуляр к губернатору С. Д. Горчакову, где Министерство просило: «Со-

общить сведения об открытии в порядке нового закона об обществах и союзах, организаций взаимопомощи и благотворительных. В числе последних могут быть общества, поставившие целью своей деятельности оказание помощи пострадавшим от преступных деяний, совершенных с политической целью и их семьям»²⁶.

В связи с тем, что уставы обществ утверждались довольно продолжительное время, Министерство внутренних дел признало возможным предоставить право губернаторам самим давать разрешение на открытие обществ, учреждаемых с «общепольными целями»: «при условии точного соблюдения утвержденных МВД 26 апреля 1905 г. правил... и с тем, чтобы 1) учредителями обществ не являлись исключительно или в большинстве лица иудейского исповедания и 2) чтобы наряду с общепольными целями общества эти не преследовали одновременно и цели прибыли»²⁷.

В целом контроль губернатора или градоначальника над обществами был всеобъемлющим включал в себя наблюдение за занятиями членом общества, рекомендации и распоряжения о корректировке целей, состава, направлений и способов деятельности. В руках главы губернии или города находились все основные рычаги давления на негосударственные общественные образования и в первую очередь право отказать в регистрации или ликвидировать общество на основаниях, предусмотренных законом. Подобная власть губернаторов была инициирована органами центрального управления, проводившими политику сохранения контроля над обществом, получившим большие политические свободы, и поддержания порядка и стабильности в государстве.

Примечания

¹ См.: Устав благочиния или Полицейский : Часть первая : [Утвержден в Санкт-Петербурге апреля 8 дня 1782 года]. СПб., 1782. С. 26.

² См.: Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1876. 96 с.

³ Там же. С. 26.

⁴ Свод основных государственных законов. 1906 г. Ст. 80 // Свод законов Российской империи. Изд-е неофициальное : в 12 т. Т. 1. СПб., 1912. С. 6.

⁵ См.: Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 639. Оп. 1. Д. 102. Л. 1.

⁶ См.: Временные правила об обществах и союзах 1906 г. Ст. 18 // Свод законов Российской империи. Изд-е неофициальное. Т. 14. СПб., 1912. С. 134.

⁷ Там же. Ст. 20. С. 134.

⁸ Там же. Ст. 21. С. 134.

⁹ См.: ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 171. Л. 1–14.

¹⁰ Там же. Л. 5.

¹¹ Циркуляр от 20 октября 1909 г. № 44 // Систематический сборник действующих циркуляров Министерства Внутренних Дел и Вятского губернатора (по 1 апреля 1913 г.). Вятка, 1914. С. 378.

¹² ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 170. Л. 2–4.

¹³ Временные правила об обществах и союзах 1906 г. Ст. 33 // Свод законов Российской империи. Изд-е неофициальное. Т. 14. С. 135.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 134–136.

¹⁶ См.: *Роговин Л. М.* Законы об обществах, союзах и собраниях. С разъяснением Правительствующего Сената и Министерства Внутренних Дел. СПб., 1912. С. 26.

¹⁷ ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 169. Л. 14.

¹⁸ *Роговин Л. М.* Указ. соч. С. 8.

¹⁹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 215. Л. 25.

²⁰ *Роговин Л. М.* Указ. соч. С. 6.

²¹ См.: ГАКО. Ф. 583. Оп. 607. Д. 585. Л. 1.

²² См.: ГАКО. Ф. 582. Оп. 66. Д. 118. Л. 1–3.

²³ ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 179. Л. 5.

²⁴ Там же. Л. 6.

²⁵ ГАКО. Ф. 582. Оп. 40. Д. 64. Л. 1.

²⁶ ГАКО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 94 Л. 1.

²⁷ *Роговин Л. М.* Указ. соч. С. 43.

Образец для цитирования:

Калинина Д. А. Механизм государственного контроля за деятельностью общественных организаций в начале XX века (на материалах Вятской губернии) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 370–374. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-370-374>

Cite this article as:

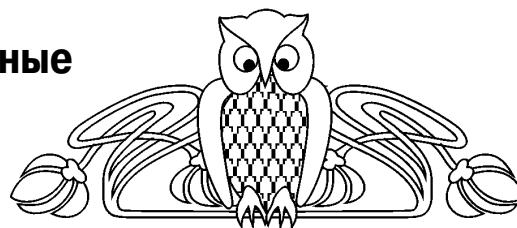
Kalinina D. A. The Mechanism of State Control over the Activities of Public Organizations in the Early 20th Century (on the Materials of the Vyatka Province). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 370–374 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-370-374>

УДК 94 (470) «1914/1918»

Саратовское земство и военнопленные в годы Первой мировой войны

А. А. Фортун

Фортун Алексей Андреевич, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, fortun2017@yandex.ru.

В статье на материалах Саратовской губернии рассматриваются проблемы, связанные с нехваткой рабочих рук в сельскохозяйственном секторе в годы Первой мировой войны. Автор приходит к выводу, согласно которому всеобщие мобилизации более всего затронули именно помещичьи хозяйства губернии. Одним из способов решения проблемы нехватки трудовых ресурсов стало широкое применение труда военнопленных и беженцев. Особое внимание уделяется работе Саратовского земства, в частности, анализируется опыт распределения ограниченного контингента военнопленных по отдельным хозяйствам губернии.

Ключевые слова: Саратовская губерния, земство, Первая мировая война, военнопленные, беженцы.

Saratov Zemstvo and Prisoners of War During World War I

A. A. Fortun

Aleksei A. Fortun, <https://orcid.org/0000-0001-6044-5587>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, fortun2017@yandex.ru

The given article considers problems related to the lack of working hands in agricultural sector of Saratov province during World War I. The author concludes that general mobilization most of all effected landlords' farms of the province. One of the ways to solve the problem of workforce shortage was the wide-spread use of prisoners of war and refugees. Specific emphasis in the article is directed at the activities of Saratov zemstvo, particularly, the experience of the distribution of the limited contingent of prisoners of war in individual households is analyzed.

Keywords: Saratov province, zemstvo (county council), World War I, prisoners of war, refugees.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-375-381>

Изучению института земских учреждений в годы Первой мировой войны посвящен значительный массив отечественной и зарубежной исторической литературы. Следует заметить, что анализ в этих работах строился, как правило, на всероссийском материале с привлечением источниковой базы центральных архивов. Вместе с тем в последние годы наблюдается устойчивая тенденция возрастающего интереса к региональной проблематике, что отразилось в ряде публикаций и диссертационных исследований по периоду 1914–1918 гг.¹ Однако деятельность земств Саратовской губернии в период Первой мировой войны осталась почти неизученной.

Нет ни одного, сколько-нибудь значимого труда, освещающего указанный сюжет. Поэтому заявленная тема представляется актуальной для исследования. Но охватить в рамках одной статьи весь спектр хозяйственных практик Саратовского земства в годы войны не представляется возможным. Целесообразно остановиться на наиболее важных и новых направлениях в работе органов земского самоуправления в условиях военного времени, в частности: всеобъемлющая помощь семьям фронтовиков и обеспечение трудовым ресурсом населения губернии за счет использования труда военнопленных и беженцев.

Для понимания всех коллизий и трудностей, с которыми пришлось столкнуться Саратовскому земству в военное время, следует охарактеризовать общую картину, сложившуюся в губернии в тот период времени. В начале XX в. Саратовская губерния с общей площадью 7,7 млн дес. и населением 3,2 млн чел. (1913) делилась на 10 уездов, располагавшихся в разных природных зонах. В северо-западных уездах преобладали черноземные земли, в юго-восточных – суглинистые и солончаковые². Отсюда большие различия в экономическом развитии этих районов. Урожайность в северо-западных уездах была в 2 раза выше, чем в юго-восточных. Эти районы различались и по соотношению помещичьего землевладения с крестьянским, и по развитию промыслов³.

В экономическом отношении хозяйственный облик Саратовской губернии в начале XX в. определяло земледелие с экстенсивным характером. Саратовский губернатор А. П. Энгельгардт писал по этому поводу следующее: «...Крестьяне Саратовской губернии занимаются исключительно почти земледелием, весь крестьянский бюджет, все крестьянское состояние зиждется на одном земледелии ...»⁴. Действительно, уровень распашки почвы в Саратовской губернии был очень высок – 52,2 %⁵. Преобладающей в структуре землепользования оставалась наделная земля. В отличие от губерний Европейской России, где в среднем на долю крестьян приходилась одна треть удобных земель, крестьяне Саратовской губернии имели в своем распоряжении – 49,2 % удобной земли⁶. По росту посевных площадей Саратовская губерния находилась на втором месте в регионе. За период 1897–1914 гг. посевные площади в губернии возросли на 25,6%⁷.

Начавшаяся Первая мировая война имела самые пагубные последствия для сельского хозяйства не только Саратовской, но и всех поволжских

губерний. Боевые действия начались в самый разгар уборки урожая. Сельскому населению пришлось преодолевать невероятные трудности. Мобилизация сопровождалась оттоком рабочих рук, не прекращавшимся на протяжении всей войны. Только летом 1914 г. в империи было призвано 3,9 млн чел., а до конца года еще 1,2 млн. Всего за годы войны армия поглотила 14,9 млн чел.⁸ По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., Саратовская губерния поставила на фронт 305 360 чел.⁹, что составило 47,3 % всего трудоспособного мужского населения сельских местностей¹⁰. В итоге многие хозяйства остались без мужчин. Однако, несмотря на то, что мобилизация началась в самый разгар полевых работ, остро сказаться на их ходе она еще не могла, и урожай 1914 г. был убран. На первых порах в деревне имели некоторое значение взаимопомощь и содействие семьям призванных на войну со стороны органов земского самоуправления.

Земства Саратовской губернии оказывали помощь семьям призванных в действующую армию в уборке урожая и проведении других сельскохозяйственных работ. Для этого они выделяли специальные ассигнования. К примеру, Камышинское уездное земское собрание ассигновало 50 тыс. руб. на семена и на уборку хлеба для семей военнослужащих¹¹. В то же время Вольское уездное земское собрание в начале 1915 г., кроме ссуды в 17 000 руб. на посев яровых хлебов, распорядилось отпустить в пользование крестьян 108 рядовых сеялок и 120 железных плугов для обработки полей. К тому же управа дополнительно выделила необходимые средства и пригласила 12 учеников из Вольского сельскохозяйственного училища в помощь крестьянам для работы с рядовыми сеялками¹².

Положение усугубляется в 1915 г. В результате очередной мобилизации проблема нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве становится первоочередной. Подтверждением тому может

служить следующий факт. В 1915 г. в Саратовской губернии сложилась парадоксальная ситуация. Урожай хлебов в губернии был более чем удовлетворительный, по сравнению с предыдущим годом (табл. 1). Однако подвоз хлеба к пристаням осуществлялся нерегулярно и медленно. Причиной тому была поздно начавшаяся из-за сильных дождей уборка, но главная заключалась в катастрофической нехватке рабочих рук.

По сведениям официальной статистики, к началу 1915 г. 30 % хозяйств Саратовской губернии остались без мужчин¹⁴. Как верно заметил А. М. Анфимов, изъятие половины лучших работников стало одной из наиболее важных причин, вызвавших глубокое расстройство сельского хозяйства. Затронув крестьян, это изъятие оказало серьезное влияние и на помещичье хозяйство, использовавшее наемный труд¹⁵. Действительно, ближайшим следствием массовых мобилизаций в Саратовской губернии стало прогрессирующее вздорожание цен на рабочие руки, особенно в период полевых работ.

Сведения, приведенные в табл. 2, свидетельствуют о том, что размер заработной платы сельскохозяйственных рабочих за 3 года войны увеличился практически в 3 раза. Как и в губерниях Европейской России, Сибири, в Саратовской губернии наблюдались колебания в оплате труда в зависимости от времени проведения тех или иных сельскохозяйственных работ и урожайности зерновых. Более того, заработанная плата зависела и от условий найма. Быстрее росла заработанная плата именно конных рабочих. В немалой степени тому способствовало и сокращение поголовья рабочего скота вследствие реквизиций волов и лошадей для нужд армии. Так, в крестьянских хозяйствах губернии только за 1914–1915 гг. количество рабочего скота сократилось всего на 8 %, однако именно мобилизация крестьянских лошадей повлекла за со-

Сбор ржи и пшеницы с 1 десятины в Саратовской губернии, пуды¹³

Таблица 1

Губернии	Рожь		Пшеница	
	1914 г.	1915 г.	1914 г.	1915 г.
Пензенская	32	хороший	–	–
Симбирская	48	86	48	58
Саратовская	29	59	24	34
Самарская	31	63	35	51

Таблица 2

Средние цены на рабочие руки в Саратовской губернии в 1913–1916 гг., коп.¹⁶

Годы	Апрель			Июль		
	мужчины	женщины	конные рабочие	мужчины	женщины	конные рабочие
1913	53	29	118	113	74	220
1914	70	34	146	92	56	213
1915	90	44	200	154	85	298
1916	143	64	386	300	175	487

бой стремительное сокращение рабочего скота в частновладельческих хозяйствах, доля которого сократилась на 24,7 %¹⁷. Объясняется это, прежде всего, тем, что крестьянский скот, как правило, служил недорогим резервом тягловой силы.

В свою очередь уменьшение количества рабочих рук в крестьянском хозяйстве, сокращение поголовья рабочего скота и, как следствие, рост цен на рабочие руки неминуемо приводили к сокращению посевных площадей. По сведениям земской статистики, в Саратовской губернии посевные площади яровых хлебов только к осени 1915 г. сократились на 38 тыс. дес., или почти на 20 %¹⁸. Особенно интенсивно сокращение посевных площадей происходило именно в помещичьих хозяйствах, использовавших наемный труд. Так, если в хозяйствах помещиков в 1914 г. под озимыми и яровыми хлебами было занято 288,5 тыс. дес., то уже в 1915 г. площадь этих основных культур сократилась до 264,3 тыс. дес., т. е. на 24,2 тыс. дес., или 8,3 %¹⁹. Если же говорить о крестьянском хозяйстве в целом, то при наличии значительного аграрного перенаселения, имевшего место до войны, отлив рабочей силы из деревни, видимо, не повлек за собой резкого сокращения производства. По сведениям земской статистики за то же время крестьянские посевы в Саратовской губернии сократились незначительно, всего на 3–5 %²⁰. Недостаток рабочей силы в крестьянских хозяйствах компенсировался отчасти за счет внутренних трудовых резервов. В. Т. Китанина совершенно справедливо к числу таковых относила сокращение масштабов отходничества, а также усилившегося применения женского труда в сельском хозяйстве²¹. Однако этого было явно недостаточно.

В создавшихся условиях недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве в известной мере мог быть восполнен трудом военнопленных и беженцев. По подсчетам А. Л. Сидорова, в Российской империи к 1 сентября 1915 г. насчитывалось 553,2 тыс. военнопленных, в том числе в распоряжении Министерства земледелия 326,5 тыс. чел., или 59 % всего их состава²². Правовой статус военнопленных на территории Российской империи определялся «Положением о военнопленных», утвержденным императором в октябре 1914 г. Как верно отмечает И. Б. Белова, положение представляло собой перевод Гаагских конвенций 1907 и 1911 гг. «О законах и обычаях сухопутной войны», включавшей как права и обязанности военнопленных, так и правила их содержания, трудового устройства и перевозки²³. Размещение военнопленных в течение 1914–1915 гг. шло в основном в азиатской части империи. Однако в конце 1915 г. в связи с необходимостью использования военнопленных на сельскохозяйственных работах наблюдалось их перемещение в европейскую часть страны.

«Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» вступили в дей-

ствии 28 февраля 1915 г. Согласно этим «Правилам» сельскохозяйственное производство обслуживалось трудом военнопленных из расчета от 10 тыс. чел. на губернию. Партии военнопленных, насчитывавшие не менее 10 чел., отпускались на трехмесячный срок и более длительное время в распоряжение губернских или уездных земских управ, которым вменялось в обязанность определять условия труда военнопленных, норму выработки, довольствия, размер оплаты, охрану военнопленных и др.²⁴

Вопрос о привлечении военнопленных к сельскохозяйственным работам в пределах Саратовской губернии специально обсуждался в ходе 49-го чрезвычайного заседания Саратовского губернского земского собрания, состоявшегося в феврале 1915 г., на котором выявились некоторые противоречия относительно отдельных пунктов «Правил...». Так, например, особо жаркие прения между гласными разгорелись в ходе обсуждения вопроса о разграничении полномочий между губернским и уездными земствами относительно надзора и организации труда военнопленных в губернии. В частности, граф Д. А. Олсуфьев в категоричной форме настаивал на том, чтобы все функции распределения военнопленных на работы были сосредоточены исключительно в руках губернской управы, а уездным земствам отводилась роль посредников между населением и управой. Мотивировал он это следующим образом: «...Иначе разные управы дадут различные условия; в одном уезде отношение к пленным будет гуманное, в другом земство может отдать их в кабалу, установят каторжный режим»²⁵. Совсем по-другому предлагал решить данную проблему председатель губернской земской управы К. Н. Grimm. Он отмечал, что уездные управы справятся с этим делом куда лучше, поскольку «...стоят ближе к жизни в уезде и знают, каков режим в той или иной экономии»²⁶. Более того, продолжал К. Н. Grimm, нельзя установить для всей губернии и единые нормы заработной платы, так как в каждом уезде существуют свои цены на труд. В итоге собрание постановило одобрить пункты правил, поддержав при этом основные положения, высказанные председателем управы К. Н. Grimmом.

С начала 1915 г. в Военное министерство стали поступать многочисленные запросы о возможности отпуска военнопленных на сельскохозяйственные работы. Согласно установленному порядку заявки от владельцев, поступавшие в уездные и губернскую земские управы, рассматривал губернатор и направлял их в Главное управление Генерального штаба. К концу 1915 г. в «Правила...» в связи с увеличением запросов на военнопленных был внесен ряд изменений, а именно упрощалась сама процедура подачи заявки. Теперь уездные земства получили возможность напрямую обращаться в штаб Казанского военного округа, лишь уведомляя об этом губернатора и Губернскую управу.

Как свидетельствуют архивные материалы, первоначально заявления об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы поступали исключительно от крупных землевладельцев губернии, более других нуждавшихся в рабочих руках. Так, 28 марта 1915 г. саратовский губернатор А. А. Ширинский-Шихматов ходатайствовал перед Главным управлением генерального штаба об отпуске 8184 военнопленных для их распределения в следующем количестве по уездам: Аткарскому – 1278 чел., Балашовскому – 1406 чел., Вольскому – 456 чел., Камышинскому – 500 чел., Кузнецкому – 472 чел., Петровскому – 1500 чел., Саратовскому – 300 чел., Сердобскому – 1716 чел., Хвалынскому – 270 чел.²⁷ Большая часть военнопленных из этой партии была распределена между хозяевами крупных имений. Подтверждением тому служит и сообщение Хвалынской уездной земской управы от 15 апреля 1915 г., поданной на имя председателя губернской управы К. Н. Грима. Согласно этой отчетной записке прибывшие в уезд военнопленные в количестве 270 чел. были распределены для сельскохозяйственных работ следующим образом: в имение графа О. Л. Медем – 100 чел., в имение графа И. И. Воронцова-Дашкова – 25 чел., в имение Г. Г. Евреинова – 10 чел., на хутор М. В. Тушкина – 5 чел., хутор П. М. Короткова – 6 чел. и хутор З. К. Пудовичкина – 5 чел. Остальные военнопленные из этой партии в коли-

честве 58 чел. были оставлены для земских работ и 60 чел. были сданы в распоряжение Хвалынского уездного начальника с формулировкой «...как излишне оставшиеся»²⁸.

Крестьяне проявили интерес к труду военнопленных не сразу, однако когда весенняя мобилизация 1915 г. «поглотила» очередную долю мужского населения, как отмечал корреспондент Балашовской земской газеты, «...прошения об отпуске военнопленных в крестьянские хозяйства посыпались сотнями»²⁹.

Распределением ограниченного контингента военнопленных на сельскохозяйственные работы в Саратовской губернии занимались уездные управы. Если соотнести количество военнопленных и беженцев с размерами частновладельческих хозяйств, то несомненное преимущество в использовании принудительного труда принадлежало крупным помещичьим латифундиям. Что касается крестьянского сектора, то здесь труд военнопленных играл ничтожную роль, обслуживая в основном нужды кулацких хозяйств в южных уездах губернии, в частности Камышинского и Царицынского. Сравнительная обеспеченность помещичьих и крестьянских хозяйств собственной и наемной рабочей силой убедительно вырисовывается из сопоставления сведений, приведенных А. Н. Хрящевым по Саратовской губернии за 1917 г. (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о распределении военнопленных и беженцев в Саратовской губернии в 1917 году, чел.³⁰

Район	У крестьян		У частных владельцев	
	из 1000 работников, занятых в земледелии, своих и наемных приходится		из 1000 рабочих и служащих приходится	
	военнопленные	беженцы	военнопленные	беженцы
Саратовская губерния	11	4	155	60

В то же время, следуя вышеуказанным «Правилам ...», уездные управы были вынуждены часто отказывать крестьянам в предоставлении военнопленных в силу объективных на то причин. Во-первых, потому что их не хватало. Так, например, в Балашовском уезде в апреле 1915 г. на сельскохозяйственных работах находились 4300 военнопленных, а требовалось еще 4850 чел. Между тем к этому времени весь свободный запас трудоспособных пленных был исчерпан и, несмотря на многочисленные телеграфные ходатайства в губернское земство, губернатору и штаб Казанского военного округа получить желаемое количество пленных не удалось³¹. В итоге в адрес уездных управ поступали нарекания со стороны крестьянского населения. Более того, очень скоро крестьяне перешли от слов к делу. В ряде уездов в 1915 г. были зафиксированы случаи, когда крестьяне самовольно уводили военнопленных от уполномоченных и только потом объявляли о них. При раздаче партии военнопленных в Камышинском уезде одному помещику предназначалось отпустить

100 чел., однако крестьяне еще ночью самовольно разобрали пленных, оставив помещику лишь 40 чел.³² Во-вторых, требуя по одному–два человека, крестьяне не могли гарантировать охрану военнопленных, из-за чего в губернии участились случаи побегов. В-третьих, не менее веской причиной для отказа служило и то, что крестьяне часто были не в состоянии содержать пленного.

Действительно, согласно установленным «Правилам...» размер заработанной платы в большинстве уездов Саратовской губернии был фиксированным и составлял 6 руб. в месяц. При этом 3 руб. отчислялось на личный счет военнопленного, остальная сумма расходовалась на покрытие затрат, связанных с его содержанием. Однако ввиду того, что большая часть военнопленных прибывали в губернию в достаточно плачевном состоянии, имея при себе только одну пару белья, это ложилось тяжелым бременем на земские финансы. В связи с этим дабы уменьшить давление на земский бюджет, уездные управы полностью переложили содержание военнопленных на население. Так, Аткарская

уездная земская управа 20 августа 1915 г. распорядилась, чтобы работодатели платили в управу за каждого военнопленного, находящегося на сельскохозяйственных работах, не по 3 руб., а по 1 руб. в месяц. За недополучаемую сумму в размере 2 руб. работодатели обязывались снабжать военнопленных одеждой, бельем и обувью³³. В итоге, если большая часть землевладельцев выполняли это распоряжение, то, что касается кре-

стьян, особенно солдаток, учитывая дороговизну одежды и обуви, сделать этого они были не в состоянии.

Сколько всего находилось военнопленных на сельскохозяйственных работах в Саратовской губернии? Ответить на этот вопрос достаточно сложно ввиду того, что в течение года число военнопленных постоянно варьировалось, возрастая в посевную и уборочную и убывая зимой (табл. 4).

Таблица 4
Сведения о военнопленных, находившихся на сельскохозяйственных работах в Саратовской губернии по уездам в 1915–1916 гг.³⁴

Уезды	Апрель 1915 г.	Октябрь 1916 г.	Декабрь 1916 г.
Аткарский	1228	4116	3900
Балашовский	966	6540	6943
Вольский	456	1476	1272
Камышинский	500	4297	3290
Кузнецкий	472	1326	1327
Саратовский	600	2118	1504
Сердобский	1716	3114	2603
Петровский	1500	2722	1905
Хвалынский	270	1733	1566
Царицынский	61	821	582
Всего	7769	28263	24892

Данные, приведенные в табл. 4, свидетельствуют о том, что с апреля 1915 г. по октябрь 1916 г. доля военнопленных, занятых в сельском хозяйстве Саратовской губернии, увеличилась практически в 3 раза, что было связано с потребностями отдельных хозяйств Саратовской губернии. Тому способствовали и события на театре военных действий, давшие необходимое количество пленных. Вместе с тем с октября по декабрь 1916 г. наблюдается стремительное сокращение количества военнопленных как по губернии в целом, так и по отдельным уездам в частности. Связано это было, прежде всего, с распоряжением министра земледелия от 22 сентября 1916 г. «О снятии 30 % военнопленных с сельскохозяйственных работ в крестьянских хозяйствах для участия их в производстве на горнопромышленных предприятиях», по причине снижения темпов промышленного производства³⁵.

В этих условиях 7 октября 1916 г. состоялось специальное совещание председателей земских управ при участии Саратовского губернатора С. Д. Тверского. После недолгого обмена мнениями участники совещания единогласно признали, что претворение в жизнь этого указа грозит полной дестабилизацией в сельскохозяйственном производстве Саратовской губернии. В частности, в протоколе совещания подчеркивалось: «...Снятие военнопленных с крестьянских хозяйств выразится в уменьшении в губернии рабочей силы пленных не на 30 %, а на 60 %; притом же снятие военнопленных только с од-

них крестьянских хозяйств выразит неминуемое раздражение последних частными владельцами»³⁶. Итогом работы совещания стало составление ходатайства на имя министров военного, внутренних дел и земледелия об отсрочке снятия военнопленных с сельскохозяйственных работ в Саратовской губернии³⁷.

К большому разочарованию саратовских земцев отправленное ходатайство успеха не имело. 12 октября 1916 г. из телеграммы начальника Главного управления Генерального штаба Саратовскому губернатору стало известно, что «...означенное снятие с работ военнопленных производится согласно постановлению Совета министров, коим признано ныне необходимым, придти на помощь государственной обороне, ввиду чего отменить означенное распоряжение не представляется возможным»³⁸.

Однако, несмотря на указание губернатора исполнить требования имперской администрации, многие уездные земства, сообразуясь с реальными потребностями населения, стали откровенно саботировать их. Так, председатель Сердобской уездной земской управы И. С. Богданов 15 октября 1916 г. телеграфировал в Губернскую управу следующее: «...Ввиду установившейся хорошей погоды началась усиленная уборка хлебов; снятие пленных в данное время, по мнению управы, не представляется возможным, более того это грозит большими бедствиями для уезда»³⁹. Саратовской уездной земской управе удалось с большим трудом снять 118 военнопленных с крестьянских

хозяйств, что составило от общего количества находившихся в уезде военнопленных всего 5 %⁴⁰. Не имело особого результата и предложение губернатора, применять силы полиции при снятии военнопленных.

В итоге, по многочисленным просьбам уездных земств, в конце декабря 1916 г. действие указа о снятии военнопленных с сельскохозяйственных работ было приостановлено. Однако снятые с крестьянских хозяйств военнопленные возвращены обратно не были. В то же время военное ведомство прекратило отпускать военнопленных на сельскохозяйственные работы, поэтому землевладельцы стали более заинтересованы в использовании дешевого труда беженцев.

В конце 1916 г. в Саратовской губернии было размещено до 142 064 беженцев⁴¹. Инициатором привлечения беженцев к полевым работам выступила, по-видимому, Балашовская уездная земская управа. Именно в этом уезде недостаток рабочих рук был особенно ощутим. К 1915 г. на территории Балашовского уезда находились 13 600 беженцев, работоспособных из которых насчитывалось 6000 чел.⁴² На первых порах беженцы уклонялись от работ. Однако при бюджетном дефиците найти деньги на их обеспечение становилось все труднее. Весной 1916 г. денежный паек беженцев был урезан с 12 до 6 руб. в месяц на человека. Трудоспособные лица должны были теперь обеспечить себя личным трудом. Земцы Саратовской губернии выпустили специальное «Воззвание к беженцам Саратовской и Астраханской губерний», целью которого было показать всю преступность уклонения от работ, предлагаемых земствами⁴³. Однако это мера не принесла желаемых результатов, беженцы по-прежнему проявляли пассивность к сельскохозяйственным работам.

Тогда большинство уездных управ высказались за введение жестких мер, а именно принуждение всех трудоспособных беженцев к работам путем лишения их пайка. В итоге к 1 июля 1916 г. на сельскохозяйственных работах по всей губернии трудились до 36364 чел. беженцев обоего пола⁴⁴. С точки зрения экономической эффективности труд беженцев был малопродуктивным. Свидетельствуют об этом многочисленные отзывы местного населения. Так, председатель Царицынской уездной земской управы в своем

отчете за 1916 г. отмечал, что «...труд беженцев нельзя признать удовлетворительным и лишь нужда в рабочих руках заставляет население брать на работы последних»⁴⁵. Главной причиной, по которой беженцы неохотно шли на работы, было желание получать заработанную плату наравне со всеми. Действительно заработная плата беженцев колебалась от 20 коп. до 1 руб. в день, что было ниже на 25 % платы наемных рабочих и военнопленных⁴⁶. Поэтому большинство беженцев предпочитали отлынивать от тяжелого сельскохозяйственного труда. На 1 июля 1916 г. в Саратовской губернии таких было зарегистрировано 1839 чел. обоего пола⁴⁷. Как следствие, попытка земства восполнить недостаток рабочих рук в губернии путем привлечения к сельскохозяйственным работам военнопленных и беженцев окончилась фактически безрезультатно. Подтверждается это, прежде всего, очередным сокращением посевных площадей (табл. 5).

Таким образом, необходимо констатировать следующее. Начавшаяся Первая мировая война, сопровождавшаяся массовыми мобилизациями, обострила проблему нехватки рабочих рук на селе. Крестьянские хозяйства, середняцкие и зажиточные, как показал анализ многочисленных статистических материалов, в течение 1914–1916 гг. не испытывали серьезных затруднений с недостатком рабочей силы. Видимо, в Саратовской губернии, как и в других регионах империи, положительную роль в этом сыграло аграрное перенаселение. Более всего мобилизация затронула именно помещичьи хозяйства, целиком базировавшиеся на применении наемного труда. С фатальной неизбежностью возникла необходимость обеспечить трудовыми элементами основных производителей товарного хлеба в стране, за счет использования труда военнопленных и беженцев. Ведущую роль в решении этой ключевой проблемы возложили на органы земского самоуправления, но ввиду того, что земства изначально были поставлены в жесткие рамки «Правил...», разработанных государством, они фактически превращались в посредников между населением, военным ведомством и Министерством земледелия. Следовательно, удовлетворить многочисленные запросы, поступавшие в уездные управы со стороны беднейших слоев деревни, они были не в состоянии. Но не потому, что их политика,

Таблица 5
Сокращение посевных площадей в Саратовской губернии в 1914–1916 гг., тыс. дес.⁴⁸

Зерновые культуры	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Рожь	963	998	865
Пшеница	1064	1075	834
Овес	353	327	300
Прочие культуры	607	549	490
Всего	2,937	2,949	2,400

по мнению советской историографии, «... но-сила ярко выраженный классовый характер», а в силу особенностей составленных «Правил...». Однако, несмотря на то, что большая часть военнопленных и беженцев направлялись в хозяйства частных владельцев, решить проблему нехватки рабочих рук земством не удалось, что выразилось в массовом сокращении посевных площадей и, как следствие, нарастании кризисных явлений в сельскохозяйственном секторе губернии.

Примечания

- 1 См.: Рыбков А. Г., Фетисов П. Л. Деятельность Пензенского земства в годы Первой мировой войны // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 1. С. 124–127.
- 2 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 421. Оп. 1. Д. 3395. Л. 9–10.
- 3 См.: Морозова Е. Н. Саратовское земство. 1866–1890 / под ред. Н. М. Пирумовой. Саратов, 1991. С. 11.
- 4 Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности : в 58 т. Т. 37 : Саратовская губерния. СПб., 1904. С. 30.
- 5 См.: Ульянов А. Е. Структура крестьянских посевов в Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3 (13). С. 124.
- 6 См.: Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917). Саратов, 1982. С. 34.
- 7 Там же. С. 35.
- 8 См.: Земское самоуправление в России, 1864–1918 гг. : в 2 кн. / под ред. Н. Г. Королева. М., 2005. Кн. 2. С. 267–268.
- 9 См.: Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. М., 1923. С. 105–106.
- 10 См.: Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. С. 86.
- 11 См.: Сельскохозяйственный листок Камышинского уездного земства 1914. № 8. Л. 11.
- 12 См.: Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1915. № 23. Л. 16–17.
- 13 См.: Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 15 февр. 1916. № 4. С. 43–44.
- 14 См.: Кабытов П. С. Указ. соч. С. 132.
- 15 См.: Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917 г.). М., 1962. С. 92.
- 16 См.: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 439. Л. 71–72.
- 17 См.: Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1915. № 23. 1 дек. Л. 5–6.
- 18 См.: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 439. Л. 70–70 об.
- 19 См.: Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1915. № 1. 1 янв. Л. 8.
- 20 Там же.
- 21 См.: Китанина В. Т. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России 1914 – октябрь 1917 гг.). Л., 1985. С. 49–50.
- 22 См.: Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 451.
- 23 См.: Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция 1914 – февраль 1917 г. / под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2011. С. 120.
- 24 См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10063. Л. 54–55.
- 25 Журнал 49 очередного Саратовского губернского земского собрания, сессии 1914 г. Саратов, 1915. С. 48.
- 26 Там же. С. 48–49.
- 27 См.: ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3674. Л. 30–30 об.
- 28 Там же. Л. 106.
- 29 Сельскохозяйственный листок Балашовского уездного земства. 1915. № 8. 17 июля. Л. 8.
- 30 См.: Хрящева А. Н. Крестьянство в войне и революции (статистико-экономические очерки). М., 1921. С. 25–26.
- 31 См.: Сельскохозяйственный листок Балашовского уездного земства. 1915. 17 июля.
- 32 Там же. Л. 9.
- 33 См.: ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3674. Л. 543.
- 34 См.: ГАСО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 10063. Л. 538, 556. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3674. Л. 30–31.
- 35 См.: ГАСО, Ф. 5. Оп. 1. Д. 10063. Л. 578.
- 36 Там же. Л. 588–588 об.
- 37 См.: Там же. Л. 589.
- 38 Там же. Л. 596.
- 39 Там же. Л. 613.
- 40 Там же. Л. 669.
- 41 См.: Максимов Е. К., Тотфалушин В. П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны : учеб. пособ. к курсу «История Саратовского Поволжья» Саратов, 2007. С. 40.
- 42 См.: Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1915. 1 янв.
- 43 См.: Максимов Е. К., Тотфалушин В. П. Указ. соч. С. 45.
- 44 ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11654. Л. 248.
- 45 Там же. Л. 133.
- 46 Там же. Л. 190.
- 47 Там же. Л. 249.
- 48 См.: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 439. Л. 70–71.

Образец для цитирования:

Фортун А. А. Саратовское земство и военнопленные в годы Первой мировой войны // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 375–381. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-375-381>

Cite this article as:

Fortun A. A. Saratov Zemstvo and Prisoners of War During World War I. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 375–381 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-375-381>

УДК 94(479,44) 11921/19281

Кустарно-ремесленная промышленность Саратовской губернии в годы НЭПа

В. А. Чолахян

Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vcholakhyan@yandex.ru

Настоящая публикация представляет собой исследование на региональном уровне проблем развития кустарно-ремесленной промышленности в годы НЭПа. На материалах истории Саратовской губернии исследуются характер и особенности кустарно-ремесленной промышленности, анализируются истоки и факторы её эволюции. На основе архивных материалов раскрывается многообразие хозяйственных укладов и их известная преемственность с дореволюционной экономикой региона.

Ключевые слова: кустари, промыслы, частная промышленность, кооперация, НЭП.

Handicraft Industry of the Saratov Province in the Years of the NEP

V. A. Cholakhian

Vachagan A. Cholakhyan, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, vcholakhyan@yandex.ru

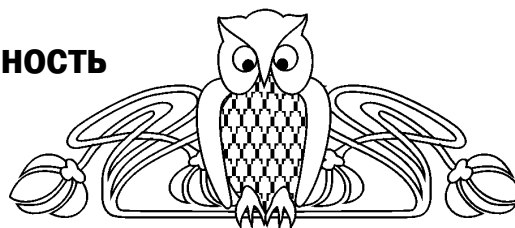
This publication is a study at the regional level of the problems of development of handicraft industry in the years of NEP. On the materials of history of the Saratov province the nature and features of private and handicraft industry are investigated, the sources and factors of its evolution are analyzed. The author on the basis of archival materials reveals the variety of economic structures and their known continuity with the pre-revolutionary economy of the region.

Keywords: handicrafts, private industry, cooperation, NEP.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-382-386>

В экономическом отношении Саратовское Поволжье в начале 1920-х гг. представляло собой ярко выраженный аграрный регион с низким уровнем развития промышленности. Основными её отраслями являлись предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, цементная и деревообрабатывающая промышленность. Более 85 % предприятий Саратовской губернии были заняты обработкой продукции сельского хозяйства и животноводства, а на долю остальных приходилось всего 15 %¹.

По своему экономическому содержанию НЭП, хотя и выглядел на практике как политика быстрого реагирования на возникавшие и усугублявшиеся кризисы, несомненно, представлял собой систему серьезных реформ, способствовавших восстановлению промышленности.

Новая экономическая политика выдвинула необходимость более точного распределения предприятий по отдельным хозяйственным организациям на основании строго определённых производственных признаков, а именно: значения предприятий для государства в целом в обслуживании важнейших нужд – транспорта, обороны, снабжения орудиями производства, экспорта и т. п. как в общегосударственном, так и в более узком, губернском и местном масштабах. Так создавались предприятия государственного и негосударственного значения. Первые подразделились на предприятия общегосударственного, т. е. общесоюзного значения, республиканского и местного подчинения, а вторые составляли кооперативную, кустарно-ремесленную (не объединённую) и частную промышленность.

Значительное место в экономике страны занимала частная и кустарно-ремесленная промышленность. В 1922/23 г. население страны потребило изделий частной промышленности на 400 млн довоенных рублей, что составляло около 35 % общей стоимости потребленной товарной массы. Развитие промысловой деятельности в Саратовской губернии было обусловлено слабым развитием фабрично-заводской промышленности, наличием местного сырья, а также растущим спросом населения на недорогие товары первой необходимости. По данным Саратовского Губфинотдела, на 1 октября 1924 г. по губернии частной промышленностью было выбрано патентов на первое полугодие 1924/25 хозяйственного года на 3967 заведений с общим оборотом на полугодие в сумме 6144860 черв. руб.²

Частная промышленность на 2/3 была направлена на переработку местного сельскохозяйственного сырья (табл. 1). Общий оборот (стоимость продукции) промышленности ГСНХ за 1923/24 г. составил 17 841 000 черв. руб., а оборот частной промышленности – 12 000 000 черв. руб. В частной промышленности средний размер оборота составлял 3100 руб. на предприятие, в то время как в государственной промышленности – свыше 130 тыс. руб.⁴ Основную массу частных предприятий (почти 80%) составляли мастерские с числом рабочих до 3-х чел., что подтверждается данными табл. 2.

Роль частных предприятий была более заметной в мельничном, кожевенном и маслобойном производствах. Сопоставление степени обслуживаемости населения частной и государственной промышленностью отражено в табл. 3.

Таблица 1

Состояние частной промышленности Саратовской губернии в 1924 г.³

Предприятия	Мельницы	Дранки	Маслобойки	Кожевенные заводы	Разные	Всего
Количество	1486	330	432	338	1381	3972
Оборот, руб.	1 924 437	283 480	447 075	1 005 800	2 454 058	6 114 850

Таблица 2

Распределение частной промышленности Саратовской губернии по разрядам налогообложения в 1924 г.⁵

Количество предприятий	1 разряд	2 разряд	3 разряд	4–12 разряды	Всего
	3164	93	664	52	
Оборот	3590219 руб.	472708 руб.	1518079 руб.	533854 руб.	6114860 руб.
% к количеству	79,7	2,3	16,7	1,3	100
% к обороту	58,7	7,7	24,8	8,8	100

Примечание. 1 разряд – до 3 рабочих; 2 разряд – от 3 до 6 рабочих; 3 разряд – от 6 до 12 рабочих; 4–12 разряды – от 12 рабочих и выше.

Таблица 3

Выпуск продукции в Саратовской губернии в 1924 г., %⁶

Виды производства	Государственные и кооперативные предприятия	Частные предприятия
Мельничное	36	64
Маслобойное	88	12
Кожевенное	50	50

На губернском рынке частная промышленность становилась серьезным конкурентом государственным и кооперативным предприятиям, поскольку почти полностью обеспечивала сельского потребителя благодаря низким ценам своих товаров. Продукция государственной промышленности обслуживала главным образом города губернии и вывозилась за её пределы. Её качество было значительно лучше, чем на частных предприятиях, а цена соответственно выше на 10–30 %⁷.

Как свидетельствуют данные табл. 4, частные предприятия располагались неравномерно по территории губернии. Больше всего их находилось в Кузнецком уезде (16,1 %), а меньше всего – в Саратовском (2 %). По характеру производства частные предприятия распределялись следующим образом: наибольшее число мельниц приходилось на Балашовский уезд, маслобойная отрасль была сосредоточена в Кузнецком и Петровском уездах, а кожевенная – в Вольском, Кузнецком и Петровском уездах.

Таблица 4

Распределение частной промышленности по территории Саратовской губернии в 1924 г., %⁸

Род предприятий	Аткарк с уездом	Балашов с уездом	Вольск с уездом	Кузнецк с уездом	Камышин с уездом	Новоузенск с уездом	Петровск с уездом	Город Саратов	Саратовский уезд	Сердобский уезд	Итого по губернии
Мельницы	112	292	166	205	186	123	153	–	55	194	1486
%	7,5	19,7	11,2	13,8	12,5	8,3	10,3	–	3,7	13,0	100,0
Дранки	38	41	12	60	–	2	102	–	5	70	330
%	11,5	12,4	3,6	18,2	–	0,6	30,9	–	1,5	21,3	100,0
Маслобойни	35	34	68	114	–	–	117	–	13	51	432
%	8,1	7,9	15,7	26,4	–	–	27,1	–	3,0	11,8	100,0
Кожзаводы	–	1	150	115	2	1	44	4	–	21	338
%	–	0,3	44,4	34,0	0,6	0,3	13,0	1,2	–	6,2	100,0
Разные	124	111	132	140	29	13	18	436	8	208	1381
%	9,0	8,0	9,6	10,1	2,1	0,9	13,0	31,6	0,6	15,1	100,0
Итого	309	479	528	634	217	139	596	440	81	544	3967
%	7,8	12,1	13,0	16,1	5,5	3,5	15,0	11,2	2,0	13,8	100,0

За 1923/24 хозяйственный год, по данным губернского финансового отдела, количество частных предприятий сократилось на 7 %, но го-

довой оборот при этом увеличился на 13 %, что свидетельствовало о некоторой концентрации производства⁹.

В хозяйственной жизни Саратовской губернии существенную роль играла и кустарно-ремесленная промышленность, обеспечивавшая деревню протмтоварами и способствовавшая сокращению безработицы в городах. В дореволюционное время в губернии насчитывалось

33 864 хозяйств, охватывавших 53 736 кустарей с годовым производством 9550,11 руб.¹⁰ По данным Губстатбюро за 1924 г., число хозяйств составляло 28 874, а кустарей – 32 886 чел., распределённых по следующим отраслям производства (табл. 5).

Таблица 5
Состояние кустарно-ремесленной промышленности Саратовской губернии в 1924 г.¹¹

Наименование производства	Число хозяйств	Число кустарей
Добыча и обработка камней, земли и глины	742	779
Обработка растительных и животных волокон	3267	4018
металлов	3307	3674
дерева	2632	2912
кожи	7791	8782
Производство пищевых продуктов	3722	4798
одежды	3732	4049
Строительные материалы	3649	3837
Прочие производства	32	37

Таким образом, по числу хозяйств и занятых кустарей в регионе преобладали отрасли по обработке кожи, производству пищевых продуктов, одежды и строительных материалов. Если сравнивать объемы производства кустарной промышленности в рассматриваемый период с объемом дореволюционного периода, то следует отметить, что обработка металлов, кожи и производство одежды остались примерно на том же уровне; обработка растительных и животных волокон, а также дерева значительно упала (более чем втрое), что объясняется недостатком сырья и широкого спроса на эти изделия.

Большинство занятых в мелкой промышленности составляли кустари-одиночки и ремесленники. На 1 октября 1925 г. в Саратовской губернии насчитывалось 26 389 зарегистрированных мелких промышленных заведений, в которых трудились 33 117 чел., т. е. 2/3 от общего числа занятых в них лиц составляли одиночки. Наемных рабочих насчитывалось 1173 чел., что составляло всего 3,5% от общего числа занятых лиц¹².

В 1925 г. валовая продукция всей сельской мелкой (неценовой) и кустарно-ремесленной промышленности 9 уездов Саратовской губернии составляла 24930 тыс. черв. руб., из которых на долю группы производств пищевых продуктов – мукомольного, крупяного и маслособойного производств приходилось 77 %. По данным 1925 г., в Саратовской губернии работали 2592 мелких мельницы с общим числом занятых в производстве 4302 чел.¹³

Побочной продукцией мукомольной промышленности Саратовской губернии являлось производство различных круп. В 1925 г. в регионе было зарегистрировано 511 единиц кустарно-ремесленной промышленности с общим числом работающих в них 733 чел., занятых изготовлением преимущественно пшена и гречневой крупы¹⁴.

Производство растительных масел в Саратовской губернии было связано с распро-

странением посевов масличных культур – подсолнечника, конопли, льна. Помимо крупных государственных маслозаводов, в регионе в 1925 г. имелось 666 мелких маслобоек, на которых работали 1407 чел., обслуживавших преимущественно крестьянское население своего района. Большинство мелких маслобоек – 646 – являлись частными и на них работали члены семьи кустаря-ремесленника. Наемный труд применялся лишь в редких случаях. Наемные рабочие составляли в мелкой маслособойной промышленности всего 6,6 % от общего числа занятых лиц, а непосредственно у частных – всего 3,3 %, или 43 чел. Рабочий день в мелкой кустарно-ремесленной маслособойной промышленности в среднем продолжался около 12 ч, достигая осенью, в период усиленных работ, 16 ч¹⁵.

Центром мелкой кожевенной промышленности Саратовской губернии являлось село Базарный Карабулак, где было сосредоточено около 40 % всех кожевников региона. Здесь насчитывалось 263 хозяйства, где трудились 318 чел. В Кузнецком уезде в селе Павловка было зарегистрировано 42 хозяйства кожевенных производств с численностью 61 чел.¹⁶

Одним из самых распространенных занятий кустарей-одиночек в Саратовской губернии являлся сапожный промысел. В 1925 г. в Саратовской губернии имелось 4374 хозяйства, в которых сапожным производством были заняты 4813 чел., что составляло почти 15 % общего числа промышленников губернии. Сапожники работали преимущественно в одиночку в жилых помещениях, в среднем по 10–12 ч в сутки¹⁷.

В городах Саратовской губернии, по данным финансовых органов, числилось 2785 мелких (неценовых) и кустарно-ремесленных промышленных заведений, в которых были заняты 4349 чел. Больше половины всей мелкой городской промышленности Саратовской губернии

было сосредоточено в Саратове. Затем следовали Кузнецк, Вольск, Петровск, Новоузенск, Ртищев и Камышин.

По формам собственности 95 % мелкой городской промышленности была частной, 4,5 % – кооперативной и лишь 0,5 % – государственной, а 79 % работников являлись одиночками¹⁸.

Наиболее распространенным занятием мелких городских кустарей-ремесленников было производство одежды и обуви. Сапожник и портные составляли около 40 % всех мелких кустарей. Переработкой пищевых продуктов и хлебопекарным производством было занято 26 % всех занятых в мелкой городской промышленности лиц¹⁹.

Мелкая металлообрабатывающая промышленность Саратовской губернии в середине 1920-х гг. была представлена главным образом кузницами и небольшими слесарно-ремонтными заведениями. Общее число лиц, занятых обработкой металлов, составляло 12 % всех занятых в мелкой промышленности²⁰. Кооперирование кустарей в Саратовской губернии началось в 1923–1924 гг. Крупными кооперациями являлись «Сарсельскосоюз», объединявший текстильное, пищевое (выпечка хлеба), металлообрабатывающее, деревообрабатывающее, кожевенное и меховое производства; «Корзинсоюз» и «Горпромсоюз», занятый обработкой пищевых продуктов, кожи, металла и производством трикотажных изделий. В Саратове к 1 октября 1924 г. имелось 30 кооперативов, а к октябрю 1925 г. – 62²¹. Однако в середине 1920-х гг. в саратовские кооперативные промысловые артели входило лишь около 30 % всего количества кустарей, занятых в основном в трикотажном и обувном производстве и хлебопечении²².

Для кустарей-одиночек очень важно было развитие таких видов кооперации, как сбытовая, кредитная, снабженческая. Между тем рост кооперации отставал от потребностей кустарного производства²³. Так, саратовские кустари, еще слабо охваченные промысловой кооперацией, к 1926 г. были вынуждены обращаться к перекупщикам. Посредником между рынком и кустарем выступал частный торговый капитал. Частник представлял кустарю сырьё, организовывал сбыт продукции и финансировал ремесленника²⁴.

Следует отметить, что представители новой советской буржуазии (нэпманы) по сути монополизировали сбыт продукции «неорганизованных» кустарей и поставку им сырья. В реализации продукции кустарно-ремесленной промышленности в 1924/25 хозяйственном году в РСФСР доля частника составляла 84 %. Основная часть капитала нэпманов также оказалась в торговле как наиболее труднорегулируемой и контролируемой государством сфере. В производственную сферу новая советская буржуазия внедрялась слабо²⁵.

Дело было в том, что деятельности частного капитала в промышленности препятствовал ряд законов, принятых в годы НЭПа. Например, разрешалось существование в обычном порядке частных

предприятий только с числом не более 20 наемных рабочих. Ввиду несовершенства системы налогообложения у частных предпринимателей могло изыматься до 90 % доходов. В целом налоговые тарифы были менее тяжёлыми для спекулянтов, мелких дельцов, скупавших и перепродававших ремесленные изделия, чем для предпринимателей, вкладывавших свои средства в производство и занимавшихся реализацией изделий своей фабрики. В таких условиях, естественно, частный капитал стал быстро направляться в теневые структуры. С целью уклонения от государственного и налогового надзоров нэпманы либо создавали лжеартели, либо организовывали производство того или иного товара не на предприятиях, а в распыленном виде (работавшие у себя на дому кустари). До поры до времени частникам удавалось достаточно успешно обходить запреты и избегать контроля со стороны фискальных органов²⁶.

Частный капитал, как правило, занимал прочные позиции в пищевой промышленности (пекарни, кондитерские). В то же время в Саратове частных столовых было немного. Поволжские предприниматели охватили фактически весь спектр бытовых услуг, арендовали большинство парикмахерских и бань. Саратовским нэпманам, например, принадлежало 394 кожевенно-обувных мастерских, в то время как в государственном-кооперативном секторе имелось 16 подобных предприятий. Разумеется, частник действовал и в розничной торговле. Частные лавки в Саратове, по сравнению с государственными магазинами, предлагали населению большой ассортимент товаров, но по завышенным ценам²⁷.

Политика местных властей по отношению к кустарям выражалась в стремлении объединить их в кооперативы, в создании промысловых и трудовых артелей. К 1 октября 1925 г. в губернии насчитывалось 252 кооператива, из которых 25 % приходилось на г. Саратов²⁸. К этому времени в губернии существовало 4 кооперативных объединения: Сарсельскосоюз, Корзинсоюз, Горкромсоюз и Губернское Кооперативное Объединение Инвалидов (ГИКО), представлявших 427 артелей и объединявших 6447 их членов и 12684 прочих кустарей²⁹. Объем продукции кооперированной кустарной промышленности в 1925/26 г. составлял свыше 7 млн черв. руб., т. е. 22,4 % от продукции промышленности Саратовского ГСНХ³⁰.

Наиболее крупными из кооперативных союзов являлись Сарсельскосоюз и ГИКО, продукция которых оценивалась в 5575 тыс. черв. руб., т. е. 77 % всей кооперированной кустарной промышленности губернии³¹. Они специализировались на обработке хлопка, пеньки, металла и дерева, а также выпечке хлеба и изготовлении пищевых продуктов.

Однако кустарная промышленность, так же как и вся остальная, остро нуждалась в денежных и товарных кредитах. Своих оборотных капиталов она имела мало (396450 руб.), не могла обеспечить

планомерную работу всех своих членов-кустарей и зависела от получения твердых заказов и авансов по ним. Благодаря кредиту комиссии Рыкова в сумме 380 000 руб., Сарсельскосоюз в 1924/25 г. сумел развернуть свою работу на сумму 425 846 руб., тогда как за предыдущий хозяйственный год оборот союза выразался в сумме 98 754 руб.³²

Льготное кредитование и включение кооперации в планы по снабжению сырьем и организованный сбыт усиливали зависимость кооперативов от государственных органов и постепенно выхолащивали суть самой кооперации. В конечном счете кооперация была вовлечена в планово-централизованную систему социалистического народного хозяйства.

Осуществлявшиеся в годы НЭПа мероприятия советского государства в сфере развития мелкой промышленности были направлены, с одной стороны, на максимальное кооперирование кустарей и ремесленников с целью улучшения условий их труда и уровня жизни, а с другой, служили препятствием для выделения из массы мелких товаропроизводителей слоя предпринимателей капиталистического типа.

К концу 1920-х гг. государственным и кооперативным органам не удалось кооперировать большую часть кустарей и ремесленников. Политика ограничения и вытеснения нэпмановской буржуазии из народного хозяйства базировалась на представлениях большевиков об опасности мелкобуржуазной стихии. Безусловно, в условиях рыночных отношений мелкотоварное производство неизбежно порождало капитализм. Современные имитационные методы моделирования социальных перемещений в частном секторе народного хозяйства в период НЭПа подтверждают это теоретическое положение. Однако они же свидетельствуют о том, что расслоение мелких товаропроизводителей шло очень медленно и «для превращения их в крупных предпринимателей потребовались бы десятилетия»³³.

Примечания

- 1 См.: Чолахян В. А. Индустриальное развитие Нижнего Поволжья (конец XIX в.–1941 г.): исторический опыт и уроки. Саратов, 2007. С. 44–45.
- 2 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 4. Д. 1003. Л. 13.
- 3 Там же.
- 4 Там же. Л. 14.

Образец для цитирования:

Чолахян В. А. Кустарно-ремесленная промышленность Саратовской губернии в годы НЭПа // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 382–386. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-382-386>

Cite this article as:

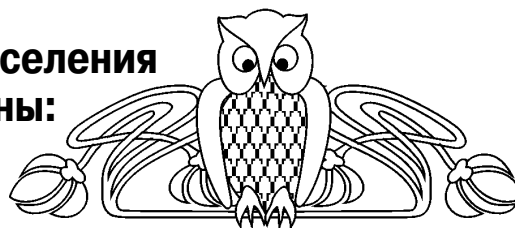
Cholakhian V. A. Handicraft Industry of the Saratov Province in the Years of the NEP. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 382–386 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-382-386>

- 5 Таблица составлена по : ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 1003. Л. 14.
- 6 Таблица составлена по : ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 1003. Л. 15 об.
- 7 См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 1003. Л. 14–15.
- 8 Таблица составлена по : ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 1003. Л. 16–16 об.
- 9 См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 1003. Л. 18.
- 10 См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 1002. Л. 32 об.
- 11 Таблица составлена по : ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 1002. Л. 34.
- 12 См.: Новинский В. К. Мелкая и кустарно-ремесленная промышленность Саратовской губернии. Саратов, 1927. С. 24, 27.
- 13 Там же. С. 31, 59.
- 14 См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 1002. Л. 45.
- 15 См.: Новинский В. К. Указ. соч. С. 63.
- 16 Там же. С. 64.
- 17 Там же. С. 74.
- 18 Там же. С. 79.
- 19 Там же. С. 80.
- 20 Там же.
- 21 См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 1002. Л. 35 об.–37.
- 22 См.: Киреев М. Мелкая и кустарно-ремесленная промышленность Саратовского округа // Нижнее Поволжье. 1928. № 11. С. 102.
- 23 См.: Жиромская В. Б. После революционных бурь : население России в первой половине 20-х годов. М., 1996. С. 110.
- 24 См.: ГАСО. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 500. Л. 43.
- 25 См.: Жиромская В. Б. Указ. соч. С. 112–113.
- 26 См.: Виноградов С. В. Частнокапиталистический уклад в промышленности в годы нэпа (на материалах Поволжья) // Сталин. Сталинизм. Советское общество. Сборник статей к 70-летию проф. В. С. Лельчука. М., 2000. С. 105.
- 27 См.: Панга Е. В. Деятельность частных предпринимателей в первые годы НЭПа в Саратовской губернии // Актуальные проблемы истории Российской цивилизации : сб. материалов III межвузовской научной конференции (26 февраля 2010 г.). Саратов, 2010. С. 175–176.
- 28 См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 1002. Л. 36.
- 29 Там же. Л. 38 об.
- 30 Там же. Л. 39, 39 об.
- 31 Там же. Л. 39 об.
- 32 Там же. Л. 40.
- 33 См.: Бородкин Л. И., Свищев М. А. Имитационное моделирование процесса социальных перемещений в частном секторе народного хозяйства периода НЭПа // ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях : сб. статей. М., 1994. С. 59.

УДК 94(47).084.8

Мобилизация денежных средств населения в годы Великой Отечественной войны: практика Саратовской области

В. Н. Данилов

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, danilovvik@yandex.ru

В статье обосновываются необходимость и возможность широкого привлечения в годы Великой Отечественной войны денежных средств населения, за счет которых в значительной мере обеспечивались доходная часть государственного бюджета и сдерживание инфляции. Анализируется региональная практика осуществления в 1941–1945 гг. налоговой политики государства, мобилизации средств трудящихся через приобретение облигаций займов, денежно-вещевых лотерей, размещения вкладов в сберегательные кассы, а также массового народного движения по созданию фонда обороны. Приводятся качественные и количественные данные по Саратовской области в сравнении с общесоюзными показателями.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Саратовская область, деньги, налоги, займы, лотереи, фонд обороны, вклады.

Mobilization of the Public Financial Resources During the Great Patriotic War: the Practice of the Saratov Region

V. N. Danilov

Victor N. Danilov, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, danilovvik@yandex.ru

The article substantiates the necessity and possibility of wide attraction of money of the population during the Great Patriotic War, due to which the revenue part of the state budget and inflation control were largely provided. The regional practice of implementation in 1941–1945 of tax policy of the state, mobilization of means of workers through acquisition of bonds of loans, monetary and ware lotteries, placement of deposits in savings banks, and also mass national movement on creation of Fund of defense is analyzed. The qualitative and quantitative data on the Saratov region in comparison with the all-Union indicators are given.

Keywords: Great Patriotic War, Saratov region, money, taxes, loans, lotteries, defense Fund, deposits.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-387-395>

Сохранение в условиях войны сложившейся в годы первых пятилеток планово-директивной модели экономики, в которую были встроены кредитно-денежные и товарно-рыночные отношения, потребовало проведения в 1941–1945 гг. вполне определенной финансовой политики, способной обеспечить ведение военных действий. При этом государству, с одной стороны,

необходимо было не допустить гиперинфляции, как это было к концу Первой мировой войны, а с другой стороны, избежать натурализации хозяйственных отношений, что произошло в период Гражданской войны. И то и другое в равной степени могло привести к катастрофическим для страны последствиям. Финансово-экономическая система СССР выдержала в целом испытание военных лет. К концу войны советский рубль обесценился лишь в 4 раза, тогда как немецкая марка – в 6 раз¹. Натурализация же экономики не достигла порогового значения и выразилась главным образом в некритичном по масштабу обмене населением промышленных изделий на продукты питания и наоборот. По оценке Госбанка СССР удельный вес реализации в обмен составлял в 1942 г. 21,5 % всего оборота свободной торговли, в 1943 г. он снизился до 15 %².

В системе военной экономики СССР финансовая мобилизация занимала такое же место, как и мобилизация материальных фондов и трудовых ресурсов. В первую очередь это обуславливалось тем, что доля военных расходов в структуре общественного продукта, не считая личного потребления военнослужащих, уже в 1942 г. увеличилась, по данным Н. А. Вознесенского, по сравнению с мирным временем более чем в 4 раза (с 4 % до 17 %)³. Необходимо было также покрывать расходы, связанные с эвакуацией производств и населения, новым капитальным строительством, восстановлением хозяйства в освобожденных районах, осуществлением оборонных мероприятий в прифронтовой зоне (строительство оборонительных рубежей и дорог, МПВО и др.). Денежные средства требовались для осуществления государством своих социальных обязательств перед семьями военнослужащих и инвалидами войны. Численность военных пенсионеров, например, увеличилась к концу войны в 18 раз, а расходы на них в 96 раз. Ежегодные выплаты по денежным аттестатам семьям командного состава армии и флота составляли 6 млрд руб.⁴ Со значительными финансовыми затратами были связаны и отдельные мероприятия того времени, не имевшие прямого отношения к обеспечению ведения военных действий, в частности, депортации отдельных народов и хозяйственное обустройство опустевших территорий.

Главным инструментом, который использовался в условиях войны для финансового обеспе-

чения нужд армии и тыла, являлся государственный бюджет (под государственным бюджетом следует понимать бюджеты, формируемые государственными финансовыми органами всех уровней: бюджет Союза, бюджеты союзных республик, областные, краевые, республиканские бюджеты, городские и районные бюджеты). В довоенное время в его фондах концентрировалась примерно половина, а в 1941–1945 гг. уже значительно большая часть национального дохода. При этом доля поступлений в его доходную часть от народного хозяйства сокращалась на протяжении всей войны: в 1941 г. они составляли 86%, а в 1944 г. – 56,5 %⁵. Соответственно выросла доля привлеченных в государственный бюджет денежных средств населения. Именно от мобилизации средств населения, носившей в основном налично-денежный характер, зависело покрытие денежной эмиссии, использовавшейся как дополнительный источник финансирования военного хозяйства. Средства же, получаемые от государственных и кооперативных предприятий, которые шли по каналам безналичных расчетов, по сути носили условный характер и не играли ключевой роли в обеспечении макроэкономической стабильности и подавлении инфляционных явлений.

Тема мобилизационного привлечения денежных ресурсов населения в годы Великой Отечественной войны исследовалась историками и экономистами, прежде всего, в масштабах всей страны. В советской историографии она рассматривалась как в трудах о деятельности финансовых органов в военный период⁶, так и в работах, посвященных всенародной помощи фронту⁷. В современной историографии внимание исследователей выросло в первую очередь к самой проблеме финансового обеспечения борьбы советского народа с гитлеровскими захватчиками. Свидетельством этого, в частности, является помещение отдельного раздела о финансах в многоотомном фундаментальном труде «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», вышедшем в 2013 г.⁸ Менее всего изучен региональный аспект мобилизации денежных средств населения в годы войны. В полной мере он затронут, пожалуй, только в работах А. В. Зотовой⁹, посвященных экономике блокадного Ленинграда, и Н. Н. Ивлева о финансовых органах военного времени Челябинской области¹⁰. В данной статье предлагается рассмотреть эту сторону вопроса на материалах Саратовской области.

Накануне войны советское правительство проводило жесткую финансовую политику, которая позволила в период с июля 1940 г. по июнь 1941 г. уменьшить количество денег в обращении на 7,4 млрд руб., или на 28,7 %¹¹. Эта же линия была продолжена и после 22 июня 1941 г. Сокращались расходные части местных бюджетов с направлением средств в союзный бюджет. Из бюджета Саратовской области, в частности,

таким образом было изъято 77 млн руб., или 23 % от запланированных на 1941 г. бюджетных доходов¹². Прекращался выпуск займов под обеспечение государственных облигаций, а выплаты клиентам по вкладам из сберегательных касс сократились до 200 руб. в месяц. По предложению Госбанка СССР были повышены цены на табак, спиртные напитки, парфюмерию, изделия из драгоценных металлов и другие товары второстепенного значения. Уже 3 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об установлении на военное время временной надбавки к сельскохозяйственному налогу и к подоходному налогу с населения». Надбавка устанавливалась в размере 100 % к сумме сельскохозяйственного налога, предъявленной к уплате, и 50, 100 и 200 % к сумме подоходного налога, в зависимости от заработка. Для ускорения поступления налоговых платежей в бюджет срок уплаты сельскохозяйственного налога был передвинут на месяц вперед. Это позволило в 1941 г. только в бюджет Саратовской области дополнительно зачислить 403 тыс. руб.¹³

Однако все это не компенсировало растущего разрыва между увеличением выплат населению и обратным поступлением средств в кассы Госбанка, что вскоре запустило механизм эмиссии денег, которая составила во втором полугодии 1941 г. – 14,3 млрд руб.¹⁴ При этом большая часть суммы эмиссии приходилась на Поволжье, Урал и Западную Сибирь, т. е. на районы с наибольшим числом предприятий тяжелой и военной промышленности, оплата на которых производилась по повышенным ставкам. Если в 1940 г. ежемесячная зарплата рабочих и служащих Саратовской области составляла 306 руб., то в 1944 г. она стала уже 470 руб.¹⁵

В то же время за первые месяцы войны значительно сократились товарные запасы розничной государственной и кооперативной торговли, являвшейся основным источником кассовых поступлений Госбанка. Под давлением товарного дефицита бюро Саратовского обкома ВКП (б) и исполком Саратовского областного Совета сначала в Саратове, Балашове, Вольске, Аткарске, Петровске и Ртищеве (совместное постановление от 23 августа 1941 г.), а через два месяца во всех других городах и рабочих поселках области ввели нормированное снабжение населения по карточкам хлебом, сахаром и кондитерскими изделиями¹⁶. Уже в сентябре в Саратове продуктовые карточки получили почти 420 тыс. чел. Это сразу дало сокращение продажи хлеба в магазинах: если в сентябре 1941 г. в городе его было продано 290 т, то в октябре – 210 т.¹⁷ В результате товарооборот по отношению к заработной плате к концу года снизился почти на 40 %. При установленном на первый квартал 1942 г. плане товарооборота по Саратовской области в 450 млн руб. было получено только 287 млн руб.¹⁸ Соотношение между спросом и предложением обо-

стрилось еще больше в связи с тем, что, помимо денег, выплаченных на месте, в область были привезены деньги эвакуировавшимся сюда населением. В начале 1942 г. процесс перехода на карточную систему снабжения городского и сельского неколхозного населения всеми основными продуктами питания, цены на которые были стабильными и низкими все годы войны, а также промтоварами широкого потребления, практически завершился. Но и разрыв между выплаченной зарплатой и торговой выручкой еще больше увеличился и составил, по данным областной конторы Госбанка, в 1942 г. 1103,9 млн руб., что равнялось двум областным бюджетам этого года, а удельный вес эмиссии кассового плана составил 18,4 %¹⁹. В этих условиях все большее значение стали приобретать нетоварные источники поступления в кассы денежных наличности, удельный вес которых уже в первом квартале 1942 г., по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, вырос в 2 раза. Сюда относилась выручка от работы транспорта, предприятий бытового обслуживания, коммунальные доходы, но главным образом, конечно, поступления в результате мер по мобилизации денежных средств населения, большая часть из которых использовалась и в довоенный период.

Пожалуй, новой формой мобилизации средств населения и в то же время ярким выражением патриотизма стало создание фонда обороны страны. Для приема пожертвований в отделениях Госбанка СССР был открыт специальный счет, куда уже к концу февраля 1942 г. по области поступило 45 млн руб.²⁰ Кроме того, в фонд обороны от граждан поступали также натуральная продукция (зерно, мясо и т.п.) и драгоценности. В августе 1941 г. центральные газеты написали о том, что в Саратовское отделение Госбанка поступил безымянный пакет, в котором находился серебряный прибор с золотыми монограммами. Во вложенной записке были такие слова: «Хранила его более сорока лет. Было время – терпела нужду, но прибор берегла, как дорогую сердцу память. Теперь с радостью отдаю в фонд обороны своей родной страны»²¹. В рамках этого патриотического движения осуществлялся сбор средств на «покупку» боевой техники: артиллерийских установок, танков и самолетов. К 12 февраля 1942 г. в Саратовской области на танковую колонну им. В. И. Чапаева было собрано 7 млн руб., на колонну «Саратовский комсомолец» – свыше 2 млн руб.²² Наибольшее распространение движение получило в разгар Сталинградской битвы. Всей стране тогда стало известно имя колхозника Ново-Покровского района Ф. П. Головатого, внесшего в фонд обороны 100 тыс. руб. и заказавшего на них самолет для Сталинградского фронта. В январе 1943 г. секретарь Саратовского обкома П. Т. Комаров докладывал в ЦК ВКП (б) о том, что от трудящихся области на строительство боевых самолетов по-

ступило 133,5 млн руб.²³, а до конца войны на эти цели в области было собрано 351 млн руб.²⁴, сумма, сопоставимая с местным годовым бюджетом.

Нарком финансов СССР военного времени А. Г. Зверев в своих воспоминаниях отмечает, что «все указания в местные финансовые органы об учете пожертвований делались очень осторожно, чтобы не дать малейшего повода к разговорам об «искусственно организуемой кампании»»²⁵. Однако формирование фонда обороны вряд ли можно считать абсолютно стихийным или, тем более, только индивидуальным движением. Приведем на этот счет два документа. Секретарь Кировского райкома Зимин 5 августа 1941 г. информировал Саратовский обком ВКП (б) о том, что «после заслушивания по радио передовой статьи газеты «Правда» от 1 августа 1941 г. до начала и по окончании работы ряд партийных организаций провел общие собрания рабочих и служащих, на которых обсудили инициативу трудящихся г. Москвы о создании фонда обороны страны для разгрома презренных фашистских полчищ. К 8 часам вечера собрания были проведены в 40 организациях. Собрания проходили с исключительным подъемом, решения выносились единодушно... 2-3-4 августа митинги по району продолжались. В фонд обороны страны трудящиеся района отчисляют ежемесячно однодневный заработок до полного разгрома фашизма»²⁶. 31 октября 1941 г. исполком Саратовского облсовета принял по докладу заведующего областным финансовым отделом Н. А. Гордеева решение «О ходе поступлений средств в фонд обороны страны», где было записано: «Обязать исполкомы райгорсоветов депутатов трудящихся взять под свое непосредственное руководство и контроль работу по сбору средств в фонд обороны и на очередных заседаниях исполкомов заслушивать доклады руководителей торгующих и заготовительных организаций, а также финорганов о проведенных ими мероприятиях по усилению поступления денежных средств, продуктов и др. товарно-материальных ценностей в фонд обороны страны»²⁷. Впрочем, в дальнейшем мы действительно не наблюдаем заорганизованности этого движения в отличие от других форм мобилизации денежных средств населения, а роль финансовых органов сводилась, прежде всего, к учету поступления наличности и перевода материальных пожертвований в стоимостное выражение.

Основной формой мобилизации в государственный бюджет денежных средств населения в годы Великой Отечественной войны, как и в довоенный период, являлось взимание налогов и различных сборов. Изменения, произошедшие в налоговой системе в 1941–1945 гг., достаточно полно отражены в отечественной историко-экономической литературе, посвященной финансовой системе и бюджету страны военного време-

ни. Они включали в себя не только повышение ставок уже существующих налогов, о чем уже говорилось ранее, но и введение новых налогов, расширение круга плательщиков, более полного учета облагаемых доходов и изменения самих принципов построения налоговых платежей. В то же время устанавливались налоговые льготы для военнослужащих и членов их семей, а также инвалидов войны и труда.

Введение в ноябре 1941 г. зачисляемого в союзный бюджет налога на холостяков, одиноких и бездетных граждан, а с июля 1944 г. и на граждан, имеющих одного или двух детей, не только увеличило сумму налоговых поступлений от этой категории населения, но и позволило профинансировать предпринимаемые государством в годы войны меры по поддержке многодетных семей, по охране материнства и детства. К весне 1945 г. в Саратовской области было выплачено государственных пособий многодетным и одиноким матерям на сумму почти 3,5 млн руб., в том числе более 1,6 млн единовременной помощи одиноким матерям²⁸.

С 1 января 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1941 г. в стране вводился новый военный налог с одновременной отменой надбавок к сельскохозяйственному и подоходному налогам. Его уплачивали все трудоспособные граждане, достигшие 18-летнего возраста, независимо от наличия источника дохода (с кустарей, ремесленников, владельцев строений налог взимался по утроенным ставкам). Тем самым был использован давно известный подушный принцип, что, с одной стороны, упрощало раскладку налога, поскольку он взимался по твердым ставкам, но, с другой стороны, потребовались необходимые усилия для учета налогоплательщиков и льготников, особенно в городах, где находилось большое число учащихся и лиц, не занятых в государственном секторе или имеющих дополнительные, кроме зарплат, доходы. В этой связи исполком Саратовского горсовета, в частности, своим постановлением от 7 января 1942 г. обязал «председателей исполкомов райсоветов всю работу по

проведению военного налога взять под свое непосредственное руководство, оказать райфинотделам необходимую помощь и провести эту работу на высоком политическом уровне и в точно установленные сроки». Составление списков налогоплательщиков и льготников планировалось провести в течение недели, а в феврале–апреле 1942 г. – организовать проверку правильности и полноты начисления военного налога²⁹. Уже в 1942 г. сборы военного налога составили по Саратовской области около 260 млн руб., или более 30 % всех налоговых поступлений от населения³⁰. Отчисления от военного налога в бюджет Саратовской области составили в общей сложности за военный период, по нашим подсчетам, более 37 млн руб. В целом размеры военного налога превышали все другие виды налоговых платежей населения, что позволило в 1942–1945 гг. мобилизовать по стране 72,1 млрд руб.³¹

10 апреля 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О местных налогах и сборах», расширивший круг их плательщиков и повысивший ставки. Было установлено 5 местных налогов и сборов: налог со строений, земельная рента, сбор с владельцев транспортных средств, сбор с владельцев скота, разовый сбор на колхозных рынках. В систему местных налогов и сборов входил также налог со зрелищ, сфера охвата которым в годы войны была расширена. Это соответственно привело к повышению цен на билеты проводимых культурно-массовых и спортивных мероприятий. Объем поступлений от местных налогов в бюджет Саратовской области вырос с 15,9 млн руб. в 1941 г. до 102,5 млн руб. в 1944 г. Как можно видеть в табл. 1, в структуре налоговых доходов областного и районных бюджетов местные налоги в консолидированном виде занимали ведущее место. По своему функциональному предназначению к местным налогам приближался такой вид платежей населения, как самообложение, которое широко практиковалось в годы войны в сельской местности. Суммы средств самообложения, поступившие в 1942–1944 гг. в бюджет Саратовской области, были вполне сопоставимы с отчис-

Таблица 1

Поступления от налогов и сборов с населения в бюджет Саратовской области в годы Великой Отечественной войны, млн руб.

Виды доходов бюджета	Годы				
	1941	1942	1943	1944	1945
Всего доходов	432,1	522,2	401,6	467	511
Местные налоги	15,9	40,5	64,2	102,5	101,5
Отчисления от сельхозналога	н.д.	5,4	10,4	16,6	33,2
Отчисления от подоходного налога с населения	н.д.	14,7	6,2	9,6	10,6
Отчисления от военного налога	-	16,2	-	10,6	10,5
Самообложение	н.д.	3,6	8,2	8,5	3,9

Сост. по: ГАСО. Ф. Р-2283. Оп. 1. Д. 18. Л. 92; Д. 166. Л. 92–93; Д. 298. Л. 7-8; Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 263. Л. 294-297; Ф. Р-2650. Оп. 1. Д. 342. Л. 9; Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 922. Л. 146; Д. 940. Л. 39.

лениями от военного, подоходного с населения и сельскохозяйственного налогов.

В первый год войны население Саратовской области довольно успешно справлялось с уплатой государственных налогов, несмотря на введенные надбавки. Так, недобор за 1941 г. по подоходному налогу составил 736 тыс. руб., а по сельскохозяйственному налогу – 1943 тыс. руб. Работа финансовых органов области по этому направлению деятельности была признана успешной. Заведующий Саратовским городским финансовым отделом Ф. Н. Долгов, заведующий Волжским райфо Арсентьев, заведующий Баландинским райфо Жигунов, бухгалтер Лысогорского райфо Акулинин были даже награждены орденами и медалями³², что было довольно редким явлением для того времени. Но уже за 1942 г. общие налоговые недоимки населения области выросли до 6,02 млн руб., около половины этой суммы приходилось на задолженность по военному налогу.

Стремительный рост налоговых недоимок населения Саратовской области пришелся на 1943 г. На это повлияло сразу несколько факторов: снижение платежеспособности колхозников ввиду неблагоприятных итогов сельскохозяйственного года, уменьшение числа налогоплательщиков из-за начавшейся эвакуации населения в освобожденные от немецкой оккупации западные районы СССР, а также значительный рост числа лиц, имевших льготы по уплате сельскохозяйственного и военного налогов. К тому же в соответствии с указами Президиума Верховного Совета СССР в 1943 г. были увеличены ставки прогрессивного подоходного налога и нормы доходности по сельскохозяйственному налогу. Недоимки по всем видам налогов с населения составили за 1943 г. и два первых квартала 1944 г. по Саратовской области (без Саратова) 23 млн руб.³³ Недовыполнение планов налогообложения стало предметом специального рассмотрения на заседании исполкома облсовета 3 июля 1944 г., на котором от советских и финансовых органов области потребовали в течение двух месяцев ликвидировать все недоимки по обязательным платежам³⁴. Вскоре был освобожден от занимаемой должности заведующий областным финансовым отделом Н. А. Гордеев, находившийся на этом посту с довоенного времени. Однако налоговые недоимки продолжали расти и к началу 1945 г. они составили только по сельским районам и периферийным городам 38 млн руб.³⁵, что было примерно равно годовой сумме собираемых здесь местных налогов. Вместе с тем они составляли небольшую долю от общего объема налоговых сборов с населения, который по Саратовской области за годы войны приблизился, по нашим подсчетам, к 2,5 млрд руб., а это уже было сопоставимо по размерам со всей доходной частью областного бюджета за 1941–1945 гг.

Согласно официальной статистике налоговые поступления от населения обеспечивали в годы Великой Отечественной войны примерно пятую часть расходов на оборону, но только за счет них невозможно было эффективно сдерживать рост денежной массы в результате проводимой эмиссии. Государственная и кооперативная торговая сеть, как уже говорилось, могла поглотить лишь незначительную часть денежных средств, начисляемых рабочим и служащим в виде заработной платы. Например, фонд заработной платы только рабочих Саратова в 1944 г. составил примерно 804 млн руб., а весь товарооборот городской розничной торговли – 641 млн руб.³⁶ Организация в тот год в городах области системы так называемой коммерческой торговли по гораздо более высоким ценам, чем пайковые, ввиду ограниченности товарной массы несущественно повлияла на разрыв между фондом заработной платы и стоимостным объемом торговли и общепита. К тому же немалую часть выручки коммерческой торговли обеспечивала продажа водочных изделий, вряд ли являвшихся предметом первой необходимости для основной массы населения. Поэтому не менее значительным каналом мобилизации денежных средств населения в годы Великой Отечественной войны являлись поступления в виде государственных военных займов и денежно-вещевых лотерей.

Работа по привлечению средств населения через государственные займы и денежно-вещевые лотереи была налажена в стране еще в довоенный период, но в 1941–1945 гг. она получила новую мотивацию, выросли ее масштабы и оперативность. В мероприятиях по распространению займов и лотерей были задействованы практически все звенья партийно-советского аппарата, хозяйственных и общественных организаций. Для решения всех организационных вопросов в области, городах и районах были образованы специальные комиссии во главе с председателями соответствующих исполкомов советов. В период подписных кампаний на военные займы только информационно-справочных столов в области действовало более 3 тыс.³⁷ Основной задачей финансовых органов, в первую очередь сберегательных касс, было аккумулярование денежных средств, обеспечение правильности выдачи и учета облигаций госзаймов и билетов лотерей, своевременное их погашение. С целью контроля этой работы, например, в 1944 г. было проведено 2325 ревизий³⁸.

Уже на Первый военный заем, проведенный в апреле 1942 г., по Саратовской области подписались более 800 тыс. чел., т. е. каждый второй взрослый житель, а сумма подписки в 3 раза превысила аналогичный показатель по займу третьей пятилетки³⁹. Еще более организовано и в больших масштабах в июне 1943 г. прошла кампания по Второму военному займу. Как докладывал в ЦК ВКП (б) первый секре-

тарь обкома П. Т. Комаров, «многие коллективы предприятий, учреждений, колхозов подписку на заем провели в первые же часы после сообщения по радио Закона о выпуске военного займа»⁴⁰. Красное знамя исполкома облсовета и премия в размере 30 тыс. руб. была присуждена Советскому району (зав. райфо Птичкин), первому в области собравшему в течение суток всю сумму, предусмотренную по бюджету. В сельской местности особое внимание финансовыми органами обращалось на погашение займов наличными денежными средствами. На 16 августа 1943 г. от колхозников области поступило «живыми день-

гами» 114 418 тыс. руб., или 60 % к сумме их подписки⁴¹.

Представленные в табл. 2 данные по пяти государственным займам, проводившимся в годы войны, свидетельствуют о том, что на каждого жителя Саратовской области, независимо от возраста, приходится взносов на сумму, превышающую 700 руб., т. е. около двух месячных окладов среднеоплачиваемого рабочего. До 20 % от суммы реализации займов поступало в областной бюджет. Так, только в 1942 г. по этой статье доходов бюджет области получил 113 млн руб.⁴²

Таблица 2

Реализация государственных займов, млн руб.

Наименование займа и дата	Сумма реализации		Процентное соотношение
	по СССР	по Саратовской области	
Заем третьей пятилетки	10945	101	0,9
Первый военный заем 14.04.1942 г.	13186	281	2,1
Второй военный заем 5.06.1943 г.	20843	435	2,0
Третий военный заем 5.06.1944 г.	28963	405	1,4
Четвертый военный заем 4.06.1945 г.	26716	428	1,6
Итого	100653	1650	1,6

Сост. по: ГАСО. Ф.Р-3351. Оп. 1. Д. 98. Л. 79; Д. 112. Л. 25; Ф. Р-1738. Оп. 6. Д. 80. Л. 109; Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 940. Л. 42.

Не менее важным способом мобилизации средств являлись денежно-вещевые лотереи, реализация которых происходила в основном в селах, где их распространением, помимо сотрудников районных сберкасс, занимались уполномоченные сельских советов и налоговые агенты. С целью стимулирования их труда только в 1944 г. было выплачено в качестве вознагра-

ждений более 689 тыс. руб.⁴³ Лучшие результаты по распространению денежно-вещевых лотерей в Саратовской области демонстрировали Новоузенский район (зав. райфо Тинькаев, зав. райсберкассой Мокроусова) и Золотовский (заведующий райфо Рогов, зав. райсберкассой Реброва). Итоги размещения денежно-вещевых лотерей приведены в табл. 3.

Таблица 3

Объемы размещения денежно-вещевых лотерей, млн руб.

Год	Сумма размещения		Процентное соотношение
	по СССР	по Саратовской области	
1941	1000	37	3,7
1942	1500	62	4,1
1943	2500	60	2,4
1944	5000	52	1,0
Всего	10000	211	2,1

Сост. по: ГАСО. Ф. Р-2283. Оп. 1. Д. 18. Л. 253; Ф. Р-3351. Оп. 1. Д. 98. Л. 83; Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 217. Л. 172.

Данные табл. 3 свидетельствуют о значительном увеличении средств по этой статье государственных доходов в первые полтора года войны, а затем их постепенное снижение ввиду истощения наличных денежных ресурсов у сельского населения, на которое в большей степени были ориентированы мероприятия по распространению лотерей. Дело в том, что ввиду

снижения товарных фондов в государственной и кооперативной торговле в первые 2 года войны происходит неуклонное повышение цен на продукты питания на городских рынках при сокращении объемов реализуемой продукции. Так, стоимость 1 кг картофеля к лету 1943 г., по сравнению с довоенным периодом, выросла с 2 до 25 руб., капусты – с 2 до 40 руб., говядины

– с 20 до 280 руб., свинины – с 20 до 250 руб., животного масла – с 32,5 до 800 руб., литра молока – с 2,2 руб. до 70 руб. В среднем цены на рынках крупных городов были выше довоенных в 13 раз и превышали уровень цен на продукты, продававшиеся по карточкам, в 20 с лишним раз⁴⁴. Соответственно происходил отлив денежной наличности из города в деревню. Однако полученные колхозниками средства затем уходили в основном на уплату налогов, покупку облигаций займов и денежно-вещевых лотерей, а также внесение взносов в фонд обороны. В этой связи интерес представляет содержание аналитической записки «Движение цен как показатель состояния денежного обращения в условиях Отечественной войны», направленной 7 декабря 1944 г. зам. председателю правления Госбанка СССР А. К. Коровушкину, в которой говорилось: «Сопоставление движения цен с кампаниями по мобилизации средств населения тоже показывает зависимость первого от последних, влекущих за собой повышение привоза. Начиная с периода взносов в Фонд обороны конца 1942 г. и начала 1943 г. каждая кампания по мобилизации ресурсов сопровождается усилением привоза на колхозный рынок и, тем самым, снижением цен или уменьшением темпов их роста... Необходимо отметить, что снижение цен, как правило, затрудняло мобилизацию средств населения»⁴⁵. Действительно, если до 1943 г. доля колхозников в общей сумме подписки на госзаймы увеличивалась по сравнению с рабочими и служащими (заем 3-й пятилетки – 15 %, Первый военный госзайм – 30 %, Второй военный госзайм – 42 %), то по Третьему займу (июнь 1944 г.) она снизилась до 33 %. За полгода на Третий военный заем удалось от колхозников получить лишь 56,5 % оплаты суммы их подписки, а по Четвертому займу вообще произошло невыполнение плановых заданий по подписке среди этой категории населения⁴⁶, в то время как подписка на этот заем по Саратову по-прежнему осуществлялась в течение одного дня. Подобные процессы можно было наблюдать и в отношении покупки сельским населением денежно-вещевых лотерей.

Сокращение доходов, получаемых сельскими жителями от свободного рынка, начиная с

1944 г., происходит по причине снижения цен на реализуемые ими здесь продукты, что было обусловлено главным образом увеличением объемов продукции, получаемой горожанами от подсобных хозяйств предприятий и учреждений и индивидуальных огородов, ростом поголовья скота в городах. При этом уровень обложения сельского хозяйства в городах был в среднем в 10 раз ниже, чем на селе. К 1945 г. цены упали, хотя и превышали довоенный уровень в 6–8 раз. В результате денежные остатки городского населения начинают расти быстрее денежных остатков села. Этому же способствовало развитие продаж промтоваров городским населением сельскому и увеличение в городах количества лиц, занимающихся перекупкой продовольствия у колхозников.

Важным каналом мобилизации денежных средств населения имело их сосредоточение в государственных сберегательных кассах. Саратовская область располагала разветвленной их сетью: 65 центральных и районных, 66 сберкасс 1-го и 2-го разрядов, 464 агентских касс. Кроме того, 20 сберегательных касс в область было эвакуировано из западных районов страны⁴⁷. На предприятиях, в колхозах и в учреждениях действовали комитеты содействия им. Все они проводили большую агитационную работу по привлечению новых вкладчиков. Только в 1944 г. в области было проведено около 2 тыс. собраний, в областной газете «Коммунист» и районных газетах было опубликовано 340 статей и 240 объявлений о выгоде хранения денег в сберкассах, отпечатано 600 листовок, 400 экземпляров афиш и 10 рекламных щитов по тиражам выигрышных вкладов⁴⁸.

Весь период Великой Отечественной войны, как видно из табл. 4, Саратовская область демонстрировала положительную динамику роста общих объемов вкладов в государственных сберегательных кассах. Сокращение числа вкладчиков в 1944 г. было вызвано главным образом эвакуационными процессами. Вместе с тем число вкладчиков и сумма вкладов до этого увеличивалась во многом за счет спецвкладов, куда перечислялись денежные компенсации рабочим и служащим за неиспользованные во время войны отпуска.

Таблица 4

Данные по вкладам населения Саратовской области в сберегательных кассах в годы Великой Отечественной войны

Год	Число вкладчиков	Общая сумма вкладов на конец года, млн руб.
1940	110598	30,2
1941	190483	57,2
1942	171445	49,1
1943	215455	67,4
1944	198610	91,8
1945	369393	115,2

Сост. по: ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 27. Л. 84.

Притоку денежных средств на обычные и выигрышные счета, несмотря на всю мощь агитационных кампаний, долгое время препятствовали ограничения, введенные в начале войны, в размерах выплаты со вкладов, которые были отменены в 1943 г. Это сразу позволило в течение года обеспечить приток в районах области (без Саратова) только по категории «рабочие и члены их семей» 3057 новых вкладчиков с суммой вкладов почти в 3 млн руб.⁴⁹

Еще одним каналом мобилизации денежных средств населения в годы Великой Отечественной войны, на который исследователи практически не обращают внимание, но который регулярно приносил ощутимые суммы доходов в государственную казну, являлась конфискация накоплений, которые были получены отдельными категориями граждан в результате противоправных действий. Используя затруднения в снабжении населения продуктами и промышленными товарами, спекулянты и «расхитители социалистической собственности» добывали их преступным путем и продавали втридорога на рынках. Поскольку это негативным образом сказывалось на моральном состоянии законопослушного населения, то органы милиции нацеливались самым решительным образом на борьбу с подобными девиантными проявлениями. Только в 1942 г. у криминальных элементов в Саратовской области было изъято: наличных денег – 2 078 760 руб., золота в изделиях – 4,8 кг, денег царской чеканки – 2185 руб., иностранной валюты – 360 долл., бриллиантов – 35 каратов, серебра в изделиях – 6,5 кг.⁵⁰

В целом на локальном примере Саратовской области видно, что управленческая система СССР в годы Великой Отечественной войны, используя в том числе механизм мобилизации денежных средств населения, смогла направить необходимый объем ресурсов на военные нужды и жизнедеятельность тыла, обеспечила стабильность финансовой системы. Все это, естественно, потребовало от советских людей величайшего напряжения и существенного сокращения личного потребления. Так, удержания из заработной платы рабочих и служащих в общей сложности выросли за время войны в 3 раза, с 9,5 % в 1940 г. до 30 % в 1944 г.⁵¹ Доля налогового обложения сельского населения увеличилась в 5 раз, а в расчете на один колхозный двор, не имевший льгот – в 6 раз.⁵² Общая сумма денежных ресурсов, дополнительно привлеченных от населения за время войны путем налогового обложения, добровольных платежей и ценовых мероприятий, достигла 150–160 млрд руб., т. е. в 3,5 раза превысила сумму эмиссии. Если в 1940 г. бюджет затрачивал на все мероприятия по обслуживанию населения больше, чем получал с него доходов, на сумму 22 269 млн руб., то в 1943 г. государственный бюджет изъяс у населения доходов больше, чем фактически на него израсходовал,

на сумму около 30 000 млн руб., направив их на финансирование хозяйства и, в первую очередь, на финансирование войны⁵³. Но как бы не было тяжело это бремя, оно вызывалось необходимостью достижения победы над агрессором и являлось одним из факторов, консолидирующим в тех условиях все слои населения страны.

Примечания

- 1 См.: *Муравьева Л. А.* Финансы СССР в годы Великой Отечественной войны // *Финансы и кредит.* 2004. № 14 (152). С. 90.
- 2 См.: *Денежное обращение в СССР периода Великой Отечественной войны в документах (1941–1945 годы).* М., 2008. С. 21.
- 3 См.: *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 65.
- 4 См.: *Зверев А. Г.* Записки министра. М., 1973. С. 220–221.
- 5 См.: *Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. (Статистический сборник).* М., 1990. С. 215.
- 6 См.: *Томарченко М. Л.* Советские финансы в период Великой Отечественной войны. М., 1967.
- 7 См.: *Синицын А. М.* Всенародная помощь фронту. М., 1975; *Алещенко Н. М.* Всенародная помощь фронту в Великой Отечественной войне. М., 1982.
- 8 См.: *Великая Отечественная война 1941–1945 годов :* в 12 т. Т. 7 : Экономика и оружие победы. М., 2013.
- 9 См.: *Зотова А. В.* Народное хозяйство Ленинграда. 1941–1945 гг. СПб., 2015.
- 10 См.: *Ивлев Н. Н.* Деятельность финансовых органов Челябинской области в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2009. № 37 (175). История. Вып. 36. С. 102–108.
- 11 См.: *Денежное обращение в СССР периода Великой Отечественной войны в документах (1941–1945 годы).* С. 6.
- 12 См.: *Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО).* Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 956. Л. 6.
- 13 Там же. Ф. Р-1738. Оп. 6. Д. 14. Л. 66.
- 14 См.: *Денежное обращение в СССР периода Великой Отечественной войны в документах (1941–1945 годы).* С. 6.
- 15 См.: ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 4. Л. 32; Д. 23. Л. 12.
- 16 См.: *Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).* Архивные документы. Саратов, 2005. С. 22–24, 39–41. В Энгельсе карточки вводились решением органов власти Немреспублики.
- 17 См.: *Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО).* Ф. 30. Оп. 13. Д. 68. Л. 117.
- 18 См.: ГАСО. Ф. Р-3682. Оп. 3. Д. 11. Л. 1.
- 19 Там же. Д. 13. Л. 1.
- 20 См.: *Ванчинов Д. П.* Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов, 1976. С. 198.
- 21 *Известия.* 1941. 14 авг.; *Труд.* 1941. 23 авг.

- ²² См.: Ванчинов Д. П. Указ. соч. С. 199.
- ²³ См.: Саратовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Документы 1941–1945 гг. Саратов, 1969. С. 108.
- ²⁴ См.: Синицын А. М. Всенародная помощь фронту. С. 186.
- ²⁵ Зверев А. Г. Записки министра. С. 209.
- ²⁶ Саратовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Документы 1941–1945 гг. С. 32.
- ²⁷ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 6. Д. 41. Л. 38 об.
- ²⁸ См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1425. Л. 203–204 ; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 470. Л. 62–63.
- ²⁹ См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 880. Л. 198–201.
- ³⁰ Там же. Ф. Р-2283. Оп. 1. Д. 18. Л. 253 об.
- ³¹ См.: Плотников К. Н. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1955. С. 305.
- ³² См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 956. Л. 18.
- ³³ Там же. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 217. Л. 1, 69 ; Оп. 6. Д. 103. Л. 87 ; Ф. 2283. Оп. 1. Д. 163. Л. 10 ; Д. 166. Л. 120 об.
- ³⁴ Там же. Ф. Р-1738. Оп. 6. Д. 80. Л. 46 об.
- ³⁵ Там же. Д. 103. Л. 87.
- ³⁶ Там же. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 4. Л. 12.
- ³⁷ Там же. Ф. Р-3351. Оп. 1. Д. 112. Л. 67.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Д. 98. Л. 79.
- ⁴⁰ Саратовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Документы 1941–1945 гг. С. 134.
- ⁴¹ См.: ГАСО. Ф. Р-3351. Оп. 1. Д. 112. Л. 25 об.
- ⁴² Там же. Ф. Р-2283. Оп. 1. Д. 18. Л. 353 об.
- ⁴³ Там же. Ф. Р-3351. Оп. 1. Д. 1. 112.
- ⁴⁴ Ванчинов Д. П. Указ. соч. С. 171.
- ⁴⁵ Денежное обращение в СССР периода Великой Отечественной войны в документах (1941–1945 годы). С. 40–41.
- ⁴⁶ См.: ГАСО. Ф. Р-3351. Оп. 1. Д. 98. Л. 79–80 ; Д. 112. Л. 66 ; Д. 118. Л. 10 ; Д. 131. Л. 3 ; Д. 148. Л. 4.
- ⁴⁷ Там же. Д. 118. Л. 36.
- ⁴⁸ Там же. Д. 112. Л. 64 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 64.
- ⁵⁰ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2632. Л. 28–30.
- ⁵¹ См.: Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945 / сост. А. Я. Лившен, И. Б. Орлов; отв. ред. О. В. Хлевнюк. М., 2003. С. 235.
- ⁵² См.: Кондрашин В. В. Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2005. Т. 7, № 2. С. 297.
- ⁵³ См.: Денежное обращение в СССР периода Великой Отечественной войны в документах (1941–1945 годы). С. 29, 47.

Образец для цитирования:

Данилов В. Н. Мобилизация денежных средств населения в годы Великой Отечественной войны: практика Саратовской области // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 387–395. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-387-395>

Cite this article as:

Danilov V. N. Mobilization of the Public Financial Resources During the Great Patriotic War: the Practice of the Saratov Region. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 387–365 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-387-395>

УДК 94(47+57)»1942»:355.691.31

Накануне битвы за Сталинград: первая половина навигации 1942 года на Волге

О. А. Гоманенко

Гоманенко Олеся Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных технологий, Волгоградский государственный университет, gomanenko.olesya@mail.ru, gomanenko@volsu.ru

В статье анализируется положение волжского водного транспорта в начале навигации 1942 г., особенности ее организации. Приведены результаты проводимых мероприятий по улучшению деятельности Верхневолжского, Средневолжского, Нижневолжского речного транспорта и пароходства «Волготанкер». Формируется вывод об исключительности перевозок, в том числе нефти, по Волге в это время. Однако продолжить начатую работу в полной мере не удалось, так как летом 1942 г. обстановка резко осложнилась (особенно это касалось Нижней Волги).

Ключевые слова: речной транспорт, Волга, народное хозяйство, Великая Отечественная война, навигация, перевозки.

On the Eve of the Battle of Stalingrad: the First Half of the 1942 Navigation on the Volga

О. А. Gomanenko

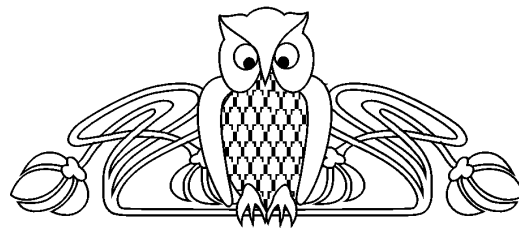
Olesya A. Gomanenko, <https://orcid.org/0000-0001-9178-1145>, Volgograd State University, 100 Universitetskii prospect, Volgograd 400062, Russia, gomanenko.olesya@mail.ru, gomanenko@volsu.ru

The paper analyses the condition of the Volga river transportation in the beginning of the 1942 navigation and the peculiarities of its organization. The author demonstrates the outcomes of the measures on improvement of the Upper-Volga, Middle-Volga and Lower Volga Steamship Lines as well as the "Volgotanker" Steamship Line. The paper concludes on the exceptional character of transportation of cargoes, oil included, on the Volga in the period. The work on improvement of transportation could not be continued in due course as in summer 1942 the situation aggravated considerably (particularly on the Lower Volga).

Keywords: river transport, the Volga, national economy, the Great Patriotic War, navigation, transportation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-396-400>

Навигация 1942 г. на Волге отличалась от предыдущей. Поначалу причины крылись в погодных условиях. Навигация была открыта 21 апреля (в 1941 г. – 3 апреля). Такое позднее открытие объяснялось долгими холодами как в верхнем течении Волги, так и в ее низовьях. Весной 1942 г. первые подвижки льда на участке Астрахань – Сталинград начались 10 апреля. 17 апреля начался ледоход. К 21 апреля Волга от Астрахани до Енотаевска очистилась ото льда. Однако выше по течению все еще наблюдался редкий и местами средний ледоход. Подобным

же образом и закрытие навигации в силу более раннего появления льда и ледостава произошло раньше, чем в предыдущую навигацию. В результате навигация длилась в районе Горького в 1941 г. 193 дня, в 1942 г. – 194 дня¹; в районе Куйбышева и Саратова в 1941 г. – 194 дня, в 1942 г. – 193 дня²; в районе Сталинграда в 1941 г. – 223 дня, в 1942 г. – 194 дня; в районе Астрахани в 1941 г. – 236 дней, в 1942 г. – 221 день³. Главное же отличие двух навигаций заключалось в том, что работа флота в навигацию 1942 г. на Нижней Волге велась уже в прифронтовой полосе, а кое-где и на линии огня. На Верхней и Средней Волге длительность навигации соответствовала предыдущим показателям.

С началом войны роль Волги возрастала. В 1942 г. волжскому водному транспорту придаваться не просто особое, а исключительное значение. Об этом говорилось в Постановлении Государственного комитета обороны (ГКО) от 12 апреля 1942 г. № 1580с «О неотложных мерах по открытию навигации 1942 г. по Волге». В Москве были крайне обеспокоены неудовлетворительным, по мнению ГКО, осуществлением Наркоматом речного флота (НКРФ) мероприятий по открытию навигации. Прежде всего, указывалось на отставание от графиков производства ремонта судов, особенно по Средневолжскому и Камскому речным пароходствам. По тому же поводу в Постановлении затрагивалось и Нижневолжское речное пароходство (НВРП). ГКО потребовал у него закончить ремонт 53 пароходов и 63 барж⁴.

Указывалось и на плохо организованную работу по спасению от весеннего ледохода замерзших в случайных пунктах и на плесе 1300 судов Волжских пароходств. Принимавшиеся же НКРФ меры по спасению судов были явно недостаточными. По Нижневолжскому пароходству ответственность за подготовку флота к навигации и спасение судов в период ледохода весной 1942 г. была возложена на его начальника Ф. Г. Коченина⁵. Тем не менее несколько судов НВРП, зимовавших посередине Волги, все же потерпели крушения от весеннего ледохода: 11 получили повреждения, а 3 судна затонули⁶.

К руководству Сталинградской области, начальникам НВРП и «Волготанкера» с телеграммой обратился сам председатель ГКО И. В. Сталин. Он опять сфокусировал внимание на неудовлетворительном состоянии дел с ремон-

том флота. Дополнительно он указал на необеспеченность пристаней Астрахань и Сталинград грузчиками, а также на то, что со складов речного порта Сталинграда еще с прошлой навигации так и не было вывезено 28 000 т различных грузов. И. В. Сталин потребовал у руководителей Сталинградской области оказать Нижневолжскому пароходству помощь как в окончании судоремонта, так и в вывозе грузов, а также закрепить на весь период навигации за Сталинградским и Астраханским речными портами по 700 грузчиков⁷. Далее он распорядился проконтролировать готовность причалов к приему и разгрузке судов, особо – готовность емкостей к приему нефти в Сталинграде и организацию ее налива в Астрахани. Также И. В. Сталин потребовал у областных властей оказания практической помощи Нижневолжскому речному пароходству и пароходству «Волготанкер» в деле вывоза нефти, соли, хлеба и других грузов в течение всей навигации 1942 г., «учитывая исключительное значение в перевозках Нижней Волги в условиях войны»⁸.

Неслучайным в этой связи было создание 14 февраля 1942 г. Транспортного комитета при ГКО. Его возглавил лично И. В. Сталин. В состав членов Комитета среди прочих лиц входили нарком морского флота П. П. Ширшов и нарком речного флота З. А. Шашков. Комитет создавался с целью централизации управления транспортной системой страны, координации работы всех видов транспорта и контроля над перевозками военных и хозяйственных грузов⁹.

В начале навигации речные пароходства Волги имели на своем балансе следующее количество подвижного состава (без дебаркадеров). Верхневолжское речное пароходство (ВВРП) – 1043 судна, в том числе 314 самоходных и 729 несамоходных¹⁰; Средневолжское речное пароходство (СВРП) – 335 судов, из которых 153 ед. самоходного флота и 182 ед. несамоходного¹¹; НВРП – 653 судна, в том числе самоходных – 205 ед., несамоходных – 448 ед.¹²; пароходство «Волготанкер» – 380 судов, в том числе 141 самоходных и 239 несамоходных¹³. Таким образом, флот пароходств и по тяге, и по тоннажу практически сохранялся на уровне предыдущей навигации.

Особое внимание было сосредоточено на организации вывоза нефтепродуктов для сражающегося фронта и народного хозяйства из Баку, Махачкалы, Красноводска и Ширины (Казахстан) на Астрахань. Далее согласно Постановлению ГКО от 26 апреля 1942 г. № 1661с из Астрахани вверх по Волге и Каме требовалось вывезти 9 000 000 т груза. Из них 1 400 000 т предназначалось к разгрузке или перевалке на железную дорогу в Сталинграде. Остальные объемы должны были проследовать на различные пристани на Волге, Каме и других реках вплоть до Москвы (через канал Москва – Волга) и Молотова (Перми). Учитывая,

как вывоз нефтепродуктов из Астрахани вверх по Волге, так и их вывоз из других пунктов на реках Волжско-Камского бассейна, общий объем перевозки нефтепродуктов на навигацию 1942 г. был определен ГКО в 9 700 000 т¹⁴.

Для обеспечения выполнения этого плана ГКО обязал Наркомат морского флота (НКМФ) произвести дноуглубительные работы в портах Баку, Махачкала, Красноводск и на Волго-Каспийском канале, а также задействовать на линии Махачкала – Астрахань 5 наливных барж пароходства «Рейдтанкер». Помимо этого, морское ведомство во главе с наркомом П. П. Ширшовым обязывалось:

использовать крупнотоннажные танкеры (пароходства «Касптанкер») в летний период исключительно на линии Баку – Астраханский морской рейд;

увеличить на Астраханском морском рейде норму перелива нефтепродуктов из танкеров «Касптанкера» в рейдовые баржи «Рейдтанкера» на 10 %, по сравнению с 1941 г.;

сократить время выкачки нефтепродуктов из рейдовых барж в Астраханском речном порту и т. д.¹⁵

В свою очередь НКРФ во главе с наркомом З. А. Шашковым должен был обеспечить техническую скорость буксирной тяги с грузом вверх по Волге на уровне 120 км в сутки, перевезти в навигацию 1942 г. не менее 70 % нефтепродуктов маршрутными караванами (так называемая «маршрутизация» нефтеперевозок). Это означало, что нефтекараваны следовали по конкретно определенному маршруту безостановочно, при этом снабжение судов топливом, продовольствием, водой и необходимыми материалами производилось на ходу, без остановок и в строго определенных пунктах¹⁶.

Судоремонтно-судостроительные предприятия НКРФ переводились на круглосуточную работу по производству навигационного и профилактического ремонта нефтефлота. Кроме того, им предписывалось к 1 августа 1942 г. закончить постройку и сдать в эксплуатацию 6 металлических нефтеналивных барж (3 баржи общей грузоподъемностью 2400 т – к 1 июля, и 3 баржи общей грузоподъемностью 2400 т – к 1 августа). В свою очередь Сталинградский завод № 264 («Судоверфь») Народного комиссариата танковой промышленности СССР обязан был к 1 июля 1942 г. достроить и сдать НКРФ 2 нефтеналивные речные баржи¹⁷.

На плавсостав нефтекараванов речного флота Волжско-Камского бассейна, следовавших на расстояние не менее 1000 км, решено было распространить действие Постановления СНК СССР от 11 марта 1942 г. № 317 «Об обеспечении продуктами питания в пути следования поездных бригад». С 1 мая 1942 г. каждому члену судовой команды разрешалось (дополнительно к норме по карточкам) ежедневно приобретать за

деньги в период следования по маршруту: 400 г хлеба, 100 г колбасы, 20 г сахара, 20 г табака¹⁸.

В целом для успеха поставок нефтепродуктов Постановлением от 26 апреля 1942 г. № 1661с было принято много других решений, для чего задействовались и другие ведомства – Главнефтьесбыт при СНК СССР, Наркомат путей сообщения СССР, Наркомат нефтяной промышленности СССР, Наркомат судостроительной промышленности СССР и др. Особо пристальное внимание уделялось согласованности операций «Рейдтанкера», «Волготанкера» и Астраханской конторы Главнефтьесбыта на Астраханском узле. Именно там переплетались Каспийская и Волжская нефтяные коммуникации. От Астраханского морского рейда (на Северном Каспии) и Волго-Каспийского канала до Астраханского речного порта в неразрывной связке работали главные нефтеперевозчики Волго-Каспия: пароходства «Касптанкер», «Рейдтанкер» и «Волготанкер».

В вопросе ремонта нефтешколов Постановление ГКО № 1661с устранило ведомственные границы между предприятиями судостроительно-судоремонтного комплекса Астрахани: Судостроительно-судоремонтным заводом им. В. И. Ленина НКРФ СССР, Судоремонтным заводом им. К. Маркса НКМФ СССР и Судоремонтным заводом им. X годовщины Октябрьской Революции НКМФ СССР. Их директорам отныне предлагалось производить работы по ремонту нефтеналивного тоннажа, тяги и перекачных средств нефтеперевалочных баз в первую очередь. То есть отныне этим работам отдавался приоритет перед другими работами, в том числе и спецзаказами, независимо от ведомственной принадлежности заказчика¹⁹.

Дополнительно к мерам по улучшению питания плавсостава нефтькараванов последовали и другие мероприятия стимулирующего характера. Тем же Постановлением ГКО с 1 мая 1942 г. вносились изменения в прежнюю систему оплаты труда плавсостава морского и речного флота, введенную до войны постановлениями СНК СССР от 29 апреля 1939 г. № 572 и от 9 июня 1939 г. № 835. Были отменены те пункты постановлений правительства, где говорилось об удержании 20 % и 10 % из основных окладов членов судовых команд в случае невыполнения судном месячного плана. При этом ГКО поручил своему члену Л. М. Кагановичу и первому секретарю ВЦСПС Н. М. Швернику совместно с председателем Госплана СССР, наркоматами морского и речного флота выработать и представить в ГКО свои предложения по упорядочению заработной платы плавсостава и работников береговой инфраструктуры. Также они должны были представить предложения и по премированию плавсостава, включая руководящих работников речного и морского ведомств. В то же время Постановлением ГКО был сразу же утвержден порядок премирования плавсостава, руководящих

и оперативных работников морского и речного флота, а также нефтьесбыта за выполнение и перевыполнение ими плана нефтеперевозок и сокращение времени стоянки нефтьесбыта в портах и на рейдах²⁰.

Тем временем уже к началу апреля 1942 г. в низовьях Волги на одних только нефтьесбытах скопилось и ожидало вывоза свыше 1 000 000 т горючего. В Астрахани стояли наготове баржи, загруженные 300–400 тыс. т нефтепродуктов²¹. Однако по причине позднего начала навигации в апреле 1942 г. из Астрахани удалось отправить только 193 800 т, что было намного меньше, чем за тот же период прошлого года, когда было отправлено 1 098 300 т²². В мае ГКО потребовал интенсификации нефтеперевозок из Астрахани. В его новом Постановлении от 14 мая 1942 г. № 1752сс был увеличен план вывоза нефтепродуктов из Астрахани вверх по Волге на май и июнь месяцы. Теперь надо было вывезти 1 900 000 т в мае (ранее планировалось 1 650 000 т) и 1 700 000 т в июне (ранее планировалось 1 300 000 т)²³.

С целью координации действий моряков, речников, нефтяников и осуществления оперативно-го руководства ГКО сроком на 2 месяца откомандировал на юг группу своих уполномоченных. В нее вошли: нарком морского флота П. П. Ширшов, нарком речного флота З. А. Шашков (оба члены Транспортного комитета при ГКО) и начальник Главнефтьесбыта СССР Я. С. Широков. ГКО мотивировал свое решение командировать в Баку наркома П. П. Ширшова тем, что в работе НКМФ на Каспии нефтеперевозки составляли до 85 % общего объема перевозок. В свою очередь, нарком речного флота З. А. Шашков был командирован в Астрахань для принятия всех необходимых мер по вывозу в мае – июне 1942 г. вверх по Волге требуемых ГКО объемов топлива. Там же он должен был до 1 мая принять в ведение НКРФ от начальника Главнефтьесбыта Я. С. Широкова все нефтеперекачные и бункерные плавучие станции Волжско-Камского бассейна со всем обслуживающим персоналом²⁴.

Группу уполномоченных возглавил член ЦК ВКП (б) М. Ф. Шкирятов. Ежедневно они докладывали в ГКО об отправке горючего. Нарком П. П. Ширшов часто выезжал в Баку и на Астраханский морской рейд, чтобы ускорить отправку и передвижение нефтепродуктов морем. Нарком З. А. Шашков постоянно бывал на речном рейде в Астрахани, посещал эксплуатационный участок «Волготанкера», ездил на заводы НКРФ с целью ускорения погрузки и отправки речных судов в рейсы, ремонта тяги и тоннажа и т. д.²⁵

Война требовала увеличения объема перевозок и освоения новых грузопотоков в Волжско-Камском бассейне в связи с повышением глубин на Верхней Волге и открытием Угличского и Рыбинского гидроузлов. С навигации 1942 г.

по всей Волге от Рыбинска до Астрахани были введены повышенные гарантийные глубины (260 см²). С открытием навигации 1942 г. проводились мероприятия по улучшению работы волжских пароходств. В Верхневолжском пароходстве, в Горьковском порту, на начало июня отстававшем в выполнении плана перевозок, была введена специализация грузовых причалов с закреплением постоянных бригад. В бригадах работали квалифицированные инструкторы, обучавшие новых молодых рабочих. Данные меры привели к наращиванию темпов перевозок²⁶.

Стремясь изыскать резервы для повышения производительности флота и увеличения объемов перевозок, коллектив «Волготанкера» в мае выступил с инициативой проведения Всесоюзного социалистического соревнования среди речников страны, обратившись к ним с призывом через газеты «Правда» и «Водный транспорт»²⁷. В пароходстве была закреплена и расширена практика «маршрутизации», позволявшая ускорить движение нефтекараванов и увеличить тем самым объемы перевозок²⁸. В НВРП также проводились мероприятия по совершенствованию работы. В Сталинградском и Астраханском портах были разработаны и введены карты технологического процесса обработки судов. Это дало хорошие результаты. В частности, в Сталинграде на переработке зерна было достигнуто повышение производительности труда грузчиков и сокращение простоя судов и вагонов²⁹.

В мае–июне 1942 г. речники «Волготанкера» отправили вверх по Волге почти 2 672 300 т горючего, необходимого фронту и народному хозяйству: в мае – 1 352 600 т, в июне – 1 319 700 т (правда, по ранее утвержденному плану ГКО в мае необходимо было отправить 1 900 000 т, а в июне – 1 700 000 т)³⁰.

Тем временем война все ближе придвигалась к линии Волги. Одним из ощутимых признаков этого явилась подготовка речного флота к эвакуации раненых и больных. Постановлением ГКО от 14 мая 1942 г. № 1751с был утвержден план эвакуации, предусматривавший отправление по реке не менее 4800 чел. в сутки. НКРФ был обязан выделить и оборудовать по согласованию с Народным комиссариатом обороны СССР (НКО) суда для санитарной эвакуации по нескольким санитарно-эвакуационным линиям. Среди них значилась и линия Сталинград – Астрахань. На нее предписывалось поставить 4 судна: «А. Жданов» (на 400 мест), «Чернышевский» (на 350 мест), «Глеб Успенский» (на 330 мест) и «Пролетарий» (на 375 мест)³¹. В рамках этого мероприятия Сталинградский облисполком передавал НКО помещения для организации около пристаней в Сталинграде береговых эвакуационных пунктов. НКРФ со своей стороны выделил в Астрахани для организации эвакуационных пунктов помещения на речном вокзале и дебаркадерах. Наркомат обороны обязывался

обеспечить все санитарно-эвакуационные суда и эвакуационные пункты медико-санитарным оборудованием и табельным имуществом и призвал из запаса военнообязанных для укомплектования медицинских команд судов, которые до конца навигации обеспечивались пайками³².

Однако Сталинградский городской комитет обороны (СГКО) предпринял меры чуть раньше. За 2 недели до Постановления ГКО о подготовке речного флота к эвакуации раненых и больных – а именно 1 мая 1942 г. – СГКО принял свое Постановление «Об организации перевозок раненых по рекам Дон и Волга». В частности, на начальника НВРП Ф. Г. Коченина возлагалась обязанность по передаче в распоряжение областного здравоохранения и медико-эвакуационного пункта № 20 помещения водной базы им. Шверника для использования их исключительно для приема раненых. На этой базе было решено установить дебаркадер для погрузки раненых на пароход, а также благоустроить ее. Со своей стороны НВРП должно было подготовить для транспортировки раненых и больных в пределах Сталинградской области 2 парохода на 500 мест и 2 парохода на 200 мест³³.

Летом 1942 г. обстановка резко осложнилась. В связи с развернувшимися военными действиями ухудшились движение на Волге и работа портов, что привело к резкому сокращению перевозок. В военных условиях необходима была жесткая централизация в управлении речным транспортом. По причине поперечного деления Волги на 3 самостоятельных пароходства затруднялись планирование и диспетчерское руководство транзитным движением, а также возникала несогласованность во взаимодействии пароходств. С середины июня 1942 г. в НКРФ был установлен ежесуточный диспетчерский контроль за перевозками хлеба, соли, угля, леса в Центре и в Поволжье, а также за ходом судообмена между смежными пароходствами. Планирование и оперативный учет выполнения перевозок на Нижней Волге осуществлялись до 22 августа 1942 г. Впоследствии НВРП было снято с планирования. Однако в первый период навигации транспортировка плановых грузов проходила с большими перебоями во всех волжских пароходствах. Значительное число пассажирского и буксирного флота переключилось на воинские перевозки. С началом Сталинградской битвы ситуация еще больше обострилась особенно на Нижней Волге.

Примечания

- 1 См.: Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 1631. Оп. 7. Д. 974. Л. 4.
- 2 См.: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 9469. Оп. 6. Д. 25. Л. 1.
- 3 См.: Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-4139. Оп. 1. Д. 41. Л. 1.

- ⁴ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 29. Л. 29.
- ⁵ См.: Там же. Л. 29–30.
- ⁶ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 846. Л. 259 об.
- ⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 29. Л. 38.
- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 11 : Политика и стратегия Победы : стратегическое руководство страной и Вооруженными силами СССР. М. : Кучково поле, 2015. С. 105.
- ¹⁰ См.: РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 2. Д. 32. Л. 3–3 об.
- ¹¹ См.: Там же. Л. 5–5 об.
- ¹² См.: *Гоманенко О.* Нижневолжское речное пароходство в Великой Отечественной войне. 1940–1945 гг. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. С. 197.
- ¹³ См.: ЦГАСО. Ф. Р-4139. Оп. 1. Д. 41. Л. 6.
- ¹⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 32. Л. 15–17.
- ¹⁵ Там же. Л. 19–20.
- ¹⁶ Там же. Л. 21.
- ¹⁷ Там же. Л. 22.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Л. 24.
- ²⁰ Там же. Л. 25.
- ²¹ См.: Битва за нефть : Речники «Волготанкера» в битве за нефть, за Волгу и обороне Сталинграда (неопубликованная рукопись ветеранов пароходства «Волготанкер»). Куйбышев, 1985. С. 26 // Архив Волгоградского речного порта. Фонд Н. А. Кучкина.
- ²² См.: ЦГАСО. Ф. Р-4139. Оп. 1. Д. 41. Л. 41.
- ²³ См.: РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 35. Л. 25.
- ²⁴ См.: Там же. С. 26–27.
- ²⁵ См.: Битва за нефть... С. 30.
- ²⁶ См.: Речной транспорт за 50 лет Советской власти / под ред. М. С. Назарова и др. М. : Транспорт, 1967. С. 84, 90 ; ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 974. Л. 5 об.
- ²⁷ См.: Битва за нефть... С. 26.
- ²⁸ См.: ЦГАСО. Ф. Р-4139. Оп. 1. Д. 41. Л. 4 об.
- ²⁹ См.: *Гоманенко О.* Указ. соч. С. 60.
- ³⁰ См.: ЦГАСО. Ф. Р-4139. Оп. 1. Д. 41. Л. 41.
- ³¹ См.: РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 35. Л. 16, 21.
- ³² Там же. Л. 16–17.
- ³³ См.: Сталинградский городской комитет обороны в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. Волгоград : Издатель, 2003. С. 329.

Образец для цитирования:

Гоманенко О. А. Накануне битвы за Сталинград: первая половина навигации 1942 года на Волге // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 396–400. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-396-400>

Cite this article as:

Gomanenko O. A. On the Eve of the Battle of Stalingrad: the First Half of the 1942 Navigation on the Volga. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 396–400 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-396-400>

УДК [94+323](470.44/47)|1965/1985|

Доходы и потребление населения Нижней Волги во второй половине 1960–середине 1980-х годов

А. А. Гуменюк

Гуменюк Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, GumenukAA@rambler.ru

В статье анализируется динамика доходов и потребления населения Нижнего Поволжья в предперестроечное двадцатилетие. Опираясь на широкую источниковую базу, автор показал воздействие на уровень жизни волжан в 1965–1985 гг. экономического и внешнеполитического факторов. Дается оценка уровня развития советского общества в середине 1980-х гг.

Ключевые слова: дефицит, доходы, калорийность, потребление, потребности, продукты, расходы, реформа, санкции, товары, экономика.

Incomes and Consumption of the Population of the Lower Volga in the Second Half of the 1960s – the mid-1980s

A. A. Gumenyuk

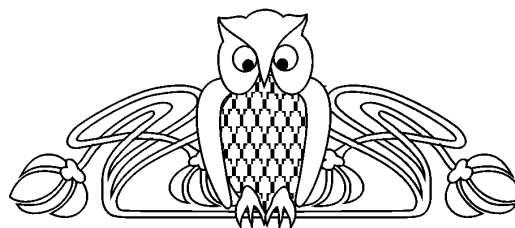
Alexey A. Gumenyuk, <https://orcid.org/0000-0001-7024-2142>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, GumenukAA@rambler.ru

The article analyzes the dynamics of income and consumption of the population of the Lower Volga region during the pre-perestroika twenty years. Based on a wide range of evidence sources, we reveal the impact of the economic and foreign policy factors on the living standards in the region in 1965–1985. In conclusion, an assessment for the development level of the Soviet society in the mid-1980s is given.

Keywords: deficit, income, calorific value, consumption, needs, products, expenses, reform, sanctions, goods, economy.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-401-407>

Отражая благосостояние населения, уровень жизни характеризуется следующими основными количественными и качественными показателями: объемом реальных доходов на душу населения, уровнем и структурой потребления продовольственных и непродовольственных товаров и услуг, уровнем и динамикой цен на основные продукты питания, объемом выплат и льгот из общественных фондов потребления и т. д. Под доходом понимается сумма всех видов поступлений в денежной форме, а также поступления в форме социальной помощи, пособий, дотаций и льгот, получаемых в качестве оплаты за труд, в результате различных видов экономической деятельности или использования собственности. Доходы населения служат основным источником потребления. Их уровень и дифференциация, с

одной стороны, выступают предпосылкой различий в уровне и структуре потребления, а с другой – являются определяющим фактором регулирования потребления.

Комплексное и грамотное регулирование основных показателей уровня жизни – одно из главных условий претворения в жизнь важнейшей цели социальной стратегии Советского государства – осуществления перехода от принципа распределения по труду к принципу распределения по потребностям. На XXIII съезде (весна 1966 г.) и особенно на XXIV съезде КПСС (март 1971 г.) этот лозунг был определен главной задачей хозяйственного развития страны¹. Экономической основой реализации указанного лозунга стала хозяйственная реформа, начатая в СССР осенью 1965 г. Создаваемые в ходе претворения ее в жизнь фонды накоплений и стали стречневным финансовым источником повышения благосостояния советских людей. Средства из этих фондов направлялись на строительство жилых домов и культурно-бытовых учреждений, а также улучшение культурно-бытового обслуживания и выплату премий рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим.

Анализ опубликованных и архивных материалов о динамике среднемесячной заработной платы по основным отраслям производства в РСФСР и на Нижней Волге в 1965–1975 гг. позволяет сделать вывод, согласно которому наиболее интенсивно среднемесячная заработная плата рабочих и служащих большей части территории Нижней Волги (без Калмыцкой АССР) увеличивалась на протяжении 1965–1970 гг. За это время по основным отраслям народного хозяйства средний заработок у населения региона возрос в 1,3 раза, у рабочих сельскохозяйственных предприятий – в 1,4 раза. В целом это соответствовало общереспубликанскому уровню. Хотя в первой половине 1970-х гг. рост заработной платы как у населения РСФСР, так и Нижней Волги, несколько сократился, у жителей отдельных субъектов рассматриваемого региона, в частности Калмыцкой АССР, он был выше, чем в среднем по Советскому Союзу². В целом по СССР в 1975 г., по сравнению с 1965 г., численность населения с доходом 100 и более рублей в месяц на члена семьи выросла в 8,5 раз. Произошедшие таким образом изменения в уровне материального обеспечения населения были охарактеризованы Л. И. Брежневым как «коренный

сдвиг в уровне и образе жизни десятков миллионов людей»³. В 1985 г. доход свыше 100 руб. в месяц на члена семьи имели уже более 60 % граждан СССР⁴.

Динамика вкладов населения Нижней Волги в сберегательных кассах, представленная в статистических сборниках и материалах периодической печати, свидетельствует о том, что в постхрущевский период доходы волжан увеличивались в 1,5–4 раза. Отмеченный прирост доходов у населения рассматриваемого региона обеспечивался и за счет достаточно низкого уровня цен на коммунальные услуги, что, в свою очередь, усиливало у советских людей ощущение социальной защищенности со стороны государства. В то же время, если обратиться к анализу данных о среднем размере вклада в сберегательные кассы сельского и городского населения Нижнего Поволжья в 1965–1985 гг., отложившихся в материалах официальной статистики, то можно заметить значительную разницу в уровне денежных сбережений жителей сел и городов. Например, в Волгоградской области он составлял 1,3 раза, а в Саратовской от 1,1 до 1,2 раза. Будущее же коммунистическое общество должно было представлять собой согласно основным положениям марксистской теории такой социум, члены которого будут иметь равные возможности в удовлетворении различных потребностей. Избрав эту установку в качестве основополагающей цели социальной стратегии, руководство Советского государства на протяжении всего изучаемого периода большое внимание уделяло проблеме выравнивания уровня жизни семей с различной заработной платой.

Основным условием выполнения этой установки являлся рост национального дохода, в ходе распределения которого возникали общественные фонды потребления. Тем самым государство гарантировало в первую очередь малообеспеченным категориям населения бесплатность медицинской помощи, коммунальных услуг, образования, содержания детей в детских дошкольных учреждениях, пенсионного обеспечения, имело возможность увеличить бюджет отдельных семей за счет премий и различных социальных выплат. В среднем по региону за 1966–1980 гг. прирост выплат и льгот из общественных фондов потребления колебался от 1,1 до 1,5 раза. В целом по РСФСР только за период с 1970 г. по 1985 г. выплаты и льготы, полученные из общественных фондов потребления, выросли в расчете на душу населения в 4 раза⁵.

Несмотря на несущественные колебания, уровень денежных доходов, судя по данным о розничном товарообороте государственной и кооперативной торговли (в расчете на душу населения), позволили населению Нижней Волги увеличить к середине 1970-х гг. расходы на приобретение в государственной и кооперативной торговле товаров народного потребления и про-

дуктов питания в среднем в 1,6–2,5 раза. Одновременно сократилось число обращений избирателей в местные органы власти с просьбами об организации более широкой торговли дефицитными товарами. Так, в Саратовский облсовет в 1961 г. было подано 1,05% таких наказов, а в 1969 г. – только 0,57%. В Волгоградский областной Совет депутатов трудящихся в 1965 г. поступило 0,52% таких обращений⁶.

В изучаемый период в регионе сформировалась новая модель потребления, характеризующаяся преобладанием в структуре потребления волжан предметов культурно-бытового назначения долговременного пользования, а также таких, более калорийных продуктов, как мясо и овощи⁷. Нормой быта стали холодильник, телевизор, пылесос, стиральная машина. Например, уровень обеспечения семей рабочих Саратовской области телевизорами (из расчета на 100 семей) к началу 1970 г. превысил показатели 1 августа 1965 г. в 1,6 раза, а семей колхозников – в 4,2 раза⁸. В 1985 г. уже 90 из 100 советских семей имели телевизор⁹.

В то же время опасения повторения чехословацких событий 1968 г. не позволили так называемой «косыгинской» экономической реформе охватить весь хозяйственный организм страны, ограничив ареал ее действия лишь первичным звеном непосредственных производителей. В начале 1970-х гг., обеспечив Л. И. Брежневу упрочение на посту Генерального секретаря ЦК КПСС, эта реформа стала постепенно сворачиваться. Основной способ решения насущных социально-экономических проблем в 1970-е гг. руководство СССР видело в продаже на западных рынках советских энергоносителей (главным образом нефти) по высоким ценам. Однако вырученные таким образом огромные средства направлялись преимущественно в отрасли, не связанные с социальной сферой, а главным образом на развитие ВПК, тяжелой промышленности, территорий, где располагались богатые месторождения нефти и газа (Сибирь). Финансирование же народного хозяйства Нижней Волги осуществлялось в меньших объемах, что напрямую сказывалось на уровне жизни его населения. Например, объем капиталовложений, направленных в народное хозяйство Калмыцкой АССР, за 1966–1980 гг. был в 4 раза меньше средств, вложенных в строительство БАМа.

Предложения членов Политбюро по корректировке экономического курса с целью расширения возможностей государства по выполнению взятых на себя социальных обязательств не находили поддержки у главы государства. Поэтому отрасли, производящие предметы потребления, по меткому выражению А. А. Громыко, находились «в загоне». Стоимость неосвоенного закупленного за рубежом оборудования для предприятий группы «Б», по данным того же автора, насчитывала 16–17 млрд руб.¹⁰ Скла-

дававшаяся ситуация стала результатом нежелания руководства страны распространять имевшиеся технологические достижения в оборонных отраслях на предприятия легкой и пищевой промышленности. Имел место и обратный процесс. Например, отвергнутые в середине 1960-х гг. Госпланом СССР предложения академика В. М. Глушкова о тотальной автоматизации экономических процессов в СССР нашли применение на предприятиях военно-промышленного комплекса.

Экономика постепенно утрачивала динамизм и черты интенсификации, свойственные ей до начала 1970-х гг., приобретая ярко выраженный экстенсивный характер. Попытка повысить эффективность экономики, предпринятая в рамках реализации Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качество работы»¹¹, обернулась вытеснением дешевых товаров более дорогой продукцией, которую стало выгодно производить в условиях ориентации производителей на получение нормативно чистой продукции. В результате в разряд дефицитных попало еще больше самых необходимых населению товаров¹².

Принятие ЦК КПСС и Советом Министров СССР вышеупомянутого Постановления хронологически совпало с началом нового витка гонки вооружений и принятием США и странами Западной Европы пакета экономических санкций против СССР в ответ на ввод советских войск в Афганистан. Санкции главным образом были нацелены на подрыв экономической мощи Советского Союза путем, с одной стороны, создания препятствий для советского сырьевого (прежде всего, нефтегазового) экспорта, а с другой – прекращения поставок в СССР новых технологий и современного промышленного оборудования. В результате дефицит экономических возможностей для удовлетворения постоянно возrastавших потребностей населения стал настолько очевидным, что советское руководство было вынуждено принимать на майском 1982 г. Пленуме ЦК КПСС так называемую «Продовольственную программу», представлявшую собой фактически серию чрезвычайных мер по борьбе с дефицитом основных продуктов питания в стране¹³.

Постепенное нарастание экономических трудностей и неспособность советского руководства их разрешить в последнее предперестроечное десятилетие стало основной причиной снижения уровня жизни советских людей в этот период (табл. 1)¹⁴.

Таблица 1

Соотношение роста цен и роста доходов населения Волгоградской области в 1965–1980 гг.

Период	Показатели увеличения цен	Показатели увеличения доходов населения
1965–1970	в 1,3 раза	в 1,4 раза
1971–1975	в 1,3 раза	в 1,4 раза
1975–1980	на колбасные и мясные изделия в 2 раза	в 1,1 раза

Данные табл. 1 на примере Волгоградской области иллюстрируют сокращение финансовых возможностей населения в приобретении наиболее калорийных продуктов питания. Действительно, если в 1965–1975 гг. прирост доходов населения все же превышал уровень роста цен, то во второй половине 1970-х гг. соотношение прироста цен и доходов изменилось не в пользу жителей области, вызвав недоумение и даже социальное недовольство. Закономерным последствием появления значительных трудностей в приобретении продуктов питания стало снижение уровня их потребления на душу населения. Так, в Астраханской области уже в 1975 г. меньше, чем в среднем по РСФСР, потреблялось картофеля (в два с лишним раза), яиц – на 40 %, мяса и мясопродуктов – на 30 %. От душевого потребления по СССР этот субъект РСФСР в середине 1970-х гг. отставал по потреблению мяса – в 1,4 раза, яиц – в 1,5 раза¹⁵. Даже высшее партийное руководство страны в октябре 1984 г. констатировало факт сохранения остроты «...в снабжении населения многих городов продуктами питания, и прежде всего, мясом ...»¹⁶.

Не способствовала повышению уровня обеспечения горожан продуктами питания и начавшаяся в феврале 1985 г. кампания по упорядочению дачного строительства.

Предприятия группы «Б», хотя и выполняли плановые задания, это не приводило к исчезновению дефицита: ассортимент производимой продукции по своим качественным характеристикам был мало или практически не востребованным населением. Городские жители региона, в частности Саратова, выражали недовольство и разницей в продовольственном обеспечении с населением г. Москвы, в особенности в отношении мяса и овощей¹⁷. Документальные материалы по Нижнему Поволжью, датированные 1983–1984 гг., содержат ряд свидетельств неудовлетворительного обеспечения также сельского населения и жителей рабочих поселков керосином, молочной, овощной продукцией¹⁸.

Потребность в дефицитных товарах и продуктах жители региона вынуждены были удовлетворять посредством мелкого воровства «социалистической собственности» с различных предприятий, откручивая и выкручивая, в част-

ности, барашки с кранов и лампочки из бытовок. Например, если во второй половине 1960-х – середине 1970-х гг. количество случаев мелких хищений в Саратовской области возросло всего в 1,2–1,3 раза, то только за 1979–1980 гг. – уже 2,7 раза¹⁹. На степень обеспеченности населения дефицитными товарами и продуктами влиял и субъективный фактор, выражавшийся в способности руководителей промышленных предприятий обеспечить ими трудовые коллективы. В частности, директор саратовского завода «Серп и молот» в своих воспоминаниях упоминает о том, что директора магазинов под воздействием его уговоров соглашались продавать «дефицит» в обмен на услуги завода по ремонту помещений и предоставление автотранспорта²⁰.

Взросший уровень дефицита потребительских товаров придал новый импульс развитию подпольного производства, существовавшего на протяжении всего советского периода отечественной истории. Например, руководителями ряда предприятий сферы быта Саратовской области и рядовыми сотрудниками этих организаций, а фактически полуподпольными предпринимателями или «цеховиками» в начале 1980-х гг. под видом освоения новых видов бытовых услуг создавались подпольные цеха по выпуску товаров широкого потребления. Эта продукция сбывалась через систему колхозной торговли в Марксовском, Самойловском, Саратовском районах, городах Балаково, Калининск, Саратов²¹.

Компенсируя недостаток важных для населения товаров и услуг, подпольный или теневой сектор экономики выступал в качестве социального амортизатора, заполняя ниши, в которых не могла эффективно работать государственная экономика. К середине 1980-х гг. доля этого сектора составляла не менее 20–25% от всей экономики СССР²², а доходы «теневиков» в 8–10 раз превышали официальный среднестатистический уровень²³. Уже с начала 1970-х гг. стала распространяться практика назначения на руководящие посты в органы власти «...не специалистов, а людей, умеющих взять да близким дать...»²⁴. Следовательно, некоторые виды теневой экономической деятельности в неофициальном порядке поддерживались государством, поскольку не только не противоречили, а способствовали претворению в жизнь стратегической цели социального развития СССР – удовлетворению разносторонних потребностей населения.

Своеобразными «оазисами благополучия» в условиях повсеместного дефицита выступали закрытые административно-территориальные образования (ЗАО), создание которых осуществлялось в рамках реализации начатой сразу после завершения Великой Отечественной войны атомной программы СССР. Проживавшее там население обеспечивалось продуктами и товарами посредством централизованных поставок, осуществляемых Министерством обороны. В

ходе интервьюирования бывший офицер, прослуживший на полигоне Капустин Яр-1 (северо-западная часть Астраханской области) 11 лет (1971–1982 гг.), отметил факт постоянного наличия в торговой сети различных видов мясной (говядина, свинина, мясо птицы), колбасной (два сорта вареной и полукопченая) продукции, консервов, тушенки, польских овощей (яблоки и груши), венгерских и болгарских сухих и полусухих вин. Все это жители данного ЗАО имели возможность приобрести в любое время без каких-либо очередей и ограничений. Однако особый режим торгового обслуживания просуществовал в этом ЗАО только до 1973 г., после чего его население потеряло прежде существовавшие преимущества в торговом и продуктовом обеспечении.

Другим «каналом» получения качественных дефицитных предметов потребления выступали колхозные рынки, где практически всегда наблюдалось их изобилие. Именно так, например, во второй половине 1970-х гг. отоваривалось население Саратова париками, краской для волос, астраханской рыбой, огурцами. В начале этого десятилетия многие так называемые «спекулянты» из г. Волгограда ездили «за товаром» в Саратов²⁵. Однако уровень доходов большинства простых советских людей и, в частности, волжан не всегда позволял приобретать государственные товары в несколько раз дороже государственных. Например, письма, адресованные во второй половине 1970-х гг. городским населением Саратовской и Волгоградской областей в редакции центральных газет, содержали факты недовольства высокими ценами на колхозных рынках на продукты и товары на фоне их отсутствия в государственной торговой сети²⁶. Простые обыватели могли воспользоваться услугами рыночной торговли лишь в случае получения так называемых «нетрудовых» доходов, что было несчастным явлением в силу постоянно усиливавшейся борьбы государства с частнопредпринимательской деятельностью советских людей. Именно этим во многом можно объяснить обращения населения региона к властям с предложениями о введении талонов и карточек на наиболее дефицитные продукты и организации снабжения ими по месту работы²⁷. Колхозные же рынки с «царившим» там относительным изобилием выступали своеобразным «оазисом коммунизма», доступным лишь наиболее состоятельной части советского общества (в конце 1980-х гг. в СССР к категории богатых семей, по оценкам социологов, относилось 2,3% семей²⁸).

На ряде предприятий региона практиковалось дифференцированное распределение дефицитной продукции, в частности, на фабрике им. К. Цеткин в г. Красноармейске Саратовской области²⁹. Возникавшее вследствие этого неравенство в доступности к остро дефицитным товарам различных категорий работников вынуждало

обделенных в этом плане трудящихся обращаться к услугам так называемых «спекулянтов». Однако контакты с этими «дельцами черного рынка» часто оборачивались плачевно для доверчивых советских тружеников. Документальные материалы Нижнего Поволжья содержат ряд свидетельств обмана так называемыми «предпринимателями» своих клиентов: им либо предоставлялись бракованные изделия, либо фарцовщики «исчезали» после получения необходимых сумм до предоставления обещанного ранее товара³⁰. Поэтому далеко не каждый житель Нижней Волги обращался к услугам «черного рынка», рассчитывая на свои личные денежные накопления, хранившиеся в государственных сберегательных кассах. Например, средний размер денежного вклада населения Астраханской области только за 1980–1985 гг. возрос в 1,2 раза и составил к концу 1985 г. 1233 руб.³¹

Людам казалось, что эти средства помогут им решить проблемы своих семей в будущем. В то же время еще более усугубившийся в начале 1980-х гг. разрыв между темпами прироста денежных доходов населения и темпами роста розничного товарооборота превращал эти надежды людей практически в несбыточную мечту. Например, в 1983 г. из каждых 100 руб., выданных государственным банком жителям Октябрьского района Саратова, ими обратно возвращалось 86 руб. 30 коп.³². В то же время население находило в явлении дефицита и позитивные моменты. Не имея возможности удовлетворить свои потребительские ожидания и приобрести необходимое, советские люди получали удовлетворение от обсуждения путей добывания товаров и продуктов. Это явилось неким компенсатором скудности материально-товарной базы. Если человеку все-таки удавалось что-либо достать, то он испытывал естественную и искреннюю радость. Даже безуспешная охота за товаром была экзистенциально полноценна³³.

Наличие «свободных денег» свидетельствовало о росте «товарного дефицита, постепенно превращавшегося в острейшую социально-психологическую проблему. Наглядной иллюстрацией этой тенденции служат жалобы населения региона на перебой в торговле теми или иными продуктами и товарами. Например, один из жителей станции Филевская Волгоградской области, направив в феврале 1983 г. в ЦК КПСС письмо с жалобой на дефицит соли в торговой сети области, отмечал: «Дошло до того, что воспитанники детского дома ходят по домам, выпрашивая щепотку соли ... эти недостатки сказываются на результатах нашего труда, на настроении»³⁴. В целом, по сравнению с периодом VIII пятилетки, отмеченной значительными успехами в реализации социальной политики в СССР, количество жалоб населения одной только Саратовской области относительно дефицита тех или иных продуктов и товаров к 1985 г. возросло в 2,9 раза.

В то же время недовольство уровнем потребления высказывали не все категории советских людей. Главным образом, такие настроения исходили от тех, кто родились в 1950 г. и более поздние годы. Доля поколений, знавших о повседневных трудностях довоенных, военных и первых послевоенных лет только из рассказов родственников, книг и средств массовой информации, с 1959 г. по 1979 г. в целом по РСФСР выросла в 2 раза. В конце 1970–начале 1980-х гг. в возрастной структуре российского общества удельный вес молодежных групп в возрасте до 30 лет, т. е. родившихся в 1950–начале 1970-х гг., составлял 48,9 %, что было весьма значительным³⁵. В результате представления в советском обществе о критериях материального достатка, комфорте, уюте существенно изменились. Если людей, переживших социальные потрясения 1930–1940-х гг., существовавший в стране в конце 1970–начале 1980-х гг. уровень обеспечения населения предметами потребления во многом устраивал³⁶, то стремления последнего советского поколения (в большинстве своем комсомольцев) к красивой и модной жизни западноевропейского образца советская экономика удовлетворить уже была не способна.

Хотя по уровню экономического развития СССР к 1985 г. был среднеразвитой страной и по количеству производимой продукции на душу населения во многом не уступал даже США (в 1981–1985 гг. СССР производил на 80 кг больше молока, чем Америка; показатели производства яиц на душу населения в СССР и США за эти годы почти сравнялись)³⁷, но по качественным характеристикам и привлекательности советские товары и продукты значительно отставали от западноевропейских аналогов. Такое несоответствие количественных и качественных критериев также выступало одной из причин психологической напряженности в советском обществе, которое по различным каналам (через телевидение, за счет автомобилизации населения, в ходе заграничных туристических поездок и посещения санаториев и домов отдыха в странах Восточной Европы) получало больше информации не только о своей стране, но и о реальной жизни за рубежом.

Формирование новых стандартов потребления явилось также следствием масштабного процесса урбанизации. В результате социальная структура советского общества все больше приобретала городской характер, о чем свидетельствуют и данные по Нижней Волге (табл. 2)³⁸.

Из анализа данных табл. 2 следует, что в среднем по Нижнему Поволжью за 20 лет численность сельского населения (за исключением Калмыкии) уменьшилась в 1,2 раза. Количество же жителей городов возросло в 1,5 раза, что было несколько выше общероссийских показателей (в 1,4 раза). Наиболее высокий прирост горожан

Таблица 2

Численность городского и сельского населения Нижнего Поволжья в 1965–1985 гг., тыс. чел.

Регион	На 1 января 1966 г.		На 1 января 1986 г.	
	городское население	сельское население	городское население	сельское население
Астраханская область	462	339	682	301
Волгоградская область	1336	827	1885	662
Саратовская область	1425	961	1970	658
Калмыцкая АССР	78	163	136	189
Поволжский экономический район	9315	8354	14012	5885
РСФСР	75069	51492	105268	38812

отмечался в Калмыцкой АССР (в 1,7 раза), что превышало общие показатели по Поволжскому экономическому району (в 1,5 раза). Если в 1959 г. в советских городах было сосредоточено 56,3 % всего населения трудоспособного возраста, то в 1979 г. – уже 72,5 %³⁹.

Именно города стали теми населенными пунктами, где на рубеже 1960–1970-х гг. зародилась так называемая «потребительская революция». Одной из характерных особенностей этого процесса было и явление «вещизма», получившее широкое распространение среди молодых людей в возрасте от 16 до 21 года на рубеже 1970–1980-х гг. и выразившееся в тяге «...к модным заграничным тряпкам, к пластинкам, этикеткам, дорогостоящим украшениям»⁴⁰. Тем самым советские люди демонстрировали стремление к индивидуализации потребления, руководствуясь не столько элементарными потребностями, сколько своими представлениями об образе жизни, об удобстве и красоте.

Однако надежды населения на перемены к лучшему в своей жизни в большинстве случаев не оправдывались. Постоянные очереди за дефицитными товарами все больше и больше раздражали население, «...что не способствовало популярности ЦК и правительства»⁴¹. Усилению социально-психологического кризиса в стране, несмотря на официальный тезис об усилении социальной однородности, благоприятствовал и рост социальной дифференциации в качестве и уровне жизни различных слоев населения, ранее компенсируемый выплатами средств малоимущим категориям граждан из фондов общественного потребления. Например, только в Саратовской области выплаты из указанных фондов снизились с 25,2 % в 1976–1980 гг. до 18 % в 1981–1983 гг.⁴² Постепенное их сокращение как следствие утраты в течение 1976–1985 гг. экономикой страны динамизма делало более заметным для подавляющей массы трудящихся привилегии, которыми пользовалась партийная и советская элита страны. В целом по Союзу к концу рассматриваемого периода доходы верхнего слоя, составлявшего около 2 % населения, в 20–25 раз превосходили заработки низших слоев⁴³. Все это раздражало людей, закладывая основы для недовольства социализмом в целом.

Таким образом, проведенный анализ динамики доходов и расходов населения Нижнего Поволжья, являющейся важнейшим критерием изменений уровня жизни, доказывает, что к середине 1980-х гг. так и не удалось создать экономическую базу для возникновения общества всеобщего достатка. Ю. В. Андропов был вынужден признать, что страна к этому времени находилась фактически в начале пути строительства такого общества и для достижения конечной цели ей предстояло преодолеть еще не один этап⁴⁴. Выступая на июньском 1983 г. Пленуме ЦК КПСС К. У. Черненко конкретизировал, что советское общество «... вступило в исторический длительный этап развитого социализма ...»⁴⁵. Поэтому вместо так называемого «развитого социализма» СССР к началу «перестройки» оказалась на стадии раннего или простого социализма. Употребленный в одной из частных бесед Андроповым⁴⁶, этот термин очень емко характеризует общество, уровень развития производительных сил которого был не способен обеспечить условия для постоянного роста благосостояния советских людей.

Примечания

- 1 См.: XXIII съезд КПСС (29 марта – 8 апреля 1966 г.) : стенографический отчет : в 2 т. Т. I. М., 1966. С. 343 ; Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 41–42.
- 2 См.: Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 623. Л. 316.
- 3 См.: XXV съезд КПСС (24 февраля – 5 марта 1976 г.) : стенографический отчет : в 3 т. Т. I. М., 1976. С. 60.
- 4 См.: *Вдовин А. И.* СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М., 2018. С. 570.
- 5 Подсчитано по данным : Народное хозяйство Калмыцкой АССР за годы XI пятилетки (1981–1985) : стат. сборник. Элиста, 1986. С. 163.
- 6 Подсчитано по данным : Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1068. Оп. 8. Д. 139 ; Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-2115. Оп. 6. Д. 2026.
- 7 См., например: Народное хозяйство Астраханской области в девятой пятилетке : стат. сборник. Волгоград, 1976. С. 138.

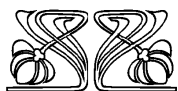
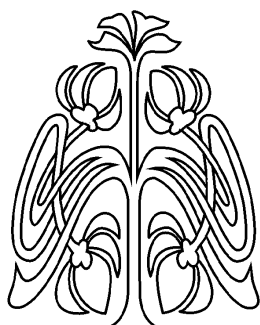
- ⁸ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 6164. Оп. 8. Д. 344. Л. 187.
- ⁹ См.: *Вдовин А. И.* Указ. соч. С. 573.
- ¹⁰ См.: *Громыко А. А.* Памятное. Испытанное временем : в 2 т. Т. 2. М., 2016. С. 538–539.
- ¹¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. : в 15 т. Т. 13. 1976–1980. С. 353–396.
- ¹² См.: *Шубин А. В.* Золотая осень или Период застоя. М., 2008. С. 128.
- ¹³ См.: Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и о мерах по ее реализации : материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 г. М., 1984. С. 5, 8–10.
- ¹⁴ См.: Народное хозяйство Волгоградской области в 1966–1971 гг. : стат. сборник. Саратов, 1973. С. 281 ; Народное хозяйство Волгоградской области в 1971–1975 гг. : стат. сборник. Волгоград, 1976. С. 160 ; Волгоградская правда. 1971. 13 февр. Л. 3 ; Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 98. Д. 1. Л. 30 ; Оп. 110. Д. 3. Л. 34 ; Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 75. Д. 260. Л. 17.
- ¹⁵ См.: Основные направления развития производительных сил Астраханской области на период до 1990 года : научный доклад. М., 1978. С. 172.
- ¹⁶ Материалы Пленума Центрального комитета КПСС, 23 октября 1984 г. М., 1984. С. 7.
- ¹⁷ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1155. Л. 40.
- ¹⁸ См.: Государственный архив современной документации Астраханской области (далее – ГАСДАО). Ф. 325. Оп. 125. Д. 75. Л. 42 ; Молодой ленинец. 1983. 22 нояб. Л. 1.
- ¹⁹ Подсчитано по данным : ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 25. Д. 158. Л. 187 ; Ф. 6164. Оп. 1. Д. 19. Л. 20 ; Коммунист. 1975. 30 янв. Л. 3.
- ²⁰ См.: *Горчаков А. Н.* Заводы и время (1958–1995). Воспоминания бывшего директора саратовского завода «Серп и Молот». Саратов, 2005. С. 198.
- ²¹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 25. Д. 213. Л. 29–30.
- ²² См.: *Медведев Р.* Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. М., 2010. С. 53.
- ²³ См.: *Ванюков Д. А.* Эпоха застоя. М., 2008. С. 43.
- ²⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 275. Л. 106.
- ²⁵ См.: Коммунист. 1977. 21 апр. Л. 3 ; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 290. Л. 56.
- ²⁶ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1155. Л. 36, 40 ; Оп. 75. Д. 258. Л. 34.
- ²⁷ См.: РГАНИ. Оп. 75. Д. 247. Л. 12 ; Д. 258. Л. 20 ; ГАНИСО. Ф. 341. Оп. 27. Д. 14. Л. 12 ; Ф. 6189. Оп. 1. Д. 464. Л. 98.
- ²⁸ См.: *Синявский А. С.* Урбанизация России в XX веке : Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 238.
- ²⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 6190. Оп. 3. Д. 630. Л. 142.
- ³⁰ См., например: Коммунист. 1974. 6 мая. Л. 4.
- ³¹ См.: Основные показатели развития народного хозяйства Астраханской области за 1986 год : Кратк. стат. сб. Астрахань, 1987. С. 29.
- ³² См.: ГАНИСО. Ф. 81. Оп. 66. Д. 34. Л. 17.
- ³³ См.: *Кустарев А.* Золотые 1970-е – ностальгия и реабилитация // Неприкосновенный запас. 2007. № 2. С. 11.
- ³⁴ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 46. Д. 84. Л. 2–3.
- ³⁵ Подсчитано по данным : Население России в XX веке : исторические очерки : в 3 т. Т. 3, кн. 1. М., 2005. С. 266, 268 ; Т. 3, кн. 2. М., 2011. С. 25, 27.
- ³⁶ См., например: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 32. Д. 140. Л. 85 об. ; Заря молодежи. 1982. 20 июля. Л. 2.
- ³⁷ См.: *Шубин А. В.* Указ. соч. С. 117–118.
- ³⁸ См.: Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. Статистический ежегодник. М., 1966. С. 12–13 ; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., 1986. С. 6–8.
- ³⁹ См.: *Синявский А. С.* Указ. соч. С. 150.
- ⁴⁰ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 110. Д. 3. Л. 126, 127.
- ⁴¹ *Горчаков А. Н.* Указ. соч. С. 269.
- ⁴² См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 33. Д. 1. Л. 140 ; Коммунист. 1981. 17 янв.
- ⁴³ См.: *Вдовин А. И.* Указ. соч. С. 568.
- ⁴⁴ См.: *Андропов Ю. В.* Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. Избранные речи и статьи. М., 1984. С. 432.
- ⁴⁵ Пленум Центрального Комитета КПСС. 14–15 июня 1983 года. Стенографический отчет. М., 1983. С. 9.
- ⁴⁶ См.: *Корниенко Г. М.* Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 2001. С. 323.

Образец для цитирования:

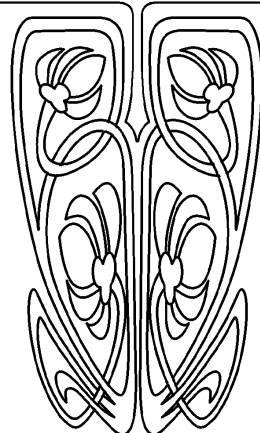
Гуменюк А. А. Доходы и потребление населения Нижней Волги во второй половине 1960–середине 1980-х годов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 401–407. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-401-407>

Cite this article as:

Gumenyuk A. A. Incomes and Consumption of the Population of the Lower Volga in the Second Half of the 1960s – the mid-1980s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 401–407 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-401-407>

ПОДПИСКА

Подписка на I полугодие 2020 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018,
раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Институт истории и международных отношений

Тел.: +7(845-2) 21-06-32

Факс: +7(845-2) 21-06-51

E-mail: larisachernova@mail.ru

Website: <https://www.sgu.ru/structure/imimo>